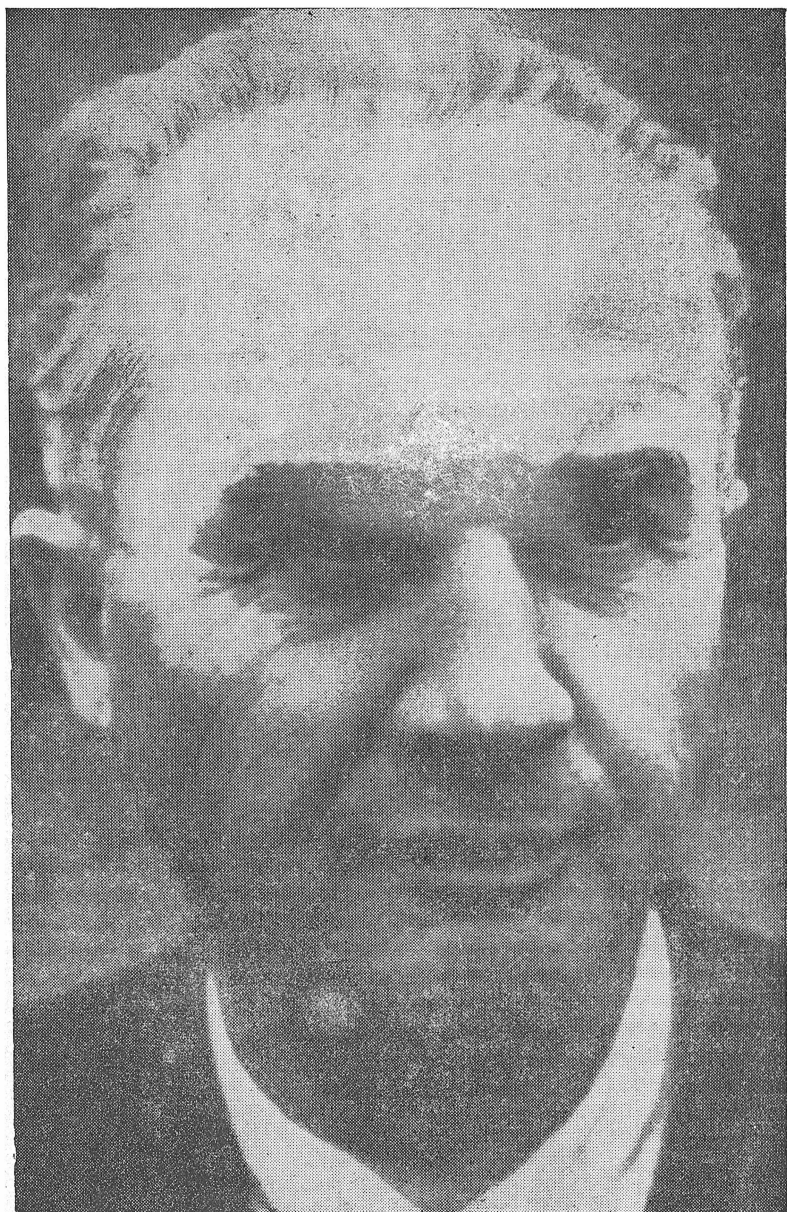


В. П. ТУГАРИНОВ

**ИЗБРАННЫЕ
ФИЛОСОФСКИЕ
ТРУДЫ**





ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

В. П. ТУГАРИНОВ

ИЗБРАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ТРУДЫ



ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1988

Составитель Н. В. Захарова

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук А. О. Бороноев (отв. ред.),
канд. филос. наук Г. П. Выжлецов, д-р филос. наук Ф. Ф. Вяккерев,
д-р филос. наук Г. Г. Караваев, д-р филос. наук Ю. В. Перов (отв. ред).
Н. В. Захарова (отв. секретарь)

Рецензенты:

д-р филос. наук Б. А. Ерунов (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена),
д-р филос. наук С. И. Гончарук (кафедра философии АН СССР)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Тугаринов В. П.

Т81 Избранные философские труды. — Л.: Издательство
Ленинградского университета. 1988.—344 с.

ISBN 5-288-00012-3

В сборник вошли основные труды известного советского философа В. П. Тугаринова — монографии «Соотношение категорий диалектического материализма» (1956 г.) и «Соотношение категорий исторического материализма» (1958 г.), а также главы из книг и статьи по теории законов, личности, сознания, ценностей, социального предвидения, в разработке которых заслуги автора исключительно велики. Все работы, вошедшие в сборник, сохранили свое значение и в настоящее время.

Книга предназначена для преподавателей, студентов, аспирантов, для читателей, интересующихся марксистско-ленинской теорией.

0302020000—137
Т 076(02)—88 12—88

ББК 87.3

ISBN 5-288-00012-3

© Издательство
Ленинградского
университета,
1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

В советской философской науке творчество Василия Петровича Тугаринова (1898—1978 гг.) занимает особое место. Его роль в развитии философской науки и подготовке кадров значительна. Пожалуй, начиная с послевоенного периода до 80-х годов в нашей философской науке не было столь разностороннего ученого, который не только сформулировал многие перспективные и фундаментальные направления исследования, но и дал их основательную разработку. За годы своей творческой деятельности В. П. Тугаринов опубликовал более ста работ, из них 14 книг, многие из которых стали библиографической редкостью, но в то же время не потеряли своего значения, наоборот, некоторые из них приобретают все большую значимость. Это говорит о творческом характере работ В. П. Тугаринова, его научной прозорливости. Он всегда исследовал общие, фундаментальные проблемы марксистско-ленинской теории.

Первой проблемой, которая нашла глубокую разработку в творчестве В. П. Тугаринова, была проблема законов объективного мира, их познания и использования. Этой важной проблеме посвящена книга «Законы объективного мира, их познание и использование» (1954 г.) и серия статей и брошюр. В них В. П. Тугаринов систематизировал марксистско-ленинское понимание законов, показал пути их познания и использования. Особенно важным является уточнение сущности социальных законов и путей их познания. Положения работ В. П. Тугаринова способствовали глубокому пониманию законов и закономерностей в общественных и гуманитарных науках, а также дальнейшему философско-социологическому исследованию социальных закономерностей и законов общественного развития.

Наряду с законами В. П. Тугаринов активно разрабаты-

вал категории диалектического и исторического материализма. Он первым в нашей стране в середине 50-х годов издал фундаментальные труды по этим проблемам. Им была предложена оригинальная система категорий диалектического материализма. На основе деления объектов действительности на предметы, свойства, отношения он выделил системы субстанциональных, атрибутивных и релятивных категорий. Было глубоко разработано учение о природе категорий, исследовано их соотношение с законами и их субординация. Особенно содержательной является разработка В. П. Тугариновым категорий исторического материализма. Книга «Соотношение категорий исторического материализма», вышедшая в 1958 г., до последних лет была единственной. В этой работе впервые в нашей философско-социологической литературе дана оригинальная систематизация категорий исторического материализма, научное значение которой, к сожалению, не до конца оценено. И сегодня, по истечении почти 30 лет, в нашей литературе нет работы на эту тему, которую можно было бы поставить в один ряд с трудом В. П. Тугаринова.¹ В этом труде была выдвинута и обоснована идея многоступенчатой систематизации путем выделения групп категорий, «рядов», в основе которых лежало выделение основных сфер общественной жизни, данной К. Марксом.

Весьма плодотворным является разделение В. П. Тугариновым категорий исторического материализма на философские и социологические. Такое разделение послужило основой верного понимания предмета исторического материализма как науки, хотя в этом до настоящего времени нет полного единодушия. Нам представляется, что идеи В. П. Тугаринова о систематизации категорий исторического материализма не нашли еще должной оценки. В связи с тем, что XXVII съезд КПСС потребовал развития фундаментальных исследований, думается, что многие исследователи внимательнее отнесутся к идеям В. П. Тугаринова, что будет способствовать дальнейшему развитию мыслительного аппарата социально-философской науки, без чего невозможен творческий анализ противоречий и тенденций развития нашего общества, социальной действительности в целом.

В творчестве В. П. Тугаринова большое место занимала аксиологическая проблематика. Он первым в советской философской литературе издал книгу «О ценностях жизни и культуры» (1960 г.), где на основе идей классиков марксизма-ленинизма была начата разработка теории ценностей. В последующие годы появилась серия статей, в кото-

¹ Подробнее об этом см.: Барулин В. С. Исторический материализм. Современные тенденции развития. М., 1986. С. 114.

рых исследовались основные проблемы теории ценностей. Во второй книге — «Теория ценностей в марксизме» (1968 г.) — дано целостное систематическое изложение марксистско-ленинской теории ценностей, которое было направлено против концепций буржуазной науки, против субъективизации ценностного подхода. Для В. П. Тугаринова ценности вытекают из познания действительности, они есть конкретные факты, сущностные стороны природы и общества, которые познаются, создаются человечеством в его деятельности и процессе общественно-исторической практики.

Содержательные идеи В. П. Тугаринова обусловили активную разработку аксиологической проблематики в советской литературе и, таким образом, способствовали углублению нашего познания окружающего мира, пониманию сущности социального познания, а также путей формирования нового человека и воспитания подрастающего поколения. В настоящее время ценностная проблематика, благодаря усилиям В. П. Тугаринова, является достаточно разработанной, хотя некоторые аспекты еще нуждаются в дальнейшем уточнении и развитии.

В течение многих лет внимание ученого-новатора было направлено на освещение проблем человека и личности. Его работы в области теории личности, в частности книга «Личность и общество» (1965 г.), в свое время вызвали бурные научные дискуссии, что в определенной мере способствовало постановке и разработке фундаментальных проблем марксистского человекознания. Интерес к вопросам человека и личности у В. П. Тугаринова был исключительно устойчивым, можно сказать, что он был основной научной проблемой его жизни. Первая статья была опубликована в «Коммунисте» в 1960 г., а последняя, написанная в 1978 г. и не увидевшая свет при жизни ученого, включена в настоящее издание его избранных философских трудов. В. П. Тугаринов одним из первых в нашей литературе конкретно, с марксистско-ленинских позиций поставил вопрос о сущности человека, личности и его смысла жизни, проблемы формирования социалистической личности. В его работах реализуется философско-синтетический подход к этим проблемам. Надо сказать, что многие вопросы, поставленные ученым, и те пути решения, которые он предложил, не потеряли своей актуальности и значимости.

Особого внимания заслуживают сформулированные В. П. Тугариновым философско-социологические принципы подхода к сущности личности. В творческой деятельности В. П. Тугаринова интерес к основным принципам и категориям материалистической диалектики, к проблемам личности нашел свое проявление в разработке им марксистско-ленинского учения о сознании и общественном сознании. Основные свои идеи

он изложил в монографии «Философия сознания» (1971 г.) и в ряде статей и брошюр.

В этих работах анализируются философские проблемы сознания, дается, в отличие от специально-научных подходов, философский уровень понимания проблемы. Своими работами в области сознания В. П. Тугаринов способствовал развитию марксистско-ленинской гносеологии и социологии сознания, этих важнейших аспектов учения о сознании. Отличительной чертой его работ по теории сознания является то, что ученый рассматривает их в связи с проблемами человека, внутреннего мира личности, с вопросами развития общественного сознания социалистического общества, воспитания нового человека и формирования его социалистического самосознания. Очень важным является вклад В. П. Тугаринова в исследование структуры общественного сознания, диалектики общественного и индивидуального сознания. Важной его заслугой в этой области является показ непреходящего значения идей основоположников марксизма-ленинизма, особенно В. И. Ленина, о сознании и общественном сознании.

В. П. Тугаринов явился одним из первых философов, кто положительно оценил теорию опережающего отражения (П. К. Анохин, Н. А. Бернштейн) и показал роль этой теории в глубоком понимании сущности марксистско-ленинской теории отражения и в особенности социального отражения.

В научном творчестве В. П. Тугаринова большое место занимало исследование философских основ прогнозирования. По его инициативе на философском факультете Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова была начата разработка проблем прогнозирования и предвидения. Основные результаты исследования нашли свое отражение в серии статей и глав в коллективных работах, в частности в книге «Предвидение и современность» (1976 г.), в соавторстве с Т. М. Румянцевой. В этих работах В. П. Тугариновым творчески осмыслены идеи классиков марксизма-ленинизма, показаны прогностические функции марксистско-ленинской теории. Им подробно раскрыты объективные основания предвидения, философского содержания сущности опережающего отражения в различных формах.

Выводы В. П. Тугаринова, на наш взгляд, не потеряли значения и сейчас для творческого понимания сущности отражения, а также для понимания процессов и тенденций социального прогресса при социализме, что исключительно важно для управления социальными процессами. К сожалению, эти работы в настоящее издание не вошли из-за ограниченности объема, но они даны в списке основных работ ученого. Читатель, интересующийся этими проблемами, может ознакомиться с данными работами.

В конце своей творческой деятельности В. П. Тугаринов

вернулся к проблеме человека и личности, но уже в свете новых глобальных проблем: социальных, экологических и культурных. В работах этого периода было дано творческое толкование острых проблем экологии, биологического и социального в человеке. В. П. Тугариновым четко показана сущность социалистической цивилизации, ее отношение к окружающей среде и те условия, которые она представляет для развития человека. Наиболее полно идеи В. П. Тугаринова отражены в его последней книге «Природа, цивилизация, человек», изданной в Издательстве Ленинградского университета в 1978 г.

Перечень основных направлений творческой деятельности В. П. Тугаринова показывает его разносторонность. Он обращался к исследованию фундаментальных и животрепещущих проблем марксистско-ленинской теории и практики строительства нового общества. Характерной чертой работ В. П. Тугаринова является смелость и глубина постановки и решения проблем. Его работы не только развивали, углубляли понимание фундаментальных проблем нашей философии, но и стимулировали дальнейший научный поиск. Эту черту они не утратили и в настоящее время.

Трудам В. П. Тугаринова свойственны глубокая партийность, последовательность и научная принципиальность. Он всегда был воинствующим борцом за чистоту марксистско-ленинской теории, страстным ее пропагандистом и воспитателем философских кадров. Ученый был необычайно щедр, делась своими мыслями и планами со студентами, аспирантами и молодыми преподавателями.

С 1951 по 1960 г. В. П. Тугаринов являлся деканом философского факультета Ленинградского университета и долгие годы заведовал кафедрой диалектического и исторического материализма, а затем кафедрой философии для гуманитарных факультетов. С деятельностью В. П. Тугаринова связаны становление и развитие философского факультета Ленинградского университета, формирование его творческого потенциала и кадров высшей квалификации. Организаторская, учебно-воспитательная и научная деятельность ученого способствовала развитию в Ленинградском университете и в вузах Ленинграда фундаментальных исследований, улучшению преподавания марксистско-ленинской философии. В результате философский факультет ЛГУ стал в нашей стране одним из значительных центров марксистско-ленинской философии и кузницей научно-педагогических кадров.

Все сказанное свидетельствует о том, что научной и организационный вклад В. П. Тугаринова в развитие марксистско-ленинской теории действительно весьма значителен, и его идеи продолжают оказывать влияние на дальнейшее развитие нашей философии.

В настоящее издание философских трудов В. П. Тугари-

нова включены основные его работы. При подборе их редакционная коллегия пыталась отразить разносторонность научных интересов ученого и выбрать из включенных работ те разделы, в которых дается авторская разработка проблем и которые не потеряли своей актуальности в настоящее время.

Конечно, во включенных в книгу работах не все бесспорно с современных позиций, на некоторых из них лежит печать времени. Несмотря на это книга, по нашему мнению, представляет ценность как яркий пример подлинно научного творчества.

В заключение хотелось бы высказать уверенность, что «Избранные философские труды» В. П. Тугаринова найдут заинтересованного читателя, и выразить благодарность всем, кто активно помогал подготовке представленного философской общественности издания, особенно его дочери Наталии Васильевне Захаровой.

А. О. Бороноев

ЗАКОНЫ И КАТЕГОРИИ
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ

І. ЗАКОНЫ ОБЪЕКТИВНОГО МИРА,
ИХ ПОЗНАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ*

Глава 1

ЗАКОН КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯВЛЕНИЙ

в) Соотношение закономерности и закона

Понятия закономерности и закона, отражающие соответственные объективные процессы, близки между собой. Однако между ними имеется и некоторое различие. Понятие закономерности употребляется прежде всего в философском, всеобщем, универсальном смысле, для обозначения всех форм связи, всех взаимоотношений явлений объективного мира, для обозначения всеобщего мирового порядка, для выражения той мысли, что мир, природа — не хаотический конгломерат вещей и событий, а единое, связанное, неразрывное целое. Классики марксизма-ленинизма указывали, что всеобщая закономерность — это всеобщая связь, взаимозависимость и взаимообусловленность явлений.

В. И. Ленин писал: «Все vermittelt=опосредствовано, связано в едином, связано переходами. Долой небо — закономерная связь *всего (процесса)* мира»¹. Абстракции, понятия, законы «охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы»².

Всеобщая объективная закономерность природы и соответствующая философская, универсальная категория закономерности охватывает, включает в себя решительно все существующие формы взаимосвязи и взаимообусловленности явлений. Нет и не может быть ничего, чтобы, так сказать, выпадало из

* Из кн.: Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1955 (§ в, г главы 1).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 92.

² Там же. С. 164.

всеобщего порядка природы, что не было бы обусловлено, что не было бы вызвано предшествовавшими и окружающими явлениями. Подобный факт был бы «чудом», сверхъестественным событием. Все обусловлено, все в конечном счете закономерно. Всеобщая связь и взаимозависимость явлений есть одна из наиболее общих закономерностей природы.

Природу надо рассматривать не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных, изолированных и не зависящих друг от друга, а как связанное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга.

В отношении мира в целом случайность абсолютно противопоставляется закономерности, так как в этом отношении случайность выступает как отрицание закономерности всеобщей связи явлений, как отрицание единства мира. «Понимание» мира как случайного скопления явлений означает представление о нем как о хаосе, совокупности «чудес». Однако случайные связи имеют место в системе всеобщей закономерной связи явлений. Здесь случайность выступает уже не как чудо, не как беспричинное, необусловленное явление, а как одна из форм проявления всеобщей необходимости, закономерности. Всеобщая, мировая закономерность включает в себя частные закономерности различных областей действительности — природы, общества и мышления — и закономерности еще более частных сторон каждой из этих областей. Поэтому явление, проистекающее, например, из закономерностей природы и воздействующее на общество, может быть для последнего фактором случайным. Так, суховей, снижающий урожаи в юго-восточных районах нашей страны, вызывается законами природы, а отнюдь не закономерностями советского общественного строя. Суховей закономерен, как один из многих результатов действия всеобщей закономерности, как результат действия законов природы. (...)

Внутри сложного явления также имеет место перекрещивание, взаимодействие относительно внешних друг другу закономерностей. Так, Энгельс показал, что дарвиновское учение о закономерностях органической эволюции связано с признанием случайных различий особей внутри отдельных видов. Эти индивидуальные различия проистекают не из наследственности данного вида, не из его природы и поэтому выступают в отношении к ней как случайные. (...)

Марксистское понятие всеобщей закономерности необходимо связано с признанием материальности мира. Единство мира состоит в его материальности. Это единство мира — не мертвое состояние, а процесс внутреннего закономерного движения. Вот почему В. И. Ленин в приведенной выше цитате в связи с утверждением закономерности мира воскли-

цает: «Долой небо». Признание объективной закономерности тесным образом связано с материалистическим смыслом понятия «мир» (вселенная, природа). В понятии «мир» заключена черта упорядоченности. Хаос не может быть миром, природой. Мир не есть библейский хаос, приводимый в движение богом, он также не кантовский хаос, приводимый в порядок нашим рассудком; он сам по себе есть закономерное, упорядоченное целое. «Мир есть закономерное движение материи...»³, — писал В. И. Ленин.

Всеобщая закономерность выступает так же, как наиболее общая черта или порядок движения материи. Все имеющиеся в мире формы движения материи носят закономерный характер. Всеобщая связь и взаимообусловленность являются именно закономерностями движущейся материи.

Неправильным, ненаучным является отождествление материи с закономерностью. (...) Материя не тождественна закономерности, ибо материя является носителем, субстратом закономерности, а закономерность — свойством, порядком движения материи. Материя движется закономерно, изменяется, развивается закономерно.

Закономерность имеет место также и в той или иной отдельной области явлений и соответственно употребляется также в частнонаучном смысле. Понятие закономерности является одним из основных понятий всякой науки. Каждая наука, изучая определенную область явлений, имеет своей задачей открыть закономерный характер этих явлений и законы, которым они подчиняются. В специальных науках понятие закономерности применяется с тем же смысле, что и в указанном «универсальном» смысле, а именно, что данная область или группа явлений существует и развивается не хаотически, не случайным образом, а согласно внутренним законам, присущим этим явлениям. Таким образом, понятие закономерности означает законосообразность.

Закономерность выражает как наличие взаимосвязи и взаимозависимости явлений данной области действительности, так и наличие в их течении определенного общего систематического порядка, но не раскрывает еще конкретных форм, сторон этой взаимосвязи. Последние раскрываются законами. Поэтому если люди, открыв закономерность, идут дальше, раскрывая разные стороны взаимосвязи и порядка в данной области явлений, то такое развитие, конкретизация этой закономерности приводит к открытию ряда законов в данной области.

Закономерность, как объективный процесс, составляет единство законов данной области явлений. Закон же является частью, стороной, моментом закономерности. Он поэтому более

³ Там же, Т. 18. С. 174.

узок по содержанию, чем закономерность. Объективно закономерность не существует отдельно от законов. Целое не может не иметь своих частей, сторон, а эти части могут быть лишь частями целого. Но, как показывает история науки, в развитии последней открытие законов и закономерностей не всегда совпадает во времени.

Наука, установив закономерность, идет дальше, раскрывая разные стороны взаимосвязи. Такое раскрытие закономерностей приводит к открытию законов данной области. Иногда, наоборот, открытие законов предшествует формулированию более общей закономерности. Поэтому понятие закономерности употребляется в одних случаях для обозначения начального этапа познания законов, а в других — для обозначения совокупности законов данной области явлений, для выражения их целостности, единства. Так, закономерности различных форм движения материи, например биологические или общественные закономерности, включают в себя целый ряд законов. Различаются, например, динамические и статистические закономерности, каждая из которых обнимает целый ряд законов; так же говорят о закономерностях биохимии, электромагнетизма, о закономерностях производства и т. д. Закон есть одна из нитей клубка, узла, называемого закономерностью.

Итак, закономерность выступает как общность законов всего мира или данной области явлений, связь закономерности и закона выступает как соотношение целого и его моментов. Такое соотношение между закономерностью и законом можно проследить на примере отдельных наук. Великий русский физиолог И. П. Павлов исследовал наиболее общие закономерности высшей нервной деятельности — раздражение и торможение и раскрыл законы этих процессов: иррадиацию, концентрацию, взаимную индукцию и др. Указанные законы составляют единство, не наблюдаются один без другого, а в совокупности представляют собой различные стороны, грани раздражения и торможения. Так, иррадиация выражает распространение раздражения и торможения по коре головного мозга, а концентрация — противоположный процесс. Индукция же выражает взаимодействие иррадиации и концентрации, каждый из этих процессов протекает сильнее, если происходит тотчас после противоположного процесса. Закономерности имеют различные степени общности. Значение познания общих закономерностей состоит в том, что они направляют умы людей по правильному пути исследования и практической деятельности. Таково, например, понятие наследственности как одной из наиболее общих закономерностей органической природы (...).

Но познания одних общих закономерностей недостаточно для непосредственного практического преобразования приро-

ды и общества. Для последнего необходимо раскрытие конкретных закономерностей, т. е. законов. Однозначность, конкретность связи — важное достоинство закона. В частнонаучном употреблении понятия закономерности выступает еще одна характерная черта последней. Закономерная связь характеризуется не только объективной «последовательностью» в связи явлений, но и определенными пределами этой последовательности.

Тот или иной существующий порядок связи явлений не безграничен, не безмерен, но протекает в известных границах, рамках. В. И. Ленин отмечает у Гегеля положение: «Закон или мера»⁴. Мера есть тоже определенный порядок связи явлений. Понятием меры обозначается объективное единство количественной и качественной определенности в существовании и развитии явлений. Каждое качество обладает определенной, присущей ему величиной (числом или объемом). Это и есть мера данного явления. Появление нового качества имеет результатом новое единство количества и качества.

Черта меры имеется во многих законах. В ряде законов выражается общее соотношение, связующее ряд чисел, количеств. Одно количественное соотношение еще не представляет закона науки. Законом является лишь такое обобщение, такая связь числовых отношений, которая придает им качество всеобщности и необходимости. Так, познание взаимных расстояний планет еще не составляет астрономического закона. Надо, чтобы эти эмпирически установленные количества были связаны общим соотношением, общей формулой. Галилей и Кеплер показали, что расстояния между планетами не случайны, но подчиняются определенному общему «правилу», т. е. закону. Сделанные еще до Галилея эмпирические вычисления относительно падающих тел на земле, а до Кеплера — относительно движения небесных тел обобщены в законах, открытых этими естествоиспытателями, так, что количество приобрело качественный момент: открыты были такие отношения, которые «выполняет» с необходимостью всякое земное и небесное тело.

Закон выступает как мера взаимосвязи явлений также и в том отношении, что он определяет границы развития этих явлений в данном качестве. Например, для возбуждения атомов какого-либо тела физики бомбардируют эти атомы электронами, специально разогнанными особым прибором. При ударах электронов атомы захватывают их энергию, а затем ее излучают. При этом осуществляется закон: частоты излучения тем больше, чем больше порции энергии, которая была захвачена у электрона, а затем излучена. Но при этом оказалось,

⁴ См.: Там же. Т. 29. С. 111.

что этот закон действует только тогда, когда энергия электронов достигает определенного «критического» уровня. До достижения этого уровня электроны отскакивают от атомов, не отдавая им своей энергии.

Черта меры присуща также и законам общества. Так, закон стоимости рабочей силы, действующей при капитализме, определяет узкие границы цены рабочей силы, держит на низком уровне размеры оплаты труда рабочего. В Советском Союзе (...) размеры вознаграждения за труд определяются достигнутым объемом общественного производства минус социалистическое накопление и, следовательно, неуклонно повышаются с ростом общественного богатства. Социалистический принцип оплаты по труду определяет меру труда и меру потребления работника.

Один из объективных законов развития социалистического общества — закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства выступает так же, как мера развития этого общества для определенного отрезка времени. Этот закон определяет присущие лишь социалистическому обществу (и устанавливаемые государственным планом на основе действия этого объективного закона) уровни и темпы развития, пропорциональные соотношения между отраслями народного хозяйства. На основе действия этого объективного закона государственные планы устанавливают определенные нормы использования сырья, материалов, оборудования, энергии, технико-производственные нормы и т. д.

Закономерный порядок взаимосвязи явлений включает в себя момент предела развития этой взаимосвязи в определенном направлении, качественных переломов в направлении этого развития, ступенчатый, противоречивый характер этого развития. Раскрываемые марксистско-ленинской философией черты закономерности ясно выступают как в общих, так и в частных закономерностях общества и природы.

Гениальная формулировка сущности исторического процесса, данная Марксом в предисловии к его книге «К критике политической экономии», устанавливает прежде всего взаимозависимость всех явлений общественной жизни (социальных, политических и духовных) и основу этой взаимозависимости — способ производства общества. Формулировка Маркса раскрывает далее определенный порядок этой взаимосвязи в развитии общества: «На известной степени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы

более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»⁵.

Наконец, Маркс определяет меру, пределы существования той или иной общественно-экономической формации, исторический момент социального переворота: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества»⁶.

В этой открытой Марксом закономерности связан между собой ряд законов развития общества. Из этой закономерности, как из почки, марксизм раскрыл ряд специфических законов каждой формации.

Указанные черты закономерности характерны и для естествознания. Так, например, в области общей патологии (науки, изучающей наиболее общие закономерности возникновения развития и исхода различных болезненных процессов) идет борьба между господствующим в зарубежной науке направлением, идущим от Р. Вирхова, и советским направлением, основанным на идеях И. М. Сеченова, С. П. Боткина, И. П. Павлова, А. А. Остроумова, И. И. Мечникова, Н. Е. Введенского, А. А. Ухтомского и др. Вирхов и вирховианцы механически расчленяют целостный организм на части, а болезненные процессы — на их элементы. По Вирхову, патология организма является просто суммой болезненных состояний его отдельных клеток.

Этот метафизический подход не позволяет вирховианцам вскрыть общее в развитии разных внешне не схожих между собой болезненных процессов. Вирховианцы считают, что болезненные процессы, охватившие весь организм, являются простым расширением местных очагов поражений, возникших в результате непосредственного действия болезнетворных агентов (микробов, ядов и т. д.) на определенные клетки организма. Эта неверная теоретическая посылка негативно сказывается не только на исследованиях в области теоретической медицины и на подготовке медицинских кадров, но и на лечебном деле, так как отвергает лечение, осуществляемое путем воздействия на нервную систему организма.

Отечественное направление в патологии основано на противоположных предпосылках И. М. Сеченова и И. П. Павлова, которые, исходя из идеи целостности организма и его неразрывной связи со средой, доказали ведущую роль нервной системы в осуществлении всех жизненных процессов организма, обосновали принцип «нервизма».

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7.

⁶ Там же.

Советская патология, развивая учение корифеев русской физиологии, раскрывает тот порядок, ту закономерную последовательность, в какой протекают болезненные процессы в организме. Советское направление в патологии показало, что периферические окончания нервной системы, имеющиеся во всех тканях и органах, первыми воспринимают раздражения от болезнетворных агентов. Нервная система организма осуществляет «посредничество» между всевозможными раздражителями и тканями организма. Далее болезненный процесс в виде многозвеньевой цепной нервной реакции может продолжать свое развитие и без участия вызвавшей его первопричины, микроба, вируса, токсина. Открытие этой последовательности дало медицине возможность управления патологическим процессом путем лечебного вмешательства, направленного не только на болезнетворный агент — первопричину болезни, но и на весь организм, на регулирующие его работу нервные механизмы.

Уже отмечалось, что объективно закономерность не существует как-то отдельно от законов, что закономерность есть то, что объединяет, связывает все законы мироздания или законы определенной области последнего в некое единое целое. Закономерность есть выражение единства законов, а закон есть часть, сторона, момент закономерности. Поэтому и выделяемые ниже объективные черты, признаки законов суть не что иное, как конкретизация объективных черт закономерности.

г) Признаки и понятие закона

Закон, как уже указывалось, — лишь сторона, часть, грань закономерности, он формулирует обычно однозначное отношение между явлениями, т. е. выражает обычно какую-либо одну форму связи явлений. Поэтому законов существует множество. Однако все это множество разнообразных законов природы, общества и мышления имеет некие общие, присущие всем им черты, фиксируемые, улавливаемые марксистским философским понятием закона, к которому мы и переходим.

Как было указано выше, явления объективной действительности существуют не изолированно одно от другого, а находятся во взаимной связи, в различных взаимоотношениях, во взаимообусловленности. Закон представляет собой не отдельный предмет, свойство или явление, а именно связь, отношение между явлениями. «Закон есть *отношение*»⁷ Закон есть одна из форм всеобщей связи и взаимообусловленности явлений объективного мира. Между явлениями, как бы они в том или ином случае ни были похожи одно на другое,

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 138.

всегда имеется какое-то различие. С другой стороны, как бы ни различны были явления, они всегда имеют между собой нечто общее. Закон выражает не различие между явлениями, т. е. не то, что их разделяет, а то, что их связывает, т. е. общее между ними. Факты, события природы и общества связаны между собой, имеют нечто общее, присущее им всем или определенной их группе. Это и является реальным, объективным основанием, базой закона.

Таким образом, закон, выступая как отношение между явлениями, выражает единство явлений. «Закон есть, идентичное в явлениях...»⁸. Так, например, в законе Бойля — Мариотта (при неизменной температуре давление данной массы газа обратно пропорционально объему газа) взяты свойства, имеющиеся у всякого газа (давление и объем). Между этими свойствами имеется отношение, также общее для всякого газа (обратная пропорциональность), которое и фиксируется данным законом.

Все крупнейшие открытия в естествознании являются установлением этой идентичности между явлениями, ранее считавшимися несвязанными между собой. Так, в старом, классическом, так называемом ньютоновском, представлении пространство совершенно безразлично к движущимся в нем массам. Изменения скорости или формы движения поэтому никак не влияют на свойства пространства. В современном же представлении прежние антитезы масс и пространства объединены в нераздельное целое, где геометрические свойства определяются массами. Несмотря на трудность совместить в сознании в едином образе поток электронов или светового пучка, свойства частицы и свойства волны, они, несомненно, едины, как показывает опыт с дифракцией электронов или с визуальным ощущением света при ничтожных интенсивностях. Единство пространства и вещества, а также света и вещества стало общепризнанным в современной физике.

Идея единства, неразрывной связи всех функций живого организма лежит в основе учения великого русского физиолога И. П. Павлова. Один из главных принципов его учения состоит в том, что нервная система, по существу, влияет на весь организм. Идея «нервизма», выдвинутая С. П. Боткиным и И. П. Павловым, пронизывает всю советскую физиологию и медицину (...).

Положение марксизма о том, что закон выражает связь, отношение между явлениями или между сторонами, свойствами явлений, имеет огромное теоретическое и практическое значение. Это положение вскрывает коренную, существенную черту каждого закона, его познавательное и практическое значение.

⁸ Там же. С. 136.

Объективный экономический закон социалистического общества — закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства выражает органическую и всестороннюю связь и взаимосвязь частей сложной, многогранной системы отраслей производства, обращения, распределения товарных масс, рабочей силы и т. д. Действие этого объективного закона социализма используется социалистическим государством путем государственного планирования.

Положение о законе как взаимосвязи явлений имеет огромное значение и для естествознания, для преобразования природы. Оно учит единственно плодотворному подходу к явлениям природы: искать и вскрывать единство, взаимосвязь явлений, без чего невозможно овладение природой.

Закон выражает всегда отношение, связь между явлениями. Однако это вовсе не значит, что закон определяет не свойства вещей, а лишь, так сказать, «чистое» отношение. (...) Ясно, что если нет вещей, т. е. если есть лишь отношения, а носителя, субстрата этих отношений нет, то это лишь мыслимые, нереальные, необъективные отношения. (...) Ведь свойства вещей не могут проявиться и не могут быть познаны иначе, как в процессе взаимоотношения, взаимосвязи между вещами, явлениями.

Закон охватывает несколько объектов, между которыми имеются определенные отношения (например, между телом и телом, между телом и его свойством и т. д.). Закон науки, раскрывая то или иное отношение между явлениями, тем самым раскрывает и свойства этих явлений. Так, указанный закон планомерного развития социалистического хозяйства раскрывается марксистской политической экономией как следствие основных свойств социалистического общества: господства общественной собственности на средства производства и отсутствия эксплуатации человека человеком. Он демонстрирует вытекающие из этих свойств преимущества социалистической системы перед капиталистической.

Различие между законами зависит не только от различия явлений, охватываемых законом, но и от характера (типа) отношения между ними, фиксируемого законом.

По характеру (типу) отношений все многообразие законов современной науки можно разбить на две основные группы.

а) На законы, различающиеся между собой по предмету отношения. Одни из них выражают отношения между телами (или частицами, а также веществами), другие — между телом и его свойствами, третьи — между свойствами (т. е. представляют свойство свойств или признак признаков), четвертые — между отношениями и их свойствами (свойство отношений).

Так, например, закон кратных отношений в химии характеризует отношение между массами веществ, вступающих

в химическую реакцию; закон Бойля—Мариотта выражает отношение между свойствами вещества; законы сопротивления материалов характеризуют свойства тел, вступающих в механическое взаимодействие. Таковы и многие законы физики, например законы волнового движения, ведь последнее само есть свойство частиц, участвующих в этом движении. Численность есть свойство совокупности предметов. Поэтому законы чисел, устанавливаемые современной теорией чисел, также относятся к этому же типу законов. Категории науки логики отражают наиболее общие объективные отношения между явлениями (отношения тождества, противоречия и т. п.). Поэтому законы логики суть выражения свойств отношений.

б) На законы, различающиеся между собой по качеству отношений. Так, одни законы характеризуют причинные отношения, другие — отношения между общим и частным, третьи — отношение тождества (равенства), четвертые — отношения развития и т. д.

Разумеется, указанное деление является относительным: законы могут различаться между собой и обычно различаются и по предмету, и по качеству отношения. Ясно также, что законы различаются между собой и многим другим: объемом действия, формой движения материи, степенью точности и т. п.

Ряд законов фиксирует не только связь между свойствами предметов, явлений, но и связь между ступенями их развития. Сравним два закона: закон всемирного тяготения — «каждые две частицы материи вселенной притягиваются друг к другу с силой, пропорциональной произведению их масс и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними» и закон неравномерности развития капитализма при империализме.

Первый закон, в отличие от второго, выражает такое отношение, такую взаимосвязь между свойствами тел, которая имеет место во всей природе. Он является постоянным, так же как и те свойства, которые он связывает. Второй закон характеризует направление развития явлений, выражает порядок их изменения, развития. Такие законы являются и называются законами движения (в марксистском понимании движения — как изменения вообще) или законами развития. Законы общества являются характерными законами развития. Но законы этого типа имеют место и в органической природе. Таковы, например, открытые Н. А. Северцовым (1827—1885) закономерности распространения животных во внутритропических частях Азии и в Европе; учение В. П. Вильямса о едином закономерном процессе почвообразования на земном шаре, о наличии основных стадий или периодов почвообразования, об эволюционном развитии почв во времени и пространстве, о растительных формациях.

Законы первого типа характерны для неорганической природы. Таков, например, закон Гей-Люссака (1803) о зависимости объема газа от температуры, устанавливающий, что при нагревании газа при постоянном давлении на 1° объем газа увеличивается на $1/273$ того объема, который газ имел при 0°C . К этому типу законов относятся уравнения И. В. Мещерского (1859—1935), формулирующие закономерности движения тел переменной массы, например движения реактивных аппаратов.

Таков также «закон постоянных отношений» в химии: при образовании любого количества какого-либо химического соединения массы соединяющихся веществ всегда находятся в совершенно определенном отношении (например, при образовании воды водород и кислород соединяются в отношении 1:8). Таков также закон Г. Кирхгофа: отношение лучеиспускательной и лучепоглощающей способности при данной температуре есть величина постоянная для тел, равная испускательной способности черного тела при той же температуре.

Закон фиксирует не всякое отношение, не всякую связь между явлениями, в законе выражаются лишь существенные отношения между явлениями. Закон есть существенное отношение, т. е. такое отношение, которое является стороной, моментом сущности. Поэтому «закон и *сущность* понятия однородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные...»⁹. Закон выступает отсюда как «отношение *сущностей* или между сущностями».¹⁰ Отделить существенное от несущественного (т. е. не вытекающего из данной сущности) является одной из задач научного познания. Но если каждый закон выражает существенное отношение, то сущность явлений выражают основные законы. (...)

В. И. Ленин отмечал, что закон есть существенное отношение, т. е. выражает ту или иную сторону сущности, а основной закон выражает собой сущность, т. е. единство, целостность существенных отношений. Таким образом, определение основного закона дает марксистской философской науке новое, еще более глубокое понимание категории сущности и раскрывает отличие сущности от существенного отношения. Существенное отношение — это лишь определенная сторона сущности, а сущность есть совокупность, целостность существенных отношений.

Этим марксизм раскрывает отношения между законом и основным законом. Рассмотрим такие объективные законы органической природы, как закон наследственности, закон изменчивости, закон естественного отбора и закон единства организма и условий его жизни.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136.

¹⁰ Там же. С. 138.

По закону наследственности, присущему всем живым организмам, каждое новое поколение (растений, животных, микроорганизмов) повторяет в строении и функциях своих организмов предыдущее поколение. По закону изменчивости это подобие не является полным. Новое поколение чем-то отличается от своих «родителей» в связи с изменением условий жизни. По закону естественного отбора больше выживают и, следовательно, производят больше потомства те особи, которые лучше других приспособлены к условиям жизни.

Ясно, что каждый из этих трех законов выражает определенную существенную сторону развития органического мира, то или иное существенное отношение между организмами и окружающей их средой. И далее, что все эти и многие другие стороны и отношения вытекают из действия и определяются действием закона единства организма и условий его жизни, который поэтому выражает сущность процесса органической эволюции и с полным правом может быть основным законом развития органического мира.

Возьмем далее законы экономического развития общества. Действующие в современном капиталистическом обществе объективные законы стоимости, прибавочной стоимости и средней нормы прибыли, определяя те или иные существенные стороны функционирования и развития современного капитализма, не могут считаться основными законами последнего.

Закон прибавочной стоимости является основным законом капитализма в целом. Этот закон на различных стадиях развития капитализма действовал в различных конкретных формах: в период домонополистического капитализма — в форме обеспечения средней прибыли, в период империализма — в форме обеспечения максимальной прибыли. Последний, являясь основным экономическим законом современного капитализма, определяет все главные стороны и свойства империализма, раскрытые В. И. Лениным в известных пяти признаках империализма.

Законы определенной области явлений выступают как стороны основного закона этой области. Так, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства может давать должный эффект лишь в том случае, если имеется задача, ради которой осуществляется плановое развитие народного хозяйства. Эта задача содержится в основном экономическом законе социализма, требующем максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей всего общества. Поэтому действие закона планомерного развития народного хозяйства может получить полный простор лишь в том случае, если они опираются на основной экономический закон социализма. (...)

Закон, учит далее марксистская теория, есть не только существенное, но также всеобщее и необходимое отношение.

Объективная связь и взаимозависимость явлений в природе и обществе имеют всеобщий характер, проявляются «повсюду и всегда»¹¹. Иными словами, закон охватывает своим действием все явления вообще или все явления той или иной группы.

Закон и сущность, являясь категориями одного порядка, различаются между собой. Закон есть одна из многообразных форм сущности, существенных отношений. С другой стороны, не всякое существенное явление (или отношение) представляет собой закон. Многие черты явлений, будучи существенны для них, не могут считаться законом, если эти существенные черты не охватывают всех явлений вообще или всех явлений определенной группы. Так, наука открыла свойство некоторых химических элементов разлагаться, распадаться. Это весьма существенное, важное свойство может быть названо законом химии только тогда, когда наука докажет, что все химические элементы или какая-то определенная группа их обладает этим свойством. Когда это свойство предстанет как общее свойство всех элементов или их определенной группы, тогда наука сможет сделать обобщение в форме закона науки для тех элементов, которые разлагаются.

Итак, не всякая сущность (или существенное отношение) является законом. Закон (хотя бы частный и узкий по своему объему) есть сущность (существенное отношение), имеющая характер общности или всеобщности.

«Форма всеобщности в природе — это закон...»¹² В законах науки общим является не только содержание, но и форма. Законы науки выражаются суждениями. Во многих частных суждениях отражаются существенные свойства или отношения явлений (например, «некоторые органические формы не имеют дифференцированных внутренних органов» или «мелкие частные собственники в истории часто оказывались политически неустойчивыми»), но в такой частной форме они не выражают законов.

Это выражается и в словесной формулировке закона. В ней всегда имеются (или подразумеваются) слова: «все», «каждый», «всякий» и т. д. или те же всеобщие понятия в отрицательном виде: «ни один», «никакой» и т. п. Эту черту закона подчеркнул Ленин, указав, что единство противоположностей нельзя понимать как сумму примеров (т. е. что оно имеет место то здесь, то там), а надо понимать как закон, который действует всегда и всюду.

Если всеобщность является неотъемлемой чертой закона, то, значит, закон, действуя в определенных условиях, не терпит исключений. Законы природы не допускают возникнове-

¹¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 549.

¹² Там же.

ния «чуда» хотя бы в качестве редчайшего случая, они не допускают создания «перпетуум мобиле» (вечного двигателя) хотя бы руками самого гениального механика. Подобные «исключения» не могут произойти вообще, при любых условиях. Это обстоятельство демонстрирует мировоззренческое значение всеобщности как черты закона. Оно показывает, что все без исключения силы и процессы природы подчиняются внутренним законам, присущим природе, и полностью исключает существование каких-либо «высших», внеприродных сил, а также попытки нарушить законы природы.

Есть много явлений, которые в одних условиях могут произойти, а в других не могут. Однако из этого не следует, что объективные законы природы и общества могут нарушаться, могут допускать исключения. В последнем случае они перестали бы быть законами. В этом — отличие объективных законов от законов юридических, которые, как известно, иногда нарушаются.

В невозможности нарушить или отменить объективные законы состоит методологическое, познавательное значение всеобщности как черты закона. Всеобщность закона ограничивается лишь условиями, в сфере которых он имеет силу. Это положение указывает также и на то практическое значение, которое имеет всеобщность как черта закона. Если закон в определенных условиях действует везде и всюду, то, установив наличие определенных условий в будущем, люди могут предвидеть ход событий и действовать сообразно этому предвидению.

Не следует смешивать всеобщности закона по форме и его всеобщности по содержанию. Под всеобщностью закона по форме подразумевается то, что он охватывает обязательно все предметы той группы явлений, которые ему подчинены, и поэтому всегда выражается общим, а не частным суждением. Законы же марксистской философии всеобщи и по содержанию и по своему объему, охватывая своим действием вообще все явления действительности в каком-либо определенном отношении. Таким образом, хотя закон есть всеобщее отношение, но, во-первых, его всеобщность в ряде случаев выражает лишь полный охват явлений какой-либо группы, а не вообще всех явлений в мире; во-вторых, всеобщность имеет много различных сторон, форм, не охватываемых законом (всеобщность пространства, времени и т. д.). Значит, закон есть лишь одна из форм всеобщности.

Всеобщая связь явлений многообразна и выражается в различных формах. Одной из таких форм всеобщей связи является отношение причинности, каузальности. В нем выражается необходимая связь двух или нескольких явлений, следующих одно за другим. Чаще всего закон выражает причинную связь явлений. Законы, выражающие эту связь, наиболее

многочисленны и характерны для науки. Однако закон может выражать и другие всеобщие и необходимые отношения, например отношение общего и частного (особенного), формы и содержания, связь сторон явления данного типа и т. п. Ведь причинная связь есть лишь «малая частица» (Ленин) всеобщей связи явлений.

В причинной зависимости находит свое выражение необходимая связь явления предыдущего (причины) с явлением последующим (действием). Но имеется много отношений, выражающих необходимую связь одновременно существующих явлений или сторон явления (общее — отдельное, форма — содержание, сущность — явление и т. д.). Различные законы могут выражать и выражают все эти различные формы всеобщей связи. В том факте, что закон не связан с какой-либо одной формой связи явлений, а выражает самые различные формы этой связи, проявляется также его всеобщность.

Закон нельзя ограничивать какой-либо частной формой связи явлений, например функциональной зависимостью, как это делают многие современные буржуазные теоретики, или даже причинной зависимостью. Однако последнее ограничение распространено и в марксистской философской литературе.

Конечно, каждое явление имеет свою причину. Беспричинных явлений не существует. Далее. Причинная связь не может быть заменена никакой другой. Поэтому попытки замены законов, выражающих причинную связь, какой-либо иной связью, например функциональной, антинаучны. Но из того, что нет явлений без причины, нельзя заключить, что все законы выражают только причинную связь. Ряд законов науки выражает иные связи, иногда даже более поверхностные, например отношения простого, но повторяющегося следования одних явлений за другими (если наука еще не знает причины этого следования) или отношения простой взаимозависимости (функциональные законы) и т. д.

Остановимся для примера на последних. Значительная часть законов так называемых точных наук выражается в математической, функциональной форме. Понятие функциональной зависимости между переменными величинами является одним из основных понятий не только в математике, но и во всех современных естественных и технических науках. Вычисление значений функции для каждого данного значения аргумента выражает связи между различными величинами, характеризующими тот или иной процесс или явление. Ряд законов природы, которые раньше выражались в качественной форме, теперь получили математическое выражение. Неправильно противопоставлять функциональное отношение причинному, так как в значительной части случаев в форме функционального отношения в современной науке выражается именно причинная зависимость. Махисты и позитивисты

вообще противопоставляют функциональное отношение причинному, пытаясь заменить второе первым в целях борьбы против материализма. Однако функциональное отношение шире, общее, хотя и поверхностнее причинного; функциональным отношением нельзя заменить закона вообще, но тот или иной закон может выражать и функциональное отношение, т. е. факт повторяющейся взаимозависимости или соответствия явления.

Неправильно все отношения сводить к причинной связи, которая есть лишь малая частица всеобщей связи явлений. Так, например, логические законы мышления выражают не только каузальные, но и более общие отношения. Даже закон достаточного основания нельзя свести к каузальности: связь между основанием и следствием выражает не только каузальность, но и отношение между общим и частным. Так, например, из факта смертности всех людей следует мысль о моей смертности, хотя ясно, что смерть других людей вовсе не является причиной моей смерти.

Перейдем теперь к необходимости как другой неотъемлемой черте закона. Закон выступает не только как всеобщее, но и как необходимое отношение. В. И. Ленин отмечает у Фейербаха выражение: «...**законы или необходимости природы**...»¹³ Необходимость представляет одно из наиболее глубоких и всеобъемлющих отношений действительности. Необходимость является основой закона или одной из форм проявления всеобщей необходимости (детерминизма). Однако необходимость является одновременно и чертой, признаком закона, подобно тому, как, например, материальность, пространственность, изменчивость во времени, будучи свойством всех вещей, в то же время являются свойствами и каждой вещи в отдельности. Необходимость, неизбежность — неотъемлемая черта закона. Само понятие «закон», как нечто обязательное, «принудительное» для исполнения, связано с наличием этой черты. Этот признак в истории человеческого мышления был овеян мифологической поэзией и религиозным экстазом.

Необходимость не следует понимать так, что существующее нельзя изменить. Это означает, что существующая действительность обусловлена всей совокупностью предшествовавших явлений и, в свою очередь, полностью определяет последующие явления. Ведь наши сегодняшние усилия по изменению действительности входят, включаются в круг условий, необходимых для появления новой, завтрашней действительности. В отношении же каждого отдельного явления эта связь выступает или как необходимая, или как случайная. Это значит, что в каждом явлении есть такие черты, которые

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 55.

в нем обязательно (необходимо) должны быть, и такие черты, которые в нем могут и не быть.

В метафизическом материализме признание закона приводило к фаталистическим выводам, неизбежно вытекающим из абстрактного понимания необходимости. Диалектический материализм свободен от фатализма. Но и в марксистском понимании необходимость, неизбежность, как признак закона, проявляется в полной мере. Марксизм учит, что люди, познав закон, могут использовать его в своих целях или создать такие условия, которые видоизменяют действие закона или подвергают явление действию других законов. Ясно, однако, что во всех этих случаях необходимость не только не «отменяется», но и не ослабляется. В обществе законы действуют так же, как и в природе, с абсолютной, железной необходимостью. (...)

Законы социализма носят также объективно необходимый характер. В условиях социализма действуют с объективной необходимостью как общелисторические экономические законы (закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил), так и экономические законы, специфически присущие социалистическому обществу (основной закон социализма — закон максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства).

Реальное, конкретное явление включает в себя случайность, выступающую как форма проявления и дополнение необходимости. Она включена в круг всеобщей необходимости, так как возникает в результате взаимодействия, взаимовлияния различных, относительно внешних в отношении друг друга, закономерностей. В законе же по самому его существу случайное исключается. Наука, открывая закон, абстрагируется от конкретного, берет и выявляет общее и необходимое в явлениях. Законы науки являются выражением чистой необходимости. Одной из практических задач познания и использования законов является преодоление случайности. (...)

Случайности в природе и обществе объективны и являются формами проявления необходимости. Однако наука, поскольку она хочет быть точной и планомерно и целеустремленно совершенствовать практику, должна заниматься изучением строгих закономерностей, присущих развитию природы и общества. Наука — враг случайностей. (...)

Случайности имеют место в природе и обществе, являясь результатом и проявлением воздействия на закономерно развивающееся явление внешних для него обстоятельств. Это перекрещивание различных закономерностей, влияющих друг на друга и дающих в результате отклонения от «чистой» закономерности, имеет место и внутри сложного явления, вследствие чего говорят иногда о «внутренней случайности». Но

и здесь случайное возникает как результат воздействия внешнего на внутреннее. Так, в живом организме отклонения от нормы происходят в результате взаимодействия различных функций организма. Но одно дело — объективность случайности, а другое дело — задачи науки. Наука не может строить свои выводы на знании случайностей, иными словами, заниматься не открытием закономерностей, а индивидуальными особенностями их проявления. Если бы, используя пример Энгельса, наука стала заниматься вопросом, почему в данном стручке меньше или больше горошин, чем в другом, почему в данном цветке пять лепестков, а не шесть, то она превратилась бы в игру, так как, во-первых, область индивидуальных особенностей неисчерпаема, а, во-вторых, при таком подходе наука низвела бы необходимость до случайности и сама потеряла бы практическое значение. Задача же науки состоит в том, чтобы поднимать случайность до необходимости, т. е. сквозь случайность видеть и вскрывать необходимость и закономерность.

К. Маркс ярко показал отношение науки к случайности в связи с анализом закона спроса и предложения.

«Спрос и предложение, — писал он, — в действительности никогда не покрывают друг друга или если и покрывают, то только случайно, следовательно, с научной точки зрения этот случай должен быть $= 0$, должен рассматриваться как несуществующий. Однако в политической экономии предполагается, что они покрывают друг друга. Почему? Это делается для того, чтобы рассматривать явления в их закономерном, соответствующем их понятию виде, т. е. рассматривать их независимо от той их внешней видимости, которая порождается колебаниями спроса и предложения...»¹⁴

Сведение научного познания к коллекционированию случайностей ликвидирует науку, превращает ее в «кунсткамеру», в собрание «раритетов», редкостей. «...Наука, — писал А. И. Герцен, — перешагнула за индивидуальности, за случайные и временные личности; она далеко оставила их за собою, так что они незаметны для нее»¹⁵. «В науке природа восстанавливается, освобожденная от власти случайности и внешних влияний, которая притесняет ее в бытии; в науке природа просветляется в чистоте своей логической необходимости...»¹⁶

Однако наука учитывает то обстоятельство, что в процессе развития случайность иногда выступает как зародыш, как «первая ласточка» необходимости, закономерности. Обмену товаров как всеобщему и закономерному явлению в обществе

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. I. С. 208.

¹⁵ Герцен А. И. Избр. филос. произв.: В 2 т. Т. I. М., 1948. С. 21.

¹⁶ Там же. С. 63.

предшествовал случайный обмен продуктов (в патриархальном хозяйстве). При случайном обмене закон стоимости еще не проявляется. Этот закон начинает свое действие лишь тогда, когда обмен принимает широкий и систематический характер. В процессе естественного отбора возникновению нового признака растительного сорта или животной породы предшествует появление отдельных экземпляров, обладающих этим признаком. Одной из немаловажных задач науки является отличить «случайности», способные превратиться в закономерность, от «чистых» случайностей, не имеющих будущего. Важной задачей науки является также раскрытие закономерности самой случайности, открытие законов случайных явлений.

Имеются два основных закона теории вероятностей (науки, изучающей закономерности случайных процессов): закон больших чисел и центральная предельная теорема. Первый закон устанавливает значение среднего арифметического независимых случайных величин очень большого числа испытаний. Пример: давление газа на стенки сосуда. Второй закон (центральная предельная теорема теории вероятности) устанавливает вероятность того, как часто случайная величина принимает значения, заключающиеся в заданных границах при очень большом числе испытаний, например, какая часть из колоссального количества молекул газа в сосуде обладает той или иной данной скоростью.

Эти законы показывают, что там, где казалось бы, царит хаотический беспорядок, не подчиненная ничему и непостижимая игра сил природы, на самом деле господствуют законы, постигаемые человеком и применяемые им для целей практической жизни. Так, артиллеристы, преодолевая явление рассеяния снарядов, на основе этих законов уверенно накрывают цель. Случайное тоже подчиняется своему закону потому, что оно отнюдь не чудесное, не беспричинное явление, а тоже детерминировано «столкновением» явлений и оказывается «незакономерным» лишь для данной, отдельной закономерности.

Основоположники марксизма рассматривали проблему случайности главным образом в плане соотношения необходимости и случайности: случайность есть форма проявления и дополнение необходимости, выразив таким образом их диалектическую связь. В. И. Ленин указывает, что Маркс и Энгельс занимались не повторением азбучных истин материализма, а развивали материализм дальше, внедряя в материализм диалектику и доводя его «доверху», до материалистического понимания истории. Основоположники марксизма сравнительно мало занимались анализом самих понятий закона, закономерности и необходимости, так как эти категории, являясь азбучными истинами материализма, были в основном выяснены и определены предшествующим материализмом.

В вопросе о законах Маркс и Энгельс преимущественно анализировали диалектическое соотношение законов различных форм движения материи, различных общественных формаций. Энгельс, выступая против Дюринга, подчеркивал преимущественно момент относительности законов, изменчивости законов морали и права в общественной жизни. В связи с проблемой закономерности Маркс и Энгельс критиковали абстрактно-метафизическое понимание необходимости, исключая случайность, ведущее к фатализму. Известно, что метафизики противопоставляли друг другу случайность и необходимость, не видели между ними единства. Что необходимость и случайность противоположны — это правильно. Но дальше разделения случайности и необходимости предшествующая философия не шла.

Метафизический материализм не видел единства необходимости и случайности, ибо он вообще видел лишь различия явлений, но не их единство. В этом проявились несостоятельность и пороки метафизики. Научное объяснение единства необходимости и случайности было впервые сформулировано Марксом и Энгельсом: случайность есть форма проявления и дополнение необходимости.

Научная разработка Марксом и Энгельсом проблем закона и закономерности, необходимости и случайности определялась задачей применения диалектики к материализму. Положение существенно изменилось в нашу эпоху. Буржуазные философы эпохи империализма отрицают не только закономерный характер развития общества, но и закономерности природы, трактуя природу как совокупность случайностей, как хаос, бессмыслицу. (...)

Идеологи империализма сводят закономерности и законы природы к случайности, вероятности, формальной возможности, убеждают науку отказаться от «претензий» открывать объективные законы действительности, стремясь умалить значение науки. Реакционно-классовый смысл атак на научное понятие закона ясен: апологеты буржуазии стремятся внушить, что мир и жизнь его бессмыслица, убить у трудящихся веру в возможность социалистического переустройства общества, посеять неверие в свои силы. (...) С другой стороны, идеологи буржуазии стараются оправдать хищническую политику империализма.

В этих условиях признание объективной закономерности из азбучной истины превратилось в арену ожесточенной борьбы между марксизмом в союзе с передовой наукой, с одной стороны, и буржуазной философией в союзе с теологией — с другой, в одну из центральных проблем непримиримой борьбы двух идеологий. (...)

Одной из самых распространенных форм современного идеалистического извращения понятия закона является отрица-

ние необходимости, детерминизма, сведение причинной связи к простой или случайной последовательности явлений. Так, в современной англо-американской философии «неореализма» и «критического реализма» отношение причинности понимается лишь как внешняя связь явлений. Между событиями якобы нет необходимой связи, они внешни по отношению друг к другу и соединены случайно. Но внешних связей бесконечное множество, и они меняются непрерывно. (...)

Так обстоит дело, например, в том случае, когда мы опускаем монету в автомат. Чем меньше интервал между причиной и действием, или чем уже круг связи, тем больше вероятность повторения действия. Однако, каким бы малым мы ни сделали промежуток времени между причиной и действием, все же в течение этого промежутка может произойти нечто, что помешает получиться результату. Я вкладываю свою монету в отверстие, но еще до того, как я получил свой билет, может произойти землетрясение. Когда мы включили все окружающее, вероятность построения событий станет почти равной нулю.

Сведение всех отношений к внешним отношениям приводит действительно к «логическому атомизму» (так называет Рассел свою философию), к тому, что мир рассыпается на мелкие части, становится картиной художника-пуантилиста. Внешне связанные, случайно соединенные явления не могут дать постоянства, повторяемости, необходимой связи. А без такой связи нет закона. Гносеологический атомизм является выражением чисто атомистических отношений между частными собственниками в капиталистическом обществе, отделения личности от общества, разобщения отдельных индивидов, внешней связи между ними, ибо в этом обществе общественное богатство раздроблено, распылено, собственность одного лица противостоит собственности другого.

Уродство сознания, отражающего подобный атомизм, понимали и разоблачали еще русские революционные демократы XIX в. «Эгоизм ненавидит всеобщее, — писал А. И. Герцен, — он отрывает человека от человечества, ставит его в исключительное положение; для него все чуждо, кроме своей личности. Он везде носит с собой свою, злокачественную атмосферу, сквозь которую не проникает светлый луч, не изуродовавшись». ¹⁷(...)

Другой попыткой «опровержения» детерминизма является сведение необходимости к вероятности.(...) Так, А. Эддингтон объявил, что в настоящее время можно со всей определенностью констатировать постепенное исчезновение детерминизма в теоретической физике. Эддингтон пытался уверить своих слушателей, что «упразднение» детерминизма ни в коем

¹⁷ Герцен А. И. Избр. филос. произв.: В 2 т. Т. 1. М., 1948. С. 18.

случае не является отказом от научного метода, что, наоборот, оно якобы увеличило глубину и точность математического анализа наблюдаемых явлений и что якобы на базе индетерминизма можно сделать практические предсказания с таким же успехом, как и на «прежней базе» причинности.

«Упраздняя» детерминизм, Эддингтон предпочитает извращать как понятие детерминизма, так и индетерминизма. Первый он изображает как «предопределение», характеризуя его словами древнего поэта и мыслителя Омара Хайяма: «В первый День Творения было уже записано то, что будет прочитано в Последний День Расплаты». (...) Что же касается индетерминизма, то Эддингтон отождествляет его с вероятностью. Притом он делает сразу две явных подтасовки, изображая дело так, что якобы детерминизм и вероятность исключают друг друга и что индетерминизм допускает закономерность.

В действительности неверно и то и другое. Детерминизм и вероятность вовсе не исключают друг друга. Процессы, имеющие вероятностный характер, являются лишь особенными, частными случаями всеобщей обусловленности, закономерности. Существует наука, теория вероятности, формулирующая законы вероятностных явлений. Так же неверно, что индетерминизм допускает закономерность. Это противоречит как истории философии, так и существу самого термина индетерминизма, переводимого на русский язык как «отрицание детерминизма, т. е. всеобщей обусловленности явлений, их закономерности». Необусловленная, беспричинная «закономерность» — это бессмыслица, вроде «черной белизны» или «независимого лакея реакции».- (...)

Закон вероятности Эддингтон называет вторичным (побочным) законом. Пример первичного, достоверного закона: мы никогда не встречаем равносторонних треугольников с неравными углами; для вторичного, вероятностного закона Эддингтон дает «высоконаучный» пример: мы никогда не встречаем 13 козырей у одного игрока при игре в бридж. Первое странно и ведливо потому, говорит Эддингтон, что противоположный случай невозможен, второе же — потому, что случай противоположного характера в высшей степени невероятен. Земля вращается вокруг солнца, потому что она не может уйти от него. Тепло переходит от нагретого тела к холодному потому, что обратный переход мало вероятен. Признание вторичного закона и явилось, по Эддингтону, тем клином, который якобы расколол концепцию детерминизма. Большая степень невероятности почти равна невозможности, хотя такое явление, с точки зрения физической теории, является не невозможным, а лишь крайне маловероятным. Так как детерминизм, по мнению Эддингтона, не оставляет ни малейшего места случайности, то наличие вторичного закона заводит детер-

минизм в тупик, так как в конечном счете все сводится к вероятности.

Идеалисты извращают выводы современного естествознания для доказательства своих антинаучных измышлений. Заявляя, что детерминизм исключает случайность, Эддингтон приписывает марксистскому материализму метафизическое отрицание объективного характера случайности. У Эддингтона нет средств выступить открыто против современного материализма, т. е. против марксизма, и он подтасовывает карты. (....)

Нападки буржуазных философов на принцип детерминизма вполне понятны с точки зрения классовых интересов реакционной буржуазии. Стоять на позициях научного детерминизма — значит признавать наличие объективных закономерностей природы и общества. А это признание, как известно, противоречит интересам буржуазии.

Для осуществления необходимого процесса требуется наличие определенных предметов (явлений), определенного же отношения между ними и, наконец, определенных условий. Первые два момента мы рассмотрели. Остановимся на вопросе об условиях. Отношение между явлениями осуществляется с необходимостью лишь в определенных условиях. Сходные (идентичные) явления, происходящие в разных условиях, дают разные результаты, поэтому в формулировке закона всегда оговариваются условия, в которых явление необходимо, неизбежно происходит и вне которых эта неизбежность отсутствует. Марксизм уделяет большое внимание вопросу о роли условий в развитии явлений, событий общественной жизни, подчеркивая, что только тщательное изучение условий возникновения и развития этих явлений и законов позволяет правильно, научно понять и явления, и их закон, и действительность в целом.

Победа социализма в отдельных странах невозможна была в том случае, когда движение буржуазного общества шло по восходящей линии. Но она возможна и осуществилась тогда, когда движение буржуазного общества в целом начало идти по нисходящей линии, а именно в период развития империализма, когда неравномерность развития капиталистических стран превратилась в решающую силу империалистического развития, когда неизбежные конфликты и войны между империалистами ослабляют фронт империализма и делают возможным его прорыв в отдельных странах. (...)

Среди общественных условий марксизм учит различать решающие условия, а также объективные, не зависящие от нас, и условия субъективные, зависящие от людей. Так, марксистское учение о партии указывает на решающее условие того, чтобы авангард не отрывался от масс, чтобы авангард действительно мог вести за собой миллионы людей, надо,

чтобы сами массы убедились на собственном опыте в правильности указаний, директив, лозунгов авангарда.

Возьмем далее условия, которые обеспечивали в первые годы Советской власти существование и успехи Советской России. Эти условия были двоякие: объективные, не зависящие от нас условия, и условия субъективные, от людей зависящие. К числу первых условий относилось, во-первых, то обстоятельство, что Россия представляет необъятную, громадную страну, на территории которой можно долго продержаться, отступая в глубь страны в случае неуспеха, для того, чтобы, собравшись с силами, вновь перейти в наступление. Во-вторых, это то обстоятельство, что Россия представляет собой одну из немногих в мире стран, обладающих всеми видами топлива, сырья и продовольствия. (...) К субъективным же условиям относились условия, обеспечивающие резервы России: Красная Армия, революционные движения на Западе и нараставшее брожение на Востоке в колониях и полуколониях Антанты.

В настоящее время существуют две противоположные социальные системы: социализм и капитализм. Большинство законов общественного развития, действующих в каждой из этих систем, различны и противоположны, следовательно, мирная политика СССР, борьба советского народа и сотен миллионов трудящихся за прочный и длительный мир теоретически связаны с признанием возможности одновременного существования и действия разных и противоположных законов общества в различных условиях.

Вопрос о роли условий в действии законов имеет огромное значение и в области естествознания. Так, например, вода кипит при 100°C тепла только в условиях определенного атмосферного давления, ряд химических реакций происходит только в определенных температурных условиях. «...Закон падения... становится неверным, — писал Энгельс, — уже при продолжительности падения в несколько минут, ибо в этом случае уже нельзя без ощутительной погрешности принимать, что радиус земли = ∞ , и притяжение Земли возрастает, вместо того чтобы оставаться равным самому себе, как предполагает закон падения Галилея».¹⁸

Оптические спектры (т. е. спектры инфракрасных, видимых и ультрафиолетовых лучей), будучи связаны с излучением из внешних частей электронных оболочек атомов, значительно зависят от условий, в которых эти атомы находятся: ионизированные (заряженные) атомы дают иные спектры, чем незаряженные; сильные магнитные и электрические поля изменяют оптические спектры, расщепляют спектральные линии. Незнание роли условий в образовании спектров ведет к ошиб-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 588.

кам. Так, астрономы, обнаружив в спектре Солнца и звездных туманностей неизвестные линии, решили, что они открыли новые элементы (которые и были названы небулием, коронием и геокоронием), а затем оказалось, что эти новые линии принадлежат давно известным элементам, находящимся в ионизированном состоянии.

Учет действия условий на характер спектров дал академику Д. С. Рождественскому возможность впервые прийти к правильному объяснению спектров ряда ионизированных элементов — магния, ртути и др. Ученые не только определяют действие закона по изменению условий, но и, наоборот, по различию законов определяют наличие условий, в которых эти законы действуют. По тому, как изменяются в звездных спектрах знакомые линии известных элементов, узнают температуру звезд, давление, ионизацию атомов в звездах и звездных туманностях. В промышленности по изменению спектров излучения определяют температуру в электрической дуге, в доменных печах.

Значение условий для действия закона вскрывает также теория А. А. Ухтомского (1875—1942) о физиологии нервно-мышечного двигательного аппарата и деятельности нервных центров и о доминанте. Согласно представлению классической физиологии, законы жизнедеятельности органов и тканей являются постоянными и не зависят ни от времени, т. е. от прежних состояний живого организма, ни от особенностей раздражителя, действующего на организм. По этим представлениям, реакция органа со своей количественной стороны определяется «законом специфической реакции», а с качественной стороны — законом «все или ничего».

Ухтомский доказал, что для определения закономерностей процессов и преобразования функций организма и его органов необходимо учитывать как особенности раздражителя, так и предшествующую «историю» (функциональное состояние) организма и органов, и что поэтому эволюция живой системы необратима. Обусловленность действия законов организма в целом демонстрируется учением Ухтомского о доминанте. Нервный центр не есть нечто неизменное и постоянное, в смысле качества возбуждения, как представляла его прежняя физиология. Это качество и его определенность зависят от доминанты, т. е. от временно господствующего в центральной нервной системе рефлекса.

Значение условий проявляется даже в законах математики. Так, основной закон теории вероятностей — закон больших чисел — действителен лишь в определенных условиях. Например, вероятность того, что первые десять прохожих (все подряд) окажутся мужчинами, — менее одной тысячной доли. Но эта вероятность сразу нарушится, если первой мимо вас пройдет воинская часть.

Ограничение необходимости действия того или иного закона определенными условиями используется агностиками-индетерминистами как аргумент для отрицания детерминизма. Б. Рассел критикует определение необходимости, выраженное так: «Необходимо все то, что не только истинно, но что истинно при всех обстоятельствах». Рассел признает, что всякий закон должен быть определен своими условиями. Мы замечаем физические явления, и эти явления повинуются законам. Это значит, что явления а, b, с, d, воспринятые раньше, способны воспроизводиться вновь, и что известное явление Р, которое имело место вслед за условиями а, b, с, d, и только вслед за ними, не преминет появиться вновь, как только будут даны те же самые условия. Из этого Рассел, однако, делает тот неверный, антинаучный вывод, что так как условия все время меняются, то и необходимости, строго говоря, не существует.

Ненаучность такого «аргумента» очевидна. Ограничение проявления необходимости определенными условиями вовсе не колеблет необходимости, а, наоборот, утверждает ее, указывая на ее реальные основания. Это ограничение опровергает лишь абстрактное и фаталистическое понимание необходимости, с которым марксизм не имеет ничего общего.

Диалектическое, конкретное изучение условий показывает, что в ряде случаев необходимый характер действия закона требует наличия не одного условия, а целого круга условий. С этим связан вопрос о так называемой многопричинности. Диалектико-материалистический подход к этой проблеме характеризуется не только установлением связи между различными причинами или условиями, но и уяснением наиболее глубокой, общей основы всех этих причин. Эти требования как раз отсутствуют в метафизическом понимании многопричинности.

Характерным выражением такого метафизического понимания многопричинности является так называемая «теория факторов в исторической науке. Факторы (причины, условия), вызывающие данное историческое явление, рассматриваются теорией факторов каждый порознь, располагаясь по степени их «важности» без выяснения общей основы всех этих факторов.

Возникновение того или иного общественного явления обуславливается обычно многими различными обстоятельствами общественной жизни или даже всей совокупностью обстоятельств этой жизни. Значит, исторический монизм будет состоять в том, чтобы видеть то, что связует всю эту совокупность обстоятельств, лежащих в их основе всегда и всюду и определяющих в конечном счете не то или другое, а всё и вся. Такими конечными причинами, составляющими основу всех обстоятельств, являются экономические факторы, выра-

жающие историческую необходимость. Но эта необходимость проявляется иногда опосредованно в многочисленных явлениях, моментах общественной жизни, участвующих в сложном взаимодействии.

Некоторые законы состоят в том, что указывают основные условия, необходимые для возникновения явления. Таков, например, открытый Лениным «основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями...», а именно: «революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса».¹⁹

Условия нельзя считать чем-то «внешним» для закона. Различие внешнего и внутреннего относительно. Диалектику внешнего и внутреннего понимали еще русские революционные демократы XIX в. «...Предметное существование внутреннего, — писал А. И. Герцен, — есть именно внешнее; внутреннее, не имеющее внешнего, просто — безразличное ничто... Словом, внешнее есть обнаруженное внутреннее, и внутреннее потому внутреннее, — что имеет свое внешнее. Внутреннее без внешнего — какая-то дурная возможность, потому что нет ему проявления; внешнее без внутреннего — бессмысленная форма, не имеющая содержания... Бесконечное, безначальное отношение двух моментов, друг друга определяющих, друг друга утягивающих, так сказать, составляют жизнь истины; в этих вечных переливах, в этом вечном движении, в которое увлечено все сущее, живет истина: это — ее вдыхание и выдыхание, ее систола и диастола. Но истина жива, как органически живое, только как целостность; при разъятии на части душа ее отлетает, и остаются мертвые абстракции с запахом трупa».²⁰ (...)

Условие действия закона нельзя отрывать от самого закона, так как закон имеет силу лишь в определенных условиях, и изменение условий часто вызывает смену и самого закона. Великий физиолог-материалист И. М. Сеченов, настаивая в борьбе с идеализмом в биологии на неразрывной связи организма с окружающими его условиями жизни, включал эти условия в самое понятие организма. Организм без внешней среды, поддерживающей его существование, писал Сеченов, невозможен, поэтому в научное определение организма должна входить и среда, влияющая на него. Организм без условий среды Сеченов считал абстракцией. Он указывал, что мы можем отделять свое тело и свою духовную жизнь от всего окружающего лишь мысленно, подобно тому, как отделяем мысленно цвет, форму или величину от целого предмета. Од-

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 69—70.

²⁰ Герцен А. И. Избр. филос. произв. Т. 1. С. 23.

нако этому отделению не соответствует никакая действительная отдельность.

Учение академика И. П. Павлова также устанавливает определяющее влияние условий среды на организм, на его нервную систему, на его психическую деятельность. Павлов указывал, что при исследовании деятельности как низшего, так и высшего отдела центральной нервной системы физиологии надлежит точно сопоставлять изменения во внешнем мире с соответствующими им изменениями в животном организме и устанавливать законы этих соотношений. Некоторые условные рефлексы в силу определенных условий могут превращаться в безусловные. Сама система условных рефлексов, лежащая в основе всей психической жизни животного, возникает и изменяется под влиянием условий среды. (...)

Итак, хотя формула закона науки включает в свое содержание как свою неотъемлемую составную часть условия, в которых он проявляет свое действие, однако собственно закон составляет форма взаимосвязи явлений, неизбежно возникающая при данных условиях. Таким образом, формулу закона науки можно разделить на три части: на явления, подчиненные закону, на связь явлений, определяемых законом, и на область условий, в которых эта связь осуществляется с необходимостью. При этом вторая часть является главной, выражает существо закона.

Условия, ограничивая сферу действия закона, вносят момент историчности даже в вечные законы. *«Вечные законы природы»* также превращаются все более и более в исторические законы, — писал Энгельс. — Что вода при температуре от 0 до 100°C жидка — это вечный закон природы, но, чтобы он мог иметь силу, должны быть налицо: 1) вода, 2) данная температура и 3) нормальное давление»²¹.

Всякий объективный закон действует в определенных условиях и вне этих условий теряет силу. К пониманию этого вопроса подходили еще классики русской философии XIX в. По мнению Н. Г. Чернышевского, определительное суждение можно произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит.²² Правильное решение вопроса о роли условий в действии закона имеет огромное практическое значение, так как использование законов состоит преимущественно в создании для закона таких условий, при которых он действует в желательном для нас направлении. (...) Отрицание внешних условий уходит своими корнями в субъективный идеализм, в солипсизм. (...)

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 553.

²² Чернышевский Н. Г. Избр. филос. произв.: В 3 т. Т. 1. М., 1950. С. 453.

Некоторые буржуазные философы, метафизически противопоставляя условие причине, используют обусловленность как черту закона для отрицания или дискредитации причинности. Так, М. Ферворн отвергает идею причинности как якобы мистическую и фетишистскую, противопоставляя причинности кондиционный метод исследования (лат. *conditio* — условие).

«Понятие причины,— пишет Ферворн,— есть мистическое понятие, происходящее из первобытной фазы человеческого мышления. Строго — научный метод изложения не знает никаких „причин“, а только закономерные зависимости. Закономерный процесс, или состояние, никогда вполне точно не определяется „одной исключительной причиной“, но всегда суммой условий, которые все равноценны, потому что они равно необходимы. Каузальная закономерность есть умозрительная мистика, кондиционная закономерность есть опыт»²³. Это антинаучное противопоставление причины условиям основывается или (как у Ферворна) на том предрассудке, что якобы каузальное объяснение требует непременно одной-единственной причины, что совершенно не соответствует действительности и фактам науки, или на метафизическом противопоставлении самих понятий причины и условия. В действительности же причина и условие близки друг другу и вовсе не противостоят одно другому.

Носителями причин и условий в реальной действительности являются всегда материальные объекты. Понятия причины и условия обозначают отношения, взаимосвязь между ними. Под условием разумеется то, что влияет на вещь, действует на нее в каком-либо отношении. Понятие условия шире, чем понятие причины. Не всякое условие есть причина. Причина есть такое условие, которое производит, вызывает явление в целом или в его каких-либо чертах, отношениях. Дождь есть причина появления лужи на улице. Но форма лужи, ее температура и т. д. зависят от других условий, которые являются причинами уже не появления лужи, а ее формы, температуры и т. п. Так, причиной формы лужи будут неровности поверхности.

Значит, причин всякого явления так же много, как и условий, так как сторон у всякого явления множество. Одна причина вызывает, обуславливает появление лужи, другая — ее форму, третья — ее температуру, четвертая — ее химический состав и т. д. Для понимания, объяснения конкретности явления необходимо обращение к «многопричинности». Следовательно, противопоставлять условие причине бессмысленно. Условие есть одновременно причина какой-либо стороны,

²³ Ферворн М. Вопрос о границах познания. СПб., 1909. С. 25.

черты, особенности явления. Для других черт, сторон, особенностей этого явления оно, это условие, причиной не является.

Математика различает необходимые и достаточные условия. Возьмем для примера условия делимости числа на 2. Необходимое условие делимости на два заключается в том, чтобы делимое число не кончалось на 7. Но этого условия недостаточно, так как 23 не кончается на 7, но и не делится на 2. Достаточным будет условие делимости на 2 тогда, когда делимое кончается на 0. Но это условие, наоборот, не является необходимым, так как 38, например, не кончается на 0, но делится на 2. Итак, если делимое число оканчивается числом, делящимся на 2, т. е. на одну из следующих цифр: 0, 2, 4, 6, 8, то это и будет являться необходимым и достаточным условием делимости на 2.

Различие между необходимым и достаточным условием следующее: необходимым условием является такое, без которого факт не может появиться, достаточным условием — при котором факт заведомо появится. Применяя эти положения к вопросу о роли условий в использовании законов, можно прийти к выводу, что задачей закона является, во-первых, устранение таких условий, которые мешают ему появиться, иными словами, создание таких условий, при которых появляется возможность действия закона (необходимых условий), но этого недостаточно, так как возможность еще не есть действительность. Значит, нужно, во-вторых, создание таких условий, при которых закон обязательно появится (создание достаточных условий). Таким образом, роль человека в использовании законов посредством оперирования условиями одновременно и отрицательная (в смысле устранения нежелаемых условий), и положительная (в смысле создания желательных условий и в смысле борьбы за победу этих условий).

Марксистское учение об условиях действия закона связано с вопросом о базе действия законов. Новые экономические законы возникают на базе новых экономических условий. (...) Закон может действовать лишь в определенных условиях. Эти условия, поскольку закон опирается на них в своем действии, являются его базой, основой. С возникновением новой базы возникает и новый закон.

Выражая всеобщие и необходимые связи вещей, т. е. то, что меняется медленнее и иначе, чем внешность, закон выступает как нечто «прочное (остающееся) в явлении», как «спокойное отражение явлений».²⁴

Переходим к следующей особенности закона. Закон есть нечто спокойное, т. е. относительно устойчивое, сравнительно с «беспокойным» многообразием, бесконечным своеобразием

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136.

своих проявлений. Это многообразие имеет место не только во внешности, в явлениях, но и в сущности, в ее многообразной конкретности.

Закон необходимо выражает относительное постоянство отношения, фиксируемого им. (...) Нельзя думать, что закон отражает все те изменения, которые происходят в явлениях, охватываемых им, что он изменяется сам вместе с этими изменениями. Если бы это было так, то вообще нельзя было бы открыть ни одного закона. В самом деле. В состав явлений, охватываемых, например, законами физики, входят различные величины, объемы, давления, температуры и т. п. Все эти элементы постоянно изменяются. Но закон не изменяется в зависимости от изменений этих элементов, так как он фиксирует те постоянные отношения, в границах которых происходят взаимные изменения этих переменных величин, температуры и т. п.

формулирует постоянство зависимости одного изменения от другого, например зависимости изменения объема от темпе-

Закон может формулировать также отношение между количественными и качественными свойствами системы, например зависимость между атомным номером и изменением свойств химических элементов, между структурой тела и его свойствами, например точкой кипения, силой преломления, формой кристаллов и т. п. Закон часто выражает отношение между различными системами или их элементами, не зависящими в своих изменениях друг от друга. Так, например, критическая температура одного металла не зависит от критической температуры другого металла, что, однако, не мешает установить закономерность критических температур для разных веществ.

Закон также в ряде случаев не зависит от изменения величин, сумму которых он выражает. Так, изменяя величину одного или нескольких электрических зарядов, мы не изменяем закона, согласно которому электрический заряд есть всегда сложное целое элементарных зарядов.

Многие законы касаются явлений, составленных из столь многочисленных, разнообразных и непрерывно меняющихся элементов, что закон может выразить лишь общий, нерасчлененный результат взаимодействия этих элементов. Таково, например, в физике давление газа согласно кинетической теории, таковы также многие законы общества.

Все это показывает, что закон не «прикреплен» к одному явлению, что изменения явления происходят, так сказать, под ним, повторяясь согласно отношению, установленному законом. Явления изменяются, а закон остается. Постоянство закона ясно проявляется в общественном развитии. Так, жизненный уровень трудящихся СССР с каждым годом повышается, растет как конкретное, фактическое проявление действия основ-

ного экономического закона социализма — закона обеспечения максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства. (...)

Прочность, постоянство закона связаны с повторяемостью явлений (в их существенных чертах) в сходных условиях. Без этой повторяемости невозможен ни сам закон, ни его использование человеком. Ленин писал, что домарксистские социологи «затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это — корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты».²⁵

Повторяемость явлений, согласно закону, представляет внешнее выражение необходимости и устойчивости закона и является производным от указанных черт закона. Абсолютной (во всех отношениях) повторяемости не существует. Двух явлений, совершенно одинаковых, не может быть (в простейших случаях это возможно, но чисто случайно). Каждое явление имеет свою «индивидуальность».

Хотя биологические закономерности являются общими для всех экземпляров того или иного вида животных, нельзя найти двух совершенно одинаковых людей, «двойников». Слушатели немецкого философа второй половины XVII и начала XVIII в. Лейбница безрезультатно пытались разрешить поставленную Лейбницем задачу — найти в парке два вполне одинаковых листа дерева. При наличии общих закономерностей развития общества в истории не было двух совершенно идентичных событий. Но закон отмечает как раз не индивидуальные черты явлений, не то, чем одно явление отличается от другого, а их общие, повторяющиеся черты и свойства.

Индивидуальность (неповторимость) каждого явления, толкуемая метафизически (в отрыве от общего, от повторяемости), использовалась некоторыми философами в целях идеалистических выводов. Так, Лейбниц на этом свойстве действительности обосновал свое идеалистическое, мистическое учение о монадах. Кант на этом свойстве человеческого сознания построил свое идеалистическое понимание личности, неокантианцы Виндельбанд и Риккерт из этого свойства исторических явлений выводили неправомочность задачи познания законов общественной жизни. Такие идеалистические

²⁵ Там же. Т. 1. С. 137.

«выводы» несостоятельны, ненаучны, так как для открытия закона вовсе не требуется полной повторяемости. Для выведения закона науки вполне достаточно повторяемости существенных черт разных явлений или повторяемости явления в каком-либо отношении.

Б. Рассел пытается построить свою критику детерминизма на том несомненном и никем не отрицаемом факте, что в жизни всегда что-то изменяется и поэтому нельзя ожидать вполне точного, во всем идентичного повторения. Фактом неполной повторяемости Рассел хочет доказать, что закон причинности якобы есть нечто «воображаемое». Его рассуждения сводятся к следующему: полной повторяемости, неизменного единообразия последовательностей не существует. Все единообразия подобного рода зависят от известной неточности в определении фактов. Всякий прогресс в науке отделяет нас от грубых единообразий, которые наука устанавливала раньше. Наука якобы полностью отказалась от принципа: «Те же причины приводят к тем же действиям». На самом деле наука вовсе не отказалась и не может отказаться от указанного принципа.

Этот принцип совсем не нарушается тем, что полное повторение причин происходит весьма редко, а как раз подтверждается этим обстоятельством. (...) Однако от признания повторяемости лишь в существенном до отрицания причинности — очень далеко. Одно дело утверждать, что всякое «событие» наряду с общими чертами имеет индивидуальные черты своего образования и проявления, что, следовательно, конкретные условия, характер причин в том или ином случае меняются и совсем другое — утверждать, что закона причинности вообще нет, что это нечто иллюзорное.

Понятие прочности, устойчивости закона следует рассмотреть детально. Прочность закона выражается в сохранении существенных черт явления в процессе его развития, подобно тому, как черты лица человека сохраняют нечто общее от младенчества до старости, хотя в нем многое изменяется. Таким образом, прочность, относительная неизменность, «спокойствие» закона выражается в двух основных формах. Во-первых, закон фиксирует повторяемость явлений (в их существенных чертах) в сходных условиях, во-вторых, он отмечает, в чем явление повторяется и в чем изменяется при изменившихся условиях.

Диалектический подход к проблеме повторяемости вскрывает в этой важной черте закона различные моменты, стороны. Метафизический подход к повторяемости, как об этом свидетельствует сказанное выше, выражается прежде всего в игнорировании того обстоятельства, что повторяемость явлений в жизни дана в единстве с их неповторимостью, индивидуальностью (не только в обществе, но и в природе).

Другой формой упрощенного, метафизического «понимания» повторяемости является чисто количественная трактовка последней как повторения явления несколько раз. Уже упомянутый Г. Риккерт использовал такое понимание повторяемости для идеалистического отрицания применимости метода отыскания закономерностей к историческим явлениям. «А так как в понятие закона, — писал Риккерт, — входит лишь только то, что всегда можно рассматривать таким образом, как будто бы оно повторялось любое число раз, то поэтому понятие исторического развития и понятие закона взаимно исключают друг друга».²⁶

Подобное понимание повторяемости заведомо исключает открытие закономерностей таких явлений, которые появились впервые и не повторялись в истории еще «любое число раз», например закономерностей социалистического общества. Представление о полной повторяемости, исключающее индивидуальность явлений, приводит к ложной мысли о невозможности открывать закономерности общественной жизни вообще, ибо в этом смысле и предыдущие общественные формации и вообще ни одно историческое явление не «повторялось».

В действительности же явление повторяемости имеет место в процессе существования одного и того же явления, так как существование часто является процессом постоянного воспроизведения данного явления. Жизнь индивидуального организма есть процесс воспроизводства клеток и расходуемой энергии. Жизнь рода есть процесс воспроизводства особей этого рода. Любое общественное отношение, поскольку оно существует, постоянно воспроизводится, т. е. повторяется. Например, в процессе капиталистического производства происходит воспроизводство капитала и рабочего класса.

«Какова бы ни была общественная форма процесса производства, — писал Маркс в «Капитале», — он во всяком случае должен быть непрерывным, т. е. должен периодически все снова и снова проходить одни и те же стадии... Поэтому всякий общественный процесс производства, рассматриваемый в постоянной связи и в непрерывном потоке своего возобновления, является в то же время процессом воспроизводства...»²⁷

Таким образом, повторяемость следует рассматривать не только и не столько как явление количественное, т. е. внешнее по отношению к явлению, но и как процесс самовосстановления, самовоспроизводства, т. е. как процесс внутренний, имманентный явлению.

К сказанному о повторяемости следует добавить, что так как закон есть отношение всеобщее и необходимое, то коли-

²⁶ Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С. 36.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 347.

чество, число повторений вообще несущественно для закона, не влияет на его сущность. Энгельс писал, что так как закон есть форма бесконечности, а следовательно, в себе замкнутости, то количество его повторений безразлично для нас. Если мы знаем, приводит пример Энгельс, что хлор и водород под действием света соединяются при известных условиях температуры и давления в хлористоводородный газ, давая взрыв, то мы знаем также, что это происходит при указанных условиях повсюду и всегда. Поэтому для нас совершенно безразлично, произойдет ли это один раз или повторится миллионы раз.²⁸

Если бы в данном случае закон не действовал, то эти элементы не соединились бы и один раз. С другой стороны, если они уже раз необходимо соединились, то они соединятся и миллионы раз. Данная черта закона имеет большое значение. Если бы в мире не было ничего «прочного», то научное познание было бы невозможно и потеряло свой смысл, да и практика человека была бы невозможна. Во-вторых, эта черта закона создает возможность научного предвидения, что является одной из важнейших задач науки.

Закономерность и закон проявляются в повторяемости. Поэтому, наблюдая факт неоднократного повторения какого-либо явления, мы фиксируем на нем свое внимание, так как это повторение может оказаться признаком закономерности, закона. Так, наблюдая, что тот или иной человек систематически совершает ошибки, идущие в определенном направлении, мы делаем вывод, что эти ошибки не случайны, а свидетельствуют о порочности в методах работы или в идеологии данного человека. (...)

Современные идеалисты не могут отрицать постоянства законов, но трактуют это постоянство не как реальное свойство, а как логический постулат. Так, Рассел писал, что наука принимает единообразие природы или постоянство законов лишь из «индуктивных соображений». Основанием постоянства закона, по мнению Рассела, является просто индуктивное соображение о том, что он оказывается верным в ряде случаев, но все же только вероятным в известной степени. Какие соображения руководят Расселом, видно из того, что он сознательно извращает не только действительность, но и логику. Ведь до сих пор полагали, что самая возможность индукции основывается на постоянстве отношений, на законе, а не наоборот.

Относительное постоянство законов связано с вопросом о сменяемости их. Если законы обладают прочностью, устой-

²⁸ См.: Там же. Т. 20. С. 549.

чивостью, то могут ли они, по крайней мере некоторые из них, меняться? Поскольку всякий закон выражает то или иное отношение, взаимосвязь явлений и возникает на базе этого отношения; он и существует, действует, имеет силу, пока существует данное отношение. Поэтому законы природы, законы естествознания вечны или долговечны. Если они выражают вечные или долговечные связи, отношения в природе, то и действуют они вечно или долговечно.

Таковы многие законы неорганической природы. Многие законы органической природы, законы биологии возникли с возникновением жизни и действуют, пока существуют живые организмы. В силу тех причин, что закон действует, пока существует данное отношение, объективные законы природы и общества не могут изменяться в том смысле, как изменяется человек с возрастом: они или действуют, имеют силу, или теряют силу, сходят со сцены, уступая место другому закону. Объективные законы не могут изменяться или развиваться, они или постоянно действуют, или сменяются один другим.

Энгельс писал, что все преходяще, вечны лишь материя и наиболее общие законы ее движения. Закон сохранения и превращения энергии в его общей формулировке Энгельс называл вечным и абсолютным законом природы.²⁹ Закон не уничтожается, а теряет силу. На это обстоятельство указывает тот факт, что закон может снова начать действовать, если восстановятся условия и отношения, на базе которых он функционировал. Большинство законов общества недолговечно, потому что они возникают на базе отношений, связанных с той или иной определенной общественно-экономической формацией.

Маркс и Энгельс критиковали буржуазных экономистов, в том числе представителей классической политической экономии, считавших экономические законы капиталистического общества вечными и неизменными. (...)

Законы политической экономии, в отличие от законов естествознания, недолговечны. Они, по крайней мере большинство из них, действуют в течение определенного исторического периода, после чего уступают место новым законам. Однако эти законы не уничтожаются, а теряют силу в новых экономических условиях. Однако это не означает, что все законы общества недолговечны. В общественном развитии действуют и такие законы, которые являются общими для всех общественных формаций. Наряду с законами, действующими только в той или иной общественной формации, имеются законы, действующие во всех или нескольких общественных формациях.

²⁹ См.: Там же. С. 539—540.

Таким образом, каждая общественная формация в своем экономическом развитии подчиняется одновременно и своим специфическим экономическим законам, и законам, общим для всех формаций (например, таким законам, как закон о единстве производительных сил и производственных отношений в едином общественном производстве, закон об отношениях между производительными силами и производственными отношениями в процессе развития всех общественных формаций) или общим для нескольких формаций (например, закону стоимости). Марксовы схемы воспроизводства не исчерпываются отражением специфики капиталистического производства, а содержат вместе с тем ряд основных положений воспроизводства, имеющих силу для всех общественных формаций, в том числе и для социалистической общественной формации.

Необходимо отличать общие законы исторического развития от законов отдельных фаз этого развития. Первые не меняются (что вытекает из самой их природы, как законов, охватывающих своим действием всю историю человечества от начала до конца); вторые же меняются, ограничиваясь или усиливаясь в своем действии в зависимости от условий. (...)

Среди специфических законов следует различать два типа законов.

а) Законы, действующие в течение всего времени, пока существует данная формация, и теряющие силу с гибелью последней. Примерами таких законов для капитализма являются: основной экономический закон капитализма в целом, а именно — закон прибавочной стоимости; закон неравномерности экономического и политического развития капитализма; закон анархии производства; закон капиталистической конкуренции. Примерами законов этого типа для социализма являются: основной экономический закон социализма — закон обеспечения максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества; закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства.

б) Стадиальные законы, т. е. законы, действующие не в течение всего существования формации, а лишь на ее определенном этапе, стадии ее развития. Наличие таких законов несомненно. К этому типу законов относятся, например, основной экономический закон домонополистического капитализма — закон обеспечения средней прибыли; основной экономический закон современного капитализма — закон обеспечения максимальной прибыли; закон порождения монополий концентрацией производства. Стадиальные законы, естественно, меняются еще быстрее, чем первый тип специфических законов. Но и среди общих законов общественного раз-

вития имеются меняющиеся законы. Это — законы, действующие не во всех, а в нескольких общественных формациях. Примерами таких законов являются: закон стоимости; закон классовой борьбы; законы социальных революций, в том числе основной закон революции; законы войн.

Закон стоимости отнюдь не обязателен для всех периодов исторического развития, а является исторической категорией, связанной с существованием товарного производства. Он потеряет силу с исчезновением товарного производства. Поскольку у нас в советском хозяйстве товарное производство еще является необходимостью, то закон стоимости действует и у нас, но, в отличие от капиталистического производства, где закон стоимости является регулятором производства, в наших условиях этот закон не регулирует производство, хотя и воздействует на него. (...)

Наряду со сменой законов некоторые законы могут испытывать как усиление своего действия (например, усиление действия закона неравномерности развития капитализма в условиях империализма), так и ограничение сферы своего действия, как это имеет место с законом стоимости при социализме. Закон меняется лишь тогда, когда изменились существенные, основные, а не поверхностные, не случайные свойства ряда, группы явлений, т. е. когда этот ряд явлений изменился коренным образом по крайней мере в каком-либо отношении.

Одним из основных свойств домонополистического капитализма является капиталистическая «свободная» конкуренция. Постепенное развитие конкуренции порождает монополии, которые на определенной ступени своего развития превращают домонополистический капитализм в капитализм империалистический. В связи с этим ряд законов «старого» капитализма сменился законами эпохи империализма, открытыми Лениным.

«Империализм, — писал Ленин, — вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой ступени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Экономически основное в этом процессе есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями».³⁰

Не отдельные различия в формах конкуренции или моно-

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 385.

полни, а именно смена самой конкуренции монополиями ведет к смене закона свободной конкуренции законом порождения монополий концентрацией производства. «Факты показывают, — писал Ленин, — что различия между отдельными капиталистическими странами, например, в отношении протекционизма или свободной торговли, обуславливают лишь несущественные различия в форме монополий или во времени появления их, а порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма».³¹

Законы действуют в течение всего времени, пока существуют охватываемые ими явления, но их действие проявляется по-разному в различных условиях, поэтому вечные законы суть в то же время и исторические законы в указанном смысле. Другие же законы (не вечные) историчны и в другом смысле — они имеют свое начало и конец, сменяясь один другим в процессе развития охватываемых ими явлений.

Законы проявляются в ходе исторического развития. Результат их действия различен в зависимости от конкретно-исторической обстановки, условий, места и времени. Конкретно-исторический, т. е. диалектический, подход к закону предполагает, что нельзя одним общим законом объяснить явление во всей его полноте и сложности, во всей конкретности его проявлений. Лишь диалектическое единство общих, специфических законов дает возможность приблизиться к пониманию конкретного. «Значение *общего*, — писал В. И. Ленин, — противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. *Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc. дает *конкретное* в его полноте»³².

В. И. Ленин, устанавливая закон увеличения торгово-промышленного населения за счет земледельческого при капитализме, указывает на особенности действия этого закона в России. В связи с вопросом о законе уменьшения переменного капитала относительно постоянного Ленин писал: «...ни Маркс, ни его ученики не смотрели никогда иначе на данный закон, как на закон общих тенденций капитализма, отнюдь не закон всех отдельных случаев»³³. Поэтому общий закон выступает часто лишь как общая тенденция, требующая своего конкретного анализа.

Примером конкретно-исторического подхода к законам является учение Ленина, согласно которому в период домонопо-

³¹ Там же. С. 315.

³² Там же. Т. 29. С. 252.

³³ Там же. Т. 4. С. 101.

листического капитализма, когда закон неравномерности развития капитализма не мог еще действовать с полной силой, социалистическая революция могла победить лишь в результате общего удара во всех или в большинстве цивилизованных стран. В период монополистического капитализма этот закон предопределил разновременность созревания пролетарской революции в разных странах, возможность победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране. (...)

Современная буржуазная философия либо утверждает неизменность, вечность всех законов, либо декларирует их полную изменчивость. Таким образом, для этой философии характерен метафизический подход в его обеих разновидностях: догматической и релятивистской. Последняя форма метафизики особенно характерна для современного позитивизма. Марксизм ведет борьбу с обоими указанными извращениями проблемы. «...Понятие закона,— писал В. И. Ленин о „Науке логики“ Гегеля,— есть одна из ступеней познания человеком *единства* и *связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса. „Обламывание“ и „вывертывание“ слов и понятий, которому здесь предается Гегель, есть борьба с абсолютированием понятия *закона*, с упрощением его, с фетишизированием его NB для современной физики!!!».³⁴

Так, Т. Циген, ссылаясь на закон тяготения и на максвелловские уравнения электромагнетизма, утверждал неизменность законов природы. Конечно, закон тяготения и ряд подобных законов неизменен, однако утверждать на этом основании, что все законы природы неизменны, неверно. Это похоже на рассуждения розы у Дидро, которая утверждала, что садовник бессмертен, так как она в течение своей жизни никогда не видела мертвого садовника.

Буржуазное фетишизирование закона является выражением и свидетельством бессилия буржуазной политики перед действием стихийных законов капитализма, выражает одновременно стремление увековечить капитализм. Релятивистское же отрицание устойчивости законов имеет целью дискредитацию науки и научного познания, «обосновывает» реакционную идею непознаваемости и бессмысленности существующего. Современные феноменологи-неокантианцы и неопозитивисты «обосновывают» свое отрицание законов природы вообще и законов микромира в частности и особенности следующим характерным для этих направлений рассуждением: так как, мол, выяснилось, что законы изменчивы, то, значит, объективных законов не существует.

Как догматическое абсолютизирование устойчивости зако-

³⁴ Там же. Т. 29. С. 135.

нов, так и релятивистское абсолютизирование их изменчивости приводит к одному результату: к идеалистической трактовке закона. В настоящий момент особенно широкого распространения релятивистической «аргументации» против научного, диалектико-материалистического понимания закона нельзя забывать, что к идеализму ведет не только догматизм, но и релятивизм.

В этой связи необходимо привести ленинскую характеристику физических идеалистов: «Отрицая неизменность известных до тех пор элементов и свойств материи, они скатывались к отрицанию материи, то есть объективной реальности физического мира. Отрицая абсолютный характер важнейших и основных законов, они скатывались к отрицанию всякой объективной закономерности в природе, к объявлению закона природы простой условностью, „ограничением ожидания“ „логической необходимостью“ и т. п.».³⁵ (...)»

В природе нет сущности, отдельной от своих проявлений. «Природа, — писал А. И. Герцен, — царство видимого закона... она представляет улики и возражения, которые отрицать невозможно: их глаз видит и ухо слышит».³⁶ (...) Закон не существует и не остается чем-то внутренним. Его нельзя представлять как какое-то ядро в скорлупе. «На скорлупу и на ядро неверно делить природу. Все в ней нераздельно» (Гете). Закон проявляется, он существует и действует только в совокупности своих проявлений. Существует закон тяготения. Это значит: тела падают в направлении к центру Земли, планеты движутся по своим орбитам вокруг Солнца и т. д. Закон проявляется в фактах, явлениях, поэтому и сам закон есть явление, но «*существенное* явление».³⁷ Этим мы переходим к следующей черте закона.

Закон, как и всякая сущность, не может охватить всех сторон, моментов явления. Живое явление многогранно, оно есть единство многообразия, (...) бесконечно сложно, конкретно. Закон же фиксирует только некоторые стороны его, или хотя бы одну, но существенную. Следовательно, явление богаче закона, ибо явление есть цельность, тотальность, а закон — часть.³⁸

Революция не является только выражением и результатом национального кризиса, но имеет и много других моментов (например, социально-классовое содержание, определенные цели, наличие субъективного фактора и т. д.). Закон неравномерности развития капитализма при империализме, несмотря на многосторонность отношений, вскрываемых им, также

³⁵ Там же. Т. 18. С. 277.

³⁶ Герцен А. И. Избр. филос. произв. Т. 1. С. 21.

³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 136.

³⁸ См.: Там же.

отвлекается от ряда черт, характерных для эпохи империализма. Законы войн не охватывают всех фактов, конкретных деталей, особенностей каждой отдельной войны в истории человечества, но фиксируют лишь их общие и повторяющиеся черты.

Что явление богаче закона, показывает и естествознание. Закон тяготения не охватывает всех свойств тел. Тело имеет много других свойств, кроме свойства притягиваться и притягивать. Газ обладает свойством не только давить на стенки сосуда, в котором он находится, но и много других, не охватываемых данным законом (например, химические, тепловые свойства и т. д.). Однако хотя закон есть часть явления, но он, устанавливая прочные отношения явлений, связывая явления в относительно покоящуюся действительность, столь же действителен, как и отдельный факт.

Если закон связывает целую группу фактов, явлений между собой, то, значит, он, будучи частью, стороной, моментом одного, отдельно взятого явления, выступает в то же время как выражение цельности, единства в отношении связуемой им группы явлений. Таким образом, закон проявляется и как часть, и как целое в разных отношениях. Более того, закон выступает как цельность и внутри отдельного явления, ибо он представляет собой такую «часть» ее, которая связывает стороны явления в единое, хотя и многогранное, целое. Закон, как и всякая сущность, обуславливает единство многообразия.

Закономерности исторического материализма, не охватывая всего конкретного содержания событий истории, включают основную суть всех этих событий, их внутреннюю связь как в рамках каждой отдельной общественно-экономической формации, так и их связь в истории человечества в целом, в процессе смены одной общественной формации другой. Таким образом, эти закономерности являются выражением цельности, единства и в отношении связуемой ими группы формаций, и в отношении каждой отдельной формации, являющейся «особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм».³⁹

Все указанные черты закона находятся в тесной органической связи между собой, так как все они — лишь различные моменты той формы взаимодействия явлений, которую мы называем законом. (...) Приводимые ниже высказывания В. И. Ленина показывают связь указанных моментов, сторон закона «Закон есть *отношение*. Сие *NB* для махистов и прочих агностиков и для кантианцев etc. Отношение *сущ-*

³⁹ Там же. Т. I. С. 429.

ностей или между сущностями»⁴⁰. «Необходимость неотделима от всеобщего...»⁴¹ Необходимость неотделима также и от существенного, от сущности.

Всеобщее означает необходимое. Если свойство взаимного притяжения есть всеобщее свойство вещей, то, значит, каждое из них с необходимостью подчиняется закону тяготения. Всеобщность и необходимость — лишь два момента одного и того же отношения, а соответственно — два аспекта рассмотрения связи явлений. Соединяя в себе, в качестве своих признаков, черты сущности, всеобщности и необходимости, категория закона не может быть отождествлена ни с одной из этих категорий. Черты закона, как отношения и как явления, также неразрывно связаны. Выше было показано, что сведение закона к «чистому» отношению, т. е. отрыв отношения от явления, означает «понимание» закона как произведения мысли, приводит к субъективизму и мистике. С другой стороны, трактовать закон как отдельное явление, хотя бы и существенное, тоже явно неверно. Фашизация некоторых капиталистических стран в период империализма представляет собой существенное явление загнивающего капитализма, но отнюдь не является законом, т. е. не является какой-то обязательной степенью в ходе истории, не имеет ни необходимости, ни всеобщего характера (хотя и имеет, конечно, свои причины). «Теория» обязательной для всех стран фашизации служила немецким и другим социал-демократам средством помощи фашистам, рвавшимся к власти. (...)

Если Ленин, определяя признаки закона, называет его существенным явлением, то это значит лишь, что закон проявляется, а не существует только «в себе». Кроме того, ведь связь, отношение тоже есть объективное явление. В отличие от отдельного явления, закон проявляется, как уже говорилось, в относительной устойчивости, повторяемости отношения, фиксируемого законом. Этот признак закона связан с указанными, так как повторяться могут лишь только всеобщие, существенные и необходимые отношения. Случайное и индивидуальное не повторяется, а если повторяется, то чисто случайно.

Некоторые недоумевают, как может каждая из указанных категорий, например необходимость, быть одновременно и всеобщим определением действительности, и чертой закона. Между тем эта диалектика превращения общего в частное тоже является законом действительности. Например, социализм есть одновременно и определенный общественный строй в целом, и характерная черта, признак производственных от-

⁴⁰ Там же. Т. 29. С. 138.

⁴¹ Там же. С. 72.

ношений каждого отдельного социалистического предприятия, и вообще отношений между людьми в советском обществе. Существенные, всеобщие и необходимые отношения в законе могут выражать или внутреннюю связь сторон, свойств одного и того же явления, или связь многих одновременно существующих явлений, или, наконец, связи, переходы от старого к новому, происходящие в процессе развития явлений.

Единство черт закона ярко выступает в законе неравномерности развития капитализма при империализме. Анализируя основные черты закона неравномерности развития капитализма в период империализма, (...) мы видим, что действию этого закона подчинены все капиталистические страны, мир уже поделен между империалистическими группами, «свободных», незанятых территорий больше нет, и для того чтобы занять новые рынки и источники сырья, для того чтобы расшириться, надо взять у других эту территорию силой. Обусловленный характер этого закона выражается в том, что старое распределение сфер влияния между отдельными империалистическими группами приходит в столкновение с новым соотношением сил на мировом рынке, и для установления «равновесия» между старым распределением сфер влияния и новым соотношением сил необходимы периодические переделы мира путем империалистических войн. Первая и вторая мировые войны (...) являются проявлением указанного закона, вполне достаточным и убедительным доказательством его «повторяемости». (...)

Кант считал объективные связи, отношения вещей, а следовательно, и сущности вещей непознаваемыми. Всеобщее и необходимое знание определяется, по Канту, не объективными связями явлений, а свойствами нашего рассудка и имеет априорный характер. Поэтому познание законов природы означает, по Канту, познание законов нашего сознания. Современные агностики-феноменалисты, идя по этому пути, утверждают, что связи, отношения между явлениями объективно не существуют или не могут быть познаны. Поэтому махисты и современные позитивисты, если и употребляют понятие закона, то рассматривают его как психологическое или логическое, т. е. умственное, субъективное явление. Закон превращается ими в субъективный феномен. Основой марксистского понимания закона является признание объективного характера связи явлений, объективного характера сущности, всеобщности и необходимости.

Попытаемся теперь обобщить указанные объективные признаки закона, свести их в одну формулу, исходя из указания В. И. Ленина, что короткие определения, хотя и недостаточны, но удобны, так как подытоживают главное. Итак, *закон есть такая взаимосвязь между существенными свойствами или ступенями развития явлений объективного мира, которая име-*

ет всеобщий и необходимый характер и проявляется в относительной устойчивости и повторяемости этой связи.

Таковы основные черты объективных законов. Таково соответственно философское понятие закона. Однако изложение вопроса о законе требует освещения тех черт закона, которые связаны с процессом их познания. Последние черты или особенности надо понимать не в том агностическом смысле, что законы науки суть якобы некие «кентавры» из соединения объективного и субъективного, а в том материалистическом и диалектическом смысле, что они являются ступенями познания, что исторический процесс познания законов и закономерностей представляет собой все большее углубление в конкретность действительности, что этот процесс дает в результате все более глубокое понимание сущности вещей, их взаимосвязи и взаимообусловленности.

II. О КОМПОНЕНТАХ (КАТЕГОРИЯХ) ЗАКОНА ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Действие закона единства и борьбы противоположностей изменяется в условиях социалистического общества. Но не только указанный закон в его целом, но и отношения, составляющие его стороны и выражаемые определенной группой категорий (противоречие, противоположность, единство, борьба), в условиях социалистического общества (...) также имеют своеобразие в силу известных особенностей социалистических производственных и других (социальных, политических и духовных) отношений по сравнению с отношениями прежних этапов развития человеческого общества. Ведь категории материалистической диалектики суть умственные отражения всеобщих существенных явлений и связей объективной действительности и в значительной своей части — ее закономерностей. Рассмотренные же с гносеологической стороны, они представляют собой ступени познания этих объективных явлений, связей и закономерностей.

Прежде чем перейти к существу вопроса, следует указать на три необходимые методологические предпосылки. 1. В исследовании особенностей действия законов и категорий общественного развития надо избегать двух крайностей. С одной стороны, нельзя преувеличивать специфики действия законов и категорий в той или иной общественно-экономической формации. Как законы, так и категории в течение всей истории общества сохраняют свой основной характер и действие, в противном случае они превратились бы в иные законы и категории, выраженные другими терминами, понятиями. Речь может идти лишь о большей или меньшей роли тех или иных компонентов закона (категорий) в жизни или

* Глава взята из кн.: Особенности действия законов диалектики в период перехода к коммунизму в СССР Л., 1963.

о специфических результатах их действия в разных условиях, подобно тому, как, например, химическая реакция или физиологический процесс, оставаясь в своем существе, в своем характере, в своем качестве одним и тем же, осуществляется в различных условиях среды (если вообще осуществляется) с теми или иными особенностями. Указанное преувеличение ведет к вредным выводам в теории и в основанной на ней политике. Вспомним, например, отрицание некоторыми советскими экономистами товара, стоимости, экономической функции денег и других категорий в социалистическом обществе. Преувеличение специфики действия законов и категорий ведет, вообще говоря, к левацким выводам.

С другой стороны, преуменьшение и тем более отрицание особенностей действия законов и категорий в социалистическом обществе влекут за собой умаление преимуществ социализма перед капитализмом, абсолютизацию противоречий в развитии социалистического общества, преуменьшение роли единства и гармонии в этом обществе.

2. В названии закона единства и борьбы противоположностей содержатся три категории: «единство», «борьба», «противоположности». При изложении этого закона обязательно прибавляется еще одна категория: «противоречие». Кроме этих «постоянных», классических категорий, связанных с рассматриваемым законом, при его применении к конкретным случаям, в особенности к развитию социалистического общества, присоединяется анализ таких категорий, как «различие», «гармония», «слияние» и др.

Категории, содержащиеся в данном законе, по своему значению для него не равнозначны. Противоположность играет здесь роль основной категории, так как представляет собой тот субстрат, ту основу, с которой связаны отношения, выражаемые всеми категориями этой группы. В самом деле. Категории единства, борьбы, противоречий и другие выражают связи между чем? Между противоположностями. Подобно тому, как веревка, натянутая между двумя кольями, осуществляет физическую связь между ними, так и всякие связи предполагают наличие того, что они связывают, т. е. их носителей. Роль этого субстрата, этих «кольев» в данном законе выполняют противоположности. Таким образом, хотя сами противоположности суть выражения отношений между какими-то реальными объектами, но взятые в отвлечении от всех этих объектов, взятые как таковые, как предмет изучения, они выполняют в законе роль субстрата, своеобразных «предметов», между которыми существуют отношения единства, борьбы, противоречия и т. д.

3. Характер и особенности всякого закона зависят как от характера связей между субстратами (в данном случае — от характера «единства» и «борьбы»), так и от характера того

субстрата, который они связывают (в данном случае — противоположностей). Чтобы связать листы рукописи, достаточно сшить их ниткой, а чтобы удержать судно на причале, нужен по крайней мере толстый канат. Поэтому изложение вопроса об особенностях действия названных категорий в социалистическом обществе должно сопровождаться выяснением точного реального и логического смысла этих категорий в отдельности и в их соотношениях.

Вначале рассмотрим «субстратные» категории.

Противоположности, противоречия, различия, гармония. Противоположность предполагает наличие по крайней мере двух объектов, между которыми существует это отношение. Небо и земля, черное и белое, доброе и злое, красивое и безобразное — суть противоположности. В общественной жизни классическими примерами социальных противоположностей являются основные классы той или иной антагонистической общественной формации: рабовладельцы и рабы, феодалы и крепостные, буржуазия и пролетариат. Понятие противоположности в нашей философской литературе выступает в двух смыслах: как характеристика отношений между определенными объектами (например, классами) и как обозначение самих этих объектов (классов). В первом случае понятие противоположности означает: «между антагонистическими классами существует отношение противоположности»; во втором — «антагонистические классы суть социальные противоположности». Иными словами: в первом случае — это отношение, связь между объектами («веревка»), а во втором — субстраты отношения, т. е. сами объекты («колья»)¹.

Этот двоякий смысл категории противоположности порождает определенные различия в понимании, и особенно в применении закона, а также в трактовке близких категорий. В связи с этим в нашей философской литературе явственно обозначились и два различных понимания категории противоречия. В ряде случаев категорию противоположности по ее качеству отождествляют с категорией противоречия, а различие между ними видят лишь в степени остроты противоречия. Пишут примерно так: «Противоречие и противоположность — это, в сущности, одно и то же; разница между ними лишь в том, что противоположность есть высокая ступень развития, обострения противоречия». Часто противоположности трактуются во втором смысле, т. е. как силы и тенденции, между которыми существует отношение противоречия. В этом случае понятия противоположности и противоречия строго различаются: противоречие есть отношение между противоположно-

¹ В качестве противоположностей могут выступать не только отдельные объекты (как классы в данном примере), но и различные стороны одного и того же явления.

стями, а последние суть носители отношения противоречия. Второе понимание термина «противоположность» имеет несомненные преимущества перед первым в логическом, теоретическом и политическом отношениях. (...)

Уже в формальной логике различаются противоположные и противоречивые понятия. Примером противоположных понятий являются белое и черное, примером противоречащих понятий — белое и небелое. Это различие вполне правильно. В самом деле, противоположными понятиями обозначаются предметы или свойства, которые одинаково реально существуют и сосуществуют, а следовательно, и могут мыслиться в качестве существующих и сосуществующих. Белые и черные предметы в природе имеются одновременно. Белое и черное суть понятия положительные, т.е. обозначающие реально существующие предметы или свойства в обоих противоположных случаях. Белый и черный цвета суть цвета вполне определенные в отличие от небелого, который может обозначать и красный, и желтый, и зеленый, и другие цвета, в том числе и черный. Если белый и черный цвета мы мыслим как понятия положительные, то небелое есть отрицательное, т.е. является лишь простым отрицанием белого, но не включает в себе никакого утверждения о цвете. Если белое и черное символически изобразить как А и Б, то белое и небелое мы должны изобразить как А и $\bar{A}$ (отрицание А).

Правильно различая противоположные и противоречащие понятия, формальная логика на этом и останавливается. Она не приводит данные понятия в движение, в соотношение и субординацию. Сделаем это мы сами, приведем в связь и соотношение белое и черное, т.е. смешаем цвета. Получится серый цвет, в котором в известной степени погашается противоположность обоих цветов в зависимости от пропорции, в которой мы их смешали. Это происходит потому, что черный и белый — цвета взаимоисключающие: при соотношении они ослабляют друг друга, «стремясь» каждый со своей стороны уничтожить противоположный цвет. Серый цвет есть «небелый» и одновременно «нечерный». А это означает, что между исходными цветами при их соотношении возникло отношение противоречия и «борьбы».

Мы здесь сознательно взяли самый элементарный пример, но нетрудно видеть, что и в более сложных случаях получится, в сущности, то же самое. Буржуазия и пролетариат суть классы, одновременно и реально существующие и сосуществующие в капиталистическом обществе. Понятия о них — понятия положительные и определенные в указанном смысле. Это — А и Б. По своему положению в обществе, по своим интересам и стремлениям это классы противоположные и в историческом смысле взаимоисключающие, их соотношение характеризуется противоречиями и борьбой. Пролетариат — не простое

формальное отрицание буржуазии, а ее реальный могильщик.

Итак, противоположности суть реальные природные или общественные явления или силы, взаимоисключающие по своим свойствам и функциям и потому вступающие при возникновении единства между ними в отношения противоречия и борьбы друг с другом. Противоречие же есть форма отношения между противоположностями, характеризующаяся взаимоисключением, несовместимостью. Следовательно, различие между противоположностями и противоречиями состоит не в различии их свойств (ибо и те и другие характеризуются взаимоисключением, а значит, и борьбой) и не в количественном напряжении этих свойств (т. е. не в том, что противоположность есть наиболее острое противоречие), а в том, что противоречие — это отношение («веревка»), а противоположность — субстрат, носитель данного отношения («кол»).

Рассмотрим теперь логическую природу противоположности и противоречия в их отношении к различию. Возьмем для простоты тот же пример с цветами. Желтый и синий цвета просто различны. Они не противостоят один другому, не являются отрицанием друг друга, как белое и черное, свет и тьма. При смешении эти цвета не ослабляют друг друга, не «борются» один с другим и дают новый, а именно зеленый цвет. Таким образом, отношение различия имеет свои особые свойства, отличающие его от противоположности и противоречия. Полумрак есть результат борьбы света и тьмы, а зелень деревьев не есть результат борьбы взаимоисключающих начал. Однако между различием, с одной стороны, и противоположностью — противоречием — с другой, много общего. Ведь без различия не может появиться и противоположности — противоречия. Последние суть специфические формы различия, поэтому различие при определенных условиях, а именно тогда, когда между различными предметами возникает отношение взаимоисключения, превращается в противоположность. В других условиях противоположности становятся совместимыми. В нашем примере это возможно у художника, когда он получает серый цвет.

Итак, отношение между противоположностями и различиями (просто различиями) таково: когда между разными явлениями возникает отношение противоречия, несовместимости, тогда их различие превращается в противоположность; когда же, наоборот, противоречие снимается (преодолевается) или вообще исчезает, тогда противоположности превращаются в различия.²

² Относительность разницы между противоположностью и различием выступает также и в том, что к одним явлениям предмет может находиться в отношении противоположности, а к другим — в отношении простого различия.

Историческим примером первого процесса (перехода различий в противоположности) является развитие социально-экономической и идеологической противоположности между буржуазией и пролетариатом. Еще в эпоху позднего средневековья все более обозначались различия в имущественном и социально-правовом положении между цеховыми мастерами и подмастерьями. Эти различия постепенно превращались в явственную противоположность между двумя общественными слоями. Собственной идеологии у подмастерьев, этих зародышей будущего пролетариата, еще не было, однако уже назревало противоречие их интересов интересам цеховой верхушки. В период ранних буржуазных революций (в Нидерландах, в Англии), а особенно в период чартизма, требования будущего пролетариата уже выступают в виде особой, «левой» разновидности буржуазно-демократической идеологии. Отчетливую классовую борьбу в основных странах Европы констатировали утописты-социалисты в первой половине прошлого века. Революции 1848—1851 гг. выявили в ряде стран Европы, особенно во Франции, резкую противоположность между пролетариатом и буржуазией, вылившуюся в самостоятельные классовые выступления пролетариата. Последовательным и сознательным выражением процесса отделения пролетариата от буржуазии было возникновение марксизма.³ (...)

Если развитие классовых антагонистических обществ характеризуется развитием отношений противоречия между классами и другими формами общественного разделения труда, а отсюда и возникновением общественных противоположностей, то в процессе становления и развития социалистического общества антагонистические противоречия и связанные с ними эксплуататорские классы ликвидируются, а многие неантагонистические противоречия превращаются в отношения различия.

Некоторые формы противоположностей и связанные с ними противоречия вообще не могут никогда исчезнуть. Противоречия — необходимый элемент соотношения противоположностей (но именно элемент, из чего следует, что нельзя все сводить к противоречиям или все выводить из них, как это делали наши оппоненты) в том смысле, что различие между вещами всегда имеет какую-то сторону, где некоторые вещи или их свойства «мешают» друг другу, становятся несовместимыми. Но, как и противоположности, противоречия также становятся иными; многие важнейшие современные социальные противоречия будут устранены. Кроме того, в период социализма (...) изменяется по сравнению с капитализмом и роль противоречий в развитии общества. Это изменение идет в двух направлениях.

³ Превращение различий в противоположности означает одновременно возникновение противоречий между противоположностями.

Первое. Капиталистическое общество как общество, развивающееся стихийно, без осознания объективных законов общественного развития и без управления этими законами, движется вперед лишь силами противоречия. «Механизм» такой формы развития достаточно ясен: то или иное противоречие, достигнув известной степени остроты, вызывает активное противодействие в определенных слоях общества, реакцию, противоположную действию этого противоречия. Взаимодействие двух противоположных сил (действия и противодействия) вызывает (в ряде случаев, но не обязательно) известное продвижение вперед. Так происходит и в области экономики (например, перелив капитала из одной области производства в другие), и в области духовной жизни (реакции на изжившие себя формы сознания).

Подобная форма движения (когда развитие приобретает как бы зигзагообразный характер — от крайности к реакции на нее, от «стенки к стенке») имеет место и в нашем обществе, в особенности в случаях недостаточного или неправильного планирования, а также в тех областях нашей жизни, конкретные законы развития которых недостаточно ясны или пока с трудом поддаются управлению. Однако для социалистического общества характерно другое: предвидение противоречий и заблаговременное устранение их путем планирования и разумной социальной политики. Так, планирование в своей идее и идеале есть отрицание «метода» шараханья от крайности в крайность, отрицание стихийности в пользу разума и расчета.

Отсюда и второе. В каждой общественно-экономической формации противоречия имеют в себе как положительное, так и отрицательное. Положительное в них то, что они являются источником развития, а отрицательное — что они влекут за собой растрату общественной энергии. В антагонистических обществах эти растраты огромны, и господствующие классы возлагают их на трудящихся, бедствия которых служат условием существования самих противоречий. Поскольку стихийное действие противоречий отчасти сохраняется еще и в социалистическом обществе, то сказанное отчасти относится и к последнему с той разницей, что издержки стихийного действия противоречий падают на плечи всего общества. Однако опять-таки не это характерно для социалистического общества. В нем рациональное начало, выраженное в планировании, в расчете, в предвидении, в научной политике борется со стихийным, которое и сталкивает нас с отрицательным в противоречии. Рациональное, истинно человеческое начало подчиняет и побеждает начало стихийное, натуральное, бессознательное. (...)

Борьба, единство, взаимопроникновение, слияние. Если под борьбой понимать всякий процесс взаимодействия, то, разумеется, и наше общество предстанет как сплошное поле борь-

бы. (...) Такое расширение понятия есть естественное следствие стремления все подогнать под борьбу, которая представляется догматикой единственной характеристикой диалектического закона как закона борьбы противоположностей. Если догматик и соглашается на принятие термина единства, т. е. на формулу «закон единства и борьбы противоположностей», то понятие единства он склонен трактовать лишь на манер единства борцов на арене цирка, т. е. как единство чисто внешнее. Однако единство в социалистическом обществе (да отчасти и в обществе капиталистическом, например единство рабочего класса) имеет сугубо внутренний характер, является взаимопроникновением.

Борьба предполагает противодействие, она есть взаимное противодействие. Смешно называть борьбой такой процесс, при котором ничто ничему не мешает, не противостоит. Противодействие может возникнуть лишь там, где имеется противоречие, наличие же отношения противоречия свидетельствует о возникновении или существовании противоположностей, т. е. борющихся между собой сил. Поэтому, строго говоря, борьба есть процесс, происходящий между противоположностями. В нашем обществе борьба в собственном смысле существует постольку, поскольку у нас имеются противоположности. Есть ли у нас противоположности? Несомненно, есть. У нас нет и не может быть классовых противоположностей, так как нет антагонистических, враждебных классов. Но у нас имеется несомненная противоположность между социалистической жизнью и ее нормами и идеалами, с одной стороны, и силами и традициями старого общества, — с другой. Здесь идет бесспорная борьба с бюрократизмом, очковтирательством, различными преступлениями против государства и отдельных лиц, пренебрежением и хамским отношением к человеку, карьеризмом, подхалимством, мещанским, обывательским отношением к жизни и работе и т. д. и т. п.

Такие явления — прямая противоположность советскому обществу и советскому образу жизни, а не просто отсталость. Борьба идет с невежеством, бескультурьем и т. д. Борьба за культуру есть не только деятельность по повышению культурного уровня, но и борьба с невежеством, грубостью и т. п., мешающими, а порой и активно противодействующими внедрению культуры.

Таким образом, противоположности и борьба между ними существует. Но что же это за противоположности и что же это за борьба? Можно ли их поставить в один ряд с классовой борьбой между антагонистическими классами? Конечно, нет. Здесь дело не в остроте противоречий. Они и в наших условиях могут иметь большой накал. Очковтиратель объективно есть враг, но его положение в корне отлично от капиталиста в буржуазном обществе. Он в своем имущественном

и служебном положении полностью зависит от системы и норм социалистического общества. (...) В спектакле-сказке Е. Шварца «Тень» тень человека, олицетворяющая теневые стороны общества, настолько зависит от самого человека (т. е. от положительных сторон этого же общества), что повторяет «наоборот» все его движения. Поэтому борьба с «тенью» не только легче, но и имеет другие формы и методы, чем в обществе, где олицетворяемые этими тенями элементы господствуют и где их действия являются легальными.

Итак, в социалистическом обществе как противоположности, так и их борьба имеют значительное своеобразие по сравнению с антагонистическими формациями. Под единством понимается тождество или общность в каком-нибудь отношении. Единство партии означает, что все ее члены стремятся к одной цели, что в рядах партии нет разногласий по принципиальным вопросам. Единство представителей различных народов и классов в борьбе за мир заключается в том, что при всех остальных различиях эти люди борются за одно и то же — за мир. Единство, следовательно, не исключает различий, противоречий и противоположностей в других отношениях. Более того, это понятие предполагает различия (в других отношениях), так как единство во всех отношениях есть уже тождество.

В социалистическом обществе отчетливо наблюдаются различные формы единства: единство как общность, единство различий и единство противоположностей. Примером первой формы единства может служить единство партии; примерами второй формы — морально-политическое единство классов, социальных слоев и различных наций или сочетание художественной самодеятельности и профессионального искусства в СССР; примером третьей формы — единство и борьба нового со старым.

Особый интерес представляют формы единства противоположностей в нашем обществе. Это понятие означает, что два предмета или свойства, будучи противоположностями, в другом отношении (более широком или более узком) представляют собой единство. Так, черное и белое при своей противоположности едины как цвета, как краски. Буржуазия и пролетариат, будучи классовыми противоположностями, в то же время являются представителями двух основных производительных сил: средств производства и живого труда, а также двумя сторонами одного и того же капиталистического способа производства.

В более глубоком смысле противоположность и единство суть определения предметов не в разных отношениях, а в одном и том же отношении. Тогда на сцену выступает понятие взаимопроникновения. Взаимопроникновение противоположностей по самому точному смыслу термина есть такой процесс или такое состояние, когда явление (...) представляет собой

одновременно и в одном и том же отношении единство и противоположность.

Понятие единства еще не выводит нас из рамок формальной логики. Последняя также признает и противоречия и единство, но обязательно в различных отношениях и в разное время. Понятие же взаимопроникновения гораздо глубже и присуще лишь логике диалектической. Формула, согласно которой одно явление «то же и не то же», противна самой природе формальной логики, это формула логики высшего уровня. Поэтому напрасно некоторые наши авторы работ по логике снижают значение диалектической логики, пытаясь доказать, (...) будто диалектическое противоречие допускает противоречие и единство всегда лишь в разное время и в разных отношениях.

Полного единства (единства во всех отношениях), т. е. тождества, нет ни в природе, ни в обществе. Тождество возможно лишь в определенных отношениях. У двух людей может быть полное единство взглядов по всем вопросам, но остается их различие во многом другом, а уж в физическом облике — обязательно. Полного взаимопроникновения противоположностей тем более не может быть. Всякое взаимопроникновение есть взаимопроникновение лишь в некоторых отношениях, т. е. оно относительно и временно.

В приведенном выше простейшем примере с цветами взаимопроникновение — это серый цвет, полумрак, вечерний сумрак или рассвет, т. е. временное равновесие белого и черного, света и тьмы. Составные цвета спектра суть результаты взаимопроникновения основных цветов (например, зеленый цвет — синего и желтого). Перестройка молекул химических элементов при химических реакциях также хороший пример взаимопроникновения в природе. В физике примером такого взаимопроникновения может служить единство (или, как говорят, физический дуализм) частицы и волны. Гораздо сложнее обстоит дело с общественными классами, особенно если речь идет об основных классах в антагонистическом обществе. Ведь чем острее и развитее противоположность между ними, тем труднее осуществляется взаимопроникновение (аналогично тому, как при сильной вражде между соседними нациями или семьями смешанных браков между ними бывает мало).

В развитом капиталистическом обществе говорить о каком-либо «взаимопроникновении» буржуазии и пролетариата в экономическом отношении значило бы поддерживать буржуазно-апологетическую теорию «социальной мобильности». Такого взаимопроникновения здесь нет. Но в политическом и еще более в идеологическом отношении «взаимопроникновение» наблюдается, причем преимущественно одностороннее, в направлении заражения буржуазной идеологией определенных групп рабочего класса. Правда, имеет место и обратный про-

цесс: переход на сторону пролетариата определенной части прогрессивной интеллигенции. И этот процесс имеет тенденцию усиливаться по мере того, как для буржуазной интеллигенции все более выясняются упадок, (...) бесперспективность буржуазной культуры и буржуазного образа жизни.

Между неантагонистическими классами капиталистического общества взаимопроникновение гораздо глубже и разностороннее. Основоположники марксизма-ленинизма с убедительностью раскрыли двоякость этого процесса: постепенное высвобождение рабочего класса из-под власти мелкобуржуазно-крестьянской идеологии и психологии и дальнейшее внесение пролетарской идеологии в мелкобуржуазно-крестьянскую среду. Организация и развитие широкого единого фронта трудящихся в политической и идеологической областях является в настоящее время одной из главных задач коммунистических и рабочих партий. Эти примеры показывают, что взаимопроникновение нельзя понимать как полное растворение одного в другом. Классы сохраняют самостоятельное существование. Признание их полного взаимопроникновения в данном случае означало бы признание буржуазной и ревизионистской теории отмирания классов в современном капиталистическом обществе.

Как же обстоит дело с действием закономерности единства и взаимопроникновения в обществе социалистическом? Единство и взаимопроникновение играют особо важную роль в социалистическом обществе, где они становятся все более и более ведущими процессами, в отличие от капитализма, где такую ведущую роль (и все более и более ведущую по мере развития и разложения этого общества) играют противоречия и противоположности.

Выше уже говорилось, что противоречия имеют место и в нашем обществе. Отмечалось также, что единство и взаимопроникновение присутствуют и при капитализме. Но, как при ходьбе человек, идя на двух ногах, попеременно упирается, переносит тяжесть своего тела то на одну, то на другую ногу, как сани на неровной дороге, а особенно на поворотах, едут больше на одном полозе, чем на другом, так обстоит дело и в общественном развитии. Закон единства, взаимопроникновения и борьбы противоположностей действует при социализме и будет действовать также и при коммунизме. (...) Если хоть одна из его категорий, т. е. одна из сторон, элементов закона «отомрет», перестанет действовать, то это будет уже другой закон. Поэтому пусть наши оппоненты, принимая это парочитое заявление, не приписывают нам ни «отмирания» закона единства и борьбы противоположностей, ни ликвидации какого-либо из компонентов (категорий) этого закона. А если признается возможность особенностей действия указанного закона в разных общественных формациях, то эта особенность заключается прежде всего в том, что в законе,

так сказать, перемещается «центр тяжести» с одних категорий на другие.

С развитием социалистического общества «нагрузка» в действии закона все больше падает на силы единства и взаимопроникновения противоположностей. Вот примеры: «морально-политическое единство советского общества», «единство интересов рабочего класса, крестьянства и интеллигенции», «единство партии», «объединение народа вокруг его партии», «дружба народов», «единство всех социалистических стран», «братская дружба между ними» (...) и т. д. Как же может философия игнорировать этот величайший факт современности, (...) ясно показывающий, в каком именно направлении следует искать особенности действия закона единства, взаимопроникновения и борьбы противоположностей в нашем обществе?

Силы единства людей не только играют все большую роль в развитии социалистического общества, но и охватывают все больше сторон общественных явлений. Если в период гражданской войны в СССР между рабочим классом и трудящимся крестьянством был обеспечен военно-политический союз, то с осуществлением коллективизации было преодолено противоречие между социалистической собственностью в городе и частной собственностью в деревне, т. е. социалистические производственные отношения стали безраздельно господствовать во всем обществе. В связи с этим указанное противоречие уступило место различию двух форм социалистической собственности. Было осуществлено, таким образом, единство, общность всех трудящихся Советского Союза в самом базисе общества.*

Дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов, с одной стороны, и развитие производительных сил в промышленности — с другой, сопровождались развитием социалистической идеологии у колхозного крестьянства и укрепления этой идеологии у рабочего класса. Аналогичный процесс протекал и в среде советской интеллигенции. Это идеологическое единство было достигнуто не только в области непосредственно политических взглядов, т. е. в понимании преимуществ социалистического строя перед капиталистическим, но и в моральной и мировоззренческой сферах. Таким образом, в этих областях у нас происходил и происходит процесс взаимопроникновения, главным образом, проникновения политических, моральных и мировоззренческих взглядов рабочего класса в среду непролетарскую. (...) * Что же касается обратного процесса, т. е. проникновения буржуазной идеологии

* С современной точки зрения позиция автора не вполне убедительна. В настоящее время дается более объективная оценка истории социалистического строительства в СССР.

и психологии в среду рабочего класса и трудящихся, то он также имеет место, но в гораздо более слабой форме. В качестве примера можно привести факты очковтирательства, обмана государства, карьеризма, «показухи» и т. п., в которых проявляется заражение отдельных работников советского государственного и даже партийного аппарата несоциалистической идеологией и моралью.

Процесс взаимопроникновения интенсивно идет и в области культуры. Он выражается, с одной стороны, и главным образом в проникновении городской культуры в деревню, а с другой — в насыщении и обогащении искусства элементами традиционной народности, сохранившимися в деревне. По сравнению не только с дореволюционным периодом, но и с первыми годами Советской власти, когда в искусстве и литературе еще могли задавать тон некоторые интеллигенты, оторванные от народа, советская литература и искусство в настоящее время имеют неизмеримо большую степень народности в смысле выражения жизни и быта народа. (...) Таким образом, во всяком взаимопроникновении надо отбирать положительную сторону и отсекаать отрицательную, ибо нет в жизни явлений, имеющих только одну из этих сторон.

В социалистическом обществе процесс взаимопроникновения во всех областях общественной жизни идет с большей интенсивностью и глубиной, чем при капитализме, по той причине, что между городом и деревней, между умственным и физическим трудом различия все более уменьшаются. Взаимопроникновение различий, особо характерное для нашего общества, есть процесс более интенсивный, чем взаимопроникновение противоположностей. Едва ли нужно доказывать, что взаимное недоверие и отчужденность, а тем более вражда и борьба, характерные для социальных противоположностей, не способствовали и не способствуют взаимовлиянию и взаимообогащению классов и социальных групп в любой из областей социальной жизни. Усиление и углубление взаимопроникновения социальных слоев в социалистическом обществе есть естественный результат их социально-политического единства, путь ко все большей гармонизации общества, к достижению в нем полного социального равенства. (...)

Категории «преодоление различий», «слияние», «равенство» означают с общеполитической точки зрения установление одинаковости, тождества в каких-либо определенных отношениях. Категория тождества занимает свое надлежащее место в философском словаре коммунизма. Ф. Энгельс рассматривал тождество лишь как предпосылку конкретного исследования. Говоря о бытии как общем свойстве всех вещей, Ф. Энгельс писал: «...как только мы от простого основного факта, что всем этим вещам обще бытие, удалимся хотя бы на один миллиметр,

тотчас же перед нашим взором начинают выступать *различия* в этих вещах»⁴.

Это положение, разумеется, было и остается верным. Но одно дело категория «тождество» в общефилософском, а другое дело — в социологическом исследовании. Правда, поскольку исследуется капиталистическое (как и всякое классовое антагонистическое) общество, этой категории тоже «не везет»: действительно, равенства при капитализме нет и быть не может. Иначе будет стоять вопрос при коммунизме. Тогда равенство, одинаковость, тождество выступят не только как некие логические предпосылки исследования, но и как вполне реальные черты коммунистических общественных отношений. Таким образом, эти категории не только являются выражением начала развития человеческого общества (первобытное общество), но и станут продуктом высокого развития этого общества, осуществлением вековых чаяний трудового человечества.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 42.

III. СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА*

Глава 1

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ КАТЕГОРИЙ

Категориями называются такие общие понятия науки и практики, которые выражают существенные явления и закономерности объективной действительности. В этом смысле классики марксизма-ленинизма употребляли, например, термин «категории политической экономии». Далеко не всякое обыденное, практическое и научное понятие является категорией. Ведь во многих понятиях обыденной жизни и науки фиксируются отдельные предметы, их свойства или группы явлений и свойств, но не закономерности и не явления широкой общности. Среди категорий имеются такие, которые выражают всеобщие явления и закономерности действительности и которыми поэтому пользуются во всех отраслях науки и во всех областях человеческой деятельности. Изучением природы и соотношения таких категорий занимается философия, в частности марксистская философия — диалектический материализм.

Содержание категорий науки имеет объективный характер, представляет собой объективную истину. Это значит, что их содержание определяется действительными свойствами и отношениями явлений и не зависит ни от человека, ни от человечества. Критикуя Булгакова, заявлявшего, что прибавочная стоимость не материальная вещь, а понятие для общественных отношений производства, В. И. Ленин писал: «Это противоположение „материальной вещи“ — „понятию“ представляет из себя наглядный образчик той схоластики, которую так любят в настоящее время преподносить под видом „критики“». Какое значение могло бы иметь „понятие“ о доле общественного продукта, если бы этому понятию не соответствовали определенные „материальные вещи“?»¹

* Из кн.: Соотношение категорий диалектического материализма. М. 1956.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 122.

Категории науки и марксистской философии, обладая объективным содержанием, имеют и субъективную сторону, состоящую в том, что они являются ступенями познания. В. И. Ленин учил, что категории суть ступеньки познания мира, узловые пункты в сети явлений природы, помогающие познавать природу и овладевать ею². Категории имеют субъективный момент также и в том отношении, что они представляют собой абстракции, отвлечения от отдельного, от конкретного, обобщения этого конкретного. Однако правильные, адекватные действительности категории не отдаляют, а приближают нас к конкретному, к жизни, ибо они позволяют проникнуть в глубину явлений природы и человеческой жизни. «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»³.

По мере движения нашего познания вперед понятий и категорий становится больше, их смысл, содержание и соотношение становятся глубже и многостороннее. Верность отражения в категориях объективных явлений и отношений — условие и предпосылка истинности законов и теорий науки. Но истинное или неверное содержание и направление науки зависит не только от правильности или неправильности отдельно взятых категорий, но и от того, верно или неверно понято их соотношение. Поэтому правильное, диалектико-материалистическое соотношение категорий, раскрытое марксистской философией, создало качественно новый этап в развитии философии.

1) Соотношение категорий с законами и другими положениями марксистской философии

Категории, как уже говорилось, есть вид общих понятий. В этом состоит общность логической формы понятия и категории. Понятия вообще обозначают предметы, свойства и отношения, имеющие место в объективной действительности. Философские категорий есть понятия, обозначающие наиболее общие «предметы», свойства, стороны и связи действительности. Все же остальные положения философии и науки (за исключением принципов, выражаемых обычно также понятиями), а именно: законы, определения, научные правила, теоремы и т. д., представляют собой суждения. Суждение — это раскрытие понятий или их соотношений. Раскрыть понятия возможно лишь путем сопоставления их содержания с другими понятиями, поэтому всякое суждение представляет собой соединение понятий. Так, например, понятия (категории) «форма» и «содержание» соединяются в философское суждение

² См.: Там же Т. 29. С. 85.

³ Там же. С. 190.

(закон): «содержание определяет форму». Категории «случайность», «необходимость», «форма» и «проявление» соединяются в суждение (определение): «случайность есть форма проявления необходимости».

В этой связи нельзя смешивать отдельные категории, например: «форма», «содержание», «необходимость», «случайность», «целесообразность», «причинность» и т. д., с суждениями о них, например: «содержание определяет форму», «целесообразность есть частный случай причинности» и т. д. Эти философские суждения суть уже законы или определения, т. е. более сложные элементы науки.

Закон и понятие (так же как и категории) по своей логической форме не могут быть тождественны, не могут совпадать. Ведь закон науки есть выражение существенной, необходимой, относительно устойчивой и, следовательно, повторяющейся связи (отношения) между явлениями объективного мира. Категории же в ряде случаев выражают явления, между которыми закон вскрывает эту необходимую связь. Так, категории бытия и сознания не являются закономерностями, они выражают всеобщие явления действительности. Закон выражает отношение между ними, закрепленное в формуле: бытие определяет сознание. (...) Это отношение между категорией и законом не изменяется и от того, что многие философские категории сами по себе выражают закономерную связь явлений. Так, категории «содержание» и «форма», взятые в отдельности, указывают на определенные закономерности действительности, согласно которым всякое явление имеет как содержание, так и форму. Однако философский закон: «содержание определяет форму» идет дальше, ибо выражает диалектическое отношение между формой и содержанием. Это закон еще более глубокий.

Закон науки еще более сложная, качественно особая и высшая ступень познания сравнительно с категориями. Здесь мы подошли к другой и еще более важной стороне вопроса. За логической формой понятия стоит содержание. По содержанию же своему, т. е. по тому, что именно отражено в понятиях, многие философские категории представляют собой обозначения наиболее общих закономерных связей действительности. Например, в категории (понятии) «причинность» в свернутом виде дано содержание законов, выражающихся в суждениях: «все имеет свои причины», «все причинно обусловлено» и т. п. Категория «целесообразность» выражает закономерность, раскрываемую рядом суждений, имеющих характер законов: «живые организмы устроены целесообразно в смысле стихийного приспособления их к условиям жизни», «деятельность человека осуществляется сообразно поставленным им целям». Категория «развитие» конкретизируется в ряде положений, имеющих силу законов: «все явления мира изменяются

и развиваются», «все изменяется в направлении от простого к сложному, от низшего к высшему, от старого к новому» и т. д. Таким образом, с тем же правом, с каким было сказано, что суждение есть соединение понятий, можно сказать, что понятие включает в себя ряд суждений о нем.

Итак, хотя та или иная философская категория по содержанию представляет собой выражение закономерности, эта закономерность дана в ней как бы в «почке», она еще не раскрыта, а раскрывается в приведенных суждениях, в силу чего эти суждения являются более конкретной формой мышления сравнительно с отдельной категорией. Таково вообще отношение между закономерностью и законом: закон раскрывает и конкретизирует отдельные стороны закономерности, углубляет тем самым наше познание закономерности. (...)

В основу изучения вопроса о категориях диалектического материализма должно быть положено диалектическое учение о содержательности и конкретности понятия. Однако это не означает отказа от элементарного, формально-логического различения понятия и суждения. (...) Категории суть понятия диалектической логики и поэтому их природа не может быть понята без их логической формы; диалектический анализ этой логической формы, однако, не может игнорировать самого простого, элементарного, данного еще формальной логикой отличия понятия от суждения, т. е. того, что роднит философские категории с понятиями всякой науки. Только после этого можно и должно анализировать специфические отличия философских категорий от общих понятий других наук.

Остановимся на вопросе о соотношении между законами типа: «форма определяется содержанием», «сущность находится в единстве с явлением» и т. д. и основными законами диалектики (взаимопроникновения противоположностей, перехода количества в качество и обратно и отрицанием отрицания). Основные законы диалектики, как и основные законы всякой науки, не охватывают всех связей, в том числе и существенных, поэтому и существует различие по роли и значению в философской науке между основными законами и категориями (назовем последние неосновными законами). (...) Для решения одного вопроса «наиболее существенным» может быть закон из группы основных, а для решения другого вопроса наиболее существенным будет закон из группы неосновных. Например, для решения проблем искусства, государства и права, ряда проблем биологии закон соотношения формы и содержания не менее существен, чем тот или иной основной закон.

Различие между основными и неосновными законами состоит отнюдь не в разной степени существенности, а, как показывает само название «основные законы», в том, что основные законы диалектики являются и реальной и логической основой

неосновных. Действие основных законов представляет собой необходимое условие возникновения и действия законов неосновных. Действие закона взаимопроникновения противоположностей определяет собой и действие неосновных законов, так они формулируют соотношение между противоположностями (случайность — необходимость, сущность — явление и т. д.).

Действие закона отрицания отрицания определяет также действие неосновных законов, так как они выражают различные способы и формы перехода явления в свою противоположность (зигзагообразного, переломного) характера развития при переходе от старого к новому. Это — первая черта соотношения основных и неосновных законов диалектического материализма. Вторая же черта их соотношения состоит в том, что неосновные законы выражают собой отдельные естественные стороны развития и поэтому, как правильно указывает Д. П. Горский, они как бы конкретизируют действие основных законов. В общем различие и соотношение между основными и неосновными законами состоит в том, что основной закон определяет действие остальных законов, так как он является выражением не какого-либо отдельного процесса или стороны развития, а всей совокупности главных сторон и процессов этого развития.

2) О взаимоотношении категорий

Наряду с отношением категорий к другим положениям диалектического материализма имеет место соотношение категорий между собой. Вследствие того, что категории выражают всеобщие явления и закономерные связи действительности, имеющие «прочный», устойчивый характер, их соотношения также в общем отличаются этим характером устойчивости. Без этого обстоятельства вообще невозможна была бы наука, в том числе и диалектический материализм. Но марксистская философия есть живое, развивающееся учение, тесно связанное с жизнью, с практикой, поэтому соотношение ее категорий не остается абсолютно неподвижным. В связи с потребностями практики и развитием науки появляются новые категории, устанавливаются новые связи между ними, усложняются, обогащаются соотношения между некоторыми из них.

Возьмем категории возможности и вероятности. У основоположников марксизма категория возможности сопрягается преимущественно с категорией действительности, при этом главным образом применительно к общественной жизни. В настоящее время категория возможности стала играть большую роль наряду с этим и в биологических и физико-математических науках. (...) Биология помогает человеку осуществлять создание органических форм с заранее заданными свойст-

вами. В связи с этим вопрос о том, какие именно возможности, заложенные в природе растений и животных, могут превратиться в действительность, стал важнейшим вопросом. (...) В физико-математических науках категория возможности стала играть большую роль уже в сопряжении не с категорией действительности, а с категорией вероятности и случайности. Эти категории близки друг другу. Случайно то, что может произойти, а может и не произойти. Иначе говоря, случайность, будучи формой проявления необходимости, отличается от необходимости тем, что она лишь возможна, но не обязательна. Далее возможное имеет различные степени вероятности: от «почти невероятности» до «почти необходимости». Иными словами, невероятность (невозможность) можно представить как необходимость со знаком нуль, как полное отсутствие необходимости, а необходимость — как стопроцентную вероятность.

Играя в этой области, на этом переплетении категорий, игнорируя их качественное отличие друг от друга, отнюдь не исчезающее в этой близости, современная реакционная философия отрицает категорию необходимости, сводя ее к вероятности, возможности и случайности. Но без признания объективной необходимости, детерминизма нет науки. Наука несовместима с провозглашением индетерминизма и субъективистского произвола. В связи с огромной ролью статистических, вероятностных методов в исследовании микроявлений, в математическом анализе этих явлений непонимание соотношений категорий необходимости, случайности, возможности и вероятности, непонимание логических и методологических особенностей каждой категории ведет к пленению исследователей ненаучными выводами, выражаемыми формулами: «крушение детерминизма», «материал мира — это вероятность», «нет необходимости, а есть лишь различные степени вероятности» и т. д. Таким образом, наряду со старым сопряжением категорий «возможность — действительность» и «случайность — необходимость», огромную роль в современной науке получило соотношение «случайность — возможность — вероятность — необходимость».

Укажем далее на большую роль соотношений категорий предмета, свойства и отношения. Современный философский и физический релятивизм извращенно трактует категорию отношения в смысле «чистого отношения», т. е. отношений самих по себе, без соотносящихся предметов, явлений и их свойств. Реальное существование последних или начисто отрицается или сводится к отношениям. В. И. Ленин в борьбе против махистского релятивизма указывал, что такое «понимание» отношений представляет собой выражение идеализма. Материализм необходимо связан с признанием первенства вещей и их свойств сравнительно с отношениями, с признанием ма-

териального субстрата отношений в природе, в обществе и в сознании. Марксизм учит, что свойства не возникают в отношениях, а лишь проявляются в последних: сначала (по крайней мере логически) должны быть предметы и их свойства, а потом уже между ними возникают отношения, связи.

Классики марксизма называли мир предметным миром. Последовательный материализм необходимо связан с признанием предметности, субстанциальности природы. Ф. Энгельс рассматривал природу как «некую совокупную связь тел», т. е. всех «материальных реальностей», взаимодействующих между собой, т. е. движущихся.⁴

Развитие теории относительности в физике сопровождалось, как известно, методологическими извращениями этого вопроса в духе философского и физического релятивизма, одной из основ которых является указанное извращение проблемы предмета — свойства — отношения. Распространение математической логики, являющейся разновидностью и выражением теории отношений, также сопровождалось и сопровождается указанным извращением, освобождение от которого является необходимым для правильного использования выводов математической логики в целях развития математической и логической науки.

В философском исследовании нуждаются и другие категории, например категория состояния в связи с проблемами биологии (целесообразность в органическом мире), психологии (рефлекс цели), общественных наук (целенаправленность, целевой момент в деятельности людей и в некоторых законах общественной жизни) и т. д. Связи между категориями имеют качественно различный характер. Так, случайность есть форма проявления необходимости; целесообразность — частный случай причинности; содержание определяет форму; свобода — это познанная необходимость и т. д. Данное обстоятельство указывает на необходимость конкретного подхода к каждой категории, невозможность огульного, стандартного определения их взаимоотношений.

Однако есть и некоторые общие для всех категорий отношения. Разберемся в этом вопросе. Все категории различны по своему содержанию. Категорий-синонимов, строго говоря, не существует. Отсюда вытекает неправильность отождествления тех или иных категорий, имеющего место в нашей философской литературе. Так, нельзя полностью отождествлять объективное и материальное, объективное и стихийное, идеальное и нематериальное, сущность и существенное отношение, закон и закономерность, случайное и несущественное и т. д. Время вполне объективно, но не может быть названо материальным; сознание идеально, но не является нематериальной

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 392.

сущностью; законы социалистического, коммунистического общества осуществляются путем сознательной, а не стихийной деятельности людей, однако они вполне объективны; случайное явление иногда бывает весьма существенным. В. И. Ленин указывал, что отдельное не полно входит в общее, а общее лишь приблизительно охватывает отдельное.⁵ Это характерно для соотношения всех категорий. Указанные пары категорий близки между собой лишь частично и не вообще, а в каком-либо отношении или в отдельных условиях. Частичное и относительное совпадение категорий является одним из законов их соотношений.

Следующей чертой соотношения категорий является полярность, противоположность значительной части категорий. Марксистско-ленинская философия располагает огромным богатством, состоящим в анализе соотношения «парных», полярных, противоположных категорий: сущности — явления, случайности — необходимости, формы — содержания, свободы — необходимости, объективного — субъективного, существенного — являющегося и многих других.

Однако не все категории по своему содержанию противоположны. В. И. Ленин указывал, например, что «закон» и «сущность» — понятия однопорядковые⁶. Эти категории отнюдь непротивоположны. Категории случайности и возможности лишь различны, но не противоположны. Иначе говоря, нельзя сказать, что случайное невозможно, а возможное не случайно и т. д. Далее, противоположность некоторых категорий не абсолютна, а относительна вследствие перехода категорий в определенных условиях друг в друга и ввиду того, что каждая такая категория в каком-то отношении сама является своей противоположностью (взаимопроникновение категорий). В. И. Ленин указывал: «Природа и конкретна и абстрактна, и явление и суть, и мгновение и отношение».⁷ Классики марксизма учат, что метафизическая обособленность полярных категорий несостоятельна. Так, например, всякое явление абсолютно «в себе», т. е. взятое вне отношения, и относительно, как взаимодействующее с другими явлениями.

Взаимопереходы и взаимопроникновение категорий как противоположных, так и просто различных являются также общей особенностью всех категорий марксистской философии. Поэтому несостоятельно и противоречит самому духу марксизма-ленинизма такое понимание отношений категорий, при котором та или иная категория лишь чисто внешним образом соприкасается с другими.

Несостоятельность догматического «понимания» соотношения категорий видна также и из следующей общей черты

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29: С. 318.

⁶ См.: Там же. С. 136.

⁷ Там же. С. 190.

всех категорий марксистской философии — из ее многогранности, относительной многозначности. Каждая категория марксистской диалектики — это как бы алмаз, играющий разными смысловыми гранями. Так, категория явления употребляется как в онтологическом смысле, когда мы говорим: «явления природы», «общественные явления», так и в гносеологическом смысле, в смысле проявления сущности.

Понятие субъекта у классиков марксизма употребляется то в смысле отдельного человека, то в смысле собирательного человека, т. е. человечества. Понятие же субъективного, употребляясь в смысле того, что принадлежит человеку в отличие от того, что присуще природе, в границах этого смысла имеет также несколько оттенков, в том числе такой: субъективное есть то в нашем познании, что привносится человеком в объективное содержание понятий и суждений. В этом, например, состоит смысл ленинского положения о том, что в процессе развития познания мы постепенно освобождаемся от субъективности и приближаемся к объективности.⁸ Невнимание к различным оттенкам указанного понятия приводит в ряде случаев к путанице. Но субъективное имеет и объективную сторону. При этом понятие об этой объективной стороне субъективного имеет также различные оттенки; объективно содержание научных знаний (объективная истина); внутреннее, субъективное имеет внешнее, объективное выражение в речи, письме и т. д.; мысли всех двух с половиной миллиардов остальных людей для меня являются внешними, не зависящими от меня, объективными.

Возьмем также для примера понятие формы. Это понятие употребляется и в смысле внешней границы содержания (жидкость принимает форму сосуда, в который она налита), и в смысле внутренней структуры содержания (математические и физические формулы, производственные отношения относительно производительных сил), и в смысле частей, видов одного и того же содержания (органические формы, формы общественного сознания.)

Многогранность категорий, выражающаяся в известной многозначности их смысла, отнюдь не говорит о неопределенности этого смысла. Ведь вполне однозначный смысл в языке имеют лишь термины вроде «река», «дерево» и т. п. Термины же, имеющие сложное и отвлеченное содержание, например: «прогресс», «гуманизм», «приспособление», «относительность» и т. п., имеют ту же черту. Многогранность смысла философских категорий проистекает из двух причин: во-первых, из того, что они, являясь всеобщими определениями действительности, имеют обширнейшее универсальное содержание и применение и, во-вторых, что они всякий раз употребляются

⁸ См.: Там же. С. 188—190.

с другими определениями. (...) Однако, несмотря на свою гибкость, природа и функции каждой категории в самых различных случаях, связях и опосредствованиях отличаются известным постоянством, устойчивостью. Так, отношение целого к части (целое как единство своих частей) всегда остается одинаковым, несмотря на то, что целое всегда является частью какого-то более обширного целого, а часть, в свою очередь, сама есть цельность единства частей. (...)

3) О субординации категорий

Одной из сторон проблемы соотношения категорий является вопрос об их субординации (подчинении и соподчинении). Прежде всего должен быть выяснен принципиальный подход к этому вопросу. Субординация категорий в марксистской философии (марксистской диалектической логике), разумеется, не может быть произвольной и субъективной конструкцией. Материалистический подход требует, чтобы эта субординация соответствовала объективной действительности. В. И. Ленин, излагая «элементы диалектики», т. е. категории и законы материалистической диалектики, в качестве первой предпосылки требует «объективности рассмотрения» этого вопроса. Классики марксизма-ленинизма указывали на многие стороны данной субординации. Укажем на одну из этих сторон, по нашему мнению, очень важную.

«Вся доступная нам природа, — писал Энгельс, — образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего. В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение. Уже здесь обнаруживается, что материя немыслима без движения»⁹. Здесь ясно показана объективная субординация природы, материи и ее неотъемлемого свойства, атрибута — движения и, следовательно, необходимость подчинить учение о категориях этой объективной субординации, — начать с природы, с материи и перейти к ее атрибутивным свойствам, от природы как системы тел перейти к отдельным телам, предметам, явлениям и их взаимоотношениям, в которых проявляется общее им всем движение.

В. И. Ленин, как бы продолжая эту мысль Энгельса, писал: «Отдельное бытие (предмет, явление etc.) есть (лишь) одна сторона идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны действительности, которые тоже лишь кажутся самостоятель-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 392.

ными и отдельными (besonders für sich bestehende...). *Лишь в их совокупности (zusammen) и в их отношении (Beziehung) реализуется истина*».¹⁰ «Совокупность всех сторон явления, действительности и их (взаимо)отношения — вот из чего складывается истина»¹¹. Здесь проводится мысль о переходе от отдельных явлений, предметов к их взаимоотношениям для достижения более глубокого и конкретного познания действительности.

В. И. Ленин, комментируя план построения энциклопедической (малой) логики Гегеля, не отбрасывает с порога гегелевский порядок расположения категорий в его логике. Основа гегелевского порядка расположения категорий логики: от абстрактного бытия (существования вообще) к конкретному бытию, т. е. к явлению, а от него к качеству и количеству и далее к сущности и связанной с нею категорией, принимается Лениным¹². Выделяя в гегелевском положении о соотношении категорий бытия и ничто идею становления, развития, Ленин пишет: «Сначала *мелькают* впечатления, затем выделяется *нечто*, — потом развиваются понятия качества $\ddagger$ (определения вещи или явления) и *количества*. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности versus явления, — причинности etc. Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине (=абсолютной идее)».¹³

Обычно в приведенных положениях Ленина, касающихся схемы категорий в гегелевской логике, видят лишь подтверждение Лениным идеи Гегеля об единстве исторического и логического, о необходимости строить систему категорий в марксистской диалектической логике соответственно истории познания. При этом не замечают, что одновременно в этих положениях изложена та же мысль, что и в предыдущих цитатах, — идти от бытия вообще (т. е. от природы, материи) к отдельному бытию (т. е. к явлению) и далее к свойствам и отношениям явлений, глубже и конкретнее раскрывающим сущность действительности, т. е. здесь движение самих категорий идет от субстанции к свойствам и отношениям. Если Ленин в данном месте в связи с комментариями к логике Гегеля подчеркивал правильность мысли Гегеля о построении логики согласно лишь истории познания, то это в данной связи вполне естественно: ведь Гегель как идеалист и не мог, и не думал строить своей логики соответственно субординации явлений объективной, материальной действительности. Но Ге-

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 178 (besonders für sich bestehende. — особо для себя существующими).

¹¹ Там же.

¹² См.: Там же. С. 301.

¹³ Там же.

гель, следуя своей идее, однако, угадал в своей схеме и эту, объективную субординацию. Поэтому приписывать Ленину требования построения схемы категорий соответственно только истории познания, игнорируя объективную действительность, неправильно.

В действительности, классики марксизма-ленинизма требуют сочетания в схеме категорий марксистской логики объективности подхода к этому вопросу с соблюдением идеи исторического и логического. Научная субординация категорий должна наиболее адекватно выражать как объективные связи явлений, так и отражающий эти связи процесс человеческого познания. Та и другая стороны в общем совпадают и не могут не совпадать, так как человеческое познание, как показывает нам история философии и история отдельных наук, идет от представлений о мире в целом к изучению отдельных явлений и их свойств, к выяснению все более глубоких и общих их соотношений. Тот же Гегель неплохо показал это в своей «Истории философии».

Достаточно хотя бы бегло просмотреть историю развития любой конкретной науки, например физики, (...) чтобы видеть, что наряду с открытием новых свойств и явлений в ней раскрываются все новые отношения между явлениями, ранее казавшимися не связанными друг с другом (пространство — время — движение — тяготение, частицы — волны, свет — вещество, масса — энергия и т. д.).

В знаниях об обществе люди шли от самых общих, нерасчлененных представлений о последнем к познанию его отдельных сторон и свойств, а в марксистском обществоведении — к научному определению ступеней его развития и к пониманию органической взаимосвязи всех сторон общественной жизни на базе развития материальной жизни общества. Поэтому, нам представляется, что построение системы категорий должно сочетать в себе как указанное классиками марксизма-ленинизма движение ко все более глубокому познанию, так и указанное ими движение соответственно делению объектов действительности на совокупность предметов, свойств и отношений.

Как уже указывалось, это деление выражает определенную реальную субординацию объектов действительности: предметы первичны относительно свойств и отношений, ибо они являются их носителями; в свою очередь, свойства предметов первичны в отношении связей (отношений), так как последние существуют не самостоятельно, а предполагают существование предметов и их свойств.

Категории диалектического материализма соответственно указанному делению распадаются на три группы: на группу предметных, субстратных категорий (природа, бытие, материя, явление), на группу категорий, отражающих наиболее общие

свойства природы (движение — изменение — развитие, пространство — время, объективное — субъективное, сознание — мышление), и на обширную группу категорий, выражающих связи, отношения между явлениями и их свойствами (такие, как необходимость — случайность, содержание — форма, причинность — целесообразность, возможность — действительность, общее — особенное — единичное и т. д.). Назовем первую группу субстанциальными, вторую — атрибутивными, третью — релятивными (соотносительными) категориями. Субординация имеет место и между категориями каждой из групп указанного трехчленного деления объектов действительности, она выражает все более сложное объективное содержание и все более глубокое проникновение познания в сущность вещей.

Ограничимся в этой главе лишь некоторыми беглыми замечаниями об этой внутренней субординации. В группе субстанциальных категорий начальной является категория природы. Природа — начало и конец материалистической философии. Все явления и отношения в мире суть моменты бытия и развития природы. Категории бытия и материи — дальнейшие определения природы. Понятие бытия (существования вообще) есть внешнее определение природы. Энгельс, критикуя Дюринга, показал недостаточность понятия бытия как принципа единства мира в целом. Понятие «материя» есть определение сущности природы, поэтому понятия бытия и материи не тождественны. Они различаются не только богатством содержания, но и объемом. «Бытие есть вообще открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения».¹⁴

Понятие бытия, существования касается только тех предметов, которые нам известны, а о неизвестных мы не можем сказать, существуют они или нет. Понятие общественного бытия включает в себя не только материальные общественные отношения, но и вообще все явления практической общественной деятельности: в общественном сознании отражаются не только экономические отношения, но и классовые битвы и политическая жизнь. Понятие явления, взятое с его онтологической стороны, субординировано предыдущим понятием как частная, отдельная форма материи.

Начальной категорией во второй, атрибутивной группе категорий является движение. Движению подчинены его определения (изменение и развитие). Всякое движение есть изменение, это либо изменение внешних условий движений, либо внутреннее изменение тела. Но не всякое изменение есть развитие, под последним подразумевается изменение, направление от простого к сложному, от низшего к высшему, от старого к новому.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 43.

Пространство и время субординированы движению как своей сущности. Время течет; остановленное время перестало бы быть временем. Пространство есть переход от одной точки к другой; от одного тела к другому. Пространство, сосредоточенное лишь в одной точке, перестало бы быть пространством. Но пространство и время не сводятся к движению, являясь особой формой бытия материи: всякое движение протекает в пространстве и времени.

Объективность — свойство материи и ее атрибутов (движения, пространства и времени): «...*Единственное „свойство“ материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания*»¹⁵. Но к свойствам материи относятся также сознание и мышление, представляющие единство объективного и субъективного. Поэтому переходу к категориям сознания и мышления нужно предпослать освещение соотношений и субординации категорий объективного и субъективного. Проблема мышления подчинена проблеме сознания, так как мышление является частью сознания (к которому, кроме мышления, относятся явления ощущения, восприятия, внимания, воли, чувства и т. д.) и наиболее сложной и высшей формой сознания.

Отношения субординации внутри наиболее многочисленной третьей группы категорий (названных нами релятивными) обнаруживается прежде всего в их расположении определенными «гнездами» наиболее близких между собой категорий. Это «гнездование» общеизвестно в практике изложения курса диалектического материализма. Имеется также известная субординация категорий внутри каждого «гнезда». Так, гениальным примером освещения субординации общего и отдельного служат положения В. И. Ленина в фрагменте «К вопросу о диалектике».¹⁶

Релятивные категории, обладая различной глубиной и сложностью содержания, представляют собой понятия о сущностях разного порядка. Поэтому имеется объективная субординация категорий в направлении от бытия к сущности и далее к сущностям все более глубоких порядков. Так, категория закона включает, как свои моменты, все предыдущие категории. В результате применения всех рассмотренных категорий, указывает В. И. Ленин, человек приходит к истине как воспроизведению объективной действительности в мышлении.¹⁷

Предлагаемая схема категорий, разумеется, представляет собой лишь одну из возможных.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 275.

¹⁶ См.: Там же. Т. 29. С. 321.

¹⁷ См.: Там же. С. 190.

4) О системе категорий

Последнее время много говорят о цельной системе категорий диалектического материализма. Прежде всего необходимо определить, о чем идет речь. Каждая наука имеет свою совокупность понятий, излагаемых в системе этой науки, в процессе ее изложения, а не отдельно от нее. Открывая учебник физики, мы видим изложение основных понятий о механическом движении: кинематике, динамике, статике, о движении равномерном и неравномерном, о скорости, об ускорении и т. д. Читая учебник по диалектическому материализму, мы видим изложение вопроса о материи, о материальном единстве мира, о соотношении материи и сознания и т. д. Если речь идет о системе категорий диалектического материализма в указанном смысле, то эта система давно существует и ее незачем «создавать». Но, очевидно, речь идет о другом — о создании особого, специального учения о категориях и их соотношениях, о выделении особой теории о природе и соотношении философских категорий в качестве особой науки или особой части марксистской философии. Говорят, что это будет диалектическая логика. В этом необходимо разобраться.

Еще совсем недавно всякая работа о той или иной категории диалектического материализма, будь то категория закона — закономерности или категория возможности — действительности и т. д., подвергалась нападкам со стороны некоторых ретивых «конкретизаторов», считавших, что марксизму якобы противопоказано заниматься категориями вообще. Считая такие исследования «схоластикой», эти критики утверждали, что нет того или иного понятия вообще, а есть только в частности: нет, мол, закона вообще, а есть законы физики, химии и т. д. Этим критикам было невдомек, что они плетутся в хвосте современного позитивизма, отрицающего общие понятия и их объективность. Они не замечали, что разработка категорий и соотношений последних занимает большое место в произведениях классиков марксизма-ленинизма.

Но если теперь бесспорной является необходимость работы над соотношением отдельных категорий и их групп, то можно ли ставить задачу разработки цельной системы соотношений категорий? Объективная основа категорий — существенные явления и закономерные отношения между ними — пронизывает толщу жизни во всех направлениях, во всех, так сказать, измерениях и представляет собою сеть, состоящую из бесчисленных ячеек, звеньев или как бы клубок, в котором переплетено множество нитей. Научное исследование этого клубка состоит в его умственном «распутывании», в выделении отдельных нитей и определении ее соотношения с остальными. Данное исследование не только аналитическое, но и систематическое: оно приводит в конечном счете к созданию общей

теории соотношения категорий. Такая работа над категориями, несомненно, является разработкой определенной части диалектической логики, ибо логика представляет собой науку о законах и формах мышления, а философские категории суть одна из форм диалектического мышления. (...)

Глава 2

ПРЕДМЕТ, СВОЙСТВО, ОТНОШЕНИЕ

Внешний мир — это не сплошная аморфная масса. Он состоит из различных, легко отличимых друг от друга и бесконечно разнообразных вещей, явлений. Ф. Энгельс указывал, что если говорить о материи вообще как о чем-то однородном, то образ этого понятия можно найти разве только в космической туманности.¹ Однако во всем этом разнообразии явлений человеческая мысль издавна различила три основные группы всего существующего: предметы, свойства этих предметов и отношения, связи между предметами и свойствами. Деление всего существующего на данные группы не произвольно, а имеет вполне объективные основания.

Каждый предмет резко отделяется от всех остальных. Он имеет отдельное, индивидуальное существование. Свойство никогда не наблюдается отдельно от предмета: оно всегда связано с предметом, принадлежит ему, не существует отдельно от предмета и может существовать отдельно от него лишь в мысли. Отношения, например, «больше» или «меньше», «под» или «над», «раньше» или «позже» не имеют вещественного характера (в данных примерах они имеют пространственно-временной характер), в ряде случаев вообще не имеют чувственного характера в смысле непосредственного восприятия их органами чувств и предполагают наличие по крайней мере двух предметов или свойств. Таковы самые простые и ясные объективные основания для различения предметов, свойств и отношений.

Практика человеческой материальной деятельности подтверждает и укрепляет правомерность указанного деления объектов действительности. В процессе труда человек изменяет формы предметов или внутренний состав веществ, придает им или отнимает от них те или иные свойства, ставит их в различные отношения и связи, не даваемые самой природой, но нужные человеку.

Объективный характер указанного деления отражается, например, в строении всех языков мира. Оно лежит в основе грамматического деления частей речи: предметы во всех язы-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 558.

ках обозначаются преимущественно именем существительным; свойства — именем прилагательным, числительным и причастием; отношения выражаются в языке всеми остальными частями речи, в том числе отчасти и глаголами. Глаголы, как известно, выражают действия людей и состояния предметов. Действия человека суть отношения между человеком и предметом, а также между людьми (группа глаголов, выражающих состояние предмета, стоит ближе к отражению свойств, о чем будет сказано ниже).

Указанное трехчленное деление объектов действительности сказывается, естественно, также и в формальной логике, поскольку она справедливо называется грамматикой мысли. Хотя формальная логика изучает непосредственно не предметы действительности, а ее «предметом» являются мысли и их связи, однако в природе и связях мыслей не могут не отражаться природа и соотношение объектов действительности. Поэтому формальная логика признает, что суждения суть мысли «о различных предметах, об их свойствах, об их связях и отношениях», что «мысль о предмете есть понятие», что «признаки предмета, отраженные в нашей мысли о предмете, называются признаками понятия».² Правда, понятие может быть не только о предмете, но и о свойстве и об отношении. Однако примерами и образцами понятия обычно берутся мысли именно о предмете, так как понятие есть отдельный элемент суждения, отдельная мысль, выделяемая из состава суждения, и поэтому ее, естественно, удобно иллюстрировать именно на предмете, имеющем, как известно, явно отдельное существование. Указанное трехчленное деление лежит в основе логического деления понятий на конкретные и абстрактные. «Понятие, посредством признаков которого предмет мыслится как таковой и как данный предмет, называется конкретным. Понятие, посредством признаков которого мыслится не данный предмет как таковой, а некоторое свойство предмета или отношение предметов, называется абстрактным».³

Примерами конкретного (по классификации формальной логики) понятия могут служить понятия «стол», «дерево», «человек», примерами абстрактных понятий — «белизна», «текучесть», «справедливость» и т. п. Нетрудно видеть, что конкретные понятия выражают предметы, а абстрактные — свойства и отношения, как на это указывает и приведенное определение.

Деление объектов действительности на совокупность предметов, свойств и отношений присуще многим наукам. Так, в физике употребляется целая группа понятий, обозначающих предметы: тело, вещество, частица, молекула, атом и т. д.

² Логика. М., 1955. С. 22.

³ Там же. С. 46.

От этой группы понятий, обозначающих предметные, субстратные элементы природы, резко отличаются понятия, обозначающие свойства или состояния этих субстратных элементов: движение, энергия, масса и т. д. Смещение природы этих различных элементов и отсюда сведение частицы к движению и энергии, т. е. к свойству тел, справедливо расценивается марксистами-физиками как ненаучная, как идеалистическая тенденция.

В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» показал несостоятельность идеалистического сведения материи к движению. Однако подобное смещение имеет место не только в зарубежной, но и в советской литературе. Так, нельзя считать правильным утверждение, что превращение массы в энергию есть превращение материи в движение, — здесь двойное смещение указанных элементов действительности. Масса не есть материя, масса — не предмет, не субстрат, а свойство субстрата, предмета. Движение также не предмет, не субстрат, не тело, а свойство или состояние тел. Материя не превращается в свое свойство. Положение о превращении массы в энергию также не может быть принято.

Указанное деление объектов действительности имеет не меньшее значение и в общественных науках. Известно, какое огромное значение сыграло в экономической науке открытие К. Марксом природы товара. Обосновывая марксистскую политическую экономию, Маркс разоблачил ненаучное понимание категории товара как натурального свойства вещей и показал, что товар и стоимость суть не собственные натуральные свойства вещей, а выражение общественных отношений производства. Лежащее в основе марксистской политической экономии различие потребительной стоимости и стоимости также основано на объективном различии свойств и отношений. (...)

Материалистическая философия издавна делила объекты действительности на предметы, свойства и отношения. Материалистическая философия всегда настаивала на предметности существующего и на объективном характере этой предметности. В некоторых материалистических системах эта правильная идея нашла свое одностороннее решение. Так, в философии Гоббса все существующее рассматривается лишь как совокупность естественных и искусственных тел. К последним Гоббс относит даже государство.

Марксистская философия, укрепляя материалистические позиции в данном вопросе, подчеркивает прежде всего первичность предметов, субстрата относительно свойств и отношений, настаивает на субстанциальном понимании существующего, т. е. на том, что мир есть прежде всего совокупность вещей, предметов, являющихся носителями свойств и отношений. Как уже подчеркивалось, классики марксизма, называя мир предметным миром, представляли природу как некую

систему, некую совокупную связь тел. «Вещество, материя, — писал Энгельс, — есть не что иное, как совокупность вещей, из которой абстрагировано это понятие...»⁴

Понятие материальности относится в прямом смысле лишь к предметам. Планета или дерево безоговорочно материальны. Что же касается свойств и отношений, то к ним понятие материальности следует применять очень осторожно. Совершенно бессмысленно применять понятие материальности или нематериальности к многим свойствам, вроде: скромность, упрямство, красота и т. п. Даже в отношении некоторых общих свойств (атрибутов) материи, например времени, это столь же бессмысленно. То же можно сказать и об отношениях. Если в обществе и имеются материальные отношения, то это означает, что они независимы от общественного сознания или что эти отношения находятся в тесной связи с общественным производством материальных вещей.

Далее. Марксистская философия, последовательно проводя материалистическую линию в этом вопросе, указывает на первичность свойств касательно отношений. «...Свойства данной вещи, — писал К. Маркс в „Капитале“, — не возникают из-за ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении...»⁵

Наконец, марксистская философия, строго различая предметы, свойства и отношения, не останавливается на этом различии как на абсолютной грани. Она подходит к вопросу о соотношении данных трех определений действительности диалектически, указывает на относительность этого различения, на взаимопереходы этих определений друг в друга, что отнюдь не уничтожает, как думают релятивисты, реального качественного различия данных элементов действительности.

Предмет никогда не наблюдается в качестве «чистой» субстанции, существующей отдельно от своих свойств и от отношений к другим предметам. Такой предмет был бы непознаваемой «вещью в себе». Узнать что-либо о предмете можно лишь по его свойствам и связям с другими вещами и явлениями. Мы знаем что-либо о звездах и об отдаленных звездных системах лишь потому, что они излучают свет и радиацию, доходящие до нас и действующие на нас. Мы знаем о внутреннем строении нашей планеты лишь благодаря сейсмическим и другим проявлениям этого внутреннего состава Земли. Мы знаем о внутреннем мире человека по его словам, движениям и поступкам. Предмет всегда выступает в «одежде» многих своих свойств и в «поле» самых разнообразных связей.

Однако предмет нельзя свести к свойствам, определить

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 550.

⁵ Там же. Т. 23. С. 67.

его как некую их совокупность. Предмет представляет собой такое единство свойств, которое остается относительно постоянным в их смене, т. е. представляет собой реального носителя данных свойств. Последние же никогда не наблюдаются вне отношений. Так, нельзя судить о массе тела независимо от его связей с другими телами. Нет также «чистых» отношений без соотносящихся тел и свойств. Законы природы и общества суть отношения, но в них всегда выражаются отношения между телами или их свойствами. Так, закон Бойля-Мариотта: «При неизменной температуре давление данной массы газа обратно пропорционально объему газа» выражает отношение между давлением и объемом газа, т. е. между его свойствами. Взаимосвязь и взаимообусловленность явлений — это не чистое отношение, а именно отношение между явлениями.

Таким образом, реальная действительность не аморфна, а представляет собой некоторую структуру, подобную структурной решетке атома или молекулы. Грани этой структуры «поддерживаются» предметами, вещами, являющимися, так сказать, локальными центрами, средоточиями свойств и связей действительности.

Современная буржуазная философия, пользуясь относительностью указанного деления объектов действительности и фактом перехода одних определений в другие, релятивистски смешивает категории предмета, свойства и отношения, сводит предмет и свойство к отношениям, а последние трактует субъективистски, как условные соглашения или произвольную терминологию, которой ничто реальное не соответствует. Такова главная тенденция современного идеализма в этом вопросе, которую можно выразить следующим образом: никакой субстанции не существует, предмет есть лишь видимость. Понятие о предмете как о чем-то определенном и резко очерченном якобы обладало смыслом только до возникновения тонких методов исследования вещества, до микрофизики, когда физика имела дело с макрообъектами. Макрочастицы и силы, их связывающие, почти неразличимы между собой и взаимопревращаются. Предмет и свойство суть лишь комбинации сил, отношений, некие центры и узлы отношений или (как предпочитают выражаться современные позитивисты) «событий». В конечном счете существуют лишь отношения. Все относительно, относительное же субъективно.

Отрицание субстанциальности, признание отношений единственной реальностью и дальнейшее отождествление этой реальности с субъективным — таковы основные идеи современного идеализма, позитивизма в данном вопросе. (...) Все сказанное свидетельствует о важности и идеологической остроте проблемы предмета, свойства и отношения. (...)

Перейдем теперь к рассмотрению каждого из трех членов указанного деления.

1) Предмет

Понятие предмета в современной науке и практике весьма многогранно. Под ним подразумевается тело, вещь, частица, вещество. Все эти термины объединяют один общий им признак предметности, однако у каждого из этих терминов есть свой оттенок смысла. Понятие тела употребляется преимущественно в механике и физике для обозначения главным образом макropредметов твердой и определенной формы. Для микро-тел употребляется понятие частицы. Вещь — это обычно предмет, созданный человеком. Понятие вещества в науках о природе употребляется для обозначения природных или искусственных образований однородного состава, но неопределенной внешней формы, например жидкости или газа.

С понятием предмета граничат также понятия явления и процесса. Понятие явления имеет два смысла: онтологический и гносеологический. Понятие явления, взятое в его онтологическом плане, т. е. независимо от процесса познания, в том смысле, когда мы говорим: «явления природы», «общественные явления» и т. п., обладает более широким объемом и более неопределенным содержанием, чем все вышеуказанные термины из группы предметных понятий. Оно употребляется в естествознании для обозначения таких объектов, которые представляют собой не отдельные тела, а совокупность тел (частиц) или других предметных объектов (например, волн), как то: «электромагнитные явления», «атмосферные явления» и т. п. Под общественными явлениями разумеются также сложные элементы общественной жизни как исторические события (например, кризисы), так и определенные стороны общественной жизни (например, «экономические явления»).

Таким образом, понятие «явление» обладает признаками отдельности и предметности в смысле определенной совокупности действий предметов. Понятие явления в гносеологическом смысле означает внешнее проявление сущности.

Понятием процесса обозначается динамическая последовательность явлений в отличие от отдельных составных моментов процесса, называемых явлениями. Что же разумеется под указанным признаком предметности? Это прежде всего отдельность, индивидуальное существование, и отсюда — наглядность, резкое отличие одного предмета от других предметов; отсюда — русское слово «предмет», т. е. то, что «мечется» или «метит» вам в глаза; отсюда также немецкое название предмета: Gegenstand (геренштанд), т. е. что стоит перед вами (буквально — напротив вас). В этом первое отличие предмета от остальных элементов действительности.

Свойство, например белизна, — не отдельный предмет и не имеет индивидуального существования; оно присуще многим предметам, например белому облаку, снегу, белой птице, меловым скалам и т. д. Отношение, например «выше» или «ниже», «старше» или «моложе», — это тоже не отдельные предметы; отношение не имеет индивидуального бытия, а, наоборот, предполагает существование нескольких предметов, между которыми осуществляются связи.

Предмет, как уже указывалось, является носителем свойств и отношений и в этом смысле базой, основой последних. Это значит, что свойства нигде и никогда не наблюдаются отдельно от предмета, сами по себе, а являются принадлежностью предметов. Отношения также не наблюдаются отдельно от предметов, но не принадлежат, в отличие от свойств, отдельным предметам, а требуют наличия по крайней мере двух предметов. Поэтому сначала (хотя бы логически) должны существовать предметы, а потом уже свойства и отношения. В этом смысле предмет первичен в отношении свойств и отношений, поэтому предмет есть субстанция в смысле основы явлений и процессов, происходящих в мире.

Предмет есть также субстанция и в кантовском смысле цельности, тотальности свойств, т. е. того, что связывает, «держит» совокупность свойств, что позволяет, например, воспринимать яблоко как отдельный и определенный предмет, связующий ощущения круглого, красного (или зеленого), сладкого (или кислого), соединенные в восприятии яблока. Правда, Кант объяснял эмпирический синтез, присущий восприятию цельного, отдельного предмета, априорной способностью человеческого рассудка, а не реальными причинами, не объективной особенностью предмета как носителя свойств, однако факт психологического синтеза как особенности восприятия предметного Кантом был подмечен верно.

Кантовское понимание субстанции, согласно которому каждый отдельный предмет есть субстанция в гносеологическом смысле, в смысле цельности восприятия, следует отличать от понятия субстанции во всеобщем и онтологическом, «спинозовском» смысле, в смысле природы, точнее — в смысле универсальной основы всех вещей природы. Природа выступает в учении Спинозы единственной носительницей всех свойств как всеобщих и необходимых (атрибутов), так и временных и преходящих (модусов).

В дальнейшем развитии материалистической философии наряду с понятием природы для обозначения субстанции, т. е. основы и сущности всех вещей, употребляется понятие материи. Материя в онтологическом отношении выступает как всеобщий предмет, как сущность природы, как носительница всех свойств и связей существующего, а в гносеологическом отношении — как всеобщий предмет (объект) отражения, мыс-

ли, как объективная реальность, существующая вне и независимо от нас, действующая на наши органы чувств и вызывающая явления сознания. (...)

2) Свойство

Объективное отличие свойства от предмета выражено уже в самом русском слове «свойство» — то, что свойственно предмету, что является для него «своим». Немецкое название свойства — *Eigenschaft* — также обозначает то, что принадлежит предмету. Предмет есть носитель свойства. Свойства, существующего отдельно от предмета, не бывает. Однако свойства, за исключением некоторых строго индивидуальных свойств, принадлежат обычно не одному, а многим предметам. Свойства, присущие тому или иному предмету, суть некие варианты, различные комбинации количества и степени развития свойств, присущих целой группе предметов. Так, свойство соединяться с кислородом присуще ряду химических элементов. Свойство реагировать посредством движения на окружающие явления присуще многим живым существам и т. д.

Каждый предмет имеет множество свойств. Он представляет собой как бы узел и локальный центр свойств. Однако свойства обладают некой относительной самостоятельностью по отношению к своему носителю — предмету. Это проявляется, во-первых, в уже указанном обстоятельстве: в том, что одно и то же свойство может быть присуще различным предметам; во-вторых, в том, что то или иное свойство может быть искусственно или естественно отнято или, наоборот, придано предмету. (...) Например, дереву придается свойство огнеупорности, у металла отнимается свойство окисляться, у стекла — хрупкость, ему придается способность выдерживать большие тяжести и т. д. В процессе воспитания прививаются свойства трудолюбия, настойчивости, умения преодолевать трудности, владеть собой. Относительная самостоятельность свойств позволяет языку и мысли выделить понятие свойства в качестве обозначения особого элемента действительности, особой категории в отличие от предмета.

Категорию свойств часто сближают с категорией качества. Обычно определяют качество как единство свойств. В этом определении имеется тот смысл, что качество не является отдельным свойством предмета, а связано с предметом как целым, так сказать, охватывает его полностью и, следовательно, неотделимо от него. Поэтому понятие качества (например, у Гегеля) связывается с бытием предмета. Предмет может потерять или приобрести то или иное свойство, но не может, оставаясь тем же предметом, лишиться своего качества. Однако в этом определении выражается также и то обстоятель-

ство, что, во-первых, качество как цельность свойств не может быть поставлено в один ряд с отдельными свойствами, во-вторых, не может отождествляться с самим предметом как носителем не только своих свойств, но и качеств.

Предмет имеет много качеств в зависимости от своих взаимоотношений с другими предметами и явлениями. Так, один и тот же человек выступает и в качестве гражданина государства, и в качестве члена партии, и в качестве работника той или иной профессии, и в качестве отца семейства и т. д. Категория качества, таким образом, органически связана с отношением явлений. Кроме того, она имеет смысл в противопоставлении количеству. Если количество указывает на сравнимость одного явления с другим в каком-либо отношении, то качество указывает на несравнимость этих явлений в другом отношении.

Так, капитализм и социализм являются качественно различными социально-экономическими системами, но могут быть сравнимы между собой в отношении уровня развития промышленности или сельского хозяйства, в отношении темпов развития хозяйства и т. д. Синий или зеленый цвет качественно различны, но сравнимы между собой в отношении длин электромагнитных волн, вызывающих явления цветов спектра. Поэтому категория качества граничит с группой категорий, выражающих отношения между явлениями. Смешение свойств с качеством, а также мудрствование с категорией качества, с этой весьма простой категорией, приписывание не свойственного ей содержания, например отождествление ее с категорией сущности, глубоко неправильно.

К свойству близко также понятие состояния. Проблема состояния, являясь в современной науке чрезвычайно важной и сложной, нуждается в специальном исследовании. Здесь мы ограничимся несколькими замечаниями, касающимися не природы этой категории, а лишь ее отличия от категории свойства. Понятия свойства и состояния часто смешиваются и отождествляются. Так, электрон в определенных условиях обладает свойствами спина, заряда и т. д. При этом иногда говорят, что электрон находится в состоянии спина, в заряженном состоянии и т. д. Однако хотя предмет является носителем своих состояний, так же как и носителем своих свойств, категория состояния не тождественна категории свойства. Понятие состояния близко по смыслу категориям «форма бытия» или «форма существования». Например, в одном и том же смысле говорят: «движение есть форма существования материи» и «материя всегда находится в состоянии движения». Состояние того или другого предмета есть одна из форм его существования. Однако, в отличие от форм существования материи в целом (движения, пространства и времени), которые всегда присущи материи (материи не бывает без движения, вне про-

странства и времени), отдельный частный предмет может находиться или в том или в другом состоянии, как человек может спать или бодрствовать.

Свойства и состояние предмета не тождественны. Возьмем, например, агрегатное состояние вещества (твердое, жидкое или газообразное). В каждом из этих состояний вещество теряет ряд своих свойств, присущих другому состоянию, и приобретает другие свойства, присущие данному состоянию. Однако химический состав вещества остается неизменным в смене его состояний. Нервная система животного в возбужденном или, наоборот, в заторможенном состоянии обладает некоторыми различными свойствами и проявлениями, однако эти различные состояния не изменяют природы и структуры нервной системы.

Таким образом, предмет может находиться в разных состояниях в зависимости от окружающих его условий или от внутренних причин. При этом переход предмета из одного состояния в другое вызывает утрату им ряда свойств или появление новых. Поэтому состояние теснее и неотрывнее связано с предметом, чем свойство, и не обладает той относительной самостоятельностью, какой обладают свойства.

Всеобщие свойства вещей, т. е. свойства, присущие всем вещам, называются атрибутами. Спиноза делил свойства субстанции — природы — на модусы и атрибуты. Модусами Спиноза называл такие свойства вещей, которые являются временными, меняющимися и случайными в том смысле, что они не связаны необходимым образом с бытием, с сущностью вещей. Атрибуты же, по Спинозе, абсолютны, вечны, вытекают из природы вещей, из природы субстанции и поэтому присущи субстанции по необходимости. К атрибутам Спиноза относил свойства протяженности и мышления. Движение же он считал модусом, т. е. необязательным свойством вещей, полагая, что предмет может быть и в состоянии движения, и в состоянии покоя: море может быть спокойным или волноваться.

Деление Спинозы имеет теперь лишь историческое значение, однако сам принцип этого деления и определение атрибутов как свойств, вытекающих из природы субстанции и потому неизбежно связанных с ее существованием, принимается марксизмом. Классики марксизма признавали атрибутивный характер таких наиболее общих свойств материи, как движение и мышление. Атрибутивность движения означает, что материя есть именно движущаяся материя, что нет материи без движения, как нет движения без материи, что абсолютно-го покоя не существует, что всякий покой относителен и является лишь частным случаем движения. Атрибутивность мышления, мышления означает не то, что все предметы мыслят, а то, что в природе материальной субстанции заложена способность порождать в определённых условиях сознание,

которое возникает везде и всюду, где создаются для этого необходимые условия.

Картина мира, писал В. И. Ленин, есть картина того, как материя движется и мыслит. Сознание, как утверждал Ф. Энгельс, будучи свойством высокоорганизованной материи, является не случайным свойством природы, но ее атрибутом. «...У нас есть уверенность в том, что материя во всех своих превращениях остается вечно одной и той же, что ни один из ее атрибутов никогда не может быть утрачен и что поэтому с той же самой железной необходимостью, с какой она когда-нибудь истребит на Земле свой высший цвет — мыслящий дух, она должна будет его снова породить где-нибудь в другом месте и в другое время».⁶

В истории философии различным образом трактовался вопрос о так называемых первичных и вторичных качествах, т. е. вопрос о том, какие из свойств предметов являются объективными, присущими предмету как таковому, и какие — субъективными, т. е. возникающими лишь в нашем восприятии. Известно, что Локк одни свойства (например, геометрические — форму, фигуру и т. п.) считал объективными, а другую группу свойств (например, цвет) — субъективными. В этом проявились присущие всей философии Локка попытки компромисса между материализмом и идеализмом. Известно также, что концепция Локка относительно этого деления подверглась критике как со стороны субъективных идеалистов, считавших все свойства субъективными, так и со стороны материалистов, доказывавших объективный характер также и вторичных свойств.

Позиция материализма в этом вопросе полностью подтверждена естествознанием и психологией. Так, например, физика установила, что каждому цвету спектра соответствует строго определенная длина световой электромагнитной волны, а звуку определенной высоты — столь же строго определенная длина звуковой волны. Значит, основная причина различия цветов объективна, независима от нашего восприятия, первична по отношению к нему. Однако этим проблема первичных и вторичных качеств отнюдь не снимается целиком. Длина волны — это все-таки причина цвета и звука, а не сам цвет и звук как таковые. Поэтому цвета и звуки суть единство объективного и субъективного.

В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» писал: «Предметы наших представлений отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас, ибо последняя — только часть или одна сторона первой, как сам человек — лишь одна частичка отражаемой в его представлениях природы». «,...Мой вкусовой нерв, — цитирует Ленин

⁶ Там же. Т. 20. С. 363.

Л. Фейербаха, — такое же произведение природы, как соль, но из этого не следует, чтобы вкус соли непосредственно, как таковой, был объективным свойством ее, — чтобы тем, чем является (ist) соль лишь в качестве предмета ощущения, она была также сама по себе (an und für sich), — чтобы ощущение соли на языке было свойством соли, как мы ее мыслим без ощущения (des ohne Empfindung gedachten Salzes)..." Несколькими страницами раньше: „Горечь, как вкус, есть субъективное выражение объективного свойства соли” Ощущение, — заключает Ленин, — есть результат воздействия объективно, вне нас существующей вещи в себе на наши органы чувств, такова теория Фейербаха. Ощущение есть субъективный образ объективного мира, мира an und für sich».⁷

Нет нужды доказывать, что элемент субъективности в указанном смысле имеет место и в наших представлениях о так называемых первичных качествах. Еще Беркли дал многочисленные примеры данного явления, хотя и сделал это для доказательства своих неверных, антинаучных, субъективно-идеалистических положений. Таким образом, принципиальной разницы между первичными и вторичными «качествами» нет.

Однако проблема, поставленная Локком, имеет некоторые основания в том отношении, что между так называемыми первичными и так называемыми вторичными свойствами («качествами») имеется несомненная разница в смысле, так сказать, степени субъективности, в смысле степени похожести нашего ощущения на объективную основу этого ощущения. Цвет и электромагнитная волна, звук и воздушная волна, горечь и химический состав, температура и молекулярное движение — это различные и не похожие друг на друга образы. Геометрическая же форма и ее восприятие хотя и не вполне совпадают, но гораздо ближе друг к другу по своей копияности.

Однако, повторяем, это обстоятельство не может поколебать материалистического учения об объективном характере свойств вещей вообще, о возможности и факте их адекватного познания. (...)

3) Отношение

Третьим законом в системе трехчленного деления объектов действительности является отношение, или связь, между явлениями и их свойствами. Если свойство, как указано, субординировано предмету, то отношение субординировано предмету и свойству. Предметы и свойства суть носители отношений. Это значит, что отношение возникает и осуществляется между предметами, между свойствами, между предметами и их свойствами. Тяготение есть отношения между телами. Собствен-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 119—120.

ность — не вещь и не отношение человека к вещи, а общественное отношение, отношение между людьми. Все законы природы и общества суть отношения. Одни из этих объективных законов выражают отношения между телами как таковыми, а другие — отношения между свойствами тел или даже отношение между отношениями.

Современная наука оперирует множеством понятий, выражающих отношения между отношениями. Таково, например, понятие функции, выражающее обязательную взаимозависимость двух величин, которые сами являются обычно отношениями. Ведь геометрическая величина, например, есть отношение между двумя пространственными отрезками; математическая величина есть выражение количественного отношения вещей. Таковы также понятия эквивалентности, симметрии, конгруэнтности и т. д. Законы математических операций, формулируемые математической логикой, — законы коммутативности, ассоциативности, дистрибутивности и другие — суть законы отношений между отношениями, отношения, так сказать, второй степени.

Выражая всеобщую связь и взаимозависимость явлений (предметов и свойств), отношения крайне многообразны. Они образуют, так сказать, густую сеть вокруг предметов и свойств. Каждый предмет несет с собой целое поле отношений. Существование того или иного отношения связано не с одним, а с многими предметами или свойствами. Из-за постоянного движения и изменения предметов и свойств, окружающих данное тело, из-за постоянного изменения условий и ситуаций, в которых тело находится в каждый данный момент, отношения обладают обычно меньшей устойчивостью сравнительно с предметами и свойствами. Однако в лице законов природы и общества мы наблюдаем устойчивые отношения, «переживающие» изменения отдельных предметов и их свойств. Явления изменяются, закон остается.

В этой меньшей устойчивости проявляется большая относительная самостоятельность отношений сравнительно с относительной самостоятельностью свойств. Свойство есть всегда свойство отдельного предмета. Отношение же, так сказать, безлично. Оно возможно между разными объектами, которые это отношение связывает или разделяет.

Нет нужды доказывать важность проблемы отношений; значение отношений и относительности даже преувеличивается и раздувается многими представителями современной философии. Релятивизм — культ относительности всего в мире — является, как уже говорилось, основным направлением в современном идеализме. В науке проблема отношений и относительности наиболее рельефно выступает в теории относительности — одной из наиболее «коренных» теорий современного естествознания. Эта проблема играет большую роль также

и в другой «коренной» теории естествознания нашего времени — в квантовой теории.

Вся общественная наука — это наука не о предметах или их свойствах, а об общественных отношениях. В этом одно из существенных отличий марксистского понимания общества от натуралистического, антропологического, фейербахианского взгляда на общество как на простую совокупность людей, на сумму индивидов. (...)

Близким к понятию отношения является понятие связи. Однако эти понятия — не полные синонимы. Отношение предполагает связь, но не сводится к ней. Отношение может не связывать, а разделять явления. Отношения различия и противоречия, конечно, предполагают связь, но их существо не в общности явлений, характерной для связи, а в их раздельности. Связь указывает на общность вещей, а отношение более многогранно. Далее понятие отношения связано с понятием относительности, которое не содержится в понятии связи.

Относительность — это определенный результат и проявление отношений. Простейший пример: число 2 есть число абсолютное, а «в 2 раза больше» или «2%» суть числа относительные. Первое число не выражает отношения, оно просто констатирует факт существования двух однородных объектов; второе и третье число предполагают сравнение, т. е. отношение двух объектов. Всякое явление абсолютно «в себе», как взятое вне отношения, и относительно, как взаимодействующее с другими явлениями. Но поскольку в этом взаимодействии выступает собственная внутренняя природа взаимодействующих явлений, то во всем относительном есть элементы абсолютного. Так, всякое реальное движение относительно, ибо оно всегда совершается по отношению к другим движениям. Однако в каждом реальном движении тела выступает природа движения вообще, что и составляет абсолютный момент в относительных движениях.

Движение же в целом, как свойство (атрибут) материи, абсолютно, так как оно ни с чем не соотносится, кроме своего носителя — материи. Материя абсолютна, но не относительна, так как она не может соотноситься ни с чем, кроме своих частей. Отдельный же предмет и абсолютен и относителен, так как он находится в многообразных отношениях со всеми остальными предметами. Наше познание относительно, если иметь в виду состояние нашего познания сравнительно с прошлым и будущим познанием, но оно абсолютно по своей природе: как познание бесконечного; как процесс, протекающий бесконечно; как выражение бесконечной мощи проникновения в тайны природы и в смысле своих результатов — накопления абсолютных, т. е. полных и окончательных истин. Существующая в нашей литературе разноголосица и путаница в понятиях

относительного и абсолютного проистекает из непонимания указанного основного различия этих категорий.

Однако эти категории, как и другие категории, не однозначны, а играют разными смысловыми гранями в пределах указанного основного смысла (относительное есть то, что связано с отношениями, а абсолютное — что с ними не связано). Так, понятие абсолютного иногда сближается с понятием всеобщего — в отличие от частного, или с понятием вечного — в отличие от временного. В этом сближении есть некоторый смысл, так как, действительно, всеобщее не зависит от пространственных, «местных» условий (отношений), оно безусловно в отношении пространства, а вечное соответственно действует всегда, в любом времени, являясь безотносительным к временным условиям. Безусловное (абсолютное), по Энгельсу, — это то, что действует повсюду и всегда. Однако полное (во всех отношениях) отождествление абсолютного со всеобщим и вечным, а относительного с частным и временным, т. е. выход за границы основного смысла категорий абсолютного и относительного, неверно и ведет к ошибкам в трактовке некоторых физических и иных проблем.

Абсолютное есть взятое вне отношений или (что то же самое) полное, взятое во всех отношениях, а относительное — неполное, т. е. взятое лишь в каком-либо определенном отношении. Поэтому относительное иногда (например, у В. И. Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме») сближается с понятием приблизительного: относительную истину Ленин определяет как истину приблизительную, неполную и не вполне точную.⁸ Ясно, однако, что приблизительный характер относительного не исчерпывает всей его природы, выражая лишь определенную сторону, грань этого понятия.

Глава 3

СУБСТАНЦИАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

В первой главе был определен принцип субординации категорий диалектического материализма. Категории были разделены на три группы соответственно объективному делению объектов действительности на предметы, свойства и отношения. Во второй главе рассматривался вопрос о соотношении предмета, свойства и отношения как категорий, лежащих в основе этой классификации. Теперь мы переходим к анализу соотношения философских категорий, входящих в каждую из этих трех групп. Первая такая группа будет представлена субстанциаль-

⁸ См.: Там же. С. 138—139.

ными категориями, т. е. категориями, связанными с понятием субстанции.

Рассматривая вопрос о предмете, мы видели, что природа, материя есть совокупность (совокупная связь) тел, предметов и, взятая в целом, представляет собой всеобщий объективный «предмет», с которым имеет дело практика и наука. В дальнейшем определении материя как всеобщий «предмет» действительности выступает как субстанция, как субстрат и основа всех вещей. Тогда же был определен основной состав этой группы субстанциальных категорий: природа — бытие — материя — явления. Остановимся в этой главе на соотношении, субординации этих категорий.

Первой подлечит рассмотрению категория природы. Природа, как уже указывалось, — это начало и конец материалистической философии. Для материализма нет ничего кроме природы. Понятие природы иногда заменяется в философии другими адекватными понятиями: «мир», «вселенная», иногда — понятием действительности в широком смысле слова. Нет ничего кроме природы, т. е. кроме мира, вселенной, материальной действительности. В этой связи Ф. Энгельс писал, что материализм понимает мир, как он есть, без всяких посторонних прибавлений.¹ В данном смысле и общество есть часть природы, и сознание — явление природы. Все, что происходит вне нас, в окружающем нас мире, в том числе и в обществе, а также и в нашем сознании, есть процесс естественный или, как иногда говорят, естественноисторический. В этом смысле понятие природы является начальным и предельно общим понятием материалистической философии. Все явления в мире суть части, моменты или ступени развития природы.

Понятие природы употребляется в философии и в более узком смысле слова. Возьмем, например, такое определение природы у Фейербаха: «Природа есть свет, электричество, магнетизм, воздух, вода, огонь, земля, животное, растение, человек, поскольку он является существом, произвольно и бессознательно действующим, — под словом „природа“ я не разумею ничего более, ничего мистического, ничего туманного, ничего теологического».² Здесь понятие природы имеет более узкий смысл, чем тот, о котором мы говорили. Из него исключаются общественные явления, явления сознания, духа. Здесь понятие природы употребляется в отличие от понятия общества и от понятия мышления.

Такое понятие природы имеет место и в нашей марксистской философии. Так, часто говорят, что законы общества нельзя свести к законам природы, или различают науки о природе и науки об обществе. Здесь из понятия природы исклю-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 513.

² Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 47.

чается общество. Когда мы утверждаем, что материя, природа представляет собой объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, тогда из понятия природы исключается сознание, т. е. понятие природы выступает как синоним понятия «внешний мир». Различие этих двух смыслов — более широкого и более узкого понятия природы — следует учитывать во избежание недоразумений, используемых для всякого рода софистических извращений вопроса.

Понятия бытия и материи являются определениями природы. Это суть различные стороны данного понятия. Остановимся сначала на понятии бытия. Что такое бытие? Это понятие идентично понятию существования. Быть — значит существовать. Энгельс писал: «Когда мы говорим о *бытии* и *только* о бытии», то единство мира «может заключаться лишь в том, что все предметы, о которых идет речь, *суть*, существуют».³ Понятие бытия у Энгельса (...) употребляется в смысле реального существования вещей, явлений.

Бытие природы имеет две формы: материальную и духовную (идеальную). Сознание существует столь же реально, как и материальные предметы. В. И. Ленин называл «сплошным вздором» утверждения о меньшей реальности сознания сравнительно с физическими явлениями.⁴ Значит, сознание есть тоже бытие, форма бытия. Однако оно есть особая форма бытия: в отличие от жизни, от непосредственного бытия сознание есть опосредованное, рефлектированное, отраженное бытие.

Будучи бытием в онтологическом отношении (т. е. как явление природы), сознание в гносеологическом отношении (т. е. как процесс отражения, познания мира) отлично от бытия и противоположно ему. Поэтому в последнем отношении понятие сознания исключается из понятия бытия. Так, логика Гегеля начинается с понятия бытия. Это и понятно, так как его логика есть логика идеалистическая. Для Гегеля понятие бытия является достаточным, чтобы начинать с него рассмотрение категорий. Для нас, материалистов, понятие бытия оказывается недостаточным, потому что оно еще не отделяет объективно существующего бытия от бытия духа. Для Гегеля логика и история мира, мысль и действительность — одно и то же, история мира есть логический процесс. Гегель считает мышление и бытие тождественными, поэтому для него естественно начинать с понятия бытия. Материалистическая же логика не может начинать с данного понятия. Понятие бытия недостаточно для материалистической логики, материалистической философии, потому что оно еще не отделяет бытие мысли и даже мыслимое бытие от бытия объективно существующего.

Сам Гегель показал эту недостаточность в своем определе-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 42.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 296.

нии бытия. Изучая «Науку логики» Гегеля, Ленин сделал выписку, очень характерную с этой точки зрения: «Бытие непосредственно. „Бытие еще не действительно”». ⁵ Действительность — это уже реальное, существующее бытие. Следовательно, уже сам Гегель в своем определении бытия, в котором он совершенно справедливо отличает понятие бытия от понятия действительности, дает основание, чтобы видеть недостаточность понятия бытия для материалистической философии, ибо материалистическая философия начинается с объективно существующего бытия.

Е. Дюринг считал, что единство мира, единство вещей состоит в их бытии, т. е. в том, что они все существуют. Критикуя Дюринга, Энгельс указывал на недостаточность его формулы. Она недостаточна, во-первых, потому, что реальное единство мира состоит не в его бытии, а в его материальности. Бытие есть лишь предпосылка материальности, ибо сначала надо существовать, а потом уже быть единым. Во-вторых, эта формула не отделяет коренным образом материализма от идеализма. По Гегелю, абсолютная идея существует. По мнению верующего, бог также существует. Значит, понятие бытия, существования еще недостаточно для различения материального и нематериального.

Как писал Энгельс, «бытие есть вообще открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения». ⁶ Чтобы объяснить это положение, поставим такой вопрос: существует ли звезда, которую еще не открыла наука? Очевидно, мы можем ответить только так: не знаем, существует она или нет, раз она не открыта. Значит, понятие существования касается только тех предметов, которые нам известны, а о неизвестных мы не можем сказать, существуют они или нет. Но ведь мы знаем только малую часть вселенной. Поэтому понятие бытия, понятие существования как принципа единства мира в целом недостаточно, тогда как понятие материальности охватывает весь мир: если неоткрытая звезда существует, то она обязательно материальна и иной быть не может. Мы можем сказать, что вся вселенная материальна, хотя знаем лишь часть вселенной. Подлинное единство мира состоит в его материальности.

Однако нельзя игнорировать понятия бытия. Это понятие имеет определенное значение, и марксистская философия пользуется им, выдвигая важнейшие положения о том, что сознание отражает бытие, что общественное сознание отражает общественное бытие и т. д. Если понятие бытия недостаточно для правильного, глубокого и цельного понимания нами действительности, то все же понятие бытия как определенная

⁵ Там же. Т. 29. С. 140.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 43.

сторона или момент для понимания действительности имеет значение. Ведь для любой практики и для каждой науки важно прежде всего отличать мысль о существовании чего-либо от самого реального существования предмета мысли.

Более того, понятие бытия как реального существования не может быть заменено другими понятиями (понятиями природы, материи, материальных отношений, базиса и т. д.). В этом отношении характерно понятие общественного бытия. В понятии общественного бытия особенно ярко проявляется специфика этого понятия. Что такое общественное бытие? Можно ли его отождествить с понятием материальных общественных отношений? Нет, нельзя. Материальные отношения в обществе — это такие отношения, которые возникают независимо от общественного сознания и в результате которых появляются материальные ценности, определенные предметы, удовлетворяющие человеческие потребности. Это производственные, экономические отношения. Можно ли общественное бытие свести к производству, к производственным отношениям? Нет.

Понятие общественного бытия включает в себя не только материальные отношения, экономику, но и политику и социальные отношения. Понятие общественного бытия гораздо шире, чем понятие материальных отношений. Под ним подразумевается вся реальная жизнь людей, их общественная деятельность, вся общественная практика, в отличие от мыслей об этой жизни, охватываемых понятием общественного сознания. Общественное сознание отражает не только экономику, но и политическую жизнь людей, классовые отношения и т. д.

Таким образом, понятие бытия и в естественных и в общественных науках выступает как понятие, выражающее непосредственное реальное существование в отличие от других определений природы. Бытие есть внешнее определение природы.

Другое определение природы — понятие материи. Материя — это уже не внешнее, а внутреннее определение природы. Понятием материи обозначается сущность природы, значит, данное понятие гораздо более глубокое, чем понятие бытия. В истории философии понятие материи в современном смысле возникло не сразу. В XVII в. в материалистической философии еще нет понятия материи в современном понимании. Имеется понятие природы — *nature*. Это основное понятие философии Спинозы, а также других философов-материалистов XVII в. У французских материалистов XVIII в. наряду со старым понятием «*nature*» появляется понятие материи (*matier*) в смысле физического, чувственного, естественного. У немцев понятие материи (*Materie*) появляется в начале XIX в. Отсюда это понятие переходит и в русскую философию.

В истории философии понятие материи не заменяет понятия природы, а обозначает материальную сущность в отличие

от духовной. Это говорит уже о более глубоком понимании вопроса о природе. И в марксистской философии понятие природы и понятие материи не заменяют друг друга, а находятся в известной субординации. Материя выступает как определение внутренней сущности природы, как определение, которое развивает, углубляет понятие природы. При этом в марксистской философии мы различаем разные моменты, стороны в понятии материи.

Во-первых, материя, как уже отмечалось, выступает как совокупность тел, веществ и т. д. Во-вторых, понятие материи употребляется в смысле того реально общего, что имеется во всех вещах, предметах. Как бы ни были разнообразны вещи — отдаленные звезды, человек, камень и т. д., как бы ни были разнородны все эти предметы, общее у них то, что они материальны. (...)

В этой связи необходимо разъяснить положение Энгельса о том, что материя как таковая есть продукт мысли и абстракция.⁷ Некоторые авторы, неверно понимая данное высказывание, считают, что материя существует не реально, объективно, а только в мысли. Это неправильно. Материя существует объективно. Без признания данного факта нет материализма. (...) Объективная действительность состоит из разнообразных предметов и вещей, в мире мы не находим бесформенной материи, кроме разве космических туманностей, где еще не дифференцировались различные вещи, следовательно, понятие материи вообще явилось отвлечением от того общего, что есть в различных вещах. В этом смысле можно также сказать: человек есть продукт мысли и абстракция, или: город есть продукт мысли и абстракция. Это мы говорим не в том смысле, что нет человека или города вообще, а в том смысле, что для того чтобы образовать это понятие, нужно выделить то общее, что есть во всех отдельных людях и городах. Итак, материя понимается как то самое общее, что имеется во всех вещах при всем их разнообразии.

Следующая сторона, третий момент в понятии материи — это то, что материя есть субстанция, что она является носителем движения и изменения и выступает не только как общее во всех вещах, но и как основа всех вещей, как носитель всех свойств, имеющихся у нее, и в первую очередь движения как самого общего свойства материи.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин, анализируя гегелевское определение субстанции, пишет, что субстанция — это важная ступень в процессе развития человеческого познания природы и материи. Таким образом указывается, что понятие субстанции есть углубление понятия материи, ибо здесь материя понимается не только как совокупность вещей и как

⁷ См.: Там же. С. 570.

то общее, что имеется в них, но и как основа и носитель движения и других свойств природы.

В связи с положением Гегеля о том, что субстанция обладает действительностью лишь как причина, Ленин пишет: «С одной стороны, надо углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений. С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции».⁸

Понятие субстанции связано с понятием основы или причины всех явлений.⁹ С другой стороны, действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции. Познание причины — это углубление познания. Но понятие субстанции есть познание не просто причины того или иного явления, а познание всеобщей причины. Таким образом, понятие субстанции — это расширение понятия причины до понятия всеобщей причины всех явлений. Итак, понятие природы углубляется до понятия материи как ее сущности, а понятие материи углубляется до понятия субстанции как всеобщей причины всех явлений. Такова субординация этих категорий.

Таким образом, мы видим, что понятие материи имеет и онтологическую и гносеологическую стороны. С одной стороны, мы определяем материю как обыкновенную сущность природы, а с другой — понимаем под материей некую ступень в процессе нашего познания. Единство онтологической и гносеологической сторон понятия материи дается в ленинском определении материи, которое гласит, что материя есть объективная реальность, существующая вне нас и независимо от нас и действующая на наши органы чувств.¹⁰

Теперь остановимся на понятии явления. С этим понятием мы уже имели дело раньше, когда речь шла о соотношении понятий предмета и явления. Сейчас разберем его несколько подробнее, т. е. рассмотрим разные стороны данного понятия. Те категории, которые мы только что рассмотрели (бытие — природа — материя), являются определениями наиболее общими, они охватывают всю окружающую нас действительность в целом. Понятие же явления указывает на отдельные части материи. Явление есть определенная частная или отдельная форма материи. Материю нельзя назвать явлением, природу также нельзя назвать явлением. Мы говорим о природных явлениях, но никогда не называем явлением природу или материю в целом. И материя и природа стоят выше отдельных явлений, как их совокупная связь. Понятие явления употребляется всегда в смысле определенной части природы, ма-

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 142.

⁹ Здесь мы не останавливаемся на различии между основой и причиной.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 149.

терии («атмосферные явления», «электрические явления» и т. п.). Понятие явления связано с частной формой бытия, а не с бытием или материей в целом. В «Философских тетрадах» В. И. Ленин называет предмет и явление «отдельным бытием»¹¹. Это соответствует обычному употреблению понятия явления.

Явление может быть как материальным, так и духовным. В этом одно из отличий понятия явления от понятия предмета. Понятием явления охватываются не только материальные субстраты, но и явления духовной жизни человека: психические явления, явление ассоциаций, явления памяти и т. д.

Рассмотрим более подробно онтологическую и гносеологическую стороны понятия явления. Эти две стороны имеют почти все категории. В данной работе мы не берем каждую категорию с этих двух сторон, но понятие явления необходимо рассмотреть и с той и с другой стороны, потому что такое рассмотрение необходимо для правильного материалистического понимания данного вопроса. (...) Как мы видели, понятие явления имеет онтологический смысл, когда мы, например, говорим: «явления природы» или «общественные явления», т. е. когда берем понятие явления в смысле чего-то существующего объективно. С другой стороны, данное понятие имеет гносеологический смысл как известный момент познания, когда мы говорим, что сущность является, т. е. когда мы понятие явления берем в отличие от сущности.

Первая сторона дела достаточно ясна, и нет необходимости более подробно на ней останавливаться. Подчеркнем еще раз только, что понятие явления — более широкое, чем понятия «предмет», «вещь» и другие субстратные понятия. Как уже говорилось, под понятием явления могут подразумеваться не только предметы, но и свойства и отношения. Понятие явления в онтологическом смысле слова употребляется в довольно неопределенном смысле. Обычно оно употребляется тогда, когда в сложном объекте нашей мысли мы не можем выделить отдельных предметов. Когда, например, мы имеем в виду отдельные физические частицы, то называем это телами, корпускулами, атомами, молекулами и т. д. Когда же мы берем целую совокупность определенных предметов, в которой либо трудно выделить отдельно действующую частицу, либо нам (...) не нужно выделять эту отдельную частицу, то называем это явлением.

Так, мы говорим об электрических явлениях. Электрический ток — это поток электронов. Отдельный элемент данного явления мы называем частицей электрон, а всю совокупность — явлением. Значит, понятие явления обычно употребляется тогда, когда мы не выделяем отдельные предметы из их со-

¹¹ См.: Там же. Т. 29. С. 178.

вокупности. В этом же смысле мы говорим: «атмосферное явление». Совокупное действие частиц атмосферы мы называем атмосферным явлением. Употребляя понятие «общественные явления», мы имеем в виду как общественные отношения (например, малограмотность части трудящихся или неблагоустроенность рабочих кварталов в городах при капитализме). Смысл этой категории здесь тот же, что и в предыдущих случаях.

Остановимся далее на вопросе о гносеологической стороне категории явления. Если в онтологическом смысле понятие явления обозначает просто частную форму бытия, отдельное бытие, то гносеологический смысл категории явления гораздо более сложен. Первое, что здесь следует различать, это понимание явления как определенной целостности в отличие от закона.

Возьмем известное положение Ленина о том, что явление есть целостность, тотальность, а закон — часть.¹² (...) Как это надо понимать? Закон, как известно, выражает необходимое и, следовательно, повторяющееся в явлении. Но в явлении кроме закономерного, а следовательно, необходимого и повторяющегося, имеется еще и случайный элемент. Кроме необходимого, существенного, следовательно, повторяющегося, в нем имеется еще и другая сторона — индивидуальное, случайное, т. е. не повторяющееся, не вытекающее из данного закона. Поэтому явление богаче закона. Оно включает в себя и то, что в нем закономерно, и то, что в нем не закономерно, точнее — то, что вытекает не из данного закона, а из других, внешних для явления законов. Когда мы говорим о чем-либо не закономерном в явлении, это не значит, что незакономерное вообще не вытекает ни из какого закона, а означает, что оно вытекает из каких-то других законов, а не из данного, присущего «нашему явлению». Вследствие того, что каждое явление происходит в определенной обстановке и на него действует вся окружающая среда, то в нем имеется, с одной стороны, то, что вытекает из его внутренних законов развития, из его природы, и, с другой стороны, — то, что вытекает из действия на него внешней обстановки. (...)

Явление богаче закона, ибо в нем, кроме того, что вытекает из внутренней природы данного явления, имеются еще моменты, вытекающие не из природы данного явления, а из обстановки, в которой происходит это явление, и из переплетения различных воздействий на это явление.

Кроме общего, необходимого, выражающегося в законах, в каждом явлении есть особенное и единичное. Явление понимается как цельность всех этих сторон, в отличие от за-

¹² См.: Там же. С. 137.

кона, выражающего общие, необходимые черты данного события. Это первое, что нужно сказать относительно явления. Явление есть целостность, тотальность, закон — часть. Следовательно, явление богаче закона.

Вторая сторона вопроса близко связана с первой, но все-таки отличается от первой. Это понимание явления как проявления сущности. Сущность проявляется, значит, надо различать в действительности ее сущность и проявление. Здесь явление выступает как внешнее обнаружение сущности, оно понимается как внешняя сторона действительности, а сущность — как его глубинная сторона. Еще Гегель писал, что сущность человека можно определить по его поступкам. Это, конечно, справедливо. (...) О сущности человека — о его характере, воспитании, идеологии, мыслях, отношении к окружающему — можно судить главным образом по его поступкам, имея при этом в виду, что в поступки в широком смысле слова включаются и высказывания. Нет сущности, отдельной от ее проявлений. Сущность человека есть единство его проявлений, т. е. общее, что имеется в его поступках. Поступки человека могут быть различны, но можно найти и общее, что присуще всем этим поступкам. Это общее и есть сущность данных поступков. Сущность есть то общее, что имеется в явлениях, сущность есть единство явлений. Например, в поступках человека общим может явиться то, что он гонится за деньгами, что им владеет сребролюбие, жажда к деньгам или что человек является индивидуалистом, эгоистом. Сущность есть то общее, что имеется во внешнем, а отнюдь не какая-то чисто внутренняя субстанция.

Итак, нет сущности, отдельной от проявления, а всякое проявление есть проявление какой-то сущности. Но это не значит, что сущность можно отождествить с явлением. Явление нельзя отождествить с сущностью, и наоборот. Сущность — это нечто глубинное, она познается только путем анализа и обобщения внешних проявлений, так как сущность не лежит на поверхности. Явление надо отличать от сущности как нечто внешнее от глубинного.

Хотя между сущностью и явлением имеется диалектическое единство в указанном смысле, однако нужно различать явление и сущность. Явление так же богаче сущности, как и богаче закона. Явление как проявление сущности включает в себе не только то, что вытекает из сущности, но и другое. (...)

Таким образом, явление выступает как нечто более богатое по сравнению с сущностью, потому что оно включает в себя не только то, что вытекает из сущности, но и имеет свои особенные, отдельные, отличные от сущности черты. Это вторая сторона вопроса о явлении. Итак, во-первых, мы отличаем явление как некую целостную часть действительности,

как определенную совокупность закономерного и незакономерного, существенного и несущественного и, во-вторых, отличаем от сущности как проявление сущности, как ее внешнее обнаружение.

Далее необходимо остановиться также на понимании явления в смысле феномена. Субъективная идеалистическая философия часто рассматривает явление как нечто совершенно субъективное и употребляет понятие «феномен» в этом именно смысле. Так, например, И. Кант объявлял сущность непознаваемой, а явление — чем-то субъективным, феноменом. Такое понимание вопроса об отношении между сущностью и явлением называется феноменализмом. Феноменализм утверждает, что явление — нечто субъективное, зависящее от нас, от нашего восприятия, от устройства наших органов чувств и нашего мыслительного аппарата, что сущность вещей не познаваема, а познаваемы лишь явления, потому что они принадлежат не внешнему, а внутреннему миру и зависят от нашего психического склада. Таким образом, в феноменализме проявляется субъективистское, идеалистическое понимание явления.

Однако это не означает, что мы не можем употреблять понятие «феномен» в материалистическом, объективном смысле слова. Понятие «феномен» в истории философии употреблялось и в правильном смысле слова, а именно во взгляде на феномен как на видимость. Ленин писал, что материализм подходит к видимости, к кажимости как к чему-то объективному.¹³ Нам представляется, что Солнце движется с востока на запад. На самом деле это явление кажущееся, на самом деле мы вместе с земной поверхностью движемся с запада на восток. Можно ли считать, что видимое движение Солнца — это чисто субъективное восприятие, что оно ничего объективного не заключает, что органы чувств нас обманывают? Нет, они нас не обманывают. Но наши чувства ограничены, они не могут показывать в данном случае, в чем истинная причина этого явления. Так, сидя в вагоне поезда, мы видим, что стоим на месте, а поля и леса движутся мимо нас назад. Ни в первом, ни во втором случае чувства нас не обманывают: то, что нам кажется, зависит от известной объективной причины, а именно от того, что при относительном движении в определенных условиях нельзя различать, что движется, а что стоит на месте. При относительном движении совершенно одинаково воспринимается как движение лесов в отношении поезда, так и движение человека относительно лесов. Значит, в данной видимости есть объективная причина. Явление видимости (кажимости) в данных случаях — это не просто ка-

¹³ См.: Там же. С. 89—90.

кой-то обман, а проявление объективного закона восприятия относительности движения.

Таким образом, понятие феномена вовсе не порочно само по себе. Нельзя считать, что вообще нет феномена как внешнего проявления сущности. Речь идет о неправильном понимании феномена как явления чисто субъективного, не зависящего от сущности и оторванного от него, о понимании, присущем современным феноменалистам, объявляющим, что якобы никакой сущности вообще нет. Следовательно, понятие явления как феномена, как противоположности сущности следует толковать материалистически, вскрывая неправильное, субъективистское его понимание. Марксистское понимание природы явления включает в себя признание его объективного характера. Для современного иррационализма и позитивизма (особенно экзистенциализма) характерно также отрицание сущности в пользу понятия существования.

Как уже отмечалось, понятие существования (бытия) имеет свой смысл и свое место в философии, но оно недостаточно, неглубоко, и понятие сущности идет дальше вглубь действительности. Отрицание сущности в «пользу» существования, понимаемого к тому же субъективистски и индивидуалистически, является одной из форм феноменализма. Употребляя субстанциальные понятия, мы должны иметь в виду, что эти категории употребляются всеми философами, независимо от их направления. Нужно следить за тем, какой смысл вкладывается в эти понятия, так как в ту или иную категорию можно вложить разное содержание. И задача философов-марксистов заключается в том, чтобы видеть, какое содержание вкладывается в эту форму. Еще Фейербах говорил, что, например, природу можно понимать по-разному. Ленин в «Философских тетрадах» выписывает место из Фейербаха, где тот говорит, что природа без материи есть бог. И это действительно так. В целом ряде случаев философы-идеалисты употребляли понятие природы в этом смысле.

То же самое касается и других категорий, особенно категории материи, которая разными философами употреблялась в различном смысле слова, в том числе и в идеалистическом. Эта категория употреблялась в неправильном смысле даже некоторыми советскими философами, (...) которые определяли материю как единство пространства и времени. Из этого определения исключаются как раз «предметность» и субстанциальность материи, а также ее основное гносеологическое определение, т. е. что она есть объективная реальность, существующая вне нас и действующая на наши органы чувств. Что же касается понятия явления, то, как было показано, и с этим понятием связаны были не только материалистические, но и различные направления объективного идеализма.

Перейдем теперь к группе атрибутивных категорий.

АТРИБУТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ

Состав этой группы категорий следующий: движение — изменение — развитие; пространство — время; объективное — субъективное; сознание — мышление. Нашей задачей является выяснение соотношения этих категорий. Соотношение и субординация категорий данной группы будет изложена в указанном порядке, т. е. начинаться с вопроса о движении, изменении и развитии и кончатся вопросом о сознании и мышлении.

Если категории первой группы — субстанциальные категории — были связаны с понятием предмета, субстрата, то атрибутивные категории связаны с понятием свойства. Известно, что атрибутами называются всеобщие свойства природы. Мы рассмотрим в этой главе не вообще свойства (о свойствах вообще было сказано во второй главе настоящей книги), а именно всеобщие свойства природы — атрибуты.

Атрибутом называется такое свойство, которое неотъемлемо связано с существованием того или иного предмета. Свойствами природы, материи в целом (а значит, и наиболее общими свойствами всех вещей), которые неотъемлемо связаны с существованием природы, материи, являются: движение, пространство, время и сознание (мышление).

Понятие движения в философии возникло давно, с самого начала существования этой науки, но понимание движения как атрибута материи появилось лишь в XVII в. (впервые — у английского философа Дж. Толанда). Было провозглашено, что движение — это не случайное и не частное свойство материи, а ее атрибут, иными словами, что не может быть материи без движения. Этой точки зрения придерживается и диалектический материализм. Марксистский философский материализм, так же как и весь материализм, начиная с XVII в. считает движение атрибутом материи, но понимание марксизмом атрибутивности движения существенно отличается от понимания этой атрибутивности как Дж. Толандом, так и позднейшими представителями домарксовского материализма. Отличие это состоит прежде всего в том, что домарксовский материализм понимал и материю и движение метафизически, ограниченно, (...) как нечто неизменное. Процессы, происходящие в материи, в природе, рассматривались как вечный круговорот, в котором ничего качественно нового не появляется. Что касается движения, то оно трактовалось как механическое. Это было естественно, поскольку наиболее развитыми науками в то время являлись математика и механика, понятия о более высоких формах движения не существовало. Если же те или иные

мыслители видели, что не всякое движение можно рассматривать как механическое, то эти более сложные формы движения пытались свести к механическому.

Диалектический материализм выработал понятие форм движения материи. Согласно этому учению, в мире существует развитие движения — от его наиболее простой, механической формы до наиболее высоких форм. Таким образом, по отношению к понятию движения марксизм применяет диалектику, учение о развитии. Диалектический материализм учит, что движение надо рассматривать как процесс, в котором происходит усложнение форм движения, переход от более простых форм движения к его более сложным формам (физической, химической, биологической и общественной). (...)

Далее надо различать категории движения, изменения и развития. В нашей литературе эти понятия иногда отождествляются, а между тем это неправильно. Это все различные понятия, хотя и близкие между собой. Непонимание данного вопроса приводит к вульгаризации, к упрощенчеству в рассмотрении многих проблем. Так, например, метафизиков иногда изображают как людей, которые вообще отрицают движение. Но в истории не было таких метафизиков, которые отрицали бы движение и изменение и считали бы, что изменений не происходит. Отрицать изменения в природе и в обществе невозможно. Но действительно метафизики в ряде случаев отрицали развитие или, если и признавали последнее, толковали его неправильно. Следовательно, понятия движения, изменения и развития различны.

Отождествление категорий движения, изменения и развития приводит к неправильному взгляду на соотношение домарксистской и марксистской философии, метафизики и диалектики. Оно ведет также к упрощенчеству и в ряде других вопросов. Остановимся сначала на понятии движения. Движение — это прежде всего движение механическое, т. е. простое перемещение предметов в пространстве и времени. Таков наиболее узкий смысл понятия движения, который употребляется в некоторых науках. Но наряду с этим узким понятием движения (...) имеется более широкий смысл понятия движения как изменения вообще.

В процессе механического движения предмет не изменяется внутренне, изменяются только внешние условия его движения, место, в котором он находится, и время, в течение которого он движется. Значит, в процессе механического движения тоже происходит изменение, но изменение не внутреннее, а изменение внешних условий движения тела. При более высоких формах движения происходит внутреннее изменение, изменяются свойства и внутренняя структура самого вещества или тела.

Однако не всякое движение и изменение является развитием. Изменения могут происходить в разных направлениях.

Человек может постареть, похудеть, пополнеть, но это нельзя назвать развитием. Развитием называется изменение, которое имеет прогрессивный и направленный характер, определенное направление: от простого к сложному, от низшего к высшему, от старого к новому. Значит, развитие—это особая форма движения или изменения, а не просто всякое движение или изменение.

Какова же субординация этих трех понятий? Начальной категорией является понятие движения, которое лежит в основе всей этой группы категорий: движение—изменение—развитие. Понятие движения охватывает все эти три категории. Дальнейшие категории—изменение и развитие—суть различные определения движения, различные формы, стороны, ступени развития этого движения. Изменение—это одна ступень развития движения; развитие—следующая, более высокая ступень. Механическое движение лежит в основе всякого движения, изменения и развития. Энгельс писал, что механическое движение является основой всякого изменения. При этом он устанавливал закон, согласно которому чем сложнее форма движения, тем мельче механическое перемещение.¹ (...)

Вокруг движения как атрибута материи находится целый «куст», «гнездо» категорий—это понятия изменения и развития, (...) основных и не основных форм движения и т. д. Таким образом, категория движения является центром целой группы категорий, связанных между собой, соединенных с понятием движения.

Перейдем к вопросу о пространстве и времени. Известно положение марксизма о том, что пространство и время суть формы бытия материи или формы существования материи, что одно и то же. Следовательно, пространство и время должны быть отнесены тоже к атрибутивным категориям. (...) Понятие форм бытия или форм существования материи указывает на атрибутивный характер пространства и времени. Так же как материя не может существовать без движения, так материя движется в пространстве и во времени; нельзя представить себе материю вне пространства и времени. Пространство и время суть такие же неотъемлемые от существования материи свойства, как и движение. Однако вопрос о пространстве и времени не сводится только к этому, он является одним из сложнейших вопросов современного естествознания и материалистической философии, еще более сложным, чем вопрос о движении.

Имеются две основные формы неправильного понимания соотношения, субординации между материей и пространством и временем. Первая состоит в том, что пространство и время отрывают от материи, от материальных процессов и рассма-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 392.

тривают как особые сущности, не связанные с материей. Другое неправильное понимание этих отношений — это отождествление пространства и времени с материей, понимание пространства и времени просто как определенных видов материи.

Остановимся сначала на первом. Известно, что в истории естествознания (это наиболее ясно выразилось в XVII в. в учении Ньютона) получило место представление о пространстве и времени как каких-то особых сущностях, отличных от материи и не связанных с ней. Такое представление существовало не только в естествознании и философии, но оно соответствует и нашему обычному опыту.

В самом деле, в нашем обычном опыте мы не наблюдаем прямой связи между движущимся предметом и пространством и временем, в которых он движется. Двигается тело или не движется — от этого пространство не изменяется. Мы можем удалить тело из данного пространства, но от этого пространство не исчезнет. Если мы выйдем из комнаты, то останется пустая комната, т. е. останется пространство, совершенно равнодушное к тому, находимся мы в комнате или нет. Создается представление, будто бы пространство есть простоместилище, «помещение», в котором происходит движение материальных масс, но что оно совершенно безразлично к тому, движется в нем что-нибудь или нет. Время есть как бы река, которая течет с одинаковой скоростью всегда и везде, совершенно безразличная к тому, несет ли она на своих волнах что-нибудь или нет, происходят ли в ней материальные процессы или нет.

Итак, обычный опыт нам показывает, что материя, пространство и время — это различные явления, друг с другом как бы не связанные, что пространство и время не изменяются в зависимости от движения материи, что пространство и время могут существовать как чистые сущности.

Такое представление о независимости времени и пространства от материи, которая в нем находится, и от движения, которое в нем происходит, является метафизическим. Является ли оно совершенно неправильным? Искажает ли оно действительность? Нет, так сказать нельзя. В области обычного опыта, в сфере сравнительно медленных движений, сравнительно небольших отрезков пространства и времени это представление в общем соответствует действительности. Поэтому естественно, что в прошлые века, когда в науке рассматривались сравнительно медленные движения на сравнительно небольших отрезках времени, такое представление господствовало. Но оно оказалось недостаточным, слишком грубым, а в определенных случаях и неправильным в условиях современной науки, которая рассматривает огромные скорости движения, приближающиеся к скорости света, на значительных отрезках времени и пространства.

Методологические, философские выводы из этого обычного представления, если эти выводы продумать до конца, будут тоже неправильные. Если считать пространство и время совершенно безразличными к происходящим в них материальным процессам, то это будет означать, что имеются три самостоятельные субстанции: одна материальная и две нематериальные. Такое так называемое «ньютоновское» представление в своей философской основе противоречит материалистическому пониманию пространства и времени как форм бытия, форм существования материи, как определенных всеобщих свойств или состояний материи. С точки зрения указанной марксистской формулы, а эта формула является обобщением также и современной науки, не может существовать особых сущностей, субстанций, отличных от материи и не зависящих от движения материальных масс. Таким образом, ньютоновское представление, имея своим основанием обычный опыт и уровень старой науки, отражая действительность только в области сравнительно медленных движений и коротких отрезков времени и пространства, не соответствует уровню современной науки. С другой стороны, неправильно и отождествление пространства и времени с материей, когда время и пространство рассматриваются не как формы существования материи, а как виды материи, как особые «материю». (...)

Неправильным является также понимание пространства и времени как закономерностей движения материи. Закономерность есть необходимая (и всеобщая) связь, отношение между явлениями. Но пространство и время — это нечто гораздо большее, чем связь между явлениями. Разве прожитое время исчерпывается связью между событиями, происшедшими за это время? Разве пространство между моим домом и домом на другой стороне реки исчерпывается связью между этими домами? Эта последняя связь может отсутствовать, хотя она вообще существенна для природы пространства. Пространство и время, не являясь особыми, отличными от материи субстанциями, предметами, все же заключают в себе момент субстанциальности, предметности. Пространство все же есть вместилище, «помещение», хотя и неосязаемое. Можно сказать, что мы в известном смысле даже видим пространство. Время все же есть подобие реки, уносящей за собой все события, хотя реки и невидимой. Мы ясно чувствуем, что время «бежит», и это не простая иллюзия. Кант был прав, считая время и пространство формами чувственного созерцания, хотя был неправ, лишая их объективности.

Пространство и время суть формы бытия материи, поэтому они не могут быть полностью лишены материальности. Они — всеобщие свойства материального, и в этой связи несут на себе момент чувственного, физического. По этим же при-

чинам нельзя сводить время и пространство к движению. Движением можно измерять пространственные и временные интервалы, но это далеко не исчерпывает природы пространства и времени. Известно, что Энгельс возражал против такого сведения, указывая на тот факт, что всякое движение происходит в пространстве и во времени.²

Пространство, время и движение суть различные атрибуты материи, их нельзя смешивать. Раз движение осуществляется в пространстве и времени, то, следовательно, пространство и время — особые формы бытия в отличие от движения. Современная физика указывает, что в зависимости от той или иной скорости движения, от той или иной концентрации движущихся масс, от наличия гравитационных полей изменяется метрика пространства и времени. Таким образом, можно утверждать, что изменение одной формы бытия материи, т. е. движения, влияет на изменение других форм бытия материи (пространства — времени), но нельзя отождествлять пространство и время с движением.

Таким образом, материя есть субстрат, носитель обеих этих форм существования материи. Эти различные формы бытия материи влияют друг на друга, и обе они подчинены материи как своему субстрату и носителю. Поэтому не может быть правильным сведение пространства и времени ни к движению, ни к материи.

Вообще нельзя согласиться с тенденцией упрощать вопрос об атрибутах и иных свойствах материи как в философском, так и в физическом плане. Так, иногда пытаются все свойства материи свести к какой-нибудь одной форме, например к полю. Считается, что поле есть основа всех форм материи, понимаемых в физическом смысле. Неправильно отождествлять одни свойства материи с другими: массу и энергию, инертность и способность создавать поле тяготения. Эти свойства существуют совместно, эквивалентно, что и выражается в пропорциональности их величин, установленной физическими экспериментами. Как неправильно отождествлять одно с другим физические свойства материи, так же неправильно отождествление одних атрибутов материи с другими, т. е. движения с пространством и временем, а также сведения пространства и времени, с одной стороны, и движения — с другой, к самой материи. Диалектический материализм отнюдь не требует, чтобы из сложного делать простое, из многого одно, а, наоборот, стремится к показу многосторонности материального мира. Отмеченная неправильная тенденция коренится не в объективных основаниях, а в упрощенчестве, в лени, в негибкости мысли.

² См.: Там же. С. 50—52.

Теория относительности, как известно, дала критику ньютоновскому представлению о пространстве и времени, показала, что не существует пустого пространства и пустого времени; что метрика пространственного многообразия изменяется под влиянием полей тяготения, гравитационных полей; установила, что движение, приближающееся к скорости света, изменяет длины тел и течение времени и, следовательно, утверждает относительность длин и интервалов. Достаточно перечислить эти положения, чтобы увидеть, что теория относительности в своих принципиальных основах является научной конкретизацией и подтверждением положения марксизма о пространстве и времени как формах существования материи.

Если метрика пространства и времени зависит от гравитационных полей, от распределения тяготеющих в этом пространстве масс, значит, пространство и время суть не какие-то особые, отличные от материи субстанции, а теснейшим образом связанные с материей и зависящие от нее, являющиеся ее всеобщими свойствами. Если при больших скоростях движения изменяются пространственно-временные характеристики (изменяются длины предметов, замедляется течение времени), то ясно, что пространство и время также тесным образом связаны с движением материи. Иными словами, пространство и время суть формы существования движущейся материи. (...)

Вопрос о соотношении и субординации движения, с одной стороны, и пространства-времени — с другой, является сложнейшим вопросом науки вообще и философии в частности. (...) В советской философской литературе (...) наиболее распространенным, пожалуй, является положение, согласно которому движение есть сущность пространства и времени.

Эта формула может быть правильной или неправильной в зависимости от того, как ее понимать. Если понимать ее так, что пространство-время суть внешние проявления движения, то это будет неправильно, потому что, во-первых, движение имеет столько же внешний, наглядный и чувственный характер, как и пространство-время, нельзя сказать, что движение скрыто в глубине, доступно лишь логическому анализу и получает внешнее и чувственное выражение лишь в формах пространства-времени; во-вторых, как было показано, пространство-время имеет свою собственную природу, что не соответствует соотношению сущности и проявления; в-третьих, нельзя думать, что пространство-время порождается движением, хотя, разумеется, эти атрибуты материи не существуют раздельно друг от друга; неподвижного мира не существует, природа пространства-времени неотделима от движения.

Сущность порождает свои проявления. Но для характеристики отношений движения и пространства-времени эта формула не подходит. Наоборот, пространство-время является необходимым условием существования самого движения;

наконец, сущность не только необходима, но и достаточна для своих проявлений. Между тем признаки движения недостаточны для понимания многих черт и признаков пространства-времени.

Вместе с тем формулу о движении как сущности пространства-времени можно понимать и правильно. Во-первых, пространство-время суть форма движущейся материи, поэтому в самой природе времени и пространства заключена необходимость движения. Это особенно ясно в отношении времени, природа которого состоит именно в его течении, в движении: неподвижное время перестало бы быть временем. Но это выражено и в природе пространства: оно не только является первым и необходимым условием движения, но его реальное существование обнаруживается в относительном движении тел, заключенных в нем. Чистое, абсолютно пустое пространство есть лишь умственная абстракция. Пространство есть переход от одной точки к другой, от тела к телу. Сосредоточенная в одной точке природа потеряла бы пространственность. Далее, как показала теория относительности, время и пространство неоднородны: временные и пространственные интервалы зависят от скоростей движения тел, структура пространства связана с полями тяготения. Наконец, в гносеологическом отношении формула о движении как сущности времени и пространства правильна без оговорок: пространство-время и их свойства познаются через изучение движения тел, частиц света и т. д. Поэтому в проблеме соотношения этих категорий движение должно быть поставлено на первое место перед категорией пространства-времени.

В заключение этого раздела следует сказать, что проблема пространства-времени отнюдь не является проблемой чисто физической, естественнонаучной, математической (как представляют себе некоторые физики), она является также и философской проблемой. В пространстве и времени совершаются все процессы, в том числе и процессы общественного развития и мышления. Эта проблема является общенаучной. Следует отличать свойства пространства и времени вообще, т. е. их природу, от тех их свойств, которые доступны физическому эксперименту и математическим методам. Природа пространства-времени настолько наглядна и всепроникающа, что в разгадке ее тайн большую роль играет, как показывает история науки, и философское умозрение. (...)

Рассмотренные атрибуты — движение, а также пространство и время — являются объективными формами существования материи. Они не заключают в себе ничего субъективного. Конечно, наши понятия о движении, пространстве и времени исторически изменяются и, следовательно, заключают в себе субъективные моменты. Сами же по себе, как свойства природы, движение, пространство и время ничего субъективного

в себе не содержат. Но вот такой атрибут материи, как сознание (и его составная часть мышление), не является чисто объективным. Сознание, мышление являются принадлежностью мыслящего существа и представляют собой единство объективного и субъективного. Поэтому прежде чем перейти к категориям сознания и мышления, мы должны рассмотреть вопрос об объективном и субъективном и об их отношении. Объективное и субъективное следует рассмотреть в группе атрибутивных категорий, потому что они относятся также к наиболее общим свойствам материи.

Ленин писал, что «единственное „свойство” материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания»³. Объективность есть всеобщее свойство материи. Свойство быть субъектом присуще высокоорганизованной материи. Объективным мы называем, как известно, то, что существует вне нас, независимо от нашего сознания, а субъективным — то, что зависит от нас, от нашего сознания.

Раньше было указано, что имеются различные стороны и оттенки понятий объективного и субъективного, что эти понятия неоднозначны. Однако все эти стороны и оттенки заключены в границы указанного общего смысла понятия объективного и субъективного. Смысловой характер каждой категории не «точечный», а имеет некоторый объем, известную «область».

Объективность есть всеобщее свойство природы, субъективность же есть свойство только определенной части природы, т. е. мыслящих существ. Следовательно, субъективность подчинена объективности как определенный, частный случай всеобщего. Этим начинается субординация между объективным и субъективным. Субъективное подчинено, субординировано объективному, во-первых, потому, что субъективность присуща не всей природе, а только мыслящим существам, а во-вторых, потому, что субъективное есть отражение объективного, т. е. что в нашем сознании, в наших мыслях не может быть ничего такого, чего не имеется в природе. Даже продукты фантазии суть отражения действительности. Например, представление о русалке — это комбинация женщины и рыбьего хвоста; представление о драконе — это образ громадного ящера с крыльями и т. д. Элементы, из которых составлены данные представления, имеются в природе, а эти образы суть комбинации того, что мы наблюдаем в природе. Представить себе такое существо, которое вообще ни на что не похоже, невозможно. Данная идея была выражена еще материалистами XVII в.: нет ничего в разуме, чего не было бы раньше в чувствах. Мысль может лишь комбинировать разнообразие

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 275.

действительности, но не в состоянии создать чего-либо из ничего, из самой себя.

Итак, субъективное подчинено объективному в том смысле, что в мысли, в субъекте не может быть ничего такого, чего нет в действительности. Понятие о боже, религиозное представление также взято из действительности. Что такое бог? — писал Л. Фейербах. Бог — это совершенный человек. Человек создал бога по своему образу и подобию. Человек много может сделать, но многого и не может. Он создал в своем воображении существо, которое все может, т. е. наделил его способностью всемогущества. Человек много знает, но много и не знает. Он создал в своем представлении существо, которое все знает, т. е. обладает свойством всеведения и т. д. Бог — это идеальный человек, это отвлечение человеческих свойств и доведение, «раздувание» данных свойств до абсолюта, до бесконечных размеров. Хотя Фейербах и не видел социально-исторических корней религиозных представлений, но он правильно подметил психологические и гносеологические (если можно так сказать) стороны представления о божестве.

Итак, даже образы религии взяты в конечном счете из действительности. Наш разум может искажать действительность, различным образом комбинировать ее. Но все-таки как бы мы ни искажали действительность, все же это будет ее отражение. Самые искаженные образы суть все-таки образы действительности в указанном смысле. Это доказывает подчиненность субъективного, имеющегося в сознании, объективной действительности. В связи с этим возникает вопрос о природе сознания и мышления.

Сознание и мышление диалектический материализм рассматривает как свойство высокоорганизованной материи, т. е. не всей материи, а лишь ее части, высшей ступени развития материи, высших животных и человека. Можем ли мы говорить в таком случае об атрибутивности мышления, т. е. рассматривать сознание и мышление как свойство всей материи, как всеобщее свойство материи? На этот вопрос следует дать положительный ответ. (...) Как уже указывалось, Энгельс считал сознание атрибутом материи. Ленин также признал атрибутивность сознания. (...)

В чем же отличие сознания от других атрибутов? Движение, пространство и время суть атрибуты, не зависящие ни от каких условий. Не может быть таких условий, при которых исчезнет пространство и время. (...) Движение, пространство и время осуществляются при всяких условиях. Что касается такого атрибута, как сознание, то оно может осуществляться только в определенных условиях, когда имеется организм и при этом не всякий, а высший — это основное условие, при котором может существовать сознание. Итак, в отличие от других атрибутов материи возникновение

и развитие сознания требует наличия высшей нервной деятельности как условия, при котором оно возникает и развивается. Это первая разница объективных и субъективных атрибутов материи.

Разница заключается также и в том, что в неорганической природе нет сознания в собственном смысле слова. В ней имеется лишь общая для всей материи способность отражения, результатом развития которой и является сознание и мышление. Мы говорим не «мертвая природа», а «неживая природа». Между этими двумя понятиями есть большое различие. (...) Мертвое породить живое не может. Мертвая мать не может породить живое дитя. Когда мы говорим «неживая природа», то имеется в виду, что если жизнь обозначить термином А, то неорганическая природа не А, или, как обозначает символическая логика, А (отрицание А), т. е. мы отрицаем свойство жизни у неорганической природы. Мы ее не можем назвать живой природой, но и мертвой назвать также не можем. Но когда мы говорим «мертвая природа», мы приписываем ей уже особое свойство Б. Эту тонкость нужно понимать. Простое отрицание свойства не есть приписывание предмету другого, положительного свойства. Если я говорю, что этот человек не красавец, то это не значит, что некрасив. Отсутствие счастья это еще не несчастье. Точка зрения марксизма в отношении неживой или неорганической природы заключается в том, что она находится в таком состоянии, которое нельзя назвать ни живым, ни мертвым. При наличии такого состояния возможно при определенных условиях возникновение жизни и сознания. Вся природа активна, она обладает способностью к деятельности, хотя и бессознательной. (...)

Природа обладает свойством, из которого в дальнейшем развитии возникает ощущение и сознание, т. е. свойством отражения. Это свойство присуще всей природе, начиная с самых низших ее форм. (...) Если бы природа была мертвой, следовательно, неспособной к активности, к деятельности, то она не могла бы породить живые существа. Это не всегда разъясняется. Имеется, конечно, качественный скачок от не А к Б, от неживой природы к живой, но данный скачок не следует понимать как скачок от царства смерти к царству жизни. Это означает, что сознание есть атрибут материи в том смысле, что вся природа обладает такой способностью, которая в определенных условиях порождает сознание. В этой связи Энгельс писал, что если даже на Земле мыслящий дух погибнет, то он возродится в определенных условиях обязательно в другом месте и в другое время, потому что это вытекает из самой природы материи.⁴

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 363.

Порождение жизни и материи необходимо при определенных условиях. В отличие от некоторых старых материалистов, которые полагали, что вся природа обладает мышлением, вся природа мыслит, мы, марксисты, на основе данных современного естествознания более точно говорим, что вся природа не мыслит, но она обладает способностью, которая неизбежно порождает мышление на определенной ступени развития, при определенных условиях. Таким образом, на основании вышесказанного можно констатировать атрибутивность сознания, мышления. Вместе с тем данная точка зрения отличается от гилозоизма и панпсихизма, согласно которым вся материя мыслит. Это — грубая недиалектическая и явно неисторическая точка зрения.

Сознание есть единство объективного и субъективного. Как это положение понимать? Что объективно в нашем сознании? Во-первых, объективен источник всего того, что имеется в сознании. Наше сознание объективно в том смысле, что оно отражает внешний мир, что объективно само содержание сознания. Во-вторых, объективен аппарат, обеспечивающий сознание, т. е. аппарат высшей нервной деятельности. Далее объективны проявления нашего сознания, ибо наши мысли и чувства проявляются в словах, в действиях, в мимике, в жестах и т. д. Вот то, что объективно в нашем сознании. А что в нашем сознании субъективно? То, что сознание есть продукт внутреннего мира, что оно принадлежит, следовательно, этому внутреннему миру. Хотя сознание проявляется и вовне, но сам процесс происходит внутри нашего организма. Во-вторых, сознание субъективно тем, что оно есть отражение — в отличие от отражаемого, это копия — в отличие от оригинала. Наконец, в нашем сознании имеются такие продукты, которые не соответствуют действительности, т. е. исходят из самого человека, от неправильного координирования в отражении внешнего мира. Таким образом, сознание является единством объективного и субъективного. Поэтому категория сознания, относясь к группе атрибутивных категорий, занимает особое место в ней в том отношении, что данная категория выражает не просто объективное явление действительности, но имеет две указанные стороны.

Различные науки изучают разные стороны сознания. Физиология занимается нейродинамическим аппаратом сознания, ее интересует не содержание чувств и мыслей, которые получаются в результате процесса высшей нервной деятельности, а сам этот процесс. Точка зрения психологии другая. Она изучает продукт сознания, т. е. то, что получается в результате процесса высшей нервной деятельности. Она исследует человеческие мысли, чувства, побуждения, интересы, одним словом, наш внутренний мир, правда, не с точки зрения конкретного содержания мыслей и чувств, а с точки зрения форм

сознания. В этом отличие психологии от физиологии, причем решительное отличие. (...)

Физиолог интересуется «механизмом» сознания, т. е. работой аппарата высшей нервной деятельности, а психолог исследует именно продукт этой нервной деятельности: чувства, мысли, переживания и проч. Конечно, психолог должен знать, как осуществляется тот или иной психический процесс, почему возникает печаль или радость, как возникает та или иная мысль, (...) но не это его главная задача. (...)

Как же, в отличие от психологов, подходят к вопросу о сознании представители общественных наук: политической экономии, истории, этики, эстетики и т. д.? Психология изучает сознание вообще, а представители общественных наук исследуют общественное сознание. Психология изучает то, что присуще каждому человеку как разумному существу, учитывая при этом, что внутренний мир первобытного человека беднее, чем у развитого человека, что в разные времена духовный мир людей имеет серьезные различия. Общественные же науки исследуют общественное сознание, являющееся отражением общественных отношений. Общественное сознание есть совокупность идей о реальной жизни (бытии) людей в обществе. (...)

Глава 5

РЕЛЯТИВНЫЕ КАТЕГОРИИ

В состав этой группы категорий входят категории, выражающие всеобщие отношения (закономерности) явлений действительности. Эту группу категорий обычно и называют категориями диалектики. Первая из них состоит из категорий, относящихся к субстанции, т. е. к всеобщему предмету практики и науки. Вторая выражает всеобщие свойства (атрибуты) этой субстанции, а третья — всеобщие отношения, т. е. закономерности между явлениями действительности. Это самая многочисленная группа категорий диалектического материализма. Расположим их в определенном порядке, а именно в порядке перехода от более простых к более сложным по содержанию категориям, т. е. в порядке углубления познания. Кроме того, в каждой строчке будут содержаться отдельные подгруппы («гнезда») наиболее близких между собой категорий.

Качество — количество — постепенность — скачок.

Основа — сущность — проявление.

Содержание — форма.

Общее — особенное — единичное.

Тождество — единство — различие — противоположность — противоречие — конфликт.

Причинность — необходимость — случайность — возможность — вероятность — действительность.

Необходимость — целесообразность — цель — свобода.

Закон — закономерность.

Истина: объективная — относительная — абсолютная.

Здесь записаны лишь основные категории этой группы. Мы не будем заниматься выяснением смысла и содержания каждой категории (это предполагается известным из общего курса диалектического материализма), а разберем соотношение, субординацию этих категорий. Данная субординация двоякого рода. Это, во-первых, субординация внутри каждой строчки, внутри каждого «гнезда». Данное соотношение выражено знаком — тире. Это соотношение или субординация между наиболее близкими категориями. Во-вторых, это, так сказать, субординация сверху вниз, от строчки к строчке, от одного гнезда к другому, т. е. субординация всей группы реальных категорий в целом. При изложении соотношения данных категорий мы будем проводить разбор сверху вниз по строчкам, выясняя одновременно и ту и другую форму субординации, т. е. субординацию категорий внутри каждого гнезда и в целом по этой группе.

Начнем с первого гнезда: качество — количество — постепенность — скачок. Категории качества и количества отражают начальные и наиболее элементарные отношения явлений действительности. Все явления в природе различны, неодинаковы. Эту дискретность (различность, раздельность), а следовательно, и несравнимость явлений действительности выражает категория качества. С другой стороны, имеется общность явлений действительности, их сравнимость в каком-либо отношении. Эту сторону явлений действительности выражает категория количества.

Итак, явления действительности различны. Поэтому после категории бытия, указывал Ф. Энгельс, необходимо рассмотреть категории, связанные с различием вещей. (...) «...Как только мы от простого основного факта, что всем этим вещам обще бытие, удалимся хотя бы на один миллиметр, тотчас же перед нашим взором начинают выступать различия в этих вещах. Состоят ли эти различия в том, что одни вещи белы, другие черны, одни одушевлены, другие неодушевлены, одни принадлежат, скажем, к поюстороннему миру, другие к потустороннему, — обо всем этом мы не можем заключать только на основании того, что всем вещам в равной мере приписывается одно лишь свойство существования».¹

Если мы в познании идем дальше признания бытия, суще-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 42—43.

ствования вещей, то мы сразу натолкнемся на их различия. В одном отношении явления несравнимы, а в другом — сравнимы. Так, например, цвета спектра, с одной стороны, несравнимы в том отношении, что они суть просто разные цвета (красный, синий, фиолетовый и т. д.), — это качественное различие. Но, с другой стороны, они сравнимы в том отношении, что в основе их лежат различные длины электромагнитных волн. Это, следовательно, различие количественное. Таким образом, в одном отношении цвета спектра являются особыми качествами, т. е. они просто не похожи друг на друга, несравнимы друг с другом. Ведь нельзя сказать, что синий цвет больше или лучше зеленого. А с другой стороны, они сравнимы, так как все цвета суть субъективные образы, вызываемые электромагнитными волнами различной длины. То же самое звуки. Различные звуки несравнимы между собой, а с другой стороны, они сравнимы, потому что в основе каждого из них лежит различная длина воздушных волн.

Точно так же тепло и холод — явления качественно различные, но в основе их лежит, как известно, также определенное количественное отношение, а именно большее или меньшее количество движения молекул данного тела. Чем больше температура, тем, следовательно, более быстро движутся молекулы данного тела.

Общественные формации несравнимы между собой, ибо они выражают совершенно различный общественный строй. Так, например, социализм и капитализм — это качественно различные общественные формации, но в каком-то отношении они сравнимы, так как имеют нечто общее, — количественную сторону. Например, мы можем сравнить развитие промышленности или темпы развития хозяйства в целом или в том или ином отношении в странах капитализма и в странах социализма. Так что, несмотря на несравнимость таких общественно-экономических формаций, как социализм и капитализм, несмотря на то, что они качественно различны, они имеют и такую сторону, которую можно подвергнуть сравнению, т. е. сторону общую, количественную.

Таким образом, все явления, будучи различными, представляют собой единство количества и качества. Необходимо подчеркнуть, что как категория количества, так и качества выражает отношения, т. е. то, что они не имеют смысла друг без друга, что категории качества и количества получают свой смысл именно в силу собственной противоположности, в силу того, что понятию качества противопоставляется понятие количества, и наоборот. Такова природа всех категорий, которые мы будем разбирать в этой группе. Все они соотносительны. Соотносительные понятия, как было указано, получают свой смысл лишь при сопоставлении данных понятий. Каждое явление действительности многокачественно, т. е. само

понятие качества относительно. В одном отношении (...) явление представляет собой одно качество, а в другом отношении — другое качество. (...)

Вместе с тем ошибочно полагать, что понятия качества и количества только относительны, они и абсолютны. Красный или зеленый цвет абсолютны в том смысле, что они в любом отношении выступают именно как таковые, как красный или как зеленый. Ведь понятие «абсолютный» означает «взятый вне отношений» или «взятый во всех отношениях», что, в сущности, одно и то же. Как мы уже раньше выяснили, каждое явление и соответственно каждая категория абсолютна и относительна. Выступая вне отношения, она будет абсолютной. Если же взять ее в связи с другими категориями, то она является уже относительной. Таким образом, как качество, так и количество имеют абсолютную и относительную стороны.

Согласно закону диалектики, количество переходит в качество, и наоборот. Количественные изменения — это основа и причина качественного изменения. С другой стороны, качественное изменение происходит внутри качества как целостности явления. Качественные изменения — это основа нового характера и новых этапов количественного роста. Известно, что не только количество переходит в качество, но и качество переходит в количество. С появлением нового качества, появляется и новый характер количественных изменений. (...)

Каково же соотношение, субординация между первыми двумя категориями этого гнезда, т. е. качеством и количеством, с одной стороны, и третьей и четвертой категориями, т. е. постепенностью и скачком — с другой? Категории постепенности и скачка выражают характер изменений, присущих количеству и качеству. Постепенность изменений свойственна количественным изменениям, а скачок — качественным. Таким образом, у этих отношений имеются свои свойства. Качеству присущ скачкообразный характер, а количеству — свойство изменяться постепенно. Количественные явления развиваются постоянно, все время, а качество изменяется только время от времени, так, например, как ребенок растет постоянно, а костюмчик на нем постоянно изменяться не может. В определенное время этот костюмчик надо сменить, потому что он становится слишком мал. Качество, как и костюмчик, не может постоянно изменяться. Если бы это было так, то проблема качества и количества отпала бы. Качество может изменяться только скачкообразно, поэтому и возникает проблема отношений количества и качества.

Качество более, так сказать, консервативная категория; оно отстает от количества и благодаря этому и совершается переход от количества к качеству. Если создаются серьезные препятствия для смены качества, то происходит взрывной скачок. Если таких препятствий нет, или если эти препятствия

недостаточно основательны, тогда происходит постепенное изменение. Если поместить порох в ружейный ствол и поджечь его, получится взрыв, потому что газы пороха не имеют возможности расшириться, им мешает ствол. Если же положить этот порох открытым и поджечь, то он просто сгорит и никакого взрыва не произойдет. Если в котле напор пара достаточно сильный, то он разрывает стенки котла, происходит взрыв. Основная причина взрывного скачка заключается в том, что имеются препятствия, не дающие возможности осуществиться постепенному изменению, которое требуется природой данного явления.

Теперь перейдем к следующим категориям. Каков переход от первой группы категорий ко второй? Категории качества и количества выражают явление не расчлененно, т. е. в целом. Эти категории не отражают еще внутренней структуры явлений. Ее выражают дальнейшие категории, начиная со второго гнезда. Рассматривая данные категории, мы идем в глубь явления, переходим к различению отдельных сторон явления, а именно внутренней и внешней. Эту внутреннюю структуру явлений в соотношении с внешней выражают преимущественно категории второго и третьего гнезда: основа — сущность — проявление, содержание — форма.

Сначала остановимся на втором гнезде: основа — сущность — проявление. В обычные курсы диалектического материализма категорию основы не включают, рассматривают только сущность и явление. В нашей схеме три категории, а не две. При этом третья категория называется проявлением, а не явлением. Рассмотрение данного вопроса в рамках двух категорий (сущности — явления) достаточно для обычных потребностей: между категориями основы и сущности различия довольно тонкие, а категория явления обычно берется только в гносеологическом плане. Мы же брали категорию явления и в онтологическом плане — в смысле явления природы или общественного явления и т. п. Но нужно отличать другой смысл категории явления, когда мы берем ее в гносеологическом плане, поэтому мы называем ее здесь не явлением, а проявлением. Ведь гносеологический смысл этой категории в том, что она выступает как проявление сущности.

Категории основы и основания находят место как в гегелевской логике, так и в трудах классиков марксизма. Разбираемая схема значительно упрощена сравнительно с теми категориями, которые имеются в философской литературе. Категория основы является начальной категорией этого гнезда. Она выражает простейшим образом отношение основы и обоснованного, основного и производного. Таким образом, категория основы — это не надуманная категория. Она постоянно употребляется в нашем научном и практическом обиходе. По своему содержанию категория основы отличается

от категории сущности, которая имеет более богатое и сложное содержание. Ведь сущность — это не просто основа — в отличие от обоснованного, не просто основное — в отличие от производного. Она имеет более сложное содержание.

Проследим связь и различие категорий основы (основного) и сущности на следующем примере. Основной экономический закон современного капитализма выражает не отдельные стороны и процессы капиталистического производства, а все их главные стороны и процессы и, следовательно, выражает сущность капиталистического производства. Значит, сущность — это то, что выражает совокупность всех главных сторон и процессов данного явления. Каждая отдельная сторона выражается категорией существенного отношения, а совокупность всех этих сторон есть сущность данного явления. Основной закон потому и основной, что он выражает сущность. Ведь основной закон лежит в основе этой группы неосновных законов, так как он выразит их совокупную связь как единство. Здесь выступает то общее, что имеется между категориями сущности и основы.

Но категории основы и категории сущности не только совпадают между собой, но и различаются. Если категория основы показывает просто отношение между основным и производным, то категория сущности указывает не только на это, но и выражает собой, как сказано, совокупность всех главных или существенных сторон данного явления, выступает целостностью существенных отношений. Таким образом, категория сущности более глубока, более богата по содержанию, чем категория основы или основания.

Кроме того, категория сущности имеет и еще одну сторону, еще один смысл — она указывает на глубинный характер процесса. Сущностью мы называем то, что имеет глубинный характер в явлении, в отличие от понятия проявления, которое выражает собой нечто внешнее в явлении. Что же означает глубинное и внешнее, или, как говорят, внутреннее и внешнее? Когда понятие внешнего и внутреннего мы употребляем по отношению к какому-нибудь веществу или предмету, тогда все ясно, например: в глубине Земли или на поверхности Земли. Но что мы подразумеваем, когда употребляем эти понятия применительно к человеческой психологии или к общественным отношениям? Здесь понятие внешнего и внутреннего имеет более образный смысл, чем буквальный.

Ошибочно полагать, что характер человека и вообще его сущность находятся внутри организма, что это некое ядро или некая субстанция, находящаяся в глубине и не показывающаяся на поверхности, что это некая затворница, сидящая в глубине индивида. Такое примитивное представление было бы очень похоже на религиозное понятие о душе. Еще Гете, например, писал, что внутренняя суть природы — это не ядро

в скорлупе. Внутреннее — это некое единство или целостность внешнего, то, что связывает все внешние проявления и лежит в их основе. Например, мы говорим, что данный человек эгоист, что это его сущность. Такое утверждение означает, что во всех поступках индивида, хотя они и различны, имеется нечто общее, выражающееся понятием «эгоист», или «индивидуалист».

Внутреннее, или глубинное, — это то, что является основой всех проявлений. Внутреннее есть единство или целостность внешнего. Внутреннее в человеке — это то, что является общим во всех его поступках. Сущность — не какое-то мистическое внутреннее ядро, а единство и целостность проявлений.

Диалектика связывает понятия сущности и проявления. Всякая сущность проявляется, она не может находиться только внутри. (...) С другой стороны, всякое проявление существенно, т. е. выражает какие-то стороны сущности. В связи с этим употребляется понятие формы проявления, которое употребляется в смысле различных видов проявления.

Остановимся еще на одной стороне данного вопроса. Мы до сих пор рассматривали проблему сущности в границах отдельного явления. Но категория сущности имеет и другую сторону, она еще указывает на то общее, чем обладает целый ряд явлений. Понятие сущности касается не только отдельно взятого явления, но и целой группы явлений, у которых есть общее в каком-нибудь отношении. (...) Таким образом, понятие сущности имеет смысл целостности не только одного предмета, но и обширного круга явлений.

С другой стороны, понятие проявления нельзя понимать только в том смысле, что оно есть проявление только данной сущности. В проявлении имеются и такие моменты, которые не вытекают из сущности данного предмета, но связаны с воздействием на них внешних обстоятельств. Поэтому в проявлении есть и существенное и несущественное, т. е. как то, что вытекает из данной сущности, так и то, что не вытекает, но является результатом воздействия внешних обстоятельств. Таким образом, проявление связано с целым обширным кругом явлений.

Перейдем к категориям содержания и формы. (...) Так же как и категория второго гнезда, категории содержания и формы выражают внутреннее расчленение явлений, углубление нашего познания. Но чем же категории третьего гнезда отличаются от категорий второго? Те и другие выражают отношения внутреннего и внешнего содержания как нечто внутреннее, как сущность, а форму — как внешнее, как проявление. Но смысл категорий содержания и формы этим не ограничивается. Содержание есть не только внутреннее, не только сущность, а форма не только внешнее, не только проявление. Поэтому и существуют особые категории содержания и формы. Они имеют еще другой смысл, т. е. отвечают на вопрос, что

содержится в явлении и как они содержатся, т. е. эти категории отвечают на вопросы: что и как? Содержание отвечает на вопрос, что именно заключено в явлении, а категория формы отвечает на вопрос, как оно содержится, т. е. как соединены части этого содержания.

Таким образом, категории формы и содержания более детально исследуют само внутреннее, поэтому их нельзя свести к категориям предыдущей группы, так как они имеют более богатое содержание. Понятие содержания заложено и в самом названии: содержание есть то, что содержится в явлении. Разумеется, в различных случаях понятие содержания выступает как нечто более простое. Но понятие содержания не требует специального определения самим названием, как и целый ряд других философских категорий. (...)

Что же касается смысла понятия формы, то оно более многогранно. Как уже говорилось, под понятием формы подразумевается иногда внешняя граница содержания, внешняя форма определенного предмета. В этом смысле мы говорим: «формы человеческого тела» или «эта машина имеет обтекаемые формы». Но понятие формы употребляется также в смысле внутренней структуры содержания. Это мы называем внутренней формой. Так, например, когда говорят, что производственные отношения есть форма развития производительных сил, то что этим хотят сказать? Производительные силы, как известно, состоят из двух элементов: человека-производителя и средств производства, которыми он управляет. Как соединены между собой эти элементы производительных сил, т. е. элементы содержания?

В одной общественной формации коллективный производитель соединен со средствами производства, является хозяином, владеет этими средствами производства — таково общество социалистическое. В другой общественной формации производитель не является владельцем средств производства — таково общество капиталистическое. Различный характер соединения производителя и средств производства и выражается в производственных отношениях. Значит, в данном случае выражение, что производственные отношения являются формой развития производительных сил, употребляется в смысле внутренней структуры содержания.

В таком же смысле употребляется понятие математической формулы. Формула — это определенное символическое выражение, состоящее из частей, соединенных определенным образом. И в этом случае понятие формы (формулы) употребляется в смысле структуры содержания, т. е. способов соединения элементов, частей определенного содержания. Наконец, понятие формы употребляется в смысле различных видов, способов, в которых осуществляется определенное содержание. В таком смысле мы говорим о «формах общественного

сознания», об «органических формах» и т. д. Таким образом, понятие формы многогранно, и следует каждый раз представлять себе, в каком смысле употребляется это понятие.

Какова субординация содержания и формы? Она выражена в законе: содержание определяет форму. Здесь нет необходимости анализировать этот закон: он известен из общих курсов диалектического материализма. Кроме того, субординация данных категорий проявляется в обратном воздействии формы на содержание. Возникшая на базе определенного содержания, форма, в свою очередь, активно влияет, воздействует на него. Далее. Эта субординация выражена в отставании формы от содержания. (...)

Рассмотрим теперь соотношение категорий формы и качества. На этом вопросе следует остановиться, потому что у нас иногда смешивают данные категории, между тем, это категории разные. (...) Качество выражает не только форму, но и содержание. В самом деле, когда мы говорим «общественная формация», разве здесь имеются в виду только производственные отношения? Понятие общественной формации включает в себя не только одни производственные отношения, это прежде всего экономический строй общества. Следовательно, здесь имеются в виду и производительные силы. Более того, каждая общественная формация есть известный цельный общественный организм, заключающий в себе не только экономику, но и все остальные формы общественной жизни и общественного сознания. Общественная формация — это определенное качество, но это качество включает в себе не только форму, но и содержание. Сведение качества только к одной форме является выхолащиванием качества.

Теперь переходим к четвертому и пятому гнездам, т. е. к категориям: общее — особенное — единичное, и к длинной цепочке, выраженной в пятом гнезде: тождество — единство — различие — противоположность — противоречие — конфликт. Сначала остановимся на особенностях четвертого и пятого гнезд в отличие от предыдущих, выясним, каков переход к ним от прежних категорий.

В этих гнездах категорий выражается не только внутренняя структура явлений, но и соотношение целой группы явлений. В расположении категорий по гнездам наблюдается определенная закономерность. Во втором и третьем гнездах мы исследовали такие категории, которые выступают результатом анализа внутренней структуры отдельного явления. Правда, эти категории имеют отношение и к группе явлений. Например, категория сущности может выражать не только сущность одного явления, но и сущность многих явлений. То же самое можно сказать и о категории формы. Она в состоянии охватить форму не только одного явления, но и многих явлений, определенную группу явлений, подчиненных одной форме.

Например, под органическими формами мы разумеем всю совокупность организмов. Значит, и понятие сущности и понятие формы могут не только касаться отдельного явления с точки зрения соотношения его внутренних и внешних сторон, но и охватывать целую группу явлений, имеющих одну и ту же сущность или одну и ту же форму. В этом смысле, собственно, все категории диалектического материализма одинаковы, потому что они суть всеобщие определения. Однако здесь речь идет о другом.

Для анализа отношений, выражаемых предыдущими категориями, было достаточно взять отдельное явление. Поэтому примеры, которые приводились, касались главным образом отдельного явления. Чтобы выяснить отношение сущности и явления, можно взять одно явление и показать его внутреннюю и внешнюю стороны. А для анализа категорий четвертого и пятого гнезд недостаточно анализа отдельного явления. Для выяснения смысла этих категорий надо брать целую группу явлений действительности. Их смысл не в том, что они касаются отдельного явления, а в том, что они — обобщения нашего познания целой группы явлений. Так, категория общего как раз противоположна категории единичного, поэтому категорию общего нельзя понять на анализе единичного явления. Точно так же категория единства обязательно предполагает несколько явлений, так как не может быть показана на одном явлении. Что значит единство с самим собой? Это бессмысленная вещь, для понятия единства надо привлечь целый ряд явлений и показать, в чем они сходятся.

Таким образом, в отличие от предыдущих, природа данных категорий заключается в том, что они являются выражением нашего познания целой большой группы явлений и таким образом свидетельствуют о расширении нашего познания. Следовательно, данные категории являются более сложными, чем предыдущие. Мы так и идем от наиболее простых категорий к наиболее сложным и глубоким.

Рассмотрим соотношение категорий общего, особенного и единичного. Сначала остановимся на простом различии этих понятий, т. е. на том, чем отличаются общее, особенное и единичное, почему эти категории, так сказать, выдвинуты людьми? Возьмем какой-нибудь элементарный пример для определения этих отличий, например понятие человека. Конкретный человек, именно потому что он конкретный, является единством общего, особенного и единичного. Понятие конкретного в марксизме обозначает единство общего, особенного и единичного. Что это значит? Что в человеке общего, т. е. общечеловеческого? Он имеет такие черты и свойства, которые присущи всем людям, в отличие от животных и тем более от неживых предметов. А что имеется особенного в данном конкретном человеке, в каждом из нас? То, что его роднит

не со всеми людьми, а с какой-то определенной группой людей, что он, скажем, мужчина или женщина, старый или молодой, русский или немец и т. д. И, наконец, у данного конкретного человека имеются единичные черты, т. е. такие черты, которые присущи ему одному и никому другому, которые делают его определенной личностью, определенным индивидуумом. Таким образом, различие между этими тремя категориями ясно. Этим различием мы и будем руководствоваться для определения соотношения между общим, особенным и единичным.

Но прежде чем перейти к этому соотношению, нужно указать на относительность общего, особенного и единичного, особенно общего и особенного. Эти понятия относительны; весь вопрос в том, что мы берем за критерий этого общего, особенного и единичного. В нашем примере общим было понятие «человек вообще». Если же в основании анализа берется более узкое понятие, например, «мужчина» или «женщина», то здесь особенное станет общим. Если в качестве этого основания мы берем понятие «русский человек», то опять-таки здесь особенное стало общим. Мы уже будем искать особенное в более частом определении этого общего, скажем, русский человек такого-то класса: русский крестьянин, русский рабочий, русский интеллигент — это уже будет особенное. Таким образом, общее может становиться особенным, и наоборот.

Даже единичное не может быть абсолютным. Казалось бы, что единичные черты совершенно абсолютны. Но вот мы говорим: И. И. Николаев. Это как будто индивидуальное обозначение. Но если вы обратитесь в Ленинградское адресное бюро, то убедитесь, что И. И. Николаевых в одном Ленинграде, наверное, не меньше двух десятков. Поэтому чтобы обозначить данного человека, нужно дать еще его адрес или, скажем, указать, что он работает там-то. Так что даже индивидуальные черты указывают на определенную группу людей, а не только на данного человека. Таким образом, все эти понятия относительны, они зависят от того, в каком отношении мы берем данное понятие.

Но для нас важно здесь не различие этих понятий, а соотношение, субординация общего, особенного и единичного. Эта субординация классическим образом изложена В. И. Лениным. К ней едва ли что-нибудь можно прибавить, ее можно только комментировать, объяснять.

Ленин в работе «К вопросу о диалектике» разбирает противоположность отдельного и общего. Он берет не три категории, а две: общее и отдельное. Понятие отдельного объединяет понятие особенного и единичного. Значит, эти три категории — общее, особенное и единичное — можно трактовать не как три категории, а как две. Если мы наряду с по-

пятием общего устанавливаем понятие отдельного, то это понятие отдельного будет заменять понятия особенного и единичного.

Ленин писал: «...противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого **рода** отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.»²

Здесь изложена вся субординация, все соотношение категорий общего, особенного и единичного. Разберем эту цитату по частям. Отдельное не существует иначе, как в этой связи, которая ведет к общему. Что это значит? Берем предмет нашего обсуждения — категории. Каждая категория есть ступень познания и в этом ее смысл, ее значение. Значение категории в том, что она является ступенью познания, средством для познания. Но ступенька имеет смысл лишь как часть лестницы. Так же смысл и значение категорий диалектического материализма в том, что они в целом представляют собой определенную «лестницу», ведущую познание вверх. В них фиксируются наши знания о закономерностях действительности.

Можно также вспомнить пример с понятием «человек». Отдельное не существует изолированно ни в реальности, ни в понятии, иначе, как в той связи, которая ведет к общему, ибо и русский, и француз, и немец — это люди, т. е. части человечества. Смысл отдельного состоит в том, что оно ведет к общему. В одном романе И. С. Тургенева биолога спрашивают, какой смысл имеет изучение им бабочек, цветов и т. п. Он отвечает, что таким путем он изучает законы жизни.

Переходим к следующему положению Ленина: общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Общее не может существовать изолированно от отдельного, оно существует только в отдельном, и поэтому нужно изучать общее, выделяя его из отдельного. Не изучая отдельные факты, мы не можем познать общее. Однако это отнюдь не означает, что общее в явлении — лишь умственное отвлечение, что в реальной действительности общего нет. Такое мнение является отходом от марксистской диалектики, представляет собой выражение номинализма, согласно которому общее — лишь имя (лат. — *nomen*), а не реальность. Общее столь же реально, объективно, как и отдельное.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

Практически точка зрения номинализма ведет к отрицанию реальности таких, например, понятий, как «капитализм», «социализм», «рабочий класс» и т. п. (...) Рабочий класс, конечно, состоит из отдельных рабочих, но все рабочие, составляющие рабочий класс, объединены общим положением в обществе (отсутствием частной собственности на средства производства, продажей своей рабочей силы) и вытекающими из этого объективного обстоятельства общими, столь же объективными классовыми интересами и идеями.

Этот пример подводит нас к пониманию смысла следующего дальше положения Ленина, согласно которому всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Отдельное не существует иначе, как часть общего. Каждый отдельный рабочий потому и рабочий, что он имеет те черты, которые присущи рабочему классу вообще. Утратив эти черты, например, перестав работать по найму, он перестает быть рабочим.

Далее Ленин берет другую и еще более глубокую сторону вопроса, выраженную в положении, что всякое общее есть частичка или сторона или сущность отдельного. Это значит, что отдельное богаче, чем общее, ибо оно кроме общих черт включает в себя и другие черты, что, следовательно, нельзя игнорировать категорию отдельного. Познать только одно общее в явлении недостаточно. Это не конкретно, потому что общее только частичка или сторона или сущность отдельного, оно не может полностью характеризовать конкретного. Значит, в своем исследовании, в своем понимании того или иного явления мы должны наряду с его общими чертами изучать и его особенные и отдельные черты. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все явление. В нем не заключается его полной характеристики. Отдельное богаче, чем общее. Это положение чрезвычайно важно.

Остановимся еще на одном моменте цитаты Ленина: всякое отдельное неполно входит в общее. Когда мы брали понятие «человек», то у нас получалось так: человек вообще (большой круг), потом русский человек (круг поменьше, вписанный в первый), затем индивидуальный человек (самый маленький круг). Складывалось отношение замкнутых концентрических кругов, где отдельное полностью входит в общее. Но это лишь самый общий подход к вопросу, характерный для формально-логического понимания отношений общего и частного.

В. И. Ленин показывает и другую сторону вопроса, более глубокую, характерную для диалектической логики. Он подчеркивает, что всякое отдельное не полно входит в общее, так как у отдельного имеется еще такое содержание, которого нет в общем; кроме того, отдельное частично входит в одно общее, а частично — в другое. Со своей стороны, общее охватывает ряд отдельных явлений. (...)

Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого

рода отдельным, которое нельзя понимать как изолированное. (...) Не только общее охватывает целую группу явлений и, следовательно, есть общее и для этого явления и для другого, но и отдельное тоже связано с другими отдельными. Возьмем отдельное явление, скажем, Ленинград. Это отдельный, так сказать, индивидуальный город, отличный от всех остальных городов на свете. Но Ленинград имеет много общих черт с другими городами Советского Союза и других стран мира. Следовательно, благодаря тому, что отдельное явление включает в себя некоторое общее, оно тысячами переходов связано с другими отдельными (городами в данном случае). В связи с этим следует отметить, что как в истории философии, так и в нашей философской литературе существует определенное упрощение данного вопроса, недопустимое для марксистского подхода.

В истории философии имела место такая теория, согласно которой общее якобы порождает частное и единичное. Эта теория называется рационализмом. Рационализм выражается в самых различных формах: как в самой грубой, когда считается, что реально существует только общее, а частное и единичное — это лишь видимость, так и в более тонкой форме (частное и единичное трактуется как логическое порождение общего).

Гегель, в частности, как и всякий рационалист, считал, что понятие плода вообще порождает понятия конкретных плодов (яблоко, груша, слива). Маркс и Энгельс показывает, что такое понимание является идеализмом, потому что для него общее есть идея, которая и порождает действительность. Для рационализма и идеализма общее — первично, а частное — единично, вторично. Некоторые отзвуки такого рационализма, ведущего в конце концов к идеализму, встречаются и в нашей литературе, например в вопросах соотношения философии и специальных знаний, законов философии и специальных наук.

Некоторые философы полагают, что раз марксистская философия формулирует всеобщие законы, то на данном основании они, философы, могут разрешить вопросы любой науки. За этим кроется нежелание изучать отдельные науки. (...) Самое хорошее знание законов диалектики не дает достаточного материала для понимания, скажем, законов видообразования, для этого нужно знать специальный материал, так как отдельное неполно входит в общее. В данном вопросе есть сторона, доступная философам, но это только определенная часть вопроса, а для того, чтобы разобраться в нем в целом, необходимо иметь специальные знания по биологии.

В истории философии также имело место противоположное, неправильное понимание отношений общего и отдельного, согласно которому реально существует только единичное и частное, а общее есть только имя, название. (...) Это течение

называлось, как было указано, номинализмом. Современный позитивизм, а позитивизм сейчас является господствующим направлением в буржуазной философии, основывается на номинализме, на отрицательном отношении к общему. Общее для позитивистов есть лишь построение нашего ума и зависит от субъекта. Позитивизм отрицает реальность общего. (...)

Таким образом, вопрос об общем и особенном не только имеет историческое значение, но и важен для борьбы против современной антимарксистской философии. (...)

Современная наука и даже современная буржуазная философия выдвигает ряд новых вопросов и новых категорий. Поэтому ограничиваться лишь известными уже нам категориями недостаточно. (...)

Теперь мы переходим к данной цепочке категорий пятого гнезда: тождество — единство — различие — противоположность — противоречие — конфликт. (...) Данные категории этого гнезда еще глубже проникают в действительность, так как раскрывают характер отношений в самой сущности вещей, в том общем, что есть между явлениями. Мы имели дело с категориями, связанными с сущностью, но какова структура самой сущности вещей? (...) В. И. Ленин при исследовании вопроса о диалектическом противоречии иллюстрирует характер этого противоречия на отношении общего и особенного. Значит, категория общего и особенного имеет своей основой отношение противоречия. Связанный с категориями пятого гнезда закон единства и борьбы противоположностей называется Лениным ядром диалектики,³ потому что он раскрывает движущую силу развития. Категории пятого гнезда связаны с вопросом о движущей силе развития.

Каково же отношение между категориями данного гнезда? Несмотря на то, что этим категориям уделяется большое внимание в общем курсе диалектического материализма, все-таки надо констатировать, что имеется еще немало неясностей в их характеристике. Все предметы, явления природы и общества, во-первых, имеют нечто общее между собой, что и выражается категорией тождества. Но наряду с тем общим, что существует между ними, предметы и явления различаются между собой в каком-либо отношении или в каких-либо отношениях. (...) Разберем сначала соотношение категорий тождества, единства и различия.

Понятие тождества (...) недостаточно для понимания действительности. Как только мы идем дальше того общего, что характеризует все явления, т. е. дальше бытия, мы переходим к различию. Все вещи тождественны между собой лишь в смысле их бытия, а если взять глубже, то и в смысле матери-

³ См.: Там же.

альности. Все они существуют и все они материальны. Но этого недостаточно. На тождестве останавливаться нельзя. Как только мы отойдем от данного (абстрактного) тождества, мы сейчас же переходим к категории различия. Наряду с этим тождеством все вещи в каком-либо отношении различаются между собой. (...) Что же касается тождества и единства, то эти категории не совпадают полностью.

Единство может быть между различающимися явлениями, т. е. связано с различием. Мы говорим: единство в борьбе за мир, единство тех или иных стран, государств в борьбе за принцип мирного сосуществования. Единство есть тождество или одинаковость в каком-либо отношении между различными вещами или явлениями. Единство — это тождество или одинаковость, но не во всех отношениях, а в каком-либо одном отношении между различными явлениями. (...) Понятие единства совпадает с понятием тождества, но в том только смысле, что это тождество в каком-то отношении, а не в целом. Если же имеется единство во всех отношениях, то это полное тождество. Однако такое (...) полное тождество между вещами возможно лишь в смысле бытия и материальности. Конечно, существует практическое тождество, т. е. такое сходство между отдельными вещами (например, стандартными изделиями), когда незначительными различиями практически можно пренебречь. Однако, строго говоря, здесь полного тождества нет. И далее все различно: нет двух одинаковых людей, двух одинаковых листьев на дереве и т. д.

Из этого рассуждения следует также, что, хотя единство и тождество и различные понятия, но как нельзя их отождествлять, так нельзя и противопоставлять, что иногда делается. (...) В. И. Ленин писал, что не надо трех слов: диалектика, логика и теория познания, это одно и то же. В этой связи одни наши философы полностью отождествляют данные понятия, другие же выступают за их единство, т. е. считают, что диалектика, логика и теория познания — это не совсем одно и то же, (...) что это все-таки разные науки. (...) Марксистская диалектика, логика и теория познания — действительно одно и то же в том смысле, что это разные стороны или функции (...) философской науки, но в то же время каждая из них имеет некоторые свои вопросы, которые она и исследует.

Так, например, в данном случае мы занимаемся вопросами диалектической логики, здесь поднимаются некоторые специальные логические проблемы, которые в общем курсе диалектического материализма не разбираются. Достаточно обратить на это внимание, чтобы увидеть, что положение Ленина означает одновременно и буквальное тождество и единство. Диалектика, логика и теория познания — это одна и та же наука, но, с другой стороны, это ее разные грани, разные сто-

роны, и у каждой стороны есть свои специфические вопросы. Данные понятия нельзя не только отождествлять, но нельзя их и разрывать. (...)

Итак, единство может быть лишь между такими явлениями, которые чем-то различаются между собой. Тожество фактически предполагает различие между вещами в каком-то отношении, однако в самом понятии тождества («чистого тождества») различие не предполагается. Следовательно, понятие единства идет дальше, чем понятие простого тождества, ибо оно соединяет в себе понятия тождества и различия. Но, с другой стороны, эти отношения нельзя противопоставлять, (...) ибо единство есть не что иное, как тождество в каком-нибудь отношении, например: единство в борьбе за мир, за принципы мирного сосуществования и т. д. В этих вопросах у тех или иных народов возможно единство, тождество взглядов, но в каком-либо ином отношении они могут и не иметь этого тождества. (...)

Теперь остановимся на соотношении следующих категорий: «различие» и «противоречие». В чем же оно состоит? (...) Все предметы, явления природы и общества имеют нечто общее, а именно то, что все они являются определенными сторонами или моментами действительности. (...) А определенная группа — предметы, вещи — едина также в том отношении, что представляет собой материальные объекты. Единство последних заключается в их материальности. То общее, что имеется между всеми вещами, как бы различны они ни были, состоит в том, что их бытие материально. Но наряду с тем общим, что имеется между всеми вещами и явлениями, между ними существует и различие в каком-либо отношении или в каких-либо отношениях. Это различие явлений создает возможность возникновения противоречия между ними. Если бы не существовало различия между явлениями, если бы они были абсолютно тождественны, то, естественно, не могло бы возникнуть и противоречия между явлениями. Если бы все было совершенно одинаково, то не могло бы быть ни противоречия, ни развития.

Откуда же возникает противоречие? Среди различных свойств вещей имеются такие, которые являются взаимоисключающими. Так, например, если живой организм перенести в условия, где он не может дышать или не получает пищи, то он гибнет. Отсутствие свободного кислорода в атмосфере и физиологии живого организма, дышащего кислородом, являются взаимоисключающими. Но эти факторы не являются и взаимоисключающими для так называемых анаэробных организмов, не нуждающихся в свободном кислороде.

Возможно различие между организмом и условиями жизни, не вызывающее противоречия, взаимоисключения. Но может быть и такое различие между организмом и средой, ко-

торое вызывает противоречие между ними и ведет к гибели организма. Различие между организмом и условиями его существования есть всегда, но противоречие между организмом и условиями его существования возникает далеко не всегда, не во всех отношениях. Наоборот, условием жизни является известное единство, соответствие между организмом и средой, значит, не всякое различие — это противоречие.

Нельзя сказать, что всякое различие есть противоречие в том смысле, что различие и противоречие — одно и то же. Но если эти различия превращаются во взаимоисключения, т. е. если в данном случае условия среды исключают жизнь, делают невозможной или затрудняют жизнь того или иного организма, то здесь возникает противоречие между организмом и условиями его жизни. (...) Это означает, что различие включает в себя противоречие, т. е. что противоречие есть одна из форм различия между вещами. Различия делятся на противоречивые и непротиворечивые. Значит, противоречие включается в понятие различия как более широкой категории и проявляется в определенных условиях. Таково соотношение понятий различия и противоречия. (...) Итак, различие включает в себя противоречие в том смысле, что в определенных условиях и отношениях оно превращается в противоречие.

Каковы же отношения между противоречием и противоположностью? На основе противоречия возникает или развивается борьба противоположных сил, противостоящих друг другу, они сталкиваются друг с другом. Если такие силы не могут развиваться, то противоречие не доходит до развития противоположностей. Таким образом, противоположности — это такие силы, тенденции, которые борются между собой на базе имеющегося между ними противоречия. Значит, противоречие есть определенное отношение между различными вещами, а противоположности — это суть те силы, которые возникают на данной основе, на данной базе противоречия и борются между собой, сталкиваются друг с другом.

Развитие происходит в порядке раскрытия внутренних противоречий, в порядке столкновения противоположных сил на базе этого противоречия, в порядке раскрытия противоречий, свойственных предметам и явлениям, в порядке «борьбы» противоположных тенденций, действующих на основе данных противоречий. Таким образом, противоположности являются силами, борющимися между собой на базе противоречия. Естественно, что в советском обществе противоречие не может вызвать развития противоположностей, т. е. не могут развиваться противоположные силы, борющиеся на базе противоречия. У нас нет классов, враждебных друг другу и борющихся между собой, значит, может возникнуть противоречие, но не противоположные классовые силы. (...) В условиях социализма противоречия могут возник-

нута и возникают, а борьба противоположностей не может развиваться за отсутствием их носителей — противоположных классов.

Итак, разница между противоречием и противоположностью существует. Противоречие есть определенная форма отношений между явлениями, а противоположности — это определенные силы, которые возникают на данной основе. (...) В одном случае можно говорить о борьбе противоположностей сил, причем понятие борьбы брать в прямом смысле слова, а в другом случае говорить о борьбе противоположных тенденций, причем понятие борьбы употреблять в образном смысле. Понятие «борьба противоположных сил» относится, естественно, к обществу, ибо борьба в обычном смысле слова может быть лишь между людьми. В другом случае, где речь идет о борьбе противоположностей в природе, данное понятие следует взять в кавычки, как употребляющееся в индизнавательном смысле. Возьмем, скажем, «борьбу» леса со степью. Здесь действуют слепые силы, не понимающие, что они делают, поэтому понятие борьбы употребляется в индизнавательном, в образном смысле. В данном примере речь идет не о борьбе противоположных сил, а о борьбе противоположных тенденций. Понятие тенденции здесь больше подходит, чем понятие силы.

Обратимся теперь к «борьбе» между наследственностью и изменчивостью в органическом мире. В развитии органического мира идет борьба этих противоположных тенденций: с одной стороны, признаки предыдущего поколения закрепляются в новом поколении (закон наследственности), а с другой стороны, действует закон изменчивости, согласно которому эта наследственность прорывается, в силу чего новое поколение имеет некоторые новые признаки, некоторые отличия от своих предков, от предыдущего поколения. Можно ли считать наследственность и изменчивость какими-то особыми «силами»? Нет, это скорее тенденции, определенные направления. Одна тенденция — закрепление признаков, а другая — их изменение. Эти тенденции противоположны, но и борьбу между ними надо понимать не в буквальном смысле слова, а в смысле борьбы тенденций, направлений развития. (...)

Теперь мы переходим к категориям шестого, седьмого и восьмого гнезд по нашей схеме. Эти категории уже совершенно не касаются внутреннего отношения отдельных явлений, их суть — в характеристике отношения между более широкими группами явлений. Если первую группу категорий можно было иллюстрировать на одном явлении или на их небольшой группе, на двух явлениях, то категории шестого, седьмого и восьмого гнезд нельзя характеризовать на отношениях внутри каждого отдельного явления или двух явле-

ний. Они характеризуются отношениями между широкой группой явлений, между многими явлениями. Чем ниже мы спускаемся по нашей схеме, тем больше широта охвата явлений. Так, например, причинность, с которой начинается цепочка категорий шестого гнезда, еще может быть проиллюстрирована на отношении двух явлений (причина и действие), а если взять восьмое гнездо, то отношение закона и закономерности можно показать лишь на множестве явлений. (...) Таким образом, эта группа категорий не только идет в глубь явлений, но и в то же время показывает отношение между все большим их числом.

Остановимся сначала на категориях шестого гнезда: причинность — необходимость — случайность — возможность — вероятность — действительность. Это очень сложная цепочка, и ее лучше разбить на части. Возьмем сначала взаимоотношение первых трех категорий: причинность — необходимость — случайность. Причинность есть частный случай необходимости, одна из ее форм — таково отношение между причинностью и необходимостью. Это значит, что «необходимость» — более широкое понятие, чем «причинность», в том смысле, что кроме причинности есть и другие формы необходимой связи, необходимых отношений. Существует, например, функциональная зависимость, которая тоже является необходимой. Но это не есть причинная зависимость. Что значит функциональная зависимость, функциональное отношение? Это означает, что с изменением одной величины изменяется другая: с изменением А изменяется Б, и наоборот: с изменением Б изменяется А. Постоянство А влечет за собой постоянство Б. Таково в самых общих чертах отношение функциональной зависимости. (...) Это не причинная зависимость, а простая взаимозависимость двух величин.

В самом деле, что входит в понятие причинной зависимости? В понятие причинной зависимости входят два составных элемента — причина и действие (следствие). Каково отношение между причиной и действием, иными словами, какие признаки входят в понятие причинной зависимости? (...) Первый — причина всегда предшествует действию. Это — временная зависимость. Второй — причина всегда необходимо вызывает определенное действие. Итак, причинная зависимость есть необходимая связь между двумя следующими одно за другим явлениями.

Что касается функциональной зависимости, то здесь отношение другое. Отношение функциональной зависимости означает, что если изменяется одна величина, то изменяется и другая, и наоборот. Две величины взаимно воздействуют друг на друга, изменение одной величины влечет за собой изменение другой величины, и наоборот. Это тоже необходимая связь, но здесь обе величины находятся в равноправных

отношениях, и связь между ними не носит характера временной последовательности.

Причинная зависимость означает более глубокую зависимость, чем функциональная. Она указывает на причину изменения, причину действия. Функциональной же связью никакой причины не указывается, а устанавливается просто факт взаимозависимости этих величин. Вместе с тем понятие функциональной зависимости играет огромную роль в современной науке.

Имеются и другие формы необходимой связи, например между общим и отдельным. Эта связь совершенно особая, ее нельзя отождествлять ни с причинной зависимостью, ни с функциональной связью. Есть известный силлогизм. Все люди смертны, Кай — человек, следовательно, Кай смертен. Значит, есть необходимая связь между смертью людей и смертью отдельного человека. Но можно ли сказать, что это причинная связь? Нет, ибо смерть других людей вовсе не есть причина моей смерти. Это уже не причинная связь и не функциональная зависимость. Здесь устанавливается необходимая связь между свойствами целого (смертность всего человечества) и его части (моей смертностью). (...) Свойство общего есть свойство части, т. е. что свойственно целому, то свойственно и ей. Значит, это особая, необходимая связь, не похожая на отношение причины или функции. Есть далее необходимое отношение между сущностью и явлением, между формой и содержанием, это тоже необходимые связи явлений. Существует много форм связи явлений, поэтому причинность — это лишь одна из форм необходимой связи. Таким образом, понятие необходимости — более многогранная и более широкая категория, чем «причинность». (...)

С другой стороны, категория причинности охватывает и необходимое, и случайное, ведь у случайностей тоже есть свои причины, они также причинно обусловлены. Значит, в этом отношении категория причинности шире, чем понятие необходимости, ибо понятие причинности включает в себя как необходимые, так и случайные связи, ибо всякая случайность тоже имеет свою причину, тоже причинно обусловлена. Причинность выражается и в формах необходимости и в формах случайности. Таково вкратце отношение между причинностью и необходимостью.

Каково отношение между необходимостью и случайностью? Оно достаточно известно и выражается следующей формулой: «случайность есть форма проявления и дополнение необходимости». Что означает эта формула? Всякое явление существует не в виде чистой необходимости, а в индивидуальном облике, т. е. включает в себя элемент случайности. Так, организмы всех людей подчинены одним и тем же биологическим законам. Это вызывает определенный, необходимый, об-

щий для всех характер физического облика и развития человека. Но наряду с этим каждый человек имеет некоторые свои физические особенности в отличие от других людей. Значит, хотя законы нашего организма и всех людей одни и те же, но тем не менее в каждом отдельном человеке имеются свои особенности. Люди не похожи друг на друга полностью.

Итак, конкретное явление отнюдь не чистая необходимость, а единство необходимости и случайности. Необходимое сочетается с индивидуальным своеобразием, различием в каждом отдельном случае. Необходимость проявляется в определенном индивидуальном облике, в котором имеются элементы случайного. Здесь мы сознательно отождествили индивидуальное и случайное, хотя это и не вполне одно и то же. От чего зависит, что все люди при наличии общих законов развития не похожи полностью друг на друга? Это зависит от очень многого: от условий, в которых человек жил, от тех комбинаций физических элементов, которые имелись у родителей, и т. д.

Возьмем еще один элементарный пример для показа того, что случайность есть форма проявления необходимости, т. е. что необходимость проявляется, выражается в каждом отдельном случае не в чистом виде, а с примесью, так сказать, ряда случайных моментов. Вы посеяли зерна в почву. Согласно биологическим законам, при определенных условиях зерна дадут ростки на поверхности. Но одни семена дадут более ранние ростки, потому что они случайно лежат ближе к поверхности земли, а у других на пути оказался камень или что-либо другое, росток должен обогнуть этот камень, а следовательно, он не появится на поверхности одновременно с первым. Третий появится позднее других, так как зарыт глубже других. Здесь действуют одни и те же законы, но проявления их в отдельных случаях будут различными.

Следует также остановиться на той стороне вопроса, которая обычно мало разъясняется, т. е. на том, что (...) случайность есть дополнение необходимости. (...) Классики марксизма, характеризуя отношение случайности и необходимости, указывали, что случайность есть проявление и дополнение необходимости. Что же означает данное положение? (...) В каждом отдельном явлении, как мы видели, кроме необходимого существует еще и случайное. Каждое явление есть единство необходимости и случайности. Конкретное явление представляет собой, так сказать, сумму необходимого и случайного. Случайность, таким образом, дополняет необходимость.

Если вы хотите дать конкретное описание того или иного события, то вы должны не только дать его общую характеристику, но и наряду с нею описать и его особенные и индивидуальные черты. Если вы объясняете какое-либо общее

положение, то должны связать его с жизнью, т. е. с конкретными явлениями, включающими частное и случайное. (...)

Остановимся теперь на отношениях случайности, возможности и вероятности. Каковы связь и отношение между этими категориями? Случайно то, что может произойти, а может и не произойти, в отличие от необходимости, которая обязательно должна произойти. Иначе говоря, случайность отличается от необходимости тем, что она лишь возможна, но не обязательна. Таким образом, случайность выступает как возможность, но не обязательность, ибо она может быть, а может и не быть. Далее. Возможность имеет разные степени вероятности. Иными словами, невозможность, как было сказано, можно представить как необходимость со знаком 0, как невероятность, а необходимость можно представить как 100% вероятности, т. е. как абсолютную вероятность.

Таким образом, категория возможности относится к некоей области вероятного, лежащей между невозможностью и необходимостью, между 0 и 100, она колеблется между «почти возможностью» и «почти необходимостью» и в своем пределе превращается в невозможность или необходимость. (...) Таким образом, имеется определенная связь не только между категориями случайности и необходимости, но и между категориями случайности, необходимости и вероятности.

Что касается отношения возможности и действительности, т. е. последних категорий данной группы, то здесь на этом останавливаться нет необходимости, поскольку отношение возможности и действительности достаточно известно по общему курсу диалектического материализма.

Перейдем к категориям седьмого гнезда, т. е. к категориям: необходимость — целесообразность — цель — свобода. Эта цепочка связана с предыдущей категорией необходимости следующим образом. От необходимости идут две ветки: одна — к случайности, а другая — к цели и целесообразности. (...) Это происходит потому, что понятие необходимости имеет два смысла: смысл неизбежности и смысл надобности. Сравним два предложения: 1) «За ночью необходимо следует день». Здесь мы употребляем категорию необходимости в смысле неизбежности. (...) 2) «Молодежи необходимо учиться». В данном случае необходимость имеет другой смысл — смысл надобности, полезности, важности, потребности, а не неизбежности. Или, например: «Для существования живых организмов необходимо приспособление к среде». Здесь тоже подразумевается второй смысл: нужно приспособление к среде, иначе организм погибнет. В данном случае понятие необходимости берется также в смысле нужды, полезности, потребности. Вот этот последний смысл и ведет к понятию целесообразности и цели.

Данный смысл понятия необходимости как надобности,

полезности, нужности возникает лишь в органическом мире, ведь неорганической природе ничего не нужно. Поэтому с этой цепочкой категорий мы переходим в область живой природы и в область человека. Соответственно и понятие целесообразности, которое здесь встречается, относится лишь к живой, органической природе, ибо целесообразности в неорганической природе не существует. Целесообразность существует лишь в органическом мире.

Каково же отношение между категориями необходимости и целесообразности? Марксистская философия формулирует это отношение так: целесообразность есть частный случай причинности, необходимости. Что это значит? Целесообразность в органическом мире имеет различные формы, например форму так называемой мимикрии или всякого рода защитных приспособлений. Известно, что целый ряд живых существ, приспособляясь к условиям жизни, получает защитную окраску, например, лесной заяц-беляк летом серый, а зимой белый. Заяц-русак, живущий в полях, где света бывает меньше и сквозь снег кое-где видна трава, имеет бурую спинку и зимой. А в лесу этого нет, поэтому там заяц белый. Имеются случаи, когда животное изменяет свою окраску постоянно. Например, есть ящерица хамелеон, которая приобретает серый цвет, если ползет по камню, желтый, когда она ползет по песку, и зеленый, когда ползет по траве. (...)

Но не только в отношении внешней окраски, но и в отношении устройства организма животные приспособлены к окружающей среде самым разнообразным образом. Это называется целесообразностью в органическом мире. Животные или растения приспособлены к окружающей среде так, чтобы наилучшим образом выжить. Они приспособлены или к тому, чтобы скрываться от врагов, или к тому, чтобы нападать на свою добычу, и т. д. Эта целесообразность касается не только животных, но и растений. Например, у каждого из семечек одуванчика есть подобие парашюта, и зрелые семечки на нем летят по ветру. Или, например, трава перекасти-поле устроена таким образом, что ветер катит ее по степи на многие десятки километров. Это все приспособительные устройства, которые целесообразны в смысле полезности для данного вида.

Что же представляет собой данная целесообразность? Есть ли это сознательный акт природы? Нет, это отнюдь не результат действия разумного существа, а результат стихийного приспособления организма к условиям жизни, результат бессознательного процесса приспособления организмов. Заяц никогда сознательно не изменял окраски своей шкурки, как и рябчик цвет своего оперения. И тем более одуванчик никогда не «додумался» бы до парашюта как средства расселения своего потомства. Значит, это совершенно бессознательный процесс. Вот в этом смысле марксизм и говорит, что целесо-

образность есть частный случай необходимости. Значит, целесообразность в природе надо понимать не в том смысле, что есть какая-то сознательная цель у растений или у животных, а в смысле того, что это — результат приспособления, полезного для вида, необходимо для его существования и развития. Поэтому понятие целесообразности нужно отличать от понятия цели. (...) Если с понятием целесообразности мы встречаемся в органическом мире, то с понятием цели — лишь в человеческом.

Наряду с целесообразностью в органическом мире имеется и много нецелесообразного. И это вполне естественно. То, что в органическом мире есть много нецелесообразного, вредного для жизни организмов, показывает, что это стихийный процесс, что здесь никакие разумные силы не действовали. Примеров нецелесообразности или «бесхозяйственности» природы можно привести много. Например, как размножается рыба? Она выбрасывает большое количество икры. Каждая икринка представляет собой, так сказать, шедевр творчества природы. Но многие ли из этих икринок оплодотворяются? Незначительная часть. Далее. Много ли сохраняется мальков, вышедших из оплодотворенной икры? Их остается и выживает, доживает до зрелого возраста также небольшая часть, а остальная погибает. Это пример нецелесообразности, бесхозяйственности в природе.

Но немало нецелесообразности и в человеческом организме. Она ярко показана, например, в книге И. И. Мечникова «Этюды о природе человека»⁴. И. И. Мечников указывает, что кишечник достался человеку как «пережиток прошлого» от животного мира и от тех времен, когда человек питался сырым мясом и другой тяжелой пищей. Для современного человека такой кишечник является источником болезней. Боль — это целесообразное приспособление, сигнал организма о том, что в нем не все в порядке. Но, с другой стороны, некоторые страшные болезни, вроде сифилиса и рака, в ранних стадиях своего развития проходят незаметно, безболезненно, пока не достигают такой стадии, когда с ними уже трудно бороться. Эти и подобные явления Мечников назвал дисгармониями человеческой природы.

Итак, в органическом мире вообще, а в человеческом в частности наряду с целесообразным много нецелесообразного, и это как раз доказывает, что организм вышел не из «божественной мастерской», (...) а есть результат стихийного, бессознательного приспособления организмов к окружающим условиям.

Рассмотрим теперь категорию «цель». С понятием цели мы переходим в область субъективности, так как оно приме-

⁴ Мечников И. И. Этюды о природе человека. М., 1961.

нимо лишь к человеку. (...) Понятие цели связано со способностью живого существа иметь сознание, т. е. связано с сознательной деятельностью. (...) Что же характеризует сознательную деятельность человека в отличие от животных, деятельность которых является инстинктивной, а не сознательной? (...)

Ранее уже говорилось, что к области неорганической природы вообще не могут быть применены никакие категории, связанные с целесообразностью и с целью. В истории философии существовала и в настоящее время существует ненаучная, неправильная точка зрения, согласно которой категория цели якобы имеет место в природе. Это так называемая телеологическая точка зрения (от греческого слова «телеос» — цель). (...) В этой связи Энгельс писал, что «даже применение гегелевской „внутренней цели“, т. е. такой цели, которая не привносится в природу намеренно действующим сторонним элементом, например, мудростью провидения, а заложена в необходимости самого предмета, — даже такое применение понятия цели постоянно приводит людей, не прошедших основательной философской школы, к бессмысленному подсовыванию природе сознательных и намеренных действий». ⁵

В этой цитате Энгельса идет речь о двух разновидностях телеологии. Есть так называемая трансцендентная телеология, согласно которой разумное существо, т. е. бог, ставит природе определенные цели. Трансцендентная, т. е. какая-то внешняя для природы сила, ставит ей определенные цели. Грубо говоря, бог тянет природу к цели, как бычка на веревочке. Согласно другой точке зрения, сама природа имеет внутреннюю цель своего развития. Это гегелевская концепция так называемой имманентной (внутренней) телеологии.

Та и другая разновидности телеологии несостоятельны, антинаучны. Приписывание природе внешних или внутренних целей (...) несостоятельно. Данный подход должен быть отвергнут как противоречащий материализму, не соответствующий науке. Но это не означает, что философский материализм вообще отрицает цель. Постановка целей имеет место в области человеческой жизни. Что же касается поведения животных, то оно определяется бессознательными позывами и импульсами. (...) Например, многие виды птиц летят осенью с севера на юг, а весной возвращаются на старые места. Это инстинктивная деятельность, которая вызывается определенной необходимостью, прежде всего необходимостью в пище. (...) Однако это вовсе не какая-то сознательная «кампания». (...) У птиц в течение многих веков вырабатывается потребность лететь в определенном направлении. И вот птицы, «не думая» о последствиях, «не думая» о том, что будет дальше,

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 67.

осуществляют свою потребность. Удовлетворение потребности организма без всяких размышлений о том, что в результате этого получится, к чему это приведет, каковы будут последствия, и называют инстинктивной деятельностью.

Инстинкты есть и у человека: пищевой, половой, инстинкт самосохранения и др. Но, в отличие от животных, для человека характерна не инстинктивная деятельность, а разумная, сознательная. Больше того, у человека, в отличие от животных, инстинкты преобразуются, ибо он подчиняет их контролю разума. Чем культурнее человек, тем больше его инстинкты подчиняются контролю сознания. Но коренная особенность человеческой деятельности заключается в целевой, сознательной деятельности. Это значит, что человек, прежде чем что-нибудь делать, заранее представляет себе, каков будет результат его деятельности. (...) Прежде чем строить дом, архитектор делает расчеты, чертежи этого дома, т. е. идеально, в голове представляет себе, каким будет готовое здание. (...) Это типично для человеческой, целевой деятельности. Человек ставит себе цель, к которой и движется путем определенных действий.

Маркс, как известно, по этому поводу писал, что деятельность человека тем и отличается от деятельности пчелы или паука, что это деятельность целевая. Пчела создает соты, очень точные в геометрическом отношении. Паук расставляет сети. Это довольно сложное сооружение. Но в том и другом случае это опять-таки деятельность бессознательная, не целевая. Человек же действует сознательно, что означает, что он заранее в голове видит результат своей работы и этому результату подчиняет свои действия.⁶

Таким образом, целевая или целенаправленная деятельность коренным образом отличается от деятельности инстинктивной, в которой отсутствует представление о цели и подчинение ей соответствующих средств для ее достижения. Понимание этого вопроса существенно отличает диалектический материализм от философии прошлого. Марксистский детерминизм, т. е. марксистское учение о необходимости, включает в себя целевую деятельность. В этом его отличие от механического детерминизма. Так, представители механического детерминизма XVII—XVIII вв. полагали, что так как все подчинено причине, то никакой цели быть не может, а цель — это фикция.

Механический детерминизм был низшим видом детерминизма, сыграв при этом определенную роль в борьбе против теологии, религии. (...) Однако это философское течение не могло объяснить целый ряд явлений в человеческой деятельности и сущности человеческой деятельности как деятельности, качественно отличной от действий животных. Даже в области

⁶ См.: Там же. Т. 23. С. 189.

понимания поведения животных механический детерминизм приводил к анекдотическим следствиям. Одно из таких следствий выражается в известном анекдоте о буридановом осле. Всякое существо действует соответственно импульсу, всякое действие живого существа определяется тем, куда его больше влечет. Поведение живого существа определяется так называемой борьбой мотивов. Все объясняется тем, какие мотивы перевесят. Как все в природе подчинено механической причинности, как чаша весов падает там, где больше вес, так и здесь одно побуждение влечет в одну сторону, другое — в другую. В зависимости от этого пассивное существо подчиняется данным влечениям. (...) Воля — это только фикция, в действительности же существует только механический перевес сил влечения. Если же влечет одинаково в разные стороны, это и есть нерешительность. У Буридана был голодный осел, перед которым положили две одинаково аппетитные связки сена. Но так как его с одинаковой силой тянуло к каждой из них и он не мог решить, с какой начать, то погиб с голоду. Но это был осел и, видимо, осел из ослов. С реальными ослами этого не произойдет.

Что борьба мотивов имеет место — это бесспорный факт. Но, во-первых, человек может влиять на эту борьбу благодаря своей способности к целевой деятельности. Чего бы мне ни хотелось, я могу и не удовлетворять этих своих потребностей по тем или иным сознательно поставленным внутренним мотивам. Значит, человек — не просто пассивная игрушка психических влечений или физических сил. Он может сам воздействовать на эти естественные мотивы, может противопоставить им целевой сознательный мотив такой силы, что он побеждает в борьбе мотивов. Вам хочется пойти кататься на лыжах или пойти на каток, но завтра — экзамен. Поэтому вы преодолеваете это стремление, ибо у вас есть более сильный мотив, но мотив особенного рода, а именно целевой, не инстинктивный, не естественный: у вас есть необходимость сдать экзамен. Таким образом, целевая мотивация может преодолеть влияние, давление естественных мотивов.

Человек может воздействовать на эту борьбу внешних мотивов. Это называется волей человека. Воля определяется не только борьбой внешних мотивов, т. е. естественными повседневными потребностями или страстями, а целевым, сознательным фактором. Вас, скажем, обидели или оскорбили, но вы не реагируете на это рукоприкладством, дракой, а действуете разумным, законным порядком. На критику вы также (хотя и не всегда) реагируете разумно. (...)

Перейдем теперь к категории свободы. Свобода, учит марксизм, есть познанная необходимость. Согласно старому, домарксистскому материализму, свобода — это фикция. Человек в этом мире (...) не может быть свободен, ибо он всегда за-

висит от обстоятельств, а поэтому свободы не существует, а есть лишь необходимость. Нам только кажется, что мы свободны. Мне кажется, я волен поднять сейчас правую или левую руку, но это свобода кажущаяся. Если я поднял правую руку, а не левую, то для этого была какая-то причина. Спиноза писал, что если бы камень, падающий с горы, мог мыслить, то считал бы, что он катится с горы по собственной воле. Если исходить из таких посылок, то получается, что нет никакой свободы, а человек — просто орудие окружающих его обстоятельств, лишенное выбора действий.

Что же было рационального в такой постановке вопроса? Правильным было то, что действительно свободы в смысле свободы от необходимости не существует. Нельзя представить себе свободу как действие против необходимости, как некий выход за ее пределы, как освобождение от необходимости, как сбрасывание ее оков. Как это надо понимать?

Свобода, рассматриваемая формально, означает возможность действия не по чужим, а по своим желаниям. Природа и общество нас ограничивают в этом, но ведь, познав определенные законы природы или общества, мы можем использовать данные законы для достижения собственных целей. (...) Свобода достигается не тогда, когда индивид идет против необходимости, а когда использует ее для достижения своей цели. И чем больше человек знает эти законы, тем лучше может их использовать, тем более он свободен. (...) Если индивид, желая лететь, прыгнет с крыши дома, не считаясь с законами природы, то он упадет и разобьется, т. е. окажется не свободным, а рабом закона тяготения. Индивид не смог осуществить своей цели, потому что противопоставил ее необходимости. Но ведь человек летает на самолетах, используя законы природы, в том числе и закон тяготения.

Возьмем другую сторону этого вопроса. По мере того как внешняя необходимость становится внутренним убеждением человека, эта необходимость превращается в свободу. Например, от вас требуют, чтобы вы каждое утро вставали и шли на занятия или на работу. Это, так сказать, внешняя необходимость. И поскольку вы поневоле ей подчиняетесь, постольку не свободны. Но если вы убедились в том, что дисциплина и порядок необходимы для общества и для вас самих, вы становитесь свободны. Вы идете на работу не по принуждению, а добровольно, вы свободны, поскольку делаете это по собственной воле, осуществляете не чужие, а свои цели. Если я подчиняюсь комсомольской дисциплине только потому, что боюсь, как бы меня не исключили из комсомола, — это одно. А если эта дисциплина, как говорят, вошла в мою плоть и кровь, то это — свобода. Я не чувствую этой необходимости. Необходимость, сделавшаяся моим внутренним фактором, моим убеждением, превращается в свободу.

Мы рассмотрели целый ряд релятивных категорий. У нас остались лишь два последних гнезда категорий, а именно закон и закономерность, а также категории, связанные с учением об истине. Каков переход от тех категорий, которые мы рассмотрели, к вопросу о законе? В законе выражается соотношение между категориями. В самом деле, категория формы и содержания, как мы видели, соединяются в суждение, имеющее характер закона: «содержание определяет форму». Соотношение категорий сущности и явления выражается в законе: «сущность выражается в ее проявлениях». Закон представляет собой соотношение категорий, их связь между собой. Всякий закон диалектического материализма представляет собой соотношение между категориями.

Так, классиками марксизма-ленинизма были названы три наиболее общих закона природы, общества и мышления и соответственно три основных закона диалектического материализма: закон взаимопроникновения противоположностей, закон перехода количества в качество и обратно и закон отрицания отрицания. Каждый из этих законов, взятый с точки зрения его логической формы, представляет собой соотношение категорий. Скажем, закон перехода количества в качество является сочетанием категорий количества и качества. Таким образом, категория закона, естественно, завершает ту группу категорий, которую мы рассмотрели, в том смысле, что каждый закон представляет собой соотношение или связь между категориями. Но закон сам по себе тоже является категорией диалектического материализма. (...)

Законы науки представляют собой наиболее глубокие ее истины. В связи с этим переходим к вопросу о последней категории, которую мы рассмотрим, — категории истины. Законы науки — это наиболее глубокие истины науки, однако истины мы достигаем не только путем открытия законов, но и через раскрытие категорий, отражающих различные явления действительности. Достижение истины есть конечная цель и результат научного познания, фиксируемого в категориях и законах науки. Именно поэтому категория истины представляет собой заключительную категорию в системе категорий диалектического материализма, на что указывал В. И. Ленин при оценке системы категорий у Гегеля. Комментируя «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин, как мы видели, перечисляет основные пункты системы категорий и заканчивает категорией истины как категорией заключительной, подводящей, так сказать, итог нашего познания.⁷

Что такое истина? Истина — это соответствие нашей мысли действительности. Иногда определяют истину как то, что пра-

См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 182—183.

вильно. Это тавтология. Научное определение истины дано классиками марксизма: истина есть мысль, соответствующая действительности. Наша мысль постольку истинна, поскольку соответствует действительности, и постольку не истинна, поскольку она этой действительности не соответствует. Таково материалистическое понимание истины.

Идеализм выдвигал различные другие понятие об истине. Например, она рассматривалась как результат экономии мышления, т. е. то, что легко мыслить, легко понять. Таково понимание истины с точки зрения «принципа» экономии мышления. Это неправильный ненаучный критерий истины. Ошибочно полагать, что все легкое, простое обязательно правильно, а сложное, трудное для понимания неправильно. Бывает так, что правильно именно то, что сложнее, что труднее мыслить, понимать.

В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», критикуя «принцип» экономии мышления, спрашивает: как проще мыслить атом: неделимым, т. е. последним кирпичиком мироздания, или бесконечно делимым? Конечно, первое проще. Но это неправильно. Что проще мыслить: буржуазную революцию руководимой буржуазией или проводимой против буржуазии? Конечно, проще понять первое: раз это буржуазная революция, то она проводится под руководством буржуазии. Однако революция 1905—1907 гг. в России произведена была народом под руководством пролетариата без буржуазии и против буржуазии. Она осуществляла революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства.⁸ Этими соображениями Ленин доказывает, что принцип экономии мышления является неправильным.

Идеализм выдвигал также другой принцип, согласно которому истина — это то, что признают все или большинство. Это так называемый принцип «социально организованного» (или «социально согласованного») опыта. В чем его смысл? Если все люди признают что-нибудь, то это истина, а если это признаю я один, — ложь. (...) Я могу спросить, в каком городе мы живем? В Ленинграде. Все согласны с этим, значит, это истина. Если же кто-нибудь сказал бы, что мы с вами живем в Париже, а остальные с этим не согласились, то данное утверждение было бы неправильным. Конечно, это утверждение оказалось бы ложным, но не потому, что с ним не согласно большинство, а потому, что оно не соответствует действительности.

Принцип «социально организованного» опыта не только неверен, но и реакционен по существу. В самом деле, представим себе такую картину. Галилей стоит перед судом инквизиции,

⁸ См.: Там же. Т. 18. С. 176.

утверждая, что Земля вертится. Против него Священное писание, против него мнение инквизиторов и всех людей вообще, он один против всех. И все-таки Галилей был прав, хотя и находился в явном меньшинстве. Всякая научная истина возникает сначала у одного человека (или нескольких людей) и только постепенно становится достоянием многих. (...) Если принцип «социально организованного» опыта осуществлять на практике, то получится, что надо отвергать все новое, потому что его признает пока меньшинство. (...)

Понятие истины конкретизируется в понятиях истины объективной, абсолютной и относительной. (...) Недостаточно понять, что такое истина, в чем ее отличие от заблуждения. Понятия истины объективной, абсолютной и относительной и являются развитием категории истины вообще. Это не означает, что последние понятия суть различные учения об истине, просто это определения разных сторон истины и различных моментов ее познания. Всякая подлинная истина есть истина объективная. Это значит, что в истине имеется такое содержание, которое не зависит ни от человека, ни от человечества. Если я говорю, что снег бел, то содержание этой мысли зависит не от меня, а от свойств данного явления природы. Причина белизны снега лежит вне меня. Ощущение белого цвета возникает при смешении цветов спектра. Кристаллы снега отражают различные цвета спектра, и оптическое (в глазу) смешение этих цветов дает ощущение белого цвета. Это означает, что истина, выраженная в суждении о белизне снега, не зависит от человека, а имеет объективный характер.

Теперь разберем, как мы идем от незнания к знанию, от истины приблизительной к истине полной и окончательной, т. е. от истины относительной к истине абсолютной. В общих курсах диалектического материализма этот вопрос рассматривается довольно подробно, поэтому ограничимся здесь лишь некоторыми замечаниями касательно природы и соотношения этих категорий. Что такое относительная истина? Это истина приблизительная, неполная или не вполне точная, нуждающаяся в дополнительном раскрытии. А что такое абсолютная истина? Это истина полная и вполне точная, следовательно, не нуждающаяся в дальнейшем раскрытии. Таким образом, достижение истин относительных есть средство, путь к познанию истин абсолютных как высшего этапа развития научных истин. В этом состоит соотношение и субординация данных категорий.

Наше понимание, будучи в целом не окончательным, т. е. относительным, на каждом отдельном историческом этапе дает нам некоторые полные, окончательные истины, т. е. (...) зерна абсолютного знания. Но, с другой стороны, познание по самой своей природе абсолютно как процесс, который не имеет

каких-либо ограничений: в принципе все доступно познанию, нет ничего непознаваемого. Значит, наше познание представляет собой единство абсолютной и относительной истины. Оно имеет в себе элементы относительной и абсолютной истины и, кроме того, элементы не истины, а заблуждения, которые отбрасываются в дальнейшем развитии знания.

Возьмем хотя бы один пример. Когда-то считали, что Земля неподвижна, а Солнце движется вокруг Земли. Затем полагали, что Солнце неподвижно, а Земля движется вокруг Солнца. Наконец, теперь перешли к следующему выводу: Солнце движется внутри нашей Галактики в определенном направлении, а Земля движется вокруг Солнца, сопровождая его в его внутригалактическом движении. Окончательного представления по этому вопросу человечество, конечно, еще не достигло. Было бы глубоко ошибочно думать, что мы в этом вопросе познали все. Так, изучение внутригалактических движений звезд только началось.

А было ли что-нибудь абсолютно правильное в старых представлениях? Было. В первом случае истина заключалась в том, что Солнце движется, но не соответствовало действительности все остальное. Во втором случае верным оказалось представление, что Земля движется вокруг Солнца, но ошибочным являлось утверждение о неподвижности Солнца. Таким образом, в старых представлениях не все было неправильно; были и верные идеи, которые остались в дальнейшем познании в качестве абсолютных истин. Эти истины не устаревают. Никакие будущие поколения не смогут доказать, что Земля стоит на месте и не движется вокруг Солнца. Все это — зерна абсолютной истины, которые накапливаются в нашем познании.

У нас бытует мнение, что все относительно и ничего абсолютного нет. Это неверно. При этом ссылаются на Энгельса, который подчеркивал относительность наших знаний. Однако в данном случае следует учитывать, что Энгельсу приходилось выступать преимущественно против догматизма (например, Дюринга), т. е. против того мнения, что всякая истина есть истина абсолютная. Вместе с тем Энгельс писал, что познание мира есть познание вечного, а потому оно по своей природе абсолютно.⁹ Ленин, обращаясь к данному вопросу, выступал против махизма, релятивизма, против той идеи, что все относительно. В этой связи Ленин делал акцент на абсолютном характере нашего знания. (...) Кто не признает абсолютной истины, тот не материалист. Если все объявить относительным, то это означало бы, что мы не при-

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 88.

знаем в науке ничего объективного, всегда и навеки правильного.¹⁰

Таким образом, учение об объективной, абсолютной и относительной истине дальше развивает познание, дает нам возможность правильно оценивать этот процесс, (...) смотреть на него с точки зрения объективной диалектики развития.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 134.

IV. СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА*

Введение. Категории и их место в науке исторического материализма

Категории суть вид понятий, т. е. терминов, выражающих предметы, их свойства и отношения, связи между предметами и их свойствами. Далеко не всякое понятие является категорией. Понятие может обозначать отдельный предмет, например: дерево, реку и т. п., или отдельное свойство вещей, например: белизну, твердость, мужество и т. п., или натуральное отношение между вещами, например: выше, ниже, раньше, позже и т. п. Категории же выражают всеобщие явления, например: природа, материя и т. п., или всеобщие свойства (атрибуты), например: пространство, время, движение, или всеобщие отношения, т. е. всеобщие закономерности, например: причинность, необходимость, форма, содержание и т. п. Из этого видно, что категории суть по преимуществу философские понятия. Однако категориями обычно называются и наиболее общие понятия специальных наук, например: «наследственность», «стоимость» и т. п.

Итак, категориями называются такие понятия, в которых отражаются явления и отношения широкой общности. Общие понятия исторического материализма также являются категориями. Какое место занимают категории в ткани философской науки, какой является исторический материализм? Эти вопросы требуют анализа природы и соотношения основных элементов и форм данной науки.

Под элементами философской науки мы подразумеваем совокупность терминов, понятий, категорий этой науки. Под формами философии понимается совокупность связей между понятиями (категориями), т. е. научные определения,

* Из кн.: Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958.

законы и теории, присущие данной науке. Понятия, категории также являются, конечно, логическими формами, но такими, которые могут рассматриваться как элементы этого знания, т. е. как «кирпичи», из которых строится здание философской науки. Философские определения, законы, теории и т. д. представляют собой в логическом отношении уже сочетания, связи категорий, т. е. более сложные части философского знания.

Рассмотрим соотношение категорий и этих более сложных форм. Каково соотношение категорий истмата и присущих ему научных определений? Возьмем такое определение: «общественное сознание есть отражение общественного бытия». Это определение раскрывает содержание категорий общественного сознания путем выяснения его соотношения с категориями общественного бытия. Или: «способ производства есть единство производительных сил и производственных отношений». Данное определение раскрывает содержание категории способа производства путем установления его соотношения с категориями производительных сил и производственных отношений. Таким образом, научное определение носит служебную функцию в отношении категорий (разъясняет их) и не выходит за границы этой функции. Сказанное отнюдь не умаляет значение научных определений. Раскрытие содержания сущности и границ всеобщих понятий (категорий) дает нам огромное новое знание и является (...) одной из важнейших функций науки вообще.

Каково далее соотношение категорий и законов в историческом материализме? Категории истмата отражают в своем содержании явления или закономерности общественной жизни, законы же раскрывают отношения между категориями. Возьмем, например, категории общественного базиса и надстройки. Суждения, выражающие отношения между базисом и надстройкой, например: «направление развития надстройки определяется направлением развития базиса» или «надстройка имеет относительную самостоятельность в рамках общей зависимости от базиса», имеют значение законов общественной жизни. (...)

Каково, наконец, соотношение между категориями и теориями исторического материализма? Теории истмата (как и научные теории вообще) представляют собою целые части, «куски» науки, объединяющие совокупность научных положений, в том числе и законов. Таковы, например, в историческом материализме теория пролетарской революции, теория диктатуры пролетариата и др. В самом общем смысле термин «теория» употребляется в смысле науки вообще — в отличие от практики («теория и практика») и в смысле обобщающей, «обозревающей» науки — в отличие от ее практических применений («теория исторического материализма»).

Научные теории, в том числе и теории исторического материализма, включают в себя уже не две или три категории, как это обычно имеет место в определениях и законах, а большую совокупность категорий, устанавливая между ними многообразные отношения. Это обстоятельство связано с тем, что определение и закон выражают какую-нибудь одну, отдельную конкретную связь, а теория отражает целый «клубок», или «сеть», явлений общественной жизни.

Указанные элементы и формы присущи каждой науке. Специфично лишь их содержание, отличное в каждой науке. Так, категория производительных сил или категория экономики, или категория общественного бытия, или базиса, присущи лишь историческому материализму. Хотя эти категории, конечно, употребляются и в других общественных науках в силу их взаимной связи, но там, в других общественных науках, они не исследуются.

Таково вкратце место категорий истмата среди других логических форм (положений или суждений) исторического материализма. Но категории связаны не только с остальными, более сложными логическими формами своей науки. Они находятся в определенной связи, во-первых, с категориями близких к ним наук, в данном случае с категориями диалектического материализма, с одной стороны, и с категориями специальных общественных наук — с другой. Далее категории определенным образом связаны между собой, отражая реальную связь тех явлений или отношений, мыслительным аналогом которых они являются. При этом взаимоотношения категорий истмата крайне многообразны. Имеются тесные связи между ближайшими по содержанию и смыслу категориями, примером чего являются в особенности соотношения так называемых полярных, парных категорий: общественного бытия и общественного сознания, материальных и идеологических отношений, базиса и надстройки. Эти связи характеризуются отношением противоположности.

Имеются и иные связи, характеризуемые как отношения подчинения и соподчинения, примером чего являются соотношения категорий производительных сил, производственных отношений и способа производства: первые две категории соподчинены, субординированы категории способа производства, выражающей единство производительных сил и производственных отношений. Далее между категориями имеются отношения различия, совпадения в каком-либо отношении и частичного совпадения, примером чего являются отношения категорий общественного бытия и базиса и т. д. Таким образом, категории истмата образуют цельные, относительно независимые группы, сочетаясь в отдельные «гнезда» и в целые структурные системы. (...)

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Проблема соотношения категорий исторического материализма определяется прежде всего соотношением диалектического материализма и исторического материализма как наук. Известно, что исторический материализм есть составная часть марксистско-ленинской философии, что он представляет собой распространение положений диалектического материализма на понимание общества, на понимание его истории, что он является материалистическим пониманием истории. Известно, что если до Маркса и Энгельса уже существовал философский материализм, то в понимании общественных явлений до марксизма не было материализма, что домарксистские философы-материалисты были материалистами лишь в понимании природы, в общефилософских вопросах, а в понимании общества оставались в основном на позициях идеализма. Ведь домарковский материализм был, по выражению основоположников марксизма, материализмом лишь «внизу», т. е. в понимании природы вообще, и создание науки исторического материализма было доведением материализма «до верху», до понимания общественной жизни. Этот научный подвиг, совершенный основоположниками марксизма, был вызван не только теоретическими, но и практическими потребностями, а именно необходимостью дать пролетариату идейное оружие для ниспровержения капиталистического общества и создания социалистического, коммунистического общества.

Ввиду того обстоятельства, что общественная жизнь всеми мыслителями до марксизма понималась в основном идеалистически, исторический материализм явился совершенно новой наукой, в своих принципиальных основах коренным образом отличавшейся от всей домарксистской социологии. Однако это, конечно, не значит, что исторический материализм ничего не использовал из старых домарксистских наук об обществе. Многие категории старой социологии и исторической науки, такие, например, как экономика, общественные классы, политика, духовная жизнь общества и т. д., вошли в исторический материализм, хотя во многих случаях и с новым пониманием своего содержания и в особенности с новым пониманием их соотношений. С другой стороны, некоторые категории исторического материализма, такие, например, как базис и надстройка, были введены в общественную науку лишь марксизмом.

Исторический материализм отличается тесной и органической связью с диалектическим материализмом, гораздо более тесной и неразрывной, чем связь между домарксистской со-

циологией и домарксистскими философскими системами, что и подчеркивается вышеуказанным определением исторического материализма как распространением диамата на область общественных явлений. Эта связь взаимная: положения диалектического материализма не только преломляются и конкретизируются в историческом материализме, но, с другой стороны, входят в обоснование ряда положений диалектического материализма. Так, например, Л. Фейербах, раскрывая свое материалистическое понимание отношений между объектом и субъектом, аргументировал это понимание лишь антропологически, натуралистически (для себя я субъект, а для тебя — объект, без объекта — природы и других людей — не может быть и субъекта и т. д.), но не исторически. Диалектический же материализм для обоснования положения о первичности объекта в отношении субъекта привлекает вопрос о соотношении общественного бытия и общественного сознания в истории общественного развития: общественное бытие определяет общественное сознание.

Таким образом, в отличие от фейербаховской внеисторической аргументации единства субъекта и объекта, диалектический материализм обосновывает понимание отношений между субъектом и объектом положением исторического материализма об изменении общественного сознания в зависимости от исторического изменения общественного бытия.

Как видим, философский характер исторического материализма несомненен. В нашей философской литературе справедливо критиковались попытки объявить истмат не философской, а специальной наукой, 'наподобие физики, языкознания или исторической науки. Эти попытки, несомненно, ведут к отрыву истмата от диамата, к принижению значения и теоретической силы как первого, так и второго. Диамат и истмат сильны прежде всего своей неразрывной связью, своей монолитностью. (...)

Истмат есть часть марксистской философии, однако это только одна сторона вопроса. Другая сторона состоит в том, что истмат нельзя полностью отождествить с диаматом. Диамат — это наука о наиболее общих законах природы, общества и человеческого мышления, т. е. наука о таких законах, которые действуют во всех этих трех областях. Истмат же представляет собой науку о законах общественного развития, т. е. о таких законах, которые действуют лишь в общественной форме движения материи. Таким образом, истмат отличается от диамата прежде всего объемом действия своих законов.

Некоторые из этих законов истмата суть общие с диаматом, например закон соотношения бытия и сознания. В. И. Ленин указывал, что нельзя не видеть прямой и неразрывной связи между положением диалектического материализма о том, что бытие определяет сознание, и положением

исторического материализма, согласно которому общественное бытие определяет общественное сознание; другие же вполне специфичны для истмата, например закон соотношения народных масс и личности в истории. Однако и первая группа законов по существу тоже специфична для истмата в том смысле, что эти законы действуют в области общественных явлений специфическим образом и, (...) наконец, как уже говорилось, истмат имеет свою собственную систему категорий.

Все категории исторического материализма — не только такие, как, например, экономика, политика, государство и т. п., но и категории, близкие к диалектическому материализму, как общественное бытие и общественное сознание, материальные отношения и т. д. — суть собственные категории исторического материализма, имеющие здесь свое особенное содержание и смысл. Это тем более относится к законам исторического материализма. Так, например, закон об определяющей роли экономики в отношении остальных сфер общественной жизни или закон соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил формулируется именно историческим материализмом. (...) Итак, истмат есть особая наука в системе марксистских философских наук, есть марксистская социология.

История общественных наук показывает необходимость социологии, т. е. науки о законах исторического процесса, в отличие от исторической науки, изучающей конкретные пути исторического развития. Социология как наука возникла задолго до исторического материализма. В. И. Ленин вскрыл основные недостатки и пороки домарксистской социологии. Все это потребовало создания новой науки о закономерностях истории человечества. Термин «социология» в применении к историческому материализму не употреблялся в течение многих лет, за исключением отдельных случаев. Однако термин «социологический» в смысле «общей исторический» употреблялся. В настоящее время термин «марксистская социология» в применении к историческому материализму не встречает протеста как термин, наиболее адекватно обозначающий науку о действительно общих законах истории. Этот термин полезен также и для преодоления неправильного, но довольно долгое время существовавшего мнения, что якобы марксизм не признает общих закономерностей истории, а признает лишь законы отдельных социально-экономических формаций. Кроме того, термин «марксистская социология» необходим и для преодоления неправильных взглядов на исторический материализм как лишь на метод общественных наук, взглядов, фактически отрицающих за историческим материализмом достоинство самостоятельной науки, исследующей объективные законы исторического процесса. Что исторический материализм является марксистским методом изучения общественных явле-

ний, это бесспорно. Но метод, поскольку он претендует на объективное значение, должен основываться на объективных исторических фактах и законах. Поэтому истмат есть прежде всего онтология общественной жизни, т. е. познание этой жизни, как она есть сама по себе, независимо от нас, и только на этой основе он выполняет методологическую функцию.

Понимая истмат как науку о законах истории, надо иметь в виду, что каждая общественно-экономическая формация наряду с действующими в ней общеисторическими (социологическими) законами имеет и свои собственные, присущие только ей, законы и закономерности, определяющие возникновение, развитие и упадок этой формации. То обстоятельство, что домарксистская социология не признавала или не знала существования отдельных социально-экономических формаций и присущих им специфических законов, как раз и было причиной дискриминации термина «социология» применительно к историческому материализму.

В связи с этим возникает вопрос о соотношении исторического материализма и исторической науки. Данное соотношение, если взять его в самой общей форме, состоит в том, что исторический материализм и формулирует законы и закономерности исторического процесса в их, так сказать, «чистом» виде, т. е. в их логической отвлеченности, а историческая наука изучает конкретные модификации этих законов и закономерностей, их проявления в ходе реального исторического процесса. В самом деле, возьмем, например, вопрос о классическом рабовладельческом обществе. Рассматривая вопрос о том, какова основная причина разложения первобытнообщинного строя и возникновения рабовладельческого общества, истмат освещает этот вопрос как пример действия общеисторического (социологического) закона соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил. Истмат отнюдь не рассматривает особенности реального развития рабовладельческих стран (Древней Греции, Рима, стран Востока и т. д.), последнее — дело исторической науки.

Возьмем еще пример. Исторический материализм изучает и формулирует общий закон, присущий не одной какой-либо формации, а нескольким формациям, — закон классовой борьбы, соотношение и взаимозависимость различных ее форм (экономической, политической и идеологической) с учетом того, какие особенности принимало действие этого общего закона в отдельные эпохи развития человечества. Историческая же наука изучает те особенности социально-классовых взаимоотношений, какие имели и имеют место в отдельных формациях и в отдельных странах. (...)

Ошибочно полагать, что историческая наука лишь описывает факты. Она раскрывает их закономерную связь. История есть наука не фактологическая, не описывающая только, но

и раскрывающая действия закона. Но исторический материализм интересуется закон как таковой, а историческую науку — это конкретное действие. Исторический материализм, пользуясь достижениями исторической науки, выводит свои законы широкой общности и значения, доводя их до степени общих законов исторического процесса.

Все сказанное необходимо было для того, чтобы выяснить характер категорий исторического материализма. Мы видели, что исторический материализм занимает как бы «среднее место» между диалектическим материализмом и исторической наукой, категории исторического материализма поэтому также занимают это среднее место. Они не столь всеобщие, как категории диалектического материализма, но и не столь частные, как категории исторической науки. (...)

Целый ряд понятий исторической науки, а именно те понятия, которые имеют частный характер в смысле временном, пространственном (территориальном), личном и т. д., не входят в исторический материализм как предмет исследования, употребляются в его теоретической ткани лишь в иллюстративном плане. Что же касается категорий диалектического материализма, то все они употребляются в историческом материализме. В этом нет ничего неожиданного: философские категории употребляются все или частью в любой специальной науке, однако в историческом материализме они исследуются лишь в той более конкретной форме, в какой эти общие определения бытия выступают в общественной жизни.

При этом некоторые категории исторического материализма даже терминологически, словесно близки к категориям диалектического материализма. Это относится в особенности к категориям общественного бытия и общественного сознания, к категории материальных общественных отношений, а также к категории базиса. (...) Назовем эту группу категорий философскими категориями истмата. Они немногочисленны.

Другая группа категорий истмата, составляющая большинство истматовских категорий, вполне специфична для последнего, не имеет непосредственного философского содержания и в диамате употребляется лишь в иллюстративном плане, например: экономика, политика, идеология, производственные отношения, классовая борьба, демократия, диктатура и т. д. Назовем эту группу категорий социологическими категориями истмата.

Каково соотношение между категориями диамата и категориями истмата первой группы, т. е. группы философских категорий диалектического материализма, а именно: «бытие», «материя», «сознание», «основа», «обоснованное» и т. д. суть определения наиболее общего характера, выражающие явления, свойства и отношения природы, общества и мышления. В силу своей предельной общности, т. е. всеобщности, они,

обладая огромным познавательным значением, в то же время не могут отображать специфические особенности этих явлений, свойств и отношений в отдельных формах движения материи, в том числе и общественных явлений и отношений. Иными словами, категории диамата недостаточно конкретны для адекватного отображения общественной жизни, нуждаются в своей конкретизации в применении к последней. Они и конкретизируются поэтому в соответственных категориях исторического материализма: общественного бытия, общественного сознания, материальных общественных отношений, базиса и надстройки. (...) В указанных категориях истмата наряду со смыслом соответственных категорий диамата имеются поэтому еще и дополнительные признаки, более конкретный смысл, выражающий специфику определенных явлений и отношений общественной жизни.

Каково далее соотношение между категориями диамата и категориями истмата второй группы, названными нами социологическими категориями истмата? Категории истмата этой группы, как уже говорилось, не имеют непосредственного философского смысла и ничем не отличаются по своей природе от категорий любой специальной науки, таких, как, скажем, наследственность, стоимость и т. д. Их соотношение с категориями диамата такое же, как и соотношение категорий любой специальной науки, а именно: категории диамата дают методологическую, диалектико-материалистическую основу для выяснения природы и соотношения этих категорий.

Так, например, исторический материализм определяет политику как концентрированное выражение экономики, ее обобщение и завершение. Это положение является выражением диалектико-материалистического подхода к соотношению экономики и политики. Оно означает, что политика и экономика тесно связаны между собой на основе определяющего действия экономики на политику, что политические акты являются сознательным и обобщенным выражением тех тенденций, которые в массовом порядке проявляются в экономике, что политические мероприятия имеют своей целью прежде всего развитие тех тенденций, которые проявились в экономике, либо их пресечение.

Возьмем еще пример. Исторический материализм рассматривает буржуазную демократию как форму диктатуры буржуазии, а диктатуру пролетариата — как выражение подлинной, действительной демократии. В этих положениях ясно выражен материалистический и диалектический подход к соотношению данных категорий.

Или же, например, соотношение народных масс и личности в истории. Это соотношение является выражением диалектического взаимодействия общего и отдельного, классически сформулированного В. И. Лениным в фрагменте «К вопросу

о диалектике». Короче говоря, данная группа категорий связана с диалектическим материализмом не смыслом и содержанием отдельных категорий, как первая группа, а применяемым к соотношению этих категорий марксистским диалектическим методом как методом общенаучным.

Таким образом, самый общий анализ категорий истмата подтверждает еще раз положение о том, что исторический материализм является одновременно и философской наукой, и марксистской социологией. При этом граница этих двух сторон исторического материализма проходит по линии различия философских и социологических категорий истмата. Если бы истмат содержал в себе только социологические категории, как это имело место в домарксистской и имеет место в современной буржуазной социологии, то истмат был бы просто социологией, специальной наукой об обществе. Но это, как мы видим, не так. Марксизм поднял науку об обществе не только тем, что раскрыл диалектико-материалистическое понимание отношений между старыми, социологическими категориями, но и тем, что ввел ряд новых, философских категорий, непосредственно связанных с диалектикой и выступающих его продолжением в области общественных явлений. Мы сознательно употребили слово «продолжение» в отличие от термина «применение». В области социологических категорий диалектика применяется, как во всякой специальной науке, а в области философских категорий истмата диалектика продолжает-ся, доводится до верху.

Соотношение категорий диалектического материализма, с одной стороны, и исторического материализма — с другой, определяется также их различной научной природой, выражающейся в различии тех теоретических функций, которые выполняют эти две указанные науки. Диалектический материализм есть теоретическая основа истмата и других марксистских философских наук: этики и эстетики. Диалектика — это, так сказать, сердцевина всей этой группы марксистских философских дисциплин, их теоретическое средоточие. Диалектический материализм, являясь наукой о наиболее общих законах всей действительности и мышления, есть теоретическая основа всех наук и всей практики. Поэтому теоретические функции или задачи, выполняемые диалектическим материализмом, обладают наибольшей многогранностью сравнительно со всеми остальными науками, в том числе и с историческим материализмом.

Диалектический материализм обладает четырьмя основными теоретическими функциями: онтологической, гносеологической, логической и методологической. Что подразумевается под онтологической стороной или функцией науки? Каждая наука изучает явления окружающей людей действительности так, как они суть сами по себе, независимо от нас, от субъек-

екта. (...) Так же и марксист, исследующий явления общества, подходит к ним прежде всего как к естественноисторическому процессу, т. е. как к тому, что происходит в обществе помимо воли и сознания людей.

Даже исследование явлений сознания и мышления в психологических и логических науках требует такого онтологического подхода, т. е. исследования явлений сознания и мышления, как специфических явлений природы. Онтологический подход и соответственно онтологическая функция, т. е. объяснение явлений как таковых, отвлекаясь от их отношений к сознанию человека, есть основная и определяющая функция науки. Наука, лишенная задачи раскрывать и объяснять явления окружающего нас мира, перестает быть наукой. Эту задачу — объяснить мир в целом — выполняет философия. Именно в силу этой функции она и является мировоззрением. Называя марксистскую философию наукой о наиболее общих законах природы, общества и мышления, мы и формулируем прежде всего ее онтологическую задачу и соответственно онтологическую функцию: открытия и объяснения всеобщих законов действительности.

Своей онтологической функцией философия не отличается качественно от специальных наук. Она отличается от них в этом отношении, однако, широтой своего предмета, т. е. тем, что объясняет мир в целом и его всеобщие законы, а не части (области) этого мира и не частные законы, управляющие явлениями лишь этой области. Онтологическая сторона науки и философии объективна не только по содержанию, но и по форме: она отвлекается от субъекта. Объективно реальное бытие, материя первично в отношении субъекта, а следовательно, и в отношении гносеологии и логики, так как законы познания и мышления определяются объективными свойствами и законами природы. Поэтому онтологическая функция является в философии начальной и определяющей все остальные ее задачи и функции. Отрицание этой функции философии вообще и марксистской философии в частности современными идеалистами и позитивистами не случайно: они имеют целью лишить философию ее объективного научного значения, превратить в наукообразную субъективную конструкцию. (...)

Значение диалектического материализма не исчерпывается объяснением мира, марксистская философия одновременно является и теорией познания, гносеологией. Гносеологическая функция — это специфическая функция философии: специальная наука не является гносеологией. Основной вопрос философии, вопрос об отношении мышления к бытию, есть вопрос не только онтологический, но и гносеологический, точнее — он является основой теории познания. Действительно, материализм и идеализм представляют собою различные и противоположные основы теории познания.

Материалистический принцип первичности материи в отношении мышления, теория отражения бытия сознанием определяют решение всех вопросов марксистской теории познания. Другая сторона этого основного вопроса, т. е. вопроса о познаваемости мира, есть также сугубо гносеологический вопрос. Таким образом, основа гносеологии лежит в области философского материализма. (...)

Гносеология имеет, в свою очередь, две части: первая определяет, в чем состоит природа сознания и мышления (теория отражения бытия сознанием), а вторая — как происходит процесс познания. Таким образом, в гносеологии в широком смысле слова, охватывающей весь диалектический материализм, следует различать одну часть, один раздел, который является теорией познания в более узком смысле слова, а именно учение о процессе познания (о ступенях познаниях и их соотношении, об истине, о роли практики и т. д.).

Диалектический материализм является также весь, целиком и онтологией, за исключением этого последнего раздела — учения о процессе познания, так как онтологическое значение имеет не только философский материализм, но и диалектика — ее принципы, законы и категории. У всех у них есть одновременно и онтологическое и гносеологическое значение: все они суть одновременно и объективные явления, объективные законы и закономерности и их аналоги — законы философской науки.

Таким образом, онтология и гносеология в диалектическом материализме суть не отдельные его части, а лишь различные аспекты, различные грани одного и того же содержания, отдельные функции, выполняемые этим содержанием, этими идеями. Но диалектический материализм не только раскрывает законы природы и познания, но и учит мыслить по-марксистски. В этом состоит его логическое значение, логическая функция. Отделить задачи логики от онтологии легко, труднее отделить логику от гносеологии. Однако и здесь различие этих задач достаточно ясно. Надо различать познание и мышление. Гносеология есть учение о познании, а логика — учение о мышлении. Познание — это результат деятельности мышления. Мышление же есть орудие, инструмент познания. (...) Мышление имеет свои законы, соблюдение которых обуславливает правильность получаемых результатов. Оно обладает также своими формами, в рамках которых проходит процесс мышления. Формы и законы мышления также надо различать. Их различие подобно различию техники и технологии в производстве. Образы чувственного восприятия приобретают логические формы понятий, суждений и выводов, подобно тому, как в процессе производства предметы природы под воздействием инструментов и станков видоизменяют свои формы, превращаясь в готовую продукцию. (...)

Процесс познания и соответственно теория познания также имеют свои законы и формы, но уже другие. Закономерности процесса познания по объему своего действия значительно шире закономерностей мышления (логики), так как процесс познания начинается с ощущения, восприятия и прочих форм и ступеней чувственного познания, тогда как логика имеет дело с «готовым материалом», полученным на ступени чувственного познания. Она изучает лишь вторую ступень познания, процесс рациональной обработки материала чувственности. Учение теории познания о ступенях познания, о так называемом материальном критерии истины, о роли практики и т. д. выходит за границу логики.

Различие теории познания и логики состоит и в том, что логика имеет нормативный характер: она дает нормы, правила мышления, учит правильно мыслить. Такие требования диалектической логики, как требования конкретности, возможной всесторонности, историчности (учета места, времени и обстоятельств), взаимопереходов и взаимопроникновения мыслей и т. д., вытекающие из проявления законов диалектики в процессе мышления, несомненно имеют нормативный характер. В отличие от норм формальной логики, имеющих общечеловеческий характер и значение, нормы диалектической логики суть нормы марксистского мышления, т. е. более высокие требования к мышлению.

Диалектическая логика, так же как и формальная, включает в себе две основные проблемы и соответственно две основные части: учение о законах мышления и о вытекающих из этих законов правилах (и приемах) мышления и учение о формах мышления. Так, например, из закона единства, взаимопроникновения и борьбы противоположностей, являющегося одновременно и объективным законом действительности, и принципом познания, и законом марксистского мышления, вытекает правило, или прием, при характеристике и оценке того или иного явления в процессе его развития учитывать его противоположную сторону: в положительном — отрицательное, в правильном — неправильное, в желательном — недостатки, в случайном — необходимое, в успехе — возможность поражения, в уроках поражения — залог будущего успеха и т. д. (...)

Вторую сторону диалектической логики, как уже отмечалось, составляет изучение смысловой природы и соотношения форм мышления: понятий, суждений и выводов, присущих марксистскому мышлению, как высшему мышлению, имеющему дело с процессом развития. Эта работа имеет огромное значение. Еще Р. Декарт сказал: «Определяйте значение слов, и вы избавите мир от половины его заблуждений». Формы мышления в формальной и диалектической логике одни, но в диалектической логике они более сложны и идут дальше.

Категории суть, разумеется, понятия, и соответственно к ним применимы все их формально-логические характеристики, но это не просто всякие понятия, а такие, за которыми стоят закономерности, всеобщие отношения действительности. Кроме того, учение о категориях — не формально, а содержательно.

Формальная логика трактует лишь понятие вообще — его виды, признаки и т. д., не касаясь конкретного содержания каждого отдельного понятия. Последнее и невозможно, так как понятий огромное множество. А диалектическая логика не останавливается на определениях, присущих всем категориям, а должна спуститься до изучения каждой категории в отдельности и до изучения каждой отдельной связи между категориями. Это возможно, так как категорий немного. Диалектическое учение о категориях не может поэтому уложиться в рамках формально-логического учения о понятии.

В. И. Ленин неоднократно обращал внимание на величайшее значение правильного марксистского мышления в решении политических и иных вопросов практической жизни, а также и в области специальных наук. В «Материализме и эмпириокритицизме» он показал, что неумение ряда естествоиспытателей мыслить марксистски, диалектически было одной из причин кризиса физики второй половины XIX и начала XX в. (...)

Перейдем к методологической функции диалектического материализма. Понятие методологии связано с понятием метода, однако едва ли правильно думать, что методологической функцией обладает лишь диалектика, что только она одна нужна деятелям практики, науки и искусства в их работе. Последним в такой же мере нужен и материализм. Соблюдать нормы, правила диалектического мышления — это одна из сторон методологической функции марксистской философии, но отнюдь не вся функция. Данную функцию выполняет весь диалектический материализм, и она вытекает из всех вышеизложенных функций последнего.

В самом деле. Мировоззренческая, онтологическая функция имеет определяющее значение и для методологического руководства практикой, наукой и искусством со стороны марксистской философии. Без марксистского мировоззрения, без материалистического взгляда на природу, общество и законы их развития невозможно сознательное применение этими работниками ни марксистской теории познания, ни диалектической логики. Таким образом, методологическая функция включает в себя ряд сторон, соответственно трем предыдущим функциям, а именно: воспитание марксистского мировоззрения; внедрение в практику общественной работы и руководства, а также в практику научной и художественной деятельности марксистского диалектического метода; воспи-

тание умения применять в практической и теоретической деятельности нормы и приемы диалектической логики, умения мыслить по-марксистски.

Таковы основные теоретические задачи, или функции, диалектического материализма. Следует еще раз подчеркнуть, что все эти функции следует понимать как различные грани одного и того же философского содержания. Образно выражаясь, диалектический материализм поворачивается то одной, то другой гранью, в зависимости от того, какая задача решается, чему именно философия помогает.

Не только диалектический материализм в целом, но и многие отдельные его положения выполняют всю совокупность этих функций. Таковы, например, все законы и категории диалектического материализма. Так, категории «форма» и «содержание», как взятые по отдельности, так и связанные в закон «содержание определяет форму», выражают объективные связи, отношения (онтологическое значение), выступающие в процессе познания всех явлений (гносеологическое значение), есть формы мышления (логическое значение) и поэтому требуют учета их природы и соотношений в процессе практики и познания (методологическое значение).

Другие положения диалектического материализма обладают преимущественно тремя функциями: онтологической, гносеологической и методологической. Так, например, вопрос об отношении бытия и сознания является предпосылкой материалистической логики, но не непосредственно логическим. Наконец, некоторые проблемы диалектического материализма лишены непосредственного онтологического смысла. Таково учение о процессе познания. Это и понятно, так как этот отдел трактует не мир как таковой, а его отражения в уме человека. Приписывание онтологического смысла таким понятиям, как, например, понятие истины, т. е. представление, что истина есть не соответствие мысли действительности, а сама эта действительность, — извращение марксистского материализма, гипотазирование идей (представление об идеях как о внешних существах).

Таким образом, философский материализм и диалектика имеют одинаковое значение и достоинство в качестве онтологии, гносеологии и методологии. Но если философский материализм есть лишь теоретическая основа логики, то марксистская диалектика является логикой по своему существу.

Таковы основные функции диалектического материализма и таково соотношение и место этих функций в диамате. Какие же функции имеет исторический материализм как наука? Конечно, не все из указанных. Как было сказано, специальные науки в общем имеют лишь одну функцию — онтологическую. Правда, теоретические, обобщающие науки в той или иной отрасли знания выполняют и методологическую функцию по

отношению к более частным и специальным дисциплинам своей области. Такие науки, как теоретическая физика, несомненно дают направление исследованию отдельным областям физической науки; дарвинизм дает направление исследованиям в частных областях биологической науки. Итак, если все науки имеют лишь онтологическую функцию, то теоретические, обобщающие, «обозревающие» науки (греческое «теорео» — значит «обозреваю») выполняют и методологическую функцию в отношении субординированных их наук (но, разумеется, в отличие от диалектического материализма, не всех наук). В действительности, конечно, дело обстоит значительно сложнее, так как взаимное методологическое влияние теоретических наук идет дальше: от теоретических наук одной области знания на науки другой области знания, от математики на многие области естественных и общественных наук, от специальных наук на философию и т. д.

Исторический материализм, так же как и обобщающие науки специальных областей знания, обладает функциями онтологической и методологической. Отличие исторического материализма и его категорий от других теоретических наук состоит, однако, в том, что его онтологическое и методологическое значение распространяется на всю область общественных наук, тогда как в области естествознания к настоящему времени такой обобщающей науки о всей природе еще не существует. Однако исторический материализм обладает и гносеологической функцией, ибо он исследует отношение исторического объекта к историческому субъекту, т. е. является гносеологией в широком смысле слова. Но он не содержит в себе гносеологии в узком смысле слова, т. е. учения о процессе познания и его категорий. Так обстоит дело с соотношением категорий диалектического и исторического материализма, если взять этот вопрос в самой общей форме. Но далее идет основная группа вопросов, касающаяся соотношения категорий истмата между собой.

Глава 2

СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕИСТОРИЧЕСКИХ И СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ И КАТЕГОРИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Одним из коренных отличий исторического материализма от домарксистской и современной немарксистской социологии является понимание истории общества как циклического процесса, как прогрессивной смены общественно-экономических формаций. Немарксистской социологии чуждо последнее понятие. Она рассматривает в большинстве случаев историю человечества как сплошной, не различенный в себе процесс.

Правда, идею развития истории по кругам, по циклам выдвигали еще Ж.-Ж. Руссо, Гегель, Сен-Симон и другие до-марксистские мыслители; идея цикличности исторического процесса имеет место и у некоторых современных буржуазных социологов (Тойнби и др.). Однако эти идеи не нашли своего научного выражения в понятии общественно-экономической формации, внесенном в общественную науку лишь марксизмом.

Общественно-экономические формации представляют собой определенные ступени, этапы исторического развития, обусловленные определенным уровнем развития производительных сил общества и имеющие своей основой соответствующую этому уровню определенную совокупность производственных отношений. Каждая общественно-экономическая формация представляет собой особый конкретно-исторический общественный организм, имеющий свои собственные законы возникновения, развития и гибели. Необходимо попутно подчеркнуть, что неправильно сводить понятие общественно-экономической формации лишь к экономике, к производственным отношениям. Производственные отношения составляют только основу общественно-экономической формации. Последняя есть именно живой общественный организм, обладающий не только скелетом, но и плотью и кровью. Он имеет социальную жизнь, наполнен борьбой классов, политическими битвами, духовной жизнью, бытовым укладом жизни и т. д.

Понимание истории общества как прогрессивной смены общественно-экономических формаций отнюдь не исключает, понятия общества вообще. (...) В произведениях классиков марксизма-ленинизма понятие общества в целом и связанные с этим понятием общеисторические категории занимают огромное место. Марксизм и к этому вопросу подходит диалектически, сочетая общее и особенное — общество вообще и общественно-экономические формации как исторические этапы данного общества, а вовсе не отрицая одно за счет другого. (...) Наличие специфических законов той или иной общественно-экономической формации отнюдь не исключает признания общеисторических законов, действующих на протяжении всей истории общества, в каждой формации, а также законов, действующих не в одной, а в нескольких формациях.

Законы, на основе которых развивается общественная жизнь, различаются между собой прежде всего в двух отношениях. Во-первых, действуют ли они в течение всей истории человечества или в определенной общественно-экономической формации. В этом отношении законы делятся на общие и специфические. Данное обычное деление в настоящее время нуждается в уточнении, согласно которому имеется два типа общих и два типа специфических законов.

Во-вторых, законы общественной жизни (как общие, так

и специфические законы каждой общественно-экономической (формации) различаются по тому, в какой сфере общественной жизни они действуют, и в этом отношении делятся на законы экономической, политической и духовной жизни общества, а также на законы общественных явлений, не относящиеся ни к базису, ни к надстройке. Эти два деления взаимно пересекают друг друга, как горизонтальный и вертикальный разрезы.

Среди специфических законов различаются законы основные и не основные. Остановимся более подробно на первом делении объективных законов общества. Они делятся на следующие четыре типа.

Общие законы:

Законы общеисторические, действующие в течение всей истории общества, во всех общественно-экономических формациях. Эти законы общества называются иногда также социологическими законами. К ним относятся, например, закон обязательного соответствия производственных отношений уровню и характеру производительных сил, а также закон первичности общественного бытия в отношении общественного сознания.

Законы, действующие не во всех общественных формациях, а в группе формаций, а именно действующие в основном в классовых антагонистических формациях, например, закон стоимости, закон классовой борьбы, законы социальных революций.

Специфические законы:

Законы, специфические для той или иной отдельной общественно-экономической формации, действующие в течение всего существования данной формации и теряющие силу с ее исчезновением. Из таких законов при капитализме можно отметить основной экономический закон капитализма в целом, а именно: закон прибавочной стоимости, закон неравномерности экономического и политического развития капитализма, закон анархии производства, закон капиталистической конкуренции. При социализме действуют следующие законы этого типа: основной экономический закон социализма — закон обеспечения максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества, закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства.

Законы, специфические не для всей формации, а лишь для ее определенного этапа, стадии ее развития. В дальнейшем мы будем называть такие законы стадийными законами формации или просто стадийными законами. В качестве примеров законов этого типа назовем основной экономический закон домонополистического капитализма — закон обеспечения средней прибыли, основной экономический закон со-

временного капитализма — закон обеспечения максимальной прибыли, закон порождения монополий концентрацией производства. (...)

Общественная жизнь на том или ином определенном этапе осуществляется на основе совместного действия всех указанных типов объективных законов. Хотя каждый отдельный закон существует и действует как таковой, между законами существуют тесные связи взаимодействия, в результате чего совокупность действующих одновременно законов представляет собой некий клубок, узел, отдельные «нити» которого необходимо выделить для целей сознательного учета и использования законов. В этой связи возникает вопрос о взаимоотношениях между объективными законами общественного развития. Иногда специфические законы рассматриваются как проявление общих. (...) Эта мысль, хотя она и широко распространена, является глубоко неверной.

Рассматривать частное, конкретное, фактическое как проявление общего, абстрактного чуждо духу марксизма. Маркс критиковал гегелевское положение, согласно которому то или иное конкретное государство представляет собой якобы реализацию идеи государства вообще. (...) Основоположники марксизма указывали: материализм исходит из фактов, а не из принципов; из жизни, а не из идеи; из частного, конкретного, а не из общего, абстрактного. Последнее материализм рассматривает лишь как реальную сторону, объективный момент конкретного, представляющего собой единство общего, особенного (специфического) и единичного.

Законы диалектики, являясь наиболее общими законами движения материи, суть лишь то реально общее, что имеется во всех частных, специфических законах, открываемых специальными науками, они представляют собой сторону, момент, «часть» этих законов, подобно тому, как общие признаки человеческого рода существуют в отдельных людях наряду со специфическими. Последние законы поэтому являются не «формальными проявлениями», не внешними выражениями законов диалектики, а исходными для понимания самих законов диалектики, имеют достоинство таких же сущностных, существенных связей, как и всеобщие законы. Критикуемая неверная мысль противоречит марксистскому пониманию соотношения между марксистской философией и специальными науками, превращает первую в «науку наук», ибо из этой мысли следует, что путем простого логического развития идеи, понятия можно судить о чем угодно. (...)

Развивая эту неправильную теорию «проявления» в вопросах соотношения законов общества, некоторые авторы считают, что общие законы в отдельных формациях действуют не как таковые, а всегда лишь в своей специфической форме, в форме специфических законов, являющихся якобы формами

проявления общих законов. Согласно этому взгляду, общие законы, выражая свое действие в специфических законах, никогда не выступают вне этих особых форм своего проявления. Поэтому общие законы и специфические законы отдельных формаций нельзя якобы рассматривать как существующие рядом друг с другом и независимо друг от друга. Известное положение марксизма о том, что общее не существует вне отдельного, отнюдь не означает, что как общее, так и отдельное не может иметь своих особых законов, выражающих различные — общие и специфические связи явлений. (...)

Таким образом, тесная связь общих и специфических законов несомненна. Но она выражается отнюдь не категорией «проявление». В одном случае эта связь может быть выражена так: специфические законы социализма создают специфические условия для действия общ исторических законов и специфические же средства для их осуществления и использования при социализме. Что же касается общей формулы для отношений между тем и другим типом законов, которая годилась бы для всех формаций, то, по нашему мнению, это должно быть делом особого исторического исследования, а не голого логизирования. (...)

Действительность представляет собой узел, сплетение законов, и их взаимосвязи более многогранны, чем отношения сущности и проявления. Последнее отношение действительно типично, но не для отношения между законами, а между законом и отдельным фактом. Сущность не существует вне своих проявлений, а общий закон может существовать и действовать самостоятельно (хотя и в связи) со специфическими законами. Каждый закон выражает собой одну, отдельную связь между явлениями, поэтому и общий и специфический законы выражают просто различные связи, отношения в явлении или между ними. (...)

Форма проявления закона, как показывает сам термин «проявление», — это явление, отдельный факт. Закон тяготения выражается, например, в том, что тело падает, планета движется по орбите. Закон стоимости проявляется в экономических явлениях, например в ценах на товары, или в различных видах доходов эксплуататорских классов в капиталистическом обществе (прибыль, ссудный процент, земельная рента и др.), представляющих собой превращенные формы прибавочной стоимости.

Действие общ исторических законов в той или иной определенной общественно-экономической формации в общем остается одинаковым. Не следует преувеличивать особенностей действия этих законов в разных формациях. Ошибочно полагать, что общие законы претерпевают коренные изменения в различных формациях, так как коренное, качественное из-

менение отношения равносильно возникновению нового, иного отношения. Коренное изменение закона означает появление нового закона.

Особенности действия законов имеют место, в частности, при социализме и коммунизме сравнительно с предшествующими формациями. Эти особенности, не изменяя существа данных законов и основных результатов их действия, касаются отдельных сторон последнего. Так, закон обязательного соответствия в досоциалистических формациях вызывает такое соответствие лишь временно, а в условиях социализма и коммунизма — постоянно; отклонение от данного закона — возникновение несоответствия — во втором случае не доходит до конфликта между производительными силами и производственными отношениями; этот конфликт в первом случае вызывает социальную революцию, во втором же — осуществляется постепенное изменение общественных явлений.

Итак, особенности действия общеисторических законов в различных формациях не позволяют говорить об их «изменении» или «видоизменении». Так же обстоит дело и с общими законами, действующими не во всех, а в нескольких формациях, хотя своеобразие их действия в условиях социализма значительно больше, чем у законов общеисторических. Это проистекает из того, что данный тип законов связан с общественными формациями, основанными на частной собственности и на борьбе общественных классов, т. е. теми этапами и чертами общественного развития, которые ликвидируются социализмом. Данные законы действуют также в условиях переходного периода от капитализма к социализму, а некоторые — и в период социализма, но с определенными изменениями сферы и характера своего действия. (...)

Революционные изменения в условиях социализма теряют свой характер социального взрыва, они осуществляются постепенно, по инициативе существующей власти и при поддержке народа. Таким образом, общие законы действуют в различных формациях с некоторыми изменениями сферы или силы, но не природы своего действия.

Остановимся теперь на взаимоотношениях специфических законов: между основными законами формации и остальными, а также между законами, действующими в течение существования всей формации, и законами стадийными.

Роль основных законов формации среди остальных специфических законов двоякая: во-первых, основные законы определяют сущность данной формации, т. е. совокупность, цельность всех ее главных сторон и процессов, а остальные законы определяют отдельные, хотя и существенные стороны и процессы формаций. Но так как все эти отдельные стороны определяются сущностью, то, во-вторых, на основные законы как на свою базу опираются все остальные законы формации.

Так, закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства опирается на основной экономический закон социализма и в нем находит цель своего действия. Основной закон формации, в свою очередь, в ряде случаев опирается на действие более общих законов. Так, основной экономический закон капитализма в целом — закон прибавочной стоимости — опирается на более общий закон — закон стоимости и является частным, специфическим случаем последнего в применении к рабочей силе как товару. Такая связь двух указанных законов объясняется наличием во всех антагонистических формациях общей базы для действия обоих законов товарного производства. Основной же закон социализма ввиду отсутствия общей базы опирается на обобществление средств производства, т. е. на общественное отношение, присущее самому социалистическому обществу.

Не только общественно-экономические формации в целом, но и определенные стадии их развития имеют свои основные законы, выражающие сущность данной стадии. (...) Какова же связь между основным законом всей формации и основными законами стадий развития этой формации? Для выражения этой связи многие экономисты употребляют понятие «конкретные формы осуществления». Это можно понять так, что закон прибавочной стоимости на разных стадиях развития капитализма осуществляется не сам по себе, а лишь в своих различных формах, а именно: в условиях домонокапиталистического капитализма — в «конкретной форме» закона средней прибыли, а при империализме — в конкретной форме закона обеспечения максимальной прибыли. Понятая таким образом теория «конкретных форм осуществления» является применением к экономической науке рассмотренной «теории проявления».

Понятие конкретных форм осуществления правильно здесь лишь в том случае, если при этом не исключается действие в условиях стадии не только стадийных законов, но и законов всех остальных типов. Закон стоимости, например, имеет широкую сферу действия в условиях капитализма. Если при домонополистическом капитализме действует «конкретный» закон обеспечения средней прибыли, то это не значит, что перестает действовать закон прибавочной стоимости. Эти два закона, будучи тесно связанными, определяют все же разные явления, выражают различные связи: закон прибавочной стоимости определяет возможность капиталистической эксплуатации, а значит, и возможность получения капиталистической прибыли вообще, а закон средней прибыли обеспечивает для капиталистов в условиях домонополистического капитализма возможность получения определенной части из общей суммы прибавочной стоимости, а именно средней прибыли и не больше (если не иметь в виду отдельных случаев полу-

чения сверхприбыли). То же можно сказать (с соответственными изменениями) относительно закона обеспечения максимальной прибыли.

На той или иной стадии развития формации действуют не только законы всей формации, но и вновь возникшие законы. Таков, например, закон порождения монополий концентрацией производства. «...Порождение монополии концентрацией производства вообще, — указывал В. И. Ленин, — является общим и основным законом современной стадии развития капитализма».¹ (...)

В обществе кроме законов экономических действуют общие и специфические законы политической и духовной жизни, а также законы общественных явлений, не относящихся ни к базису, ни к надстройке. Эти законы, как и экономические, имеют объективный характер. (...)

Перейдем к законам политической и духовной жизни общества. Законы политической жизни общества существуют объективно, выражая связи, отношения между явлениями этой области общественной жизни. Данные законы не могут быть общеисторическими, так как политическая жизнь и политические учреждения, как известно, отсутствовали в первобытнообщинном строе и отомрут в условиях (...) коммунизма.

Классики марксизма-ленинизма раскрыли закономерности возникновения и развития государства в истории, сформулировали законы стратегии и тактики пролетарских партий, закономерности массового пролетарского движения, закономерности отношений пролетариата и крестьянства на различных этапах революции. (...) Ряд закономерностей политической жизни общества имеет характер специфических законов формации. Таковы закономерности развития буржуазного государства, с одной стороны, и социалистического государства — с другой.

Под общими законами духовной жизни общества подразумеваются как законы, действующие в течение всей духовной жизни человечества, так и законы, действующие во всех формах общественного сознания (т. е. в области научного, художественного и других форм познания). Под специфическими законами можно понимать как законы духовной жизни, присущие лишь одной формации, так и законы, свойственные только одной форме общественного сознания, например искусству.

Духовная жизнь общества отражает материальную жизнь общества. Общие законы процесса отражения раскрыты марксистско-ленинской теорией познания. Целый ряд положений диалектико-материалистической теории познания (о ступенях познания, о роли практики в познании, о соотношении объективной, абсолютной и относительной истины и т. д.) носит характер общих законов общественно-исторического процесса

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 315.

познания, т. е. законов развития духовной жизни общества. Эти законы являются общими законами в первом и во втором смыслах этого слова. Они действуют в течение всей истории познания, т. е. в течение всей истории человечества и во всех без исключения формах общественного сознания. Имеются также и специфические законы духовной жизни общества как в первом, так и во втором смысле. Общеизвестно, например, что развитие политических и философских идей средневековья (феодального общества), подчиняясь общеисторической зависимости развития идеологии от характера производственных отношений, в то же время обнаруживает специфическую черту (не наблюдаемую ни в одной другой формации) — зависимость от определенной формы идеологии, а именно от религии. (...)

Каково отношение между законами экономики и законами политической и духовной жизни общества? Прежде всего следует подчеркнуть, что последние представляют собой особые законы общественного развития, а отнюдь не «проявление» экономических законов и не «форму» их. Законы политической и духовной жизни выражают особые связи явлений этой жизни, возникающие на базе требований материальной жизни общества. Их нельзя отождествлять с экономическими законами, так как они выражают связи, отношения, идущие не только от базиса к надстройке, но и существующие между различными ее «этажами» (т. е. между социальной, политической и духовной жизнью), а также между различными формами общественного сознания. Кроме того, эти законы выражают также специфические особенности, природу той или иной формы сознания, сферы отражения. Различные формы общественного сознания — это, образно говоря, суть различные «зеркала», в которых отражается общественная жизнь. Но одна и та же жизнь отражается в каждом зеркале по-своему, своеобразно.

Надстройка, как известно, подчиняется в общем и целом экономическому развитию. Направление и основное содержание надстройки определяются требованиями материальной жизни общества, так как каково бы ни было зеркало, в нем отражается все-таки именно то, что перед ним находится. Однако внутри этой общей зависимости надстройка обладает относительной самостоятельностью, что в отношении ее законов означает следующее.

На основе экономического и социального положения людей в обществе возникают не только материальные, но и другие — политические и духовные — интересы. Эти интересы, хотя они и производны, отнюдь не маловажны. К ним относятся все интересы, обозначаемые общими названиями гражданских прав и духовной культуры, эти интересы столь же объективны, как и экономические. Связь этих интересов и вы-

ражают законы политической и духовной жизни общества. (...) Кроме того, функционирование и развитие каждой из форм общественного сознания определяются не только общими законами надстроечных явлений (общими законами процесса отражения, формулируемыми марксистской теорией познания, учением об отношениях между общественным бытием и общественным сознанием), но наряду с этим и специфическими закономерностями каждой из форм общественного сознания.

Учет данного обстоятельства имеет важное значение для всех отраслей идеологии. Так, хотя возникновение религии и науки определяется общими для них закономерностями процесса отражения действительности, однако специфические закономерности их возникновения и существования глубоко различны. Ведь наука ищет путей действительного господства над силами природы и общественных отношений, а религия обращается к «помощи» иллюзорных сил, стоящих якобы над природой и обществом. Наука и искусство имеют также общие источники своей деятельности и соответственно общие закономерности отражения жизни. (...)

Сказанное о классификации и соотношении общих и специфических законов общественной жизни было необходимо, чтобы разобраться в вопросе о соотношении общеисторических категорий и категорий отдельных общественно-экономических формаций, так как категории суть закономерности или существенные явления общественной жизни. Их соотношения и есть законы общественной жизни.

Соответственно четырем группам законов общественной жизни различаются и четыре группы ее категорий: 1) категории общеисторические, отражающие явления и отношения, существующие и действующие в течение всей жизни человеческого общества, во всех общественно-экономических формациях, примерами таких категорий являются: общественное бытие, общественное сознание, базис и надстройка, экономика, производительные силы и производственные отношения, способ производства, язык, духовная жизнь общества и т. д.; 2) категории, которые отражают явления и отношения, существующие и действующие в нескольких, но не во всех общественно-экономических формациях, например: эксплуатация, стоимость, товар, классы, политика, право, государство, религия и др.; 3) категории, связанные лишь с одной какой-либо общественно-экономической формацией, например: рабство, крепостничество, помещичье хозяйство, барщина, оброк, наемный труд, прибавочная стоимость, аристократия, буржуазия и т. д.; наконец, 4) категории и другие понятия общественной жизни, связанные с определенной стадией развития какой-либо общественно-экономической формации, например: континентальная блокада Англии Наполеоном, экономический империализм, кризисы перепроизводства, максимальная при-

быль, передел мира империалистическими державами, индустриализация СССР, колхозы, культурная революция в СССР, социалистический лагерь и т. д.

Все это суть категории общественной жизни и соответственно общественных наук в целом, но отнюдь не все из них являются категориями исторического материализма. Исторический материализм — это наука о законах общественной жизни и о ее общих явлениях. Соответственно он занимается лишь такими понятиями общественной жизни, которые связаны с законами этой жизни и с ее общими явлениями. (...)

Каково же общее соотношение между категориями указанных четырех групп? Остановимся сначала на соотношении между общими категориями, т. е. категориями первых двух групп, с одной стороны, и специфическими категориями, т. е. категориями последних двух групп — с другой. Как уже было сказано касательно соотношения законов соответствующих групп, общие и специфические связи в общественной жизни находятся в тесном взаимодействии, и их взаимоотношения нельзя свести ни к проявлению общего в специфическом, ни к изолированному друг от друга действию.

Общеисторические категории исторического материализма, такие, например, как общественное бытие и общественное сознание, базис и надстройка, общеисторические категории экономической и духовной жизни общества выражают общественные явления и связи, имеющие место в каждой общественно-экономической формации. Содержание и смысл каждой из таких категорий остается в общем одним и тем же во всех формациях. Некоторые специфические различия их содержания в разных формациях не могут «отменить» или исказить их общеисторической природы. Так, бытие общества в смысле его непосредственной практической жизни в любой формации остается бытием и ничем иным. Экономика общества в смысле общественной деятельности, направленной на производство и распределение материальных благ, всегда остается экономикой. Если бы дело обстояло иначе, т. е. если бы в каждой формации существенно изменялись содержание и соответственно смысл таких категорий (как и категорий вообще), то не могло бы и существовать общих категорий, они бы «разменялись» на ряд более частных, на ряд терминов, выражающих их различное содержание в разных формациях. Таким образом, общие категории общественной жизни имеют свое самостоятельное бытие, не сводимое к специфическим категориями, отражают существование общества как такового и создают возможность существования науки об обществе в целом, марксистской социологии, исторического материализма.

Те же соображения касаются и второй группы общих категорий истмата, т. е. категорий, действующих не во всех,

а в нескольких общественных формациях. Так, содержание понятия «общественные классы» остается в своем существе устойчивым во всех классовых общественных формациях, сохраняясь даже в обществе социалистическом, несмотря на достигаемое в нем постоянное и неуклонное стирание классовых различий. Содержание понятия «нация» остается также устойчивым, несмотря на различие буржуазных и социалистических наций.

Каково же соотношение этих общих категорий истмата со специфическими категориями, присущими отдельным формациям? Каково, например, соотношение между категорией общественного сознания и категорией буржуазного сознания или между категорией «общественный класс» и категорией «буржуазия»? (...) Можно ли определить их соотношения в терминах сущности и проявления, т. е. сказать, что специфические категории суть проявления общих? Можно ли сказать, например, что буржуазия есть форма проявления класса вообще? Такая терминология была бы насилием над языком и над смыслом термина «проявление». Класс буржуазии является исторически частным случаем класса вообще. Но понятия «частная форма», «вид» и т. п. не тождественны термину «проявление»: смысл последнего термина в том, что это — внешняя, выступающая на поверхность жизни, сторона сущности. Ясно, что такого смысла в соотношении категорий класса вообще и буржуазии нет и не может быть.

Буржуазия есть, конечно, класс, но буржуазия имеет свои особенные черты и свойства, отнюдь не вытекающие из природы классов вообще. Ведь под классовые признаки вообще буржуазия подходит так же, как и феодальные классы, и пролетариат, и крестьянство. Но она, кроме того, так же резко отличается от этих классов, поэтому вывести понятие буржуазии из понятия класса вообще нельзя — это, во-первых, а во-вторых, как уже было сказано, нельзя выводить всякое частное из общего как проявление последнего. Признаки, отличающие буржуазию от пролетариата (ее противоположность пролетариату, ее эксплуататорская роль), суть не проявления, а сущность буржуазии.

Отношение общих и специфических категорий общественной жизни — в своей основе обычные отношения рода и вида. В некоторых категориях это отражается и в языке: специфическая категория обозначается через общую с прибавлением видового признака, например: «прибавочная стоимость», «класс буржуазии», «наемный труд» и т. п. Однако отношения рода и вида в применении к общественным категориям марксисты не должны сводить к простейшему формально-логическому пониманию. Отношения рода и вида в их марксистском, диалектическом понимании классически выражены В. И. Лениным в его развернутой формулировке

соотношений общего и отдельного в фрагменте «К вопросу о диалектике». В особенности следует подчеркнуть мысль Ленина о том, что особенное не целиком входит в общее. Отдельное имеет более сложное и богатое, хотя и более узкое содержание сравнительно с общим. Специфические категории выражают новые связи и явления, возникающие в той или иной формации, которые никак нельзя дедуцировать из общего. (...)

В чем далее выражаются соотношения между категориями двух групп общих категорий (т. е. между категориями общ историческими и категориями нескольких формаций), а также между группами специфических категорий (т. е. между категориями, присущими всей формации, и категориями стадийными). Они характеризуются также отношениями рода и вида или, точнее, отношениями общего и особенного. В самом деле, возникновение классового общества порождает новые связи и явления, выражаемые второй группой категорий, присущих не всем, а нескольким формациям, такие, как общественные классы, эксплуатация человека человеком, политика, право, государство и т. д. Будучи явлениями новыми, отнюдь не сводимыми и не выводимыми из общ исторических связей и явлений, они тем не менее оказываются особыми случаями общ исторических отношений. Так, классовая борьба представляет собой особую историческую форму общественного бытия, эксплуатация и частная собственность — особую историческую форму производственных отношений.

Однако некоторые из этих явлений и отношений настолько новы и своеобразны, что такое «подведение» их под более общие общ исторические определения имеет в себе элемент искусственности. Таковы, например, категории политики и государства, которые просто трудно подвести под какие-либо общ исторические категории, включить их в последние. Сказать, например, что политика есть форма общественного бытия — значит сказать очень мало и не точно, так как политика относится также и к области общественного сознания, будучи сознательным процессом регулирования экономики и других общественных отношений. Политика и государство конечно есть формы надстройки, однако это определение не вскрывает существа общественной функции политики. (...)

Те же соображения возникают при исследовании соотношений между двумя группами специфических категорий. Имперализм есть, конечно, ступень развития капиталистического общества вообще, и в этом смысле понятие имперализма subordinировано понятию капитализма. Но, во-первых, имперализм, как известно, имеет целый ряд своих специфических признаков, хотя они явились развитием общих свойств капитализма вообще. Во-вторых, имперализм — не просто осо-

бая форма капитализма, а определенная ступень его развития, принесшая с собой тенденцию к превращению некоторых общих свойств капитализма в свою противоположность. Социалистическая индустриализация — это, конечно, историческая форма индустриализации вообще, однако она имеет ряд своих особенностей, коренным образом отличающих ее от индустриального развития при капитализме. (...)

Таким образом, отношение между категориями общественной жизни выражается не только формулой «общее — особенное», но и формулой «ступени развития». Восходя от самых общих категорий общественной жизни ко все более особым, мы как бы поднимаемся по ступеням общественного развития. Однако достоинство общих категорий этим отнюдь не умаляется, так как они, в силу своей общности, включают в себя все богатство различных ступеней данного развития. Общие категории истмата — это отнюдь не «тощие абстракции», а предельно богатые содержанием обобщающие итоги исторического процесса.

Таково соотношение между общими и специфическими категориями общественной жизни. Однако проблема соотношения категорий исторического материализма этим далеко не заканчивается. Субординация категорий истмата по линии «общее — особенное», понимаемое как процесс исторического развития общих явлений и отношений общественной жизни в особенные, как процесс конкретизации, т. е. усложнения и обогащения общественной жизни, есть лишь одна сторона вопроса о соотношении категорий. Это сторона, так сказать, преимущественно онтологическая, выражающая процесс возникновения новых явлений и отношений в общественной жизни и одновременно единство всех ее явлений и отношений, выраженное в общих категориях истмата. (...)

Глава 3

ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРЫ, СУБОРДИНАЦИИ И СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

(...) Рассматривая проблему структуры, субординации и системы категорий исторического материализма, встречаешься с затруднением, вызванным уже (...) самой природой науки исторического материализма в отличие от диалектического материализма. В самом деле. Диалектический материализм есть не только онтология, но и гносеология и диалектическая логика. Истмат же (...) не является логикой, он не решает

проблемы форм и законов мышления. Между тем проблема структуры, субординации и системы категорий есть задача логическая. Очевидно, что данная проблема в историческом материализме, в отличие от диалектического материализма, стоит несколько иначе, а именно: разработка структуры и системы категорий в истмате означает не разработку диалектической логики как науки о мышлении, а лишь разработку внутренней логики самой науки истмата. Значение последней задачи не вызывает сомнений. Внутренняя логика присуща каждой науке, и каждая из них в той или иной мере данным вопросом занимается. Эта задача особенно важна в науках обобщающих и теоретических, к каким относится исторический материализм по преимуществу.

Истмат пользуется не историческим, а логическим методом изучения общественных явлений. Справедливо указывается, что истмат есть логика исторического процесса. Для него характерно не столько изучение отдельных общественных явлений, сколько связь и соотношение всех сторон общественной жизни в их статике и динамике. Выработка целостного, логически стройного понимания общественной жизни и ее закономерного развития — такова задача исторического материализма. Разработка проблемы субординации, структуры и системы категорий исторического материализма и служит этой задаче. Исторический процесс не есть наука логики, но он имеет свою внутреннюю объективную логику и свою объективную структуру. Общество — это объективная система связи общественных явлений. Марксизм всегда выступал против концепции не связанных между собой факторов общественной жизни. Марксистская критика «теории факторов» предполагает как раз дальнейшую положительную разработку роли этих различных факторов в обществе и их единую связь. Марксистское учение об обществе и сильно прежде всего этим цельным представлением об общественной жизни. Работа над системой категорий истмата должна (...) укреплять и обогащать этот единственно научный подход, выработанный классиками марксизма-ленинизма.

Надо различать понятия структуры, субординации и системы категорий. Понятием структуры обозначается общая внутренняя «архитектура», внутреннее строение объекта (в данном случае — совокупности категорий); субординация категорий есть их смысловое подчинение и соподчинение; система категорий — это их цельность, единство, синтез, преодолевающие структурные и субординационные различия.

Остановимся сначала на проблеме структуры категорий истмата. Она определяется объективной структурой общественной жизни. В основе объективной структуры всех явлений действительности, раскрываемой диалектическим материализмом, лежит деление объектов на совокупность предметов,

свойств и отношений. Каждый предмет (вещь, тело, вещество, частица) резко отличается от остальных. Он имеет материальное, отдельное, индивидуальное существование. Свойство есть свойство тела, предмета, оно не существует отдельно от последнего, принадлежит ему. Отношения, например, «выше» или «ниже», «больше» или «меньше» предполагают наличие по крайней мере двух предметов или свойств и существуют лишь в зависимости от них. Таким образом, свойства субординированы предметам, телам, а отношения субординированы предметам и их свойствам. Предметы (вещи, тела) не могут существовать без свойств и отношений, поэтому абсурдно было бы думать, что «сначала» возникли предметы, а «потом» свойства и отношения. Однако предметы обладают реальным и логическим первенством сравнительно со свойствами и отношениями, ибо они являются их носителями, в свою очередь, свойства предметов имеют первенство по отношению к связям (отношениям), так как последние существуют не самостоятельно, а предполагают наличие предметов и их свойств.

Категории диалектического материализма соответственно указанному делению распадаются на три основные группы: на группу категорий, отражающих всеобщие явления действительности (природа, бытие, материя, явление), на группу категорий, отражающих наиболее общие свойства природы (движение — изменение — развитие, пространство — время, объективное — субъективное, сознание — мышление), и на обширную группу категорий, выражающих связи, отношения между явлениями и их свойствами (такие, как необходимость — случайность, содержание — форма, причинность — целесообразность, возможность — действительность, общее — особенное — единичное и т. д.).

Можно ли применить данную общую структуру к общественной жизни, положить это деление в основу структуры категорий истмата? Не вполне. Общественная жизнь имеет и в этом отношении свои особенности. Материальные предметы, тела природы, разумеется, участвуют в круговороте общественной жизни. Люди, как организмы, суть тела природы. Люди, как существа, обладающие мускульной силой, трудовыми навыками и умственными способностями, являются непременимыми и обязательными элементами производства, производительными силами. Машины, здания, материалы — также необходимые элементы производства. Даже духовная деятельность людей требует наличия материальных средств, предметов и веществ, в которых воплощаются результаты духовной деятельности людей. Однако материальные тела и вещества не могут рассматриваться как основа общественной жизни. Они вместе со своими натуральными свойствами относятся все же к природе, а не к обществу; они и изучаются не общественными, а естественными науками.

Так, те или иные синтетические вещества для изготовления одежды, обуви, бумаги, вещей домашнего обихода, горючего и т. д. изучаются химией и изготавливаются посредством техники и технологии. Электричество, радиоволны как источники энергии, связи и т. д. исследуются физикой и применяются в технике и в технологии. Предметы, тела и вещества природы — это, повторяем, необходимая составная часть общественной жизни, так как люди суть материальные существа, связаны этим со всей остальной природой и нуждаются в определенных свойствах материальных тел для удовлетворения своих телесных и духовных потребностей.

Однако тела природы и их свойства не могут являться определяющим элементом структуры общественной жизни. «Общественных вещей», «общественных тел», «общественных веществ» не существует. Общество есть не совокупность тел, а совокупность общественных явлений. В чем его природа и чем эта природа отличается от телесной, вещественной?

В диалектическом материализме, как и в специальных науках, понятие явления употребляется в тех случаях, когда необходимо обозначить не индивидуальный предмет, а совокупное действие множества однородных элементов, некий «ансамбль» элементов, взятых как целое в их совокупной связи, например: «электрические явления», «атмосферные явления» и т. п. Явление, хотя оно и отлично от предмета, от тела, но обладает некоторыми признаками предметности, а именно: цельность, структурность и отдельное бытие. Оно имеет свои свойства, как и тело, как предмет. Этим явления отличаются от свойств, которые всегда присущи предметам и не существуют отдельно от последних. Этим они отличны и от отношений, которые всегда возникают между различными явлениями и их свойствами.

Данные черты присущи и общественным явлениям. Общество существует благодаря совокупным действиям людей. Эти действия бывают длительные, устойчивые и кратковременные или, во всяком случае, ограниченные определенным легко обозримым временем. Первые мы называем общественными явлениями, а вторые — событиями. Убийство — это событие, а преступность — явление. Парламентский кризис есть событие, а парламентаризм — явление. (...) Экономика, политика, духовная жизнь общества — все это суть различные области общественной деятельности людей. На основе данной деятельности возникают различные отношения людей между собой. Отношения между людьми, например отношения эксплуатации или сотрудничества, господства и подчинения, суть также общественные явления. Однако среди общественных явлений мы предлагаем различать социальные структуры и социальные отношения. Остановимся вначале на первых.

Социальные структуры аналогичны тому, что мы в общем

(диамаатовском) смысле называем явлениями. Это — устойчивые и компактные социальные образования, являющиеся носителями определенной совокупности своих свойств и вызывающие возникновение вокруг них «поля» отношений. Социальные структуры, таким образом, — это, так сказать, узлы, центры, средоточие ряда свойств и определенных групп отношений, с ними связанных и от них зависящих. Они образуют структурную основу для возникающих между ними связей, отношений. Социальные структуры суть своеобразные общественные единицы, «предметы».

Примером таких социальных структур являются общественные классы. Они обладают определенными свойствами, признаками, сформулированными В. И. Лениным в статье «Великий почин». Между классами в связи с присущими им признаками возникают также всем известные соотношения. Социальные структуры делятся, в свою очередь, на коллективы и системы. В качестве примера социальных структур-коллективов можно привести общественные классы, партии, союзы, нации, семью и т. д. Примерами социальных структур-систем являются: феодализм, капитализм, социализм. Структуры-коллективы, в свою очередь, делятся на состояния и организации. К первым относятся классы, сословия, нации, ко вторым — партии, государство, союзы. Коллективы-состояния возникают в истории стихийно, а коллективы-организации являются плодом сознательной деятельности людей. Коллективы-состояния обладают лишь объективно существующими устойчивыми связями («класс в себе»), а коллективы-организации — также и установленными или идейными связями («класс для себя»).

Остановимся теперь на социальных отношениях. Роль их в обществе огромна. В конечном счете вся область общественной жизни есть область общественных отношений. Экономика, политика, духовная жизнь людей суть (...) разные формы отношений людей. В основе этих отношений лежит отношение человека к природе; производство и отношения между людьми в процессе производства — производственные отношения. Но это — лишь в конечном счете. Все общественные явления включают в себя момент общественного отношения, т. е. связей между людьми, но не все из них сводятся к отношениям. Указанные социальные структуры — это не только отношения, но и нечто большее. Они являются носителями свойств и отношений, имея в этом смысле некоторые черты своеобразной социальной предметности.

Отношения эксплуатации одного класса другим требуют, по крайней мере логически, предварительного наличия классов с их признаками и особенностями. Отношения господства и подчинения обуславливают наличие «высших» и «низших» классов. Отношения товарищеского сотрудничества и социа-

листической взаимопомощи возникают на основе общественной, социалистической собственности как свойства социалистической системы хозяйства. Таким образом, в обществе можно обнаружить объективную тройственную структуру общественных явлений: социальные структуры — их свойства — отношения между ними, подобную структурным отношениям между предметами, свойствами и отношениями в природе. Иначе и не могло быть. Ведь общество есть часть объективного материального мира, и его структура не может быть принципиально отличной от общей структуры всей действительности.

Однако мы видим и своеобразные структуры общественной жизни, сравнительно с общей структурой природы. Во-первых, в этой структуре отсутствуют тела, предметы, вещи в собственном смысле слова. Их место занимают те общественные явления, которые мы назвали социальными структурами. Во-вторых, здесь особую роль занимают отношения. Ведь все явления общественной жизни суть не натуральные вещества или натуральные свойства, а отношения между людьми. Общество в конечном счете есть система людских отношений. Ведь и социальные структуры с их свойствами — это некие исторически устойчивые и качественно-определенные узлы или центры общественных отношений. Поэтому в общественной жизни нет такого резкого и явного различия между элементами его тройственной структуры, как в природе. Однако, как мы пытались показать, эти различия существуют. Данная структура общественной жизни является одновременно и общей основой субординации категорий истмата.

Явления общественной жизни имеют определенные свойства, благодаря которым и в соответствии с которыми возникают и разнообразные отношения между явлениями этой жизни. Так, необходимым атрибутом (свойством) общественного производства является соединение человеческого труда со средствами производства. Вследствие этой особенности производства возникают определенные отношения между людьми и средствами труда, выражающимися в различных формах обладания последними, в том числе и различными формами собственности на них, и далее отношения между группами людей, олицетворяющих труд (производителями), и людьми, олицетворяющими средства производства (их собственниками).

Одним из существенных свойств такого общественного явления, как государство в антагонистических обществах, является то, что оно стоит по видимости над обществом, над классами, что оно имеет по видимости общенародный характер, хотя по существу всегда имеет характер классовый. Из первого, хотя бы и формального свойства государства возникают определенные отношения между государством и гражданами этого государства, выражающиеся в различных формах участия граждан в конструировании и деятельности

государства, например в выборах органов государственной власти, в парламентаризме и т. п. Другим свойством и задачей государства является применение им морального и физического принуждения. Из этого свойства вытекают взаимоотношения государства с нарушителями законов и с преступниками, выражающиеся в судах, системе наказаний и т. д.

Таким образом, общественные взаимоотношения субординированы социальным структурам, т. е. своеобразным общественным «предметам» с их свойствами, которые (свойства), в свою очередь, проявляются во взаимных отношениях между этими «предметами». Но субординация имеет место и между общественными отношениями. Маркс показал, что товар есть не просто натуральный предмет, а общественное отношение. Но с товаром связана и от него зависит стоимость, которая тоже есть общественное отношение. Стоимость логически субординирована товару, так как стоимость имеет именно товар и ничто иное. Стоимость не может существовать без товара. Прибавочная стоимость есть общественное отношение, но она зависит от наличия наемного труда, который также есть общественное отношение. Наемный труд обладает свойством производить прибавочную стоимость. Это отношение необратимо.

Можно указать и другие формы субординаций общественных явлений и соответственно категорий общественной жизни. Социалистическое общественное хозяйство обладает определенными свойствами: оно основано на общественной собственности, которой распоряжаются либо социалистическое государство, либо трудовые коллективы (артели), оно имеет плановый характер и т. д. Вследствие этого возникают новые отношения между государством и производителями, между членами артели и т. д. Таким образом, и здесь общественные отношения в собственном, более узком смысле слова подчинены условиям социализма как общественного строя, общественного порядка, цельной общественной организации или общественно-экономической системы. Но артель есть тоже социалистическая организация. Таким образом, мы видим здесь уже особый вид субординации общественных явлений, субординации между общим и частным. (...)

Субординация категорий исторического материализма этим далеко не исчерпывается. В указанных видах субординации уже проявилось свойство категорий общественной жизни группироваться в определенные локальные, частные системы, или «гнезда». Это «гнездование» категорий происходит по ряду направлений. (...) Ясно выделяются прежде всего соотношения полярности, противоположности между некоторыми категориями истмата, а именно между философскими категориями: общественного бытия — общественного сознания, материальных отношений — идеологических отношений, базиса — над-

стройки. Социологические категории этими полярными соотношениями не отличаются. Так, экономика и политика отнюдь не являются полярными противоположностями. При этом полярность, или противоположность, указанных «пар» философских категорий не может пониматься как взаимоисключение обязательно в том смысле, что всякое общественное явление относится целиком, полностью к бытию, либо к сознанию, либо к материальным отношениям, либо к идеологическим, либо к базису, либо к надстройке, т. е. что каждое такое деление исключает «средостение», «нейтральную зону». Так, между материальными и идеологическими отношениями лежит обширная зона общественных явлений, не относящихся ни к материальным, ни к идеологическим.

Далее в обществе есть явления, так сказать, синтетические, объединяющие обе противоположности. Так, политическая деятельность, взятая как целое, относится и к общественному бытию, и к общественному сознанию, так как она представляет собой единство практики и идей. Практика же относится к бытию, а идеи — к сознанию. Кроме того, имеются общественные явления, не относящиеся ни к базису, ни к надстройке (язык, производство).

Эта полярность, или противоположность, имеет разные логические основания для каждой из указанных пар. Для пары: «общественное бытие — общественное сознание» логической основой их различия и их противоположности является отношение рефлексивности; общественное бытие отражается в общественном сознании. Для пары: «материальные отношения — идеологические отношения» логической основой их противоположности выступает природа тех благ, на производство которых направлены эти различные виды человеческой деятельности: в результате материальной деятельности возникают блага, необходимые для удовлетворения естественных потребностей людей, в результате идеологических отношений возникают блага, удовлетворяющие культурные и идейные потребности. Для пары «базис — надстройка» логическим основанием их противоположности является отношение основы и обоснованного. Отношения между членами этих пар суть не только отношения координации, но и субординации: вторые члены каждой пары субординированы первым членам этой пары.

Если для внутренних соотношений каждой пары философских категорий характерны отношения противоположности, то соотношения между этими тремя парами характеризуются основами различия, вытекающими из различия их логических оснований, и отношениями частичного совпадения. Так, базисом общественной жизни является экономика. Она же относится и к области общественного бытия. Однако в последнюю входит не только экономика, но и классовая, национальная, семейная и политическая жизнь общества. Духовная жизнь

есть одновременно и надстройка. Но к надстройке относятся не только духовная, но и политическая деятельность. (...) Такое несовпадение категорий проистекает из различного направления «разрезов» общественной жизни, даваемой каждой из указанных пар категорий.

Для социологических категорий характерно прежде всего соотношение общего и частного и соответствующая этим отношениям субординация. Таковы, например, соотношения между категориями способа производства и входящих в него сторон: производительных сил и производственных отношений; соотношения экономики и ее сторон: производства, распределения, обмена и потребления; соотношения государства и его частных исторических выражений: рабовладельческого, феодального, буржуазного и социалистического государственных форм; соотношение духовной жизни общества и ее форм: науки, искусства, религии и т. д. К этим соотношениям исчерпывающим образом относятся классические формулировки Ленина касательно соотношений общего и отдельного. Кроме субординации по линии «общее — отдельное», характерной для всех социологических категорий истмата (и отсутствующей в отношениях его философских категорий), имеется субординация социологических категорий и по другим, более частным линиям, характеризующимся отношениями формы и содержания, сущности и проявления и даже случайности и необходимости. Так, политика есть форма экономики, частная собственность выступает одной из форм производственных отношений, искусство — это одна из форм духовной жизни общества. Сущностью политики является вопрос о власти, сущностью социальной революции — смена одного господствующего класса другим и т. д.

Кроме этих, более или менее общих взаимоотношений между социологическими категориями, улавливаемых отдельными логическими связями (категориями диамата) между социологическими категориями, имеют место совершенно специфические, различные для каждого «гнезда» категорий взаимоотношения. Примером таких соотношений являются взаимоотношения масс, партий и вождей, народных масс и личностей. Эти взаимоотношения настолько сложны и диалектичны, что для характеристики своих особенностей привлекают целый ряд релятивных категорий диалектического материализма. Разбор частных и отдельных взаимоотношений категорий обычно дается в общих курсах исторического материализма и выходит за рамки общей теории соотношений категорий исторического материализма, которой посвящена данная работа.

Теперь перейдем к вопросу о системе категорий истмата. В предыдущем изложении уже несколько раз был затронут вопрос о наличии в историческом материализме двух струк-

турных систем категорий, названных нами философскими и социологическими. Это различие, по нашему мнению, имеет кардинальное значение для движения в вопросе о системе категорий исторического материализма. Поэтому остановимся на этом вопросе подробнее. Структурная система социологических категорий истмата отражает основные области или виды общественной деятельности: экономику, социальную жизнь в узком смысле слова, политическую и духовную жизнь общества. Каждая из двух областей, кроме указанных четырех общих категорий, охватывающих всю эту область, включает в себе целую группу более частных категорий. Так, область экономики включает в себя производство, распределение, обмен и потребление, отраженные в соответственных категориях. В область социальных отношений входят классы, сословия, нации, народности, профессии, семья и (...) различные взаимоотношения между этими людскими коллективами. Область политики охватывает государство, партии и другие общественные институты, борющиеся за власть или защищающие существующую власть. Область духовной жизни общества содержит в себе науку, искусство, философию, религию, мораль с огромным числом содержащихся в них категорий.

Это — огромная, богатая совокупность категорий, обладающая своей внутренней, логически стройной и законченной структурой и определенной цельностью, системностью. (...) Наличие такой структурной системы составляет величайшее достижение общественной науки. Эта первая структурная система, система социологических категорий, в основном унаследована была марксизмом от домарксистской социологии. Это означает, во-первых, что почти все категории, входящие в данную систему, употреблялись в социологии и до марксизма и, во-вторых, что еще до марксизма существовало деление общественных явлений на указанные области общественной жизни и деятельности. Однако марксизм не просто заимствовал данную систему из старой социологии, но критически переработал ее, усовершенствовал классификацию категорий и, что самое главное, раскрыл научное диалектико-материалистическое соотношение между ними. Так, например, марксизм доказал определяющее значение экономики для политики и духовной жизни общества, показал, что политика есть концентрированное выражение, обобщение и завершение экономики, правильно определил сущность политики как борьбы за власть в обществе и т. д.

Однако марксизм, включив эту структурную систему в ее переработанном виде в исторический материализм, не мог ограничиться ею. Эта система была и остается важной и необходимой, ибо выражает как раз специфические особенности общественной формы движения с ее закономерностями, вместе с тем она недостаточна вследствие своей эмпиричности.

Основанием деления явлений общественной жизни в этой структурной системе является эмпирическое различие отдельных сторон общественной жизни. Экономическая, политическая и духовная жизнь общества суть различные формы общественной жизни, поэтому такое деление могло бы быть (если бы можно было не бояться новой терминологии) названо экзистенциальным (лат. *existentia* — существование). Экзистенциальный принцип классификации и структуры общественных явлений и отношений имеет то важное достоинство, что он близок к непосредственным явлениям, но еще недостаточно глубок. Это, так сказать, совокупность исторических обобщений первого порядка.

Марксизм углубляет понимание структуры общественной жизни до обобщений второго порядка, что достигается введением в исторический материализм второй структурной системы категорий — системы философских категорий. Это — категории общественного бытия и общественного сознания, материальных и идеологических отношений, базиса и надстройки. Данная немногочисленная по количеству категорий система, характерная именно для марксистского взгляда на общество, и явилась дальнейшим мощным развитием науки об обществе. Вторая структурная система категорий истмата — система еще более обобщенных категорий, близкая к философии и частично совпадающая с диаматовской терминологией. Особенность категорий, входящих в данную систему, — их соотносительность, расположение по парным группам: общественное бытие — общественное сознание; материальные отношения — идеологические отношения; базис — надстройка. Это — более глубокий разрез явлений общественной жизни, в основе которого лежат понятия, связанные уже не с существованием, а с сущностью. Поэтому рассматриваемую систему категорий можно было бы назвать сущностной, эссенциальной (лат. *essentia* — сущность).

Эта система, хотя и небольшая по числу категорий, представляет собой именно структурную систему, ибо охватывает с более высшей или более общей точки зрения весь исторический материализм в его целом. Исторически данная структурная система была введена основоположниками марксизма с целью углубления материалистического понимания истории. В этой системе идея материализма в истории общества действительно достигает своего высшего выражения. Конечно, материалистический и одновременно диалектический подход к общественным явлениям проявляется и в первой структурной системе социологических категорий истмата. Однако там этот подход касается соотношения отдельных сторон общественной жизни, например отношения экономики и политики, и потому требует философского обобщения, данного во второй структурной системе, с наибольшей глубиной выражающей

распространение на общественную жизнь принципов диалектического материализма.

Обобщенный характер категорий второй структурной системы сравнительно с первой проявляется в том, что несколько наиболее общих категорий первой структурной системы объединяются во второй структурной системе в одну, их охватывающую. Так, например, категории экономики, социальных отношений (в узком смысле) и политики объединяются одной категорией общественного бытия; категории социальных процессов (в узком смысле), политики и духовной жизни — категорией надстройки. (...)

Каждая из указанных трех групп философских категорий обобщает общественную жизнь в разных отношениях, разрезает ее, если можно так выразиться, в разных направлениях. Поэтому эти три группы категорий не идентичны по своему содержанию и смыслу, поэтому одни и те же общественные явления и отношения получают разные характеристики в каждой из этих групп. Так, например, политика хотя и относится к области общественного бытия, в то же время является целиком надстройкой, а не базисом. Значит, понятия общественного бытия и базиса совпадают не полностью, а лишь частично и в разных отношениях. Так же не совпадают вполне категории общественного сознания и надстройки, так как в надстройку кроме форм общественного сознания входят все явления общественной жизни, определяемые базисом. Не совпадают также, как будет показано ниже, категории общественного сознания и идеологии и т. д. Понимание этого — важнейшее средство преодоления примитивизма, выражающегося часто в попытках отождествления данных категорий.

Нашей дальнейшей задачей будет более конкретное раскрытие соотношения между тремя группами философской структурной системы категорий и соотношения между категориями, входящими в состав каждой из этих групп. (...) Отноительно социологических категорий мы поступили так, как нам кажется наиболее интересным и важным: рассматривая философские категории, мы будем постоянно выяснять их соотношения с социологическими. Этим мы сделаем попытку выяснить соотношения всех основных категорий истмата с обобщенной точки зрения. Мы оставляем в стороне отдельный специальный разбор соотношений категорий социологической структурной системы между собой, эти соотношения довольно подробно рассматриваются в общих курсах истмата. С философскими же категориями и с их отношением к социологическим дело обстоит иначе. Здесь накопился ряд спорных вопросов, по которым хотелось бы высказать свое мнение.

Таким образом, перед нами стоит троякая задача: выяснить соотношение членов каждой пары философских категорий истмата между собой «по горизонтали»; показать соотноше-

ние всех философских категорий истмата между собой «по вертикали»; рассмотреть соотношения философских и социологических категорий истмата по всем трем группам философских категорий истмата, т. е. так сказать, «пропустить» основные социологические категории через пару философских категорий.

Глава 4

ОБЩЕСТВЕННОЕ БЫТИЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Разработка категорий диалектического и исторического материализма является важным средством и формой дальнейшего развития марксистско-ленинской философии. При этом необходимо учитывать неразрывную связь категорий исторического материализма с категориями диалектического материализма. Эта связь не только обоюдная, но и имеет разные степени. Некоторые из категорий истмата не имеют аналогов в диамате, например понятия производительных сил, производственных отношений, экономики, политики и др. Эта группа категорий связана с диаматом преимущественно применяемым в истмате марксистским диалектическим методом, т. е. тем, что понятия рассматриваются материалистически и одновременно диалектически.

Другая же группа категорий истмата связана с диаматом еще теснее: их общим смыслом. Примером таких категорий являются категории, общественного бытия и общественного сознания, в которых, так сказать, продолжается и конкретизируется «диаматовский» смысл и содержание понятий бытия и сознания вообще. Поэтому анализ смысла и соотношений категории общественного бытия и общественного сознания не может быть оторван от категорий бытия и сознания в их самом общем философском смысле. Такой подход дает наглядное и конкретное подтверждение тесного единства диамата и истмата и одновременно различия этих наук. Данный подход необходим также потому, что в ряде наших философских сочинений наблюдается какая-то странная «глухота» к простому и ясному смыслу основных философских понятий, близкому к обычному (...) их смыслу, наблюдается ложное мудрствование относительно многих понятий, свидетельствующее о недостатке у авторов этих сочинений чутья к смыслу терминов, о которых они пишут.

В исследовании категорий должен быть преодолен (...) формально-логический подход, замена изучения многогранного смысла и содержания категорий, их взаимосвязи и взаимопереходов застывшими дефинициями, отрывающие одну ка-

теорию от других и от их общей связи. Хотя такой подход проводится под флагом уточнения философских понятий, однако его нельзя рассматривать иначе, как особую форму догматизма, снижение уровня исследования категорий, превращающее эту работу в набор внешних друг к другу формальных определений.

Учение о бытии и сознании излагается, как известно, диалектическим материализмом, а учение об общественном бытии и об общественном сознании — историческим. Диалектический материализм есть теоретическая основа исторического материализма. Но основа чего-либо и все содержание этого явления полностью — не одно и то же. Исторический материализм — это развитие и конкретизация диалектического материализма в применении последнего к области общественных явлений. А это значит, что категории диалектического материализма, как предельно общие, недостаточно конкретны для понимания явлений и закономерностей общественного развития. Категория бытия (существования вообще) конкретизируется в категории общественного бытия, приобретая здесь более богатое и более сложное содержание, и соответственно понятие сознания конкретизируется в понятии общественного сознания, являющегося формой и ступенью развития сознания вообще, но приобретающего свои особые, специфические черты сравнительно с последним.

В. И. Ленин подчеркивал неразрывную связь диалектического и исторического материализма, необходимость рассматривать категории исторического материализма на базе того понимания, какое им дает диалектический материализм. «Сознание вообще, — писал Ленин, — *отражает* бытие, — это общее положение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие — невозможно».¹ «Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю) независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества».²

Категории диалектического материализма вследствие своей предельной общности при их применении к теории общественного развития требуют конкретизации и получают наряду и в диалектическом единстве с теми чертами, которые они имеют в диалектическом материализме, новые, специфические черты и признаки, приобретают более содержательный, более богатый смысл. Исторический материализм есть, конечно, философская наука, но на этом признании нельзя останавливать-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 343.

² Там же. С. 346.

ся. Это не просто часть диалектического материализма, а особая наука в системе философских дисциплин, марксистская социология, лишенная тех отрицательных черт, которые были присущи домарксистской социологии и свойственны немарксистской социологии.

Таким образом, одинаково неверно было бы как отрывать диалектический план рассмотрения этого вопроса от истматовского, так и отождествлять эти два плана, аспекта. Поэтому рассмотрение проблемы общественного бытия и общественного сознания надо начать с краткого изложения категорий бытия и сознания, а затем на этой основе перейти к тому, какие более конкретные и специфические особенности и черты вносит в явления бытия и сознания общественная жизнь.

Понятие бытия — понятие очень простое, оно означает существование. «Когда мы говорим о *бытии* и *только* о *бытии*», — писал Энгельс, — то единство мира «может заключаться лишь в том, что все предметы, о которых идет речь, *суть*, существуют».³ В органической природе понятие бытия становится более содержательным, приобретая новое определение «жизнь». (...)

Понятие бытия употребляется философами часто в том же смысле, что и понятия «природа», «материя». Это естественно: ведь все то, что существует, и называется природой (если мы употребляем это слово в самом общем смысле, в смысле мира, вселенной). Но, во-первых, понятие природы употребляется и в более узком смысле — когда мы хотим отличить ее от общества. Во-вторых, что еще более важно, о природе мало сказать, что она только существует. Природа обладает кроме бытия еще и материальностью, т. е. является внешним миром, существует вне нашего сознания и независимо от него. Поэтому понятие «материя» является более глубоким, более содержательным, чем понятие бытия.

Разбираясь в смысле и соотношении этих трех понятий — «бытие», «природа», «материя», можно сказать так: природа (в смысле мира, вселенной) имеет два определения, два свойства: обладать бытием и обладать материальностью. Первое свойство — бытие — есть предпосылка второго. Ведь прежде чем быть материальным, надо существовать. Однако второе свойство и соответственно второе определение природы — ее материальность — обозначает более глубокое понимание природы как материального бытия в отличие от духовного (как в мистическом, так и в материалистическом смысле). Из этого видно, что указанные три понятия можно употреблять в одном и том же смысле лишь тогда, когда нам не важны указанные различия между ними, т. е. когда необходимо указать только на то самое общее, что имеется у всех трех понятий,

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 42.

а именно реальное существование природы. При более же глубоко разборе вопроса приходится эти понятия друг от друга отличать. Бытие нельзя отождествлять и с материей, и с материальностью. Бытием обладают все явления природы, в том числе и сознание, которое есть явление природы. Однако сознание — это не материя, оно не обладает свойством материальности.

В природе (включая в нее и человека с его сознанием) различаются материальная и идеальная стороны. Материальная сторона — это вещи, тела, явления, т. е. то, что существует само по себе, вне сознания и независимо от него, это — внешний мир, внешние для сознания условия. Идеальная же сторона природы — это мысли, идеи, т. е. само сознание людей. Сознание вообще есть идеальная сторона природы. Это — первая сторона, или грань, проблемы сознания вообще. Соотношение между этими двумя сторонами природы известно: мысли, идеи человека отражают внешний мир, представляют собой как бы копию или снимок материального мира. Отсюда вытекает, что сознание не является материальным. Ведь материальное есть как раз то, что существует вне сознания и независимо от него: тела, вещи, явления внешнего мира. Сознание же есть отражение материального.

Раньше было сказано, что сознание наряду с материей тоже обладает бытием, тоже существует. В. И. Ленин называл «сплошным вздором» утверждение о меньшей реальности сознания сравнительно с физическими явлениями.⁴ Сознание есть бытие лишь как явление природы или обладает бытием лишь в онтологическом отношении. Но сознание является не непосредственным бытием, а отражением этого непосредственного бытия, или отраженным, познанным бытием. В. И. Ленин писал: «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождество, различие etc.)...»⁵ Поэтому в гносеологическом отношении сознание исключается из понятия бытия. В этой связи мы отличаем бытие от сознания, общественное бытие — от общественного сознания.

Таким образом, сознание есть, с одной стороны, реальное явление действительности, форма бытия, а с другой — оно не само непосредственное бытие, а его отражение, копия, снимок с действительности. В этом состоит диалектика сознания, невозможность ответить однозначно на вопрос: бытие оно или нет. С одной стороны, сознание есть бытие, а с другой — оно отличается от него как его отражение. С первой (онтологической) стороны сознание отлично от материи, а с другой (гносеологической) — противоположно материи. В. И. Ленин (...)

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 296.

⁵ Там же. Т. 29. С. 298.

констатирует противопоставление материи и сознания лишь в гносеологическом отношении, т. е. в том отношении, что материя первична, а сознание вторично, производно, но возражает против включения мысли в понятие материи. Поэтому Ленин указывает, что «различие материи от духа *относительно, не чрезмерно...*».⁶

Вторичность сознания есть другая грань проблемы сознания вообще. (...) Абсолютное противопоставление материи и сознания «превращает» последнее в особую бестелесную субстанцию, в «душу». Ленин указывал, что во всем надо соблюдать меру, что правильная мысль становится неправильной, если мы эту меру перейдем. «Самое верное средство, — писал Ленин, — дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы, во имя защиты ее, довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если ее сделать „чрезмерной“ (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд».⁷

Третья сторона, или грань, сознания вообще характеризуется тем, что оно (сознание) не является особой нематериальной, бестелесной, духовной субстанцией — материей (свойством высокоорганизованной материи). И в этом отношении сознание нельзя считать материальным. Лишь субстанцию в целом (природу) или ее части — тела, предметы, вещи — можно безоговорочно называть материальными. К свойствам же применять субстанциальные определения (материальности или нематериальности) в ряде случаев не годится. Если кто-нибудь, например, стал бы требовать от нас ответа, являются ли честность, добросовестность, красота и т. п. материальными или, наоборот, нематериальными, мы назвали бы такие вопросы бессмысленными. Более того, мы не могли бы (...) считать материальным такой, например, атрибут материи, как время. Мы вправе были бы возражать против такого «расширения» понятия материальности, повторяя протест В. И. Ленина против «расширения материи» путем включения в это понятие сознания.

Следующая сторона сознания вообще выражается следующей формулой: сознание есть функция или продукт деятельности мозга. Все явления сознания осуществляются в процессе материального движения в нервной системе, т. е. представляют продукт высшей нервной деятельности. Но если сознание возникает и функционирует в материальном нейродинамическом процессе, то это отнюдь не значит, что оно по существу,

⁶ Там же. Т. 18. С. 257.

⁷ Там же. Т. 41. С. 46.

по природе своей материально. Нельзя не видеть разницы между процессом и его результатом, продуктом. Никто не станет отождествлять технологический процесс ткачества и продукт этого процесса — ткань.

Процесс высшей нервной деятельности есть лишь, так сказать, «технологический процесс» возникновения мыслей, сознания. Работа органов высшей нервной деятельности — это только необходимое условие для возникновения и смены той совокупности образов, мыслей и чувств, которую мы называем сознанием. Сущность, специфика сознания — в содержании самих этих мыслей и чувств, выступающих как отражение внешнего мира и реакция организма на явления этого мира. Содержание той или иной моральной, эстетической, научной или политической идеи следует отличать от физиологических процессов, происходящих при переживании этих идей. Этика, эстетика, наука и политика вправе отвлекаться (и на деле отвлекаются) от того, что происходит при переживании этих идей в наших органах. Никакие физиологические исследования не могут объяснить содержания и общественного значения возвышенных идей и благородных чувств, движущих людьми в их борьбе за мир во всем мире, за национальную независимость, за свободу, за лучшее устройство общества. (...)

Сущность, природа сознания — в его содержании и общественном значении. Таким образом, сознание есть, с одной стороны, реальное явление действительности, т. е. форма бытия, а с другой стороны, оно — не само бытие, а его отражение в организме человека, копия, снимок с действительности. Из сказанного ясно, что сознание не «просто» объективно и не «просто» субъективно, а является единством объективного и субъективного. Это — четвертая грань проблемы сознания вообще. (...)

Объективным называется то, что находится вне нас и существует независимо от нас. Субъективное — это то, что исходит от субъекта, от человека, в отличие от того, что принадлежит объекту, т. е. природе. В сознании имеются как те, так и другие стороны и соответственно признаки. Объективные стороны сознания состоят в следующем. Во-первых, объективным в основном является содержание сознания, ибо оно отражает внешний мир, является его приблизительной копией, а содержание копии (если она заслуживает этого названия) не может существенно отличаться от оригинала. Во-вторых, человеческий организм, являясь носителем сознания, в то же время есть часть объективного мира. Другими словами, индивид выступает субъектом и одновременно объектом для других людей. Это касается не только организма индивида и его проявлений вообще, но и сознания, так как оно проявляется вовне в форме слов, поступков, мимики, жестов и т. д. и поэтому становится доступным другим людям. В. И. Ленин пи-

сал: «...по каким признакам судить нам о *реальных* „помыслах и чувствах” *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей...»⁸

Как показывает физиология, психические явления вызывают целый ряд процессов в области других органов тела, например выделения желез внутренней секреции, изменения сердечной деятельности. Благодаря имеющим вполне объективный характер внешним и внутренним проявлениям и воздействиям психических явлений они изучаются общенаучными, объективными методами, как и всякое явление природы.

Субъективные стороны сознания состоят в следующем: во-первых, процесс сознания всегда осуществляется внутри организма, относится к внутреннему миру человека; во-вторых, сознание представляет собой непосредственное переживание, которое может быть передано другим лишь опосредованно, с помощью речи и проч.; в-третьих, в образах и мыслях человека не всегда достигается вполне адекватное отражение действительности, т. е. в нем имеются элементы, привносимые человеком. Ленин указывал, что в познании человек должен избавляться от субъективности и все более приближаться к объективности.

Объективные и субъективные стороны и признаки существуют слитно и нераздельно. Сознание в целом одновременно и объективно и субъективно. Нельзя понимать так, например, что мое сознание субъективно, а сознание остальных людей объективно, или что сознание объективно, когда оно проявляется вовне в речи и действиях, и субъективно, пока мысли и чувства никак не проявляются. Сознание всех людей, в том числе и мое, объективно по своему содержанию, так как оно отражает внешний мир, оно субъективно тем, что принадлежит к внутреннему миру человека независимо от того, проявляется оно вовне или нет. Неправильно полагать, что объективны лишь физиологические (нейродинамические) процессы, лежащие в основе явлений сознания; а «само» сознание как совокупность идей чувств и т. д. субъективно, или что сознание как процесс высшей нервной деятельности объективно, а как продукт этого процесса — субъективно. Конечно, нейродинамический процесс представляет собой объективное явление, хотя он и происходит «внутри» человека. Нельзя же все, что происходит под кожей, считать субъективным! Однако в этом процессе имеется и субъективный момент как в том смысле, что это — процесс отражательный, копияный, так и в том смысле, что он и по содержанию своему не вполне точно и полно отражает мир, значит, и процесс высшей нервной деятельности есть единство объективного и субъективного, как и его продукт — сознание. (...)

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423—424.

Остановимся, наконец, на пятой стороне, или грани, сознания вообще, характеризующей его происхождение и основную функцию (назначение), а именно, что сознание есть высшее приспособление к природной и общественной среде и орудие их преобразования. Ряд наук о животных и человеке (физиология высшей нервной деятельности, антропология, психология и др.), а также общественные науки доказывают, что органы и функции высшей нервной деятельности возникли как результат биологической эволюции, как продукт приспособления высших животных к внешней среде, а у человека дополнительно и к общественной среде. Рефлекторный и приспособительный характер высшей нервной деятельности, направленной, «настроенной» на внешний мир в самом широком смысле этого слова, в том числе и на наличные общественные отношения, после трудов И. М. Сеченова, И. П. Павлова и других советских и зарубежных физиологов несомненен. И. П. Павлов показал, что продуктом приспособления к природной среде является первая сигнальная система действительности, а приспособления к общественной среде — вторая сигнальная система как преимущественная особенность человека сравнительно с животными.

Особенности сознания человека и механизмов его высшей нервной деятельности, сравнительно с высшими животными, связаны с особенностями общественной среды, в которой живет человек. Таким образом, сознание имеет практическое назначение. Но эта основная практическая функция сознания у человека шире и богаче, чем у животного. Если последнее ограничивается приспособлением своих действий к среде, «уравновешиванием» организма со средой, то у человека наряду с этим возникает и развивается функция преобразования, переделки среды соответственно потребностям и целям общественного человека. Воздействие условий общественной жизни на сознание человека, и наоборот, сознательное воздействие человека на природу и общественную жизнь осуществляются лишь посредством физиологических механизмов. Поэтому неправильно считать, (...) что сознание животных обусловлено (детерминировано) физиологически, а сознание человека детерминировано общественно-исторически. В действительности сознание человека детерминировано одновременно и физиологически, и общественно-исторически. Но это отнюдь не какая-то «двойная» детерминация, так как природная и общественная среда суть части одной среды, объективного мира, отражаемого сознанием.

По своему содержанию (т. е. по тому, что в сознании «содержится») сознание является отражением как природы, так и общественных отношений. Так, науки о природе отражают в основном процессы природы, а общественные науки суть отражения процессов, происходящих в обществе. По своему про-

исхождению, направлению и назначению сознание человека обусловлено трудом, производством. Но ведь из труда природа также не исключена, так как труд есть взаимодействие между человеком и природой, он состоит в видоизменении предметов и сил природы. Да и сам человек как производительная сила включается в процесс труда в качестве одной из сил природы.

Труд, создавший человека, сам представляет собой органическое единство природных и общественных явлений. Труд есть процесс взаимодействия между обществом и природой. Сознание детерминировано процессом воздействия общественного человека на природу и развивалось в процессе взаимодействия с последней в условиях общественной жизни. Труд, создавший сознание человека, представляет собой единство двух процессов: природных и общественных.

Таким образом, сознание нельзя считать «чисто» общественным продуктом. Положение классиков марксизма о том, что сознание человека есть продукт общественного развития, нельзя понимать в том смысле, что при возникновении сознания влияние природы было исключено. Эта формула, во-первых, была выдвинута классиками марксизма в борьбе против натуралистического, антропологического понимания сознания, и, главное, сам процесс общественного развития, изменения производственных отношений в своей основе обуславливается процессом взаимодействия с природой. Наконец, и по своим физиологическим основам сознание представляет собой продукт единой природно-общественной детерминации. Ведь вторая сигнальная система, будучи обусловлена общественной жизнью, является лишь «надстройкой» над первой сигнальной системой, развитием и усложнением первой и может функционировать не отдельно от нее, а только на базе первой сигнальной системы и в постоянном взаимодействии с нею. Ведь вторая сигнальная система — лишь усложненная, хотя и качественно новая, сравнительно с первой сигнальной системой, форма условно-рефлекторной деятельности.

Таким образом, сознание человека во всех отношениях детерминировано окружающей человека действительностью, как природной, так и общественной. Со стороны своей материальной основы сознание детерминировано физиологически (нейродинамически), со стороны содержания оно обусловлено тем, что именно это сознание отражает, т. е. содержанием объективных явлений природы или общества, а со стороны своей целенаправленности и порождающего фактора детерминировано в основном процессом общественного труда, представляющего, в свою очередь, единство натурального и социального.

Перейдем к вопросу об общественном бытии и общественном сознании. Понятие бытия и в обществе означает существование людей, процесс их непосредственной жизни. Осново-

положники марксизма писали, что сначала надо жить, т. е. есть, пить, действовать, а потом философствовать. Различие жизни как таковой в прямом, непосредственном смысле этого слова от «жизни идей» вполне очевидно. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс писали, что бытие людей есть реальный процесс их жизни, а сознание не может быть ничем иным, как сознанным бытием. (...)

Общественное бытие есть тоже, конечно, бытие, непосредственная жизнь общества в отличие от мыслей об этой жизни. Мысль, как было показано, — это часть или форма жизни, но такая часть или форма, которая может быть противопоставлена и постоянно противопоставляется непосредственной жизни. Мысль есть жизнь опосредованная, рефлексированная, осознанная. Жизнь вообще есть деятельность организмов. Общественная жизнь — это единство двух сторон: совокупной практической деятельности людей (общественное бытие) и духовной, идейной деятельности (общественное сознание). Общественное сознание, в отличие от общественного бытия, есть совокупность мыслей, идей об этой практической, непосредственной, «действительной» жизни.

В работах советских философов (...) имело и имеет место упрощенное, слишком узкое понимание категории общественного бытия. Общественное бытие отождествлялось с экономикой, с материальными общественными отношениями, со способом производства.

Такой подход страдает, во-первых, тем, что понятия экономики, материальных отношений людей (материальной жизни общества) и способа производства отождествляются, берутся в одном и том же смысле. (...)

Но разве непосредственная практическая жизнь людей ограничивается производством? Общественное бытие есть все то, что отражается общественным сознанием, и тем определяет содержание и направление развития последнего. Но разве в общественном сознании, например в литературе, отражается только экономика? В основе общественного бытия действительно лежит производственная, экономическая деятельность. Чтобы жить и действовать, люди должны питаться, одеваться и т. д. Однако это только основа, а отнюдь не все общественное бытие, не вся общественная практическая жизнь людей. К общественному бытию относятся и многие другие формы или области практической общественной жизни, такие, как классовые, национальные, политические, семейные и прочие отношения. Классовая и национальная борьба есть область общественного бытия, занимающая огромную роль в истории человечества. Дружба между классами и нациями в условиях социалистического общества — это не просто лозунг или идея, а огромная практическая работа, движущая сила развития социалистического общества. Государство и политические

партии занимаются отнюдь не только идеями и теориями, а ведут такую практическую работу, без которой невозможно существование данного общества. Борьба народов за мир, против войны — это также борьба, практическая деятельность. (...)

Итак, понятие общественного бытия значительно шире понятий, относящихся к сфере общественной экономики. Под общественным бытием следует понимать всю реальную практическую жизнь и деятельность людей. При этом нельзя считать, что национальные, классовые, партийные и государственные отношения относятся полностью только к области общественного бытия. Каждая из этих форм общественных отношений облекается в соответственные идейные «одежды». Солдаты Кромвеля шли в бой с пением библейских гимнов. На знаменах французской революционной буржуазии конца XVIII в. были начертаны лозунги свободы, равенства и братства. Каждая партия имеет свою программу, т. е. совокупность идей, вокруг которых объединяются политические единомышленники — члены этой партии. Государственная деятельность является реализацией идей той или иной партии или блока партий. Она имеет свою правовую, моральную и иную идеологию. Даже гитлеровский фашизм, эта наиболее открытая и циничная форма диктатуры империалистической буржуазии, пыталась использовать для теоретического обоснования своей политики грабежа, насилия над народами и массового истребления людей идеи Ницше, (...) концепции так называемой геополитики и т. д. (...)

Таким образом, каждое из указанных надстроечных общественных отношений своей практической стороной относится к общественному бытию, а идеологической — к общественному сознанию. Так, например, практическая деятельность КПСС является областью общественного бытия, а идеология КПСС — это область общественного сознания.

Перейдем теперь к вопросу об общественном сознании. Животное совершает действия, целесообразные для сохранения его жизни и для сохранения вида. Но животное не сознает полезности и целесообразности этих действий. Другими словами, животное действует сообразно инстинктам, влечениям, а не соответственно мыслям, целям. Для человека же характерна деятельность сознательная, целевая, совершаемая на основании определенных мыслей. Прежде чем совершить определенное действие или работу, человек представляет себе результат этого действия или работы, представляет этот результат сначала идеально, в мысли, а затем действует соответственно поставленной этим цели. В этом суть различия между бессознательной (инстинктивной) и сознательной деятельностью вообще.

Общественное сознание, указывал В. И. Ленин, есть отра-

жение общественных отношений и никаких иных. В этом состоит основное отличие общественного сознания от сознания вообще. Но это еще не все. Мысли людей об обществе, об общественных отношениях и соответственные им цели бывают различными. Значительная часть мыслей и целей человека относится к сфере удовлетворения личных, будничных интересов его самого и его близких. Эти мысли обычно не идут дальше отражения ближайших, частных, местных и т. п. отношений. В этом смысле человек всегда и везде действует вполне сознательно. Сознание как орудие целевой деятельности, в отличие от инстинктивной деятельности животных, вплетается (...) в ход обыденной жизни, участвует во всех актах человеческой деятельности, в том числе и в области экономической, материальной деятельности. При этом уровне сознания люди еще недалеко выходят за границы «сознания вообще», хотя эти мысли отражают и общественные отношения. Маркс назвал такое сознание обыденным сознанием.⁹ Торговец вполне сознательно стремится продать свой товар дороже, а покупатель купить его возможно дешевле.

Обыденное сознание есть общественное сознание по предмету отражения (т. е. что оно отражает именно общественные отношения) и потому, что оно, это сознание, является продуктом общественных отношений. Но для мыслей подобного рода об общественных отношениях не требуется понимания целей и задач общества в целом или определенного класса в нем. Купля-продажа, хотя это и общественный акт и вполне сознательный в указанном смысле, отнюдь не является следствием общественной сознательности. (...) «Каждый отдельный производитель в мировом хозяйстве, — писал Ленин, — сознает, что он вносит такое-то изменение в технику производства, каждый хозяин сознает, что он обменивает такие-то продукты на другие, но эти производители и эти хозяева не сознают, что они изменяют этим *общественное бытие*».¹⁰ (...)

«Из того, — писал Ленин, — что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию. Вступая в общение, люди во всех сколько-нибудь сложных общественных формациях — и особенно в капиталистической общественной формации — *не сознают* того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д. Например, крестьянин, продавая хлеб, вступает в «общение» с мировыми производителями хлеба на всемирном рынке, но он не сознает этого, не сознает и того, какие общественные отношения складываются из обмена».¹¹ (...)

⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 26.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 345.

¹¹ Там же. С. 343.

В приведенных выдержках Ленин прямо различает сознание в смысле свойства каждого разумного существа и сознание как понимание сущности общественных отношений, в которых он живет и действует. В первом смысле человек всегда действует сознательно, во втором — может действовать бессознательно, стихийно.

Обратимся еще к одному примеру из Ленина. Он различал, как известно, стихийную (т. е. бессознательную) и сознательную борьбу рабочего класса. К первой Ленин относил экономическую борьбу, где рабочие выступают как продавцы своего «товара» — рабочей силы, и стремятся, как и всякий продавец, продать этот «товар» елико возможно дороже, т. е. борются за сохранение или прибавку зарплаты или вообще за лучшие условия труда. Ленин указывал, что в экономической борьбе можно усмотреть лишь зачатки сознательности, а именно сознание того, что в одиночку за эти цели бороться невозможно, необходимо объединение рабочих, совместные действия против хозяина.

Политическую же борьбу рабочего класса Ленин считал сознательной, так как она освещена пониманием целей и задач рабочего класса в целом, т. е. пониманием не только личных или групповых задач рабочих, но и пониманием общественных отношений в целом. Итак, экономическая борьба является вполне сознательной — в смысле понимания рабочими своих групповых материальных целей, и стихийной, бессознательной — в смысле общественной, классовой сознательности.

Общественное сознание, указывал Ленин, является отражением общественных отношений. Однако он не останавливался на этой бесспорной истине, а отчетливо различал и подчеркивал два указанных уровня, две ступени сознания у людей в обществе. «Никогда этого не было, — писал Ленин, — да и теперь этого нет, чтобы члены общества представляли себе совокупность тех общественных отношений, при которых они живут, как нечто определенное, целостное, проникнутое таким-то началом; напротив, масса прилагивается бессознательно к этим отношениям и до такой степени не имеет представления о них, как об особых исторических общественных отношениях, что, например, объяснение отношений обмена, при которых люди жили многие столетия, было дано лишь в самое последнее время».¹² Таким образом, в общественном сознании следует различать всякие мысли об общественных отношениях и идеи о совокупности общественных отношений, требующих их целостного понимания.

Не всякая мысль об общественных связях есть идея. Мысли о том, что сегодня на рынке тот или иной товар подешевел или подорожал, что надо «устроиться» на работу или

¹² Там же. Т. 1. С. 136—137.

«сделать карьеру» и т. п., едва ли кто назовет идеями, хотя это, несомненно, мысли об общественных отношениях. Но мысли о борьбе за мир, о мирном сосуществовании различных социальных систем и т. п. — это идеи, качественно отличающиеся от мыслей первого рода. В нашей философской литературе обращается недостаточно внимания на качественное различие двух указанных уровней, ступеней общественного сознания. Тем не менее это различие чрезвычайно важно. (...) Оно является теоретической основой борьбы за воспитание идейности, коммунистической сознательности. (...) Игнорировать важнейшие положения классиков марксизма-ленинизма о различии указанных ступеней общественного сознания, останавливаться лишь на той бесспорной мысли, что общественное сознание есть отражение общественных отношений, — значит отрывать теорию от практики, отставать от потребностей нашей практической и идеологической жизни. (...)

Высшей формой общественного сознания является совокупность идей, выражающих понимание целей и задач общества в целом или определенного класса в нем, а не просто мыслей о личных или узкогрупповых целях, выражающих понимание лишь отдельных общественных отношений и приспособление к ним. Общественное сознание (...) доходит у основных общественных классов, поскольку он становится «классом для себя», до понимания совокупности общественных отношений как чего-то целостного. (...)

Остановимся еще на одном вопросе. В нашей философской и иной литературе по общественным наукам широко распространено отождествление сознания вообще и общественного сознания. (...) Это неверно, во-первых, потому, что у людей есть много мыслей о природе, которые нельзя отнести к общественному сознанию согласно определению последнего как отражения общественных отношений. К сознанию вообще относятся всякие мысли об окружающем, а не только об обществе. Но это отождествление имеет и другое вредное следствие.

Конечно, у каждого человека есть мысли о тех общественных отношениях, при которых он живет. Крестьянин знает, что надо продать хлеб, чтобы получить деньги; рабочий и служащий знают, что надо поступить на работу, чтобы заработать на жизнь. (...) Мысль о том, что человек в своем сознании отражает общественную жизнь, была известна людям с древних времен, да и вообще это не «открытие» для человека любого времени. Исторический материализм обосновывает гораздо более глубокую мысль: о независимости общественного бытия от общественного сознания, о первичности общественного бытия и вторичности относительно общественного бытия именно общественного сознания. Сознание вообще вторично в отношении бытия вообще, так как оно зависит

от наличия материальных аппаратов высшей нервной деятельности и отражает окружающую действительность.

Сознание вообще вплетается во все акты жизни: без него немислимо любое человеческое действие (кроме инстинктивных, импульсных действий). Но в историческом материализме речь идет (...) о том, что вначале возникают «сами по себе», стихийно, определенные общественные отношения, а лишь затем они отражаются в общественном сознании. Что это значит «сами по себе»? Это вовсе не означает, что общественные отношения складываются без участия человеческого сознания в указанном смысле сознания вообще. Этого быть не может, ибо люди суть существа, одаренные сознанием. Но это значит, что массы людей, прилагаясь к общественным отношениям, бессознательно, стихийно строят эти общественные отношения, бессознательно в том смысле, что у них нет еще представления об общественной сущности и значении этих отношений, данные представления появляются позднее.

В. И. Ленин, указывая на объективный характер, «объективную логику» изменений общественного бытия, замечает, что это логика «объективная не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ (только эти пустяки и *подчеркивает* своей „теорией” Богданов), а в том смысле, что общественное бытие *независимо от общественного сознания* людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда».¹³ Непонимание различий между сознанием вообще и общественным сознанием «снимает» основной и важнейший вопрос исторического материализма, произведший переворот во взглядах на общество, и сводит дело к упомянутым богдановским «пустякам».

Глава 5

МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Марксизм различает в обществе материальные и идеологические отношения. Это различие имеет свой особый смысл и значение, отличное от близких к нему категорий общественного бытия и общественного сознания. Рассмотрим сначала категорию материальных общественных отношений.

Понятие материальных явлений, материального производства, материальных интересов, материальной заинтересован-

¹³ Там же. Т. 18. С. 345.

пости и т. п. употребляется в смысле отношений, связанных с вещественными благами, в противоположность таким, которые связаны с благами духовными и культурными. Такое понимание материальных отношений нельзя назвать неправильным: оно в общем верно схватывает основной и наиболее простой смысл этого понятия. Вместе с тем подобное понимание данного термина для истмата недостаточно, так как основано лишь на понимании материи как просто вещества, в отличие от идей, от культурных ценностей вообще. Это понимание выражает природу, характер материальных отношений в обществе, но не указывает на роль и значение этих отношений в общественном развитии. Поэтому нам следует рассмотреть вкратце марксистское понятие материи в его полном философском смысле. Ведь понятие материальных общественных отношений является прямым продолжением, развитием и конкретизацией данного понятия.

Понятие материи — сложное и многогранное понятие. (...) Остановимся сначала на указанном, самом простом и непосредственном смысле материальности как телесности, вещественности. (...) Ф. Энгельс писал, что предмет естествознания — движущаяся материя, тела. «Вещество, материя есть не что иное, как совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие...»¹ «Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом и даже частицей эфира, поскольку признается реальность последнего».² «Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи».³ В работах В. И. Ленина мы также находим ряд положений о вещественном, чувственном характере материи. Оно заключено и в известном определении Лениным материи как объективной реальности, существующей вне нас и независимо от нас и действующей на наши органы чувств. (...)

Убеждение в вещественном, телесном, чувственном характере материи является неистребимым убеждением естествоиспытателей, стихийно или сознательно стоящих на позициях материализма. (...) Это убеждение является гносеологической основой методов исследования, свойственных всему естествознанию, — опыта и эксперимента, без которых он перестает быть наукой. Указанное понимание материальных общественных отношений как связанных с производством телесных, вещественных, чувственных благ, представляет собой прямой перенос (...) понятия материи на общественные явления и вполне законно и правильно. Однако такое понимание, повторяем,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 550.

² Там же. С. 392.

³ Там же. С. 570.

недостаточно, ибо оно не исчерпывает марксистского понимания материальности, связанного с другими сторонами понятия материи.

Второй стороной этого понятия является то, что материя есть субстанция, т. е. общая основа всего существующего. Действительно, все свойства, отношения и закономерности природы связаны с предметностью и вещественностью тел. (...) Движение — это не «чистая динамичность», не имеющая носителя, а движение именно материи, тел; пространство — не «чистая протяженность» а протяженность вещей; время — не «чистая длительность», а длительность материальных процессов. Законы природы суть не «чистые отношения», а отношения между телами и их свойствами, и характер каждого закона зависит от характера свойств вещей. Так, например, закон Бойля—Мариотта указывает на соотношение между давлением и объемом газа, периодический закон Менделеева формулирует зависимость между химическими свойствами элементов и их атомным весом.

Материальные тела являются носителями своих свойств и возникающих между ними отношений, т. е. являются структурной основой всех природных явлений, их субстанцией (в буквальном переводе с латинского — «подставкой»). Понятие материальных общественных отношений является переносом и продолжением и этого понимания материальности на область общественных явлений. Материальные отношения играют роль общей основы всех остальных общественных явлений и отношений. Эта основополагающая роль материальных отношений в обществе состоит, во-первых, в том, о чем Маркс сказал, что сначала надо жить, есть и пить, а потом философствовать. Эта роль состоит далее в том, что уровень производительных сил и характер возникающих при этом производственных отношений определяет характер всех остальных общественных отношений: социальных, политических и духовных.

Субстанциальный характер материи обуславливает единство мира. Материальные общественные отношения в силу своей основополагающей роли в обществе также обуславливают единство развития и направления развития всех отраслей общественной жизни; социальная и духовная жизнь общества, политика имеют одно и то же направление и характер на каждом отдельном этапе истории, так называемый общий «дух эпохи». Этот общий «дух» определяется в конечном счете уровнем и характером отношений общественного производства данной эпохи.

Третьей стороной философского понятия материи является то, что она есть объективная реальность, существующая независимо от нашей воли и сознания. Если первые две стороны понятия материи можно назвать онтологическими сторонами, то эту, третью, сторону следует считать по преимуществу гно-

сеологической, т. е. связанной с отношением объективного с субъективным, с сознанием. Некоторые философы-идеалисты признавали предметный характер вещей, но считали эту предметность проявлением духа, а потому не признавали ее материальной, т. е. отрицали материю в смысле объективной реальности, существующей вне и независимо от сознания. Наиболее отчетливо такое противопоставление предметности и материальности мы наблюдаем у Беркли и Гегеля.

Беркли признавал существование «чувственных вещей» — домов, гор, рек, но считал их «идеями», существующими лишь в сознании, а не вне его. (...) Гегель считал природу инобытием духа, мыслью абсолютной идеи о самой себе как о своей противоположности. Эти примеры мы привели для того, чтобы показать, что предметность, чувственность, с одной стороны, и независимость материи от сознания — с другой, суть разные стороны, или грани, понятия материи. Идеализм может признавать первое, но не признает второго. Последовательный материализм связан с признанием обеих сторон, аспектов понятия материи. Гносеологический аспект имеется и в понятии материальных общественных отношений.¹

Независимость материальных отношений в обществе от общественного сознания — необходимая сторона в марксистском понятии материальных общественных отношений в отличие от идеологических. В. И. Ленин указал, что материальные отношения складываются, не проходя через сознание людей, а идеологические — прежде, чем им сложиться, проходят через него.⁴ Речь здесь идет (...) о независимости материальных отношений от общественного сознания. Ленин приводит пример такой независимости: «...обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение...»⁵

Идеологические же отношения, наоборот, складываются на основе сознания, идей. Таковы отношения между писателем и читателем, художником и зрителем, ученым и студентом, священником и верующим и т. д. Независимость материальных отношений от общественного сознания вовсе не является специфическим признаком одних материальных отношений. Независимо от общественного сознания складывается и общественное бытие в целом, частью и основой которого являются материальные отношения.

Таковы основные стороны марксистского понятия материальных и идеологических общественных отношений. В каком же соотношении находится эта философская категория исторического материализма, категория материальных отношений, к близким к ней социологическим категориям истмата: к категории экономики производства, способа производства, произ-

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 137.

⁵ Там же. С. 137.

водственных отношений? Это соотношение следует рассмотреть с двух сторон: с точки зрения содержания, смысла, и с точки зрения объема этих понятий. Остановимся вначале на первой стороне вопроса.

Философское понятие материальных отношений объединяет все указанные социологические категории под определенным углом зрения, а именно с точки зрения их материальности. Экономика, производство, способ производства и производственные отношения — все это суть материальные отношения. Однако эти социологические понятия, кроме того, что все они суть материальные отношения, имеют свое собственное содержание, выходящее за грани их общего определения как материальных отношений. При этом они этим содержанием отличаются и друг от друга. Способ производства есть единство производительных сил и производственных отношений, следовательно, понятие производственных отношений является лишь одной стороной понятия способа производства. Понятие экономики является понятием более широким, чем понятие способа производства. Экономика есть область общественной деятельности, связанной с производством и распределением материальных благ. Таким образом, производство входит в понятие экономики лишь как составная, хотя и важнейшая часть (чтобы распределить, надо сначала произвести). А понятие способа производства, в свою очередь, входит как составная часть в понятие производства в целом. Ведь производство есть деятельность, осуществляемая различными способами.

Необходимо различать цель той или иной деятельности, самую деятельность как средство, направленное на осуществление этой цели, и способы деятельности, способствующие ее осуществлению. Так, например, цель пахоты состоит в том, чтобы подготовить почву для посева; сама пахота является средством для этой цели; способы же пахоты различаются в зависимости от техники и других условий. Надо различать деятельность как содержание, в отличие от способов этой деятельности как ее форм. Производство присуще всей человеческой истории, но осуществляется оно в разные эпохи в различных формах. Следовательно, производство есть содержание по отношению к способу производства как своей форме. В свою очередь, внутри способа производства имеется свое содержание — производительные силы, и своя форма — производственные отношения.

Каково же соотношение категорий материальных отношений с указанными социологическими категориями по их объему? Философская категория материальных отношений по своему объему совпадает с понятием экономики. Материальные общественные отношения — это общественная экономика. Другие же из указанных социологических категорий, будучи

более узкими сравнительно с экономикой, не совпадают, следовательно, с категорией материальных отношений и по своему объему. На этом соотношении философских и социологических категорий мы видим и значение философских категорий истмата: их обобщающую роль и более глубокую сущность относительно социологических категорий.

В каком же соотношении находится категория материальных отношений к другой философской категории — категории общественного бытия? Как видно из предыдущей главы, эти категории явно не тождественны. Категория материальных отношений, как уже указывалось, имеет три признака: вещественность, субстанциальность, независимость от общественного сознания. Категория общественного бытия обладает двумя признаками: непосредственной жизни и независимости от общественного сознания. Таким образом, понятия материальных отношений и общественного бытия сходятся между собою лишь в одном признаке: независимости от общественного сознания. В остальных признаках они не совпадают, как не совпадают во всех признаках общеполитические понятие бытия и материи. Понятие материи — более глубокое понятие, чем понятие бытия.

Вследствие этого несовпадения содержания категорий материальных отношений и общественного бытия не совпадает и их объем. Категория общественного бытия (...) охватывает не только явления экономической жизни, но и социальной и политической жизни общества в той мере, в какой эти области общественной жизни являются областями практической деятельности, т. е. обладают признаком непосредственной жизни. А это и есть отличительный признак экономических и социальных отношений, например классовых битв. (...)

Социальные и политические отношения суть область реального творчества общественной жизни. Здесь люди создают, творят общественные формы жизни, а не только рассуждают о них. Последнее — удел идеологической жизни общества. Результатом социальных и политических действий являются действительные, реальные формы общественной жизни, а не мысли об этих формах. Но область социальных и политических отношений есть область творчества общественных форм, а не материальных вещей. Поэтому социальная и политическая жизнь не может входить в понятие материальных отношений, связанных с созиданием вещественных благ. Таким образом, понятие материальных отношений значительно уже по своему объему, по охвату общественных явлений и отношений, чем понятие общественного бытия.

Другой стороной соотношений общественного бытия и материальных отношений является то, что последние являются основой общественного бытия, так как социально-классовые и политические отношения возникают на базе материальных,

экономических интересов больших групп людей в обществе. В классовом обществе эти интересы имеют классовый характер, поэтому материальные общественные отношения — не только составная часть, но и определяющая основа явлений общественного бытия. Общественное бытие в целом (включая в него и материальные отношения) обуславливает общественное сознание в его содержании и направлении развития. (...)

Перейдем теперь к категории идеологических отношений, которая требует еще более детального анализа. Мы вынуждены будем ограничиться только самым общим обзором данной проблемы. Термин «идеология» происходит от двух древнегреческих слов: *ιδεα* — «идея» и *λογος* — переводимого обычно как «учение». Однако словосочетание «идеология» нельзя перевести как «учение об идее» подобно терминам: зоология — учение о животных, или психология — учение о психике, так как идеология — не учение об идеях, а сами идеи, их совокупность. Но древнегреческий термин *λογος* имеет не только смысл учения, но и закона, связной совокупности, т. е. системы. Итак, в первом приближении идеология есть система идей. Но что такое идея?

Далеко не всякая мысль есть идея. Никто не назовет идеями, например, такие мысли: «я живу в Ленинграде», «у меня есть дети», «в реке водится рыба» и т. п. Суждения о фактах или о существовании (суждения единичности и экзистенциальные суждения) не являются идеями. Сопоставим с ними суждения иного типа, например: «искусство есть образное мышление», «религия — это искаженное, фантастическое отражение реальных общественных сил», «высшим принципом диктатуры пролетариата является союз пролетариата и трудящегося крестьянства», «одним из принципов международной политики социалистического государства выступает незыблемый мир между народами» и т. д. Это уже не суждения об отдельных фактах или об их совокупности, (...) а суждения о сущности, которые с логической стороны определяют соотношение между так называемыми абстрактными понятиями типа «гуманность», «наследственность», «противоположность» и т. п.

Следует различать идеи о явлениях природы, общества и о явлениях познания и мышления. Общественные идеи представляют собой мысли не об отдельных общественных фактах или явлениях типа: «сегодня на базаре молоко продают дешевле», а о сущности или о существенных связях общественных явлений.

Однако недостаточно определить идеологию как систему идей. Это было бы слишком широким определением, так как каждая наука, каждая форма общественного сознания есть система идей. Однако мы ни математику, ни физику, например,

не называем идеологией. Очевидно, не всякая система идей является идеологией, но лишь система идей об обществе. Обращаясь к основоположникам марксизма, мы находим у них, во-первых, определение понятия идеологии как «извращенного сознания». В современном употреблении термин «идеология» потерял первый, наиболее узкий смысл.⁶ Мы называем идеологией не только систему неправильных идей, но и систему правильных, научных идей, например «коммунистическая идеология».

Маркс и Энгельс указывали на «виды идеологии и соответствующие им формы сознания...»,⁷ (...) относя идеологию к определенным формам общественного сознания. Из данного положения следует, что идеология охватывается областью идей об обществе, а не о природе, и что понятие идеологии относится к понятию форм общественного сознания как часть к целому, что она суть элемент различных форм общественного сознания. Эти признаки понятия идеологии действительно ярко проступают в нашем повседневном употреблении данного понятия для обозначения различных систем общественных и философских идей, например: «коммунистическая идеология», «буржуазная идеология», «марксистская идеология» и т. д. При этом напрашивается вывод, что понятие идеологии имеет классовый смысл, т. е. обозначает ту форму общественного сознания, которая выражает коренные интересы различных классов. Этот момент в понятии «идеология», несомненно, есть, не случайно поэтому Маркс и Энгельс относили его к буржуазным и добуржуазным формам сознания как к классово-извращенным ее формам.

Однако понимание идеологии как классовой формы общественного сознания является несколько узкой, не вполне соответствующей современному употреблению этого понятия. Мы говорим: «религиозная идеология», «военная идеология», «идеология гуманизма» и т. п. Конечно, религия имеет классовые корни: конечно, в понятии военной идеологии выражается то, что вносит каждый класс в военную науку; конечно, каждая историческая форма гуманизма включает в себе классовый момент. Однако, употребляя данные понятия, мы выражаем не эту, классовую сторону, а различие религии и светского, нерелигиозного образа мыслей, различие гуманного, человеческого и насильнического, бесчеловечного образа мыслей и поведения и т. д. Очевидно, идеологию следует трактовать несколько шире, без обязательного ограничения этого понятия классовой характеристикой.

Таким образом, общественное сознание включает в себе

⁶ Он имеется преимущественно в ранних работах основоположников марксизма наряду и в связи с употреблением термина «идеологический» в смысле «идеалистический».

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 25.

много форм, систем идей, идеологий, развивающихся в разных направлениях: а) в направлении различных способов отражения действительности — в соответствии с этим мы различаем науку, искусство, мораль, философию, религию; б) в направлении классовых различий и противоположностей — в соответствии с этим мы различаем пролетарскую, буржуазную, мелкобуржуазную (мещанскую), крестьянскую и т. д. идеологии; в) в направлении принципиально различных подходов к тем или иным отдельным сторонам жизни — в соответствии с этим мы различаем религиозную и светскую (безрелигиозную) идеологию, гуманистическую, пацифистскую, националистическую и прочие идеологии.

Как видим, понятие идеологии совпадает с понятием общественного сознания лишь в одном: и общественное сознание в его высших формах, (...) и идеология суть системы общественных идей. Однако идеологии, являясь формами общественного сознания, его различными выражениями, не могут быть отождествлены с общественным сознанием как более общим понятием. Формы общественного сознания выступают как идеологии лишь в том отношении, что они противопоставляются отличной от нее или противоположной форме. Так, различая формы общественного сознания по способу отражения действительности, мы употребляем понятие идеологии, противопоставляя одну другой: например, когда мы говорим о противоположности научной и религиозной идеологии. Итак, под идеологией мы подразумеваем ту или иную определенную форму (систему) общественных идей, противопоставляемую другой (или другим). Вместе с тем идеология — не только форма общественного сознания, но одновременно его сторона или «часть». (...)

Соотношение понятий «идеология» и «идеологические отношения» можно выразить так: идеологические отношения суть такие отношения, которые возникают на основе идеологических связей. Обычно материальные отношения определяют как отношения, не проходящие через общественное сознание, а идеологические отношения — те, которые не могут возникнуть бессознательно. Однако это различие вовсе не является определением материальных и идеологических отношений, а указывает на один из существенных признаков данных отношений. Так, в своем возникновении через общественное сознание не проходят ни классы, ни сословия, ни нации, ни семья и другие общественные явления. Иными словами, указанный Лениным признак присущ не только материальным отношениям.

Какое место занимают идеологические отношения в обществе? Идеология есть такая область общественной деятельности, которая имеет дело не с материальными вещами, а с идеями и в результате которой «производятся» не вещества и не предметы, а те же идеи, мысли. Короче говоря, идеоло-

гические отношения суть отношения духовного «производства». Производство вещей и «производство» идей — таково различие двух разбираемых сфер общественной жизни. Но в области классовых, национальных, а также политических отношений люди не производят ни вещей, ни идей, а «производят» формы общественной жизни. Значит, не все сферы общественной жизни охватываются этими двумя определениями: материальных или идеологических отношений. Это деление характеризует лишь полюсы общественных отношений.

В. И. Ленин определял материальное отношение как деятельность человека, направленную на поддержание его существования⁸. Это определение означает лишь экономические отношения и никакие иные. Идеологические отношения являются в конечном счете производными от материальных и зависят от них по своему характеру. Так, характер буржуазной идеологии определяется экономическими интересами буржуазии и ее господствующим положением в капиталистическом обществе. Такое положение буржуазии при капитализме само в конечном счете определяется ее экономическим положением собственников основных средств производства и эксплуататоров рабочего класса, основных масс крестьянства, мелких производителей города, а также основных масс интеллигенции.

С другой стороны, идеология того или иного класса, а также взаимодействие идеологий различных классов оказывают обратное влияние на экономический, материальный процесс и особенно на социально-классовые и политические взаимоотношения. На этой стороне вопроса, как достаточно известной, мы не будем задерживаться, остановимся лишь на некоторых сторонах этих отношений, обычно мало рассматриваемых. Это, во-первых, вопрос об огромной и все более увеличивающейся роли идеологии в современном обществе; во-вторых, вопрос о большом значении форм борьбы идеологий и об изменении этих форм в современном обществе и, наконец вопрос о соотношении общественной идеологии и общественной психологии.

Роль идеологии в обществе, несомненно, все более и более увеличивается. Это обстоятельство связано со всеобщим образованием во многих странах, с широким распространением различных форм политической информации, с развитием рабочего движения, с обострением классовой и национальной борьбы, с втягиванием в политическую жизнь самых широких пародных масс. «Общественное мнение», взгляды и мнения различных общественных групп оказывают все большее влияние на те или иные мероприятия правительств и отдельных общественных деятелей. Достаточно напомнить роль этого фактора в вопросе о мире и войне, в ликвидации ряда международных авантур империалистов и колонизаторов. Недооцен-

⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 149.

ка этого фактора (объяснение всей общественной жизни лишь одним непосредственным действием экономического фактора) всегда осуждалась марксизмом. (...) Наше убеждение в возможности предотвращения войны путем мобилизации общественного мнения, сбора подписей и т. д. не только не противоречит марксизму с его положением об определяющей роли материального, экономического фактора, но и теоретически обосновывается марксистским пониманием роли идеологов в обществе.

В тесной связи с этим вопросом стоит вопрос о характере борьбы разных идеологий в современном обществе. Учение марксизма о классовом характере идеологии в классовом обществе, о противоположности и непримиримости идеологий у противоположных классов было и остается несомненной истиной общественной науки. Этой истине отнюдь не противоречит факт взаимодействия и взаимовлияния различных и даже противоположных идеологий. Так, классики марксизма указывали на факт заражения некоторых слоев пролетариата на определенных этапах рабочего движения буржуазной идеологией, а также на факт перехода на идейные и политические позиции рабочего класса тех или иных представителей буржуазной интеллигенции. Основоположники марксизма выдвинули положение, согласно которому класс, господствующий экономически и политически, господствует над обществом также и идеологически. (...)

Указанные положения не только сохраняют свое значение и для настоящего времени, но и получают новое подтверждение в тех изменениях, которые происходят в данной области в настоящее время. Эти изменения состоят, во-первых, во все большем обострении идеологической борьбы антагонистических классов, которое является характерным общеисторическим признаком, предшествующим и сопровождающим смену одной общественной формации другой. В связи с этим усилился процесс взаимной, так сказать, идеологической информации. Представители антагонистических классов изучают враждебную им идеологию и внимательно следят за ее изменениями. Буржуазные и мелкобуржуазные идеологи наряду с критикой марксизма всячески извращают его. (...) Во-вторых, резко усилилось «размывание» идеологии средних и промежуточных общественных групп: мелкой буржуазии и интеллигенции. (...) Происходит процесс усиления влияния на эти слои пролетарской идеологии. (...)

Классовое общество характеризуется и наличием в нем общественной психологии. (...) Что же подразумевается под общественной психологией? Под этим понятием подразумеваются те мысли и идеи об общественной жизни, которые еще не нашли себе вполне четкого и точного идеологического оформления и систематизации. (...) Идеологической зрелости

человек достигает далеко не сразу, это иногда занимает всю жизнь. Идеологическое воспитание, в частности молодежи, является постоянной и важнейшей задачей Коммунистической партии. Если взять весь класс в целом, то и в нем мы наблюдаем слои с разной степенью идеологической зрелости. (...) Мысли, идеи составляют лишь часть содержания нашего сознания, нашей психики. Внутренняя жизнь человека отнюдь не исчерпывается деятельностью разума, так как человек — не только рассудочное существо. Его психическая жизнь содержит кроме мыслей, идей также чувства, представления, память, воображение и проч. Окружающая индивида общественная жизнь, его имущественное положение, (...) общественные и политические события — все это не может не воздействовать и на указанные стороны человеческого сознания, не может не окрашивать эмоционально его отношение к окружающей действительности.

Общественная психология представляет собой как бы фон, на котором выступают идеи человека, «поле» вокруг идеологии. Элементы общественной психологии не всегда достаточно осознаны или достаточно обработаны рассудочно, не имеют достаточной системности, характеризующей идеологию и т. д. Поэтому общественная психология не имеет такой, так сказать, «жесткости», определенности, как идеология, и в силу своей «мягкости» и подвижности более способна на духовные контакты. (...) Игнорирование общественной психологии является не только выражением одностороннего и примитивно-рационалистического понимания духовной жизни общества, но и приносит прямой вред, затрудняя влияние идеологии рабочего класса на широкие слои трудящихся. (...)

Идеология — это средоточие, центр духовной жизни человека и ее наиболее организованное и системное начало. Однако она «окружена» и внутренне проникнута массой чувств и побуждений, являющихся той почвой, на которой развивается и крепнет идеология как отдельного человека, так и целого класса. Общественная психология чувственно подкрепляет идеологию. Система научных идей, идеология, первенствует над психологией, переделывая и преобразуя ее. Известно, что именно рабочий класс, пролетариат является наиболее надежным и стойким приверженцем марксистской, коммунистической идеологии. Это объясняется не только тем, что коммунизм наиболее полно выражает экономические и социальные интересы рабочего класса, но и тем, что его представители всем своим существом, а не только разумом убеждаются в правильности идей марксизма-ленинизма, всеми условиями своей жизни подготавливаются к восприятию этой идеологии. (...)

Каково соотношение между категорией идеологии или идеологических отношений, с одной стороны, и категориями об-

щественного сознания и духовной жизни общества — с другой? Остановимся сначала на соотношении идеологии и общественного сознания. Ранее уже отмечалось, что идеология есть форма общественного сознания, и поэтому понятие «идеология» не тождественно понятию «общественное сознание». Не тождественны они также и потому, что отнюдь не все в содержании общественного сознания носит идеологический характер. Если даже исключить из общественного сознания мысли о природе, то даже и в мыслях людей об обществе не все имеет идеологический характер.

Мы различаем, например, буржуазную идеологию и пролетарскую идеологию. Значит, в данном случае мы придаем понятию идеологии классовый смысл. Но разве в общественном сознании все имеет этот классовый характер? Если бы это было так, то каждый новый класс должен был бы отказаться от всего прежнего духовного наследия и создавать свою новую духовную культуру. (...) Даже пролетариат, общественное сознание которого наиболее радикально отличается от общественного сознания прежних эпох, созданного в основном представителями имущих классов, строит свое сознание на базе достижений всей предыдущей духовной жизни человечества. В. И. Ленин указывал, что марксизм не стоит в стороне от столбовой дороги мировой цивилизации, что он является развитием и переработкой всех наиболее крупных достижений прежней общественной науки. А ведь марксизм является, если можно так выразиться, наиболее идеологической, наиболее классовой и партийной наукой из всех общественных наук, средоточием и центром идеологии рабочего класса. (...)

В содержании общественного сознания есть как идеологические, так и неидеологические моменты или стороны. Иными словами, в каждой из форм общественного сознания — в науке, искусстве, морали, философии — имеются наряду с идеями, присущими только одному классу, идеи, общие для всех или нескольких классов, т. е. в общественном сознании имеется как классовое, так и общечеловеческое, или межклассовое, содержание. (...)

Остановимся сначала на науке. Мы не можем говорить «буржуазная математика», «буржуазная физика» и т. п. Этим мы отказываемся от классовых характеристик в отношении наук о природе, признавая, что ее основное содержание имеет характер общечеловеческих истин. Однако в науках о природе имеется, конечно, и идеологический момент в ряде выводов, обобщений, логических дедукций, применений разных философских предпосылок и т. д. (...)

Вместе с тем и общественные науки не представляют собой чисто классовых, чисто идеологических концепций. (...) Даже в философии основные принципы материализма, например, исповедовались представителями разных классов. Ленин пи-

сал, что в вопросе о первичности материи и вторичности сознания Маркс и Энгельс стояли на точке зрения Дидро. Общий для различных классов элемент во всех без исключения общественных науках так же очевиден, как и элемент классовый и партийный.

В искусстве дело обстоит точно так же. Принцип партийности искусства вовсе не означает, что в искусстве все партийно. В подобной «логике» такая же ошибка, как если бы на основании того, что порядочность, честность есть свойство людей, мы стали бы утверждать, что все люди порядочны и честны. Признавая эстетическую ценность произведений прошлых эпох, мы тем самым признаем наличие общечеловеческих форм прекрасного.

Основоположники марксизма выдвинули тезис о классовости морали в условиях борьбы против противоположного положения о ее бесклассовости или надклассовости, но они никогда не утверждали, что в нормах морали все носит классовый характер. (...) Разве, например, борьба за мир питается только страхом перед войной и смертью? Разве в этой борьбе нет морального момента, гуманистического мотива? Убийство, разбой, воровство, хулиганство наказуются законами всех стран. Грубость, хамство, разврат осуждаются общественным мнением во всем мире и разными классами. Значит, в морали есть моменты, общие для рабочего класса и представителей других трудящихся классов и даже многих представителей буржуазии. Что практика буржуазного образа жизни расходится с исповедуемыми ею же идеями, не меняет сути вопроса, так как речь идет о некоторых элементах идейной общности. Однако следует подчеркнуть, что провозглашаемый ныне многими идеологами буржуазии открытый моральный цинизм ломает и эти общие моральные элементы.

Итак, все формы общественного сознания являются единством классовых и неклассовых, идеологических и неидеологических сторон и элементов. Таким образом, идеология, будучи формой общественного сознания, является по своему содержанию частью, или стороной, общественного сознания. Наиболее характерными ее признаками выступают классовость и системность. Первый признак характеризует общественное сознание только частично, а идеологию почти полностью. Второй признак характеризует общественное сознание также лишь частично, поскольку в него входит и общественная психология, которая не всегда обладает достаточной системностью и бывает внутренне противоречива. Идеологию же признак системности характеризует полностью. Противоречивость идеологических положений имеет место у представителей промежуточных классов и групп, в так называемой «мелкобуржуазной идеологии». Ленин справедливо указывал, что по существу дела в современном обществе имеются лишь две

идеологии: пролетарская и буржуазная, а эти идеологии имеют все признаки системности.

Каково же соотношение категорий идеологии и категории духовной жизни общества? Чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала рассмотреть соотношение категорий общественного сознания и духовной жизни общества.

Во-первых, категория духовной жизни общества имеет несколько иной объем и содержание, чем категория общественного сознания. Эти две категории тоже не совпадают полностью. В самом деле, понятие общественного сознания имеет тот оттенок смысла, что речь идет об идеях, касающихся общественных явлений. В понятии же духовной жизни общества такого оттенка нет, поэтому в данное понятие без всяких оговорок включается и естествознание. (...)

Во-вторых, в понятие духовной жизни общества надо включать и такие ее проявления, которые обычно не включаются в понятие общественного сознания: чувства и настроения, связанные с отношением к природе. К духовной жизни общества относятся и такие ее проявления, которые возникают преимущественно в личной бытовой сфере общественной жизни. Индивидуализм и коллективизм, равнодушие к людям и сочувствие к ним, энтузиазм и злопыхательство, любовь и ревность, дружба и антипатия, уважение и пренебрежение, доброжелательность и зависть — все эти чувства, играющие огромную роль в жизни людей, никак не укладываются в «номенклатуру» идеологии, общественного сознания и даже общественной психологии в собственном смысле слова, т. е. мыслей, чувств и настроений, связанных с общим строем общества, с социально-классовыми и прочими отношениями.

Между тем эти чувства имеют несомненно характер духовных отношений людей и обладают огромной исторической устойчивостью. Лишь некоторые из них должны постепенно исчезнуть в будущем обществе, другие же имеют непреходящее значение, хотя характер переживаний, связанных с ними, и их внешние проявления изменяются в ходе общественного развития. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» блестяще раскрыл, например, эволюцию любви в историческом развитии и изменении ее характера в различных общественных формациях.

Таким образом, по нашему мнению, некоторое различие в рассматриваемых двух категориях имеется, хотя они в основном и являются синонимами. Поэтому иногда понятию материальной жизни противопоставляют понятие не идеологии, а духовной жизни общества. Из сказанного вытекает также, что отношение категории идеологических отношений к духовной жизни общества в основном то же, что и отношение идеологии к общественному сознанию, а именно: идеология есть необходимый составной момент любой из форм духов-

пой жизни общества, но не может быть отождествлена с духовной жизнью в целом.

Таково соотношение категорий истмата, взятое в связи с противоположностью материальных и идеологических отношений.

Глава 6

БАЗИС И НАДСТРОЙКА

Категории общественного бытия и общественного сознания, материальных и идеологических отношений выражают, как было сказано, материалистический и одновременно диалектический подход к общественной жизни. Общественное бытие определяет общественное сознание; общественное сознание отражает общественное бытие; материальные отношения дают обществу вещественные блага в отличие от духовных благ, от идей. Соотношение этих категорий имеет характер единства противоположностей.

Однако марксистское понимание и истолкование общественной жизни этим не ограничиваются. Остается открытым вопрос о том, какая область общественной жизни является основной и какие — обоснованными. Решение этой проблемы осуществляется историческим материализмом с помощью категорий базиса и надстройки.

Термин «базис» в переводе с древнегреческого означает «основа». Термин «надстройка» взят из технической терминологии и имеет в истмате, разумеется, не прямой, а отвлеченный смысл, аналогичный термину «обоснованное». Таким образом, категории базиса и надстройки продолжают и конкретизируют в области теории общественных явлений философские категории основы и обоснованного. Эти категории связаны в своем смысловом значении также отчасти и с другими релятивными категориями диалектического материализма. (...)

Известно, что марксизм считает базисом общественной жизни экономическую структуру общества, т. е. совокупность производственных отношений определенного общества. К. Маркс в предисловии к «Критике политической экономии» писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания... С изменением экономической основы

более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»¹.

Ф. Энгельс в предисловии к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» отмечал, что «экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории...»². В. И. Ленин указывал, что Маркс выработал основную идею материалистического понимания истории «посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — *отношений производственных*, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения».³

Эти идеи классиков марксизма-ленинизма, представляющие собой великое открытие общественной науки, и выражают главное в соотношении категорий базиса и надстройки. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин создали монистическое, цельное понимание исторического процесса в противовес эклектическому пониманию последнего как внешнего взаимодействия различных равноправных и равноценных факторов, главным из которых выступал то тот, то другой фактор, по произволу историка. В сочетании с идеями первичности общественного бытия в отношении общественного сознания и -материальных отношений в отношении идеологических эта идея явилась одним из важнейших приложений материализма к области человеческой истории.

Категории базиса и надстройки классики марксизма связывали с философскими категориями формы и содержания. Как базис, так и надстройка (надстройки) суть отдельные, определенные формы (виды или результаты) человеческой деятельности. В. И. Ленин писал, что основная идея Маркса и Энгельса в понимании истории «состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования».⁴

С другой стороны, базис и надстройка по отношению друг к другу состоят также в соотношении содержания и формы, а именно: надстройки являются формами по отношению к базису как своему содержанию. Привлечение к этому вопросу категорий содержания и формы раскрывает одну из сторон самого отношения основы и обоснованного, так как содержание определяет развитие своих форм. Базис — это не просто не-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6—7.

² Там же. Т. 21. С. 1.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 134.

⁴ Там же. С. 149.

подвижная «подставка», но и основной фактор, определяющий направление развития надстройки.

Для раскрытия других сторон соотношения базиса и надстройки классики марксизма-ленинизма привлекают и такие философские категории, как сущность, проявление, необходимость и др. Так политические события и акты рассматриваются как внешние проявления экономических интересов, особенно подчеркивается необходимость, закономерность развития экономического процесса. В нашу задачу не входит доказательство или иллюстрирование данных положений марксистской общественной науки. Эти проблемы излагаются в общих курсах исторического материализма. Кроме того, наш угол зрения на эти проблемы (соотношение категорий) диктует рассмотрение особых вопросов, связанных с указанными положениями марксизма. Первый из этих вопросов — соотношение категории базиса с близкими к нему философскими категориями истмата — категориями общественного бытия и материальных отношений.

Мы уже указывали, что категория общественного бытия охватывает не только экономическую жизнь общества, являющуюся основой общественного бытия, но и все области общественной деятельности, обладающие характером непосредственной, практической жизни, что к общественному бытию следует относить наряду с экономической и социальную, и политическую жизнь людей. Что же касается категории базиса, то она связана лишь с экономической жизнью, ибо экономика является той областью общественной жизни, уровень и характер которой определяет в конечном счете содержание и направление всех остальных областей. Поэтому по своему объему, т. е. по охвату явлений общественной жизни, категория общественного бытия гораздо шире категории базиса. Но эти понятия различаются и в области экономики.

Называя экономику общественным бытием, мы отмечаем одну сторону экономики, а именно то, что она является выражением непосредственной, практической жизни людей, т. е. что существо этой области жизни в деятельности, а не в мыслях, при этом в деятельности, направленной на производство столь же непосредственных жизненных благ. Называя же экономику базисом общества мы отмечаем другую сторону экономики, ее роль в обществе как основы содержания и развития последнего. Поэтому категории общественного бытия и базиса суть обозначения различных сторон даже одного и того же общественного явления и никак не могут смешиваться. (...)

Является ли базис экономикой в целом (включая в него и непосредственное производство) или он обозначает лишь систему производственных отношений? Как видно из приведен-

ных выше цитат классиков марксизма-ленинизма, В. И. Ленин, исходя из положений основоположников марксизма о базисной функции, уточняет и развивает это положение, выделяя в экономике производственные отношения как основу всех общественных отношений и определяя базис как исторически сложившуюся систему производственных отношений. Таким образом, базисом является лишь часть экономики — производственные отношения.

Место категорий базиса и материальных отношений по своей принадлежности одинаково: и базис, и материальные отношения связаны только с экономикой. Но и здесь также мы употребляем эти понятия для различения разных сторон экономики. Называя экономические отношения материальными, мы отмечаем, что они связаны с производством вещей, материальных предметов и веществ, т. е. вещественный характер экономической деятельности, а также ее независимость от идейной жизни общества. (...) Каждая область общественной жизни имеет разные стороны и соответственно разные общественные функции, которые и выражаются различными категориями истмата.

Перейдем теперь к категории надстройки. Ранее уже указывалось, что под надстройкой в истматовском смысле слова подразумеваются все общественные явления, обоснованные базисом, определяемые им, т. е. социальные, политические и духовные процессы в обществе. Наша задача заключается не в доказательстве или иллюстрировании этой истины марксистского понимания истории, а в анализе категории надстройки и ее соотношений с близкими ей категориями.

Ввиду того, что надстроечных областей общественной жизни имеется несколько, понятие надстройки (в единственном числе) можно считать понятием собирательным, а при более конкретном анализе различать не одну, а по крайней мере три надстройки — социальную, политическую и духовную, представлять себе, таким образом, общественную жизнь, взятую в данном отношении как не «двухэтажную», а «многоэтажную». Каждый из этих «этажей» при общем надстроечном характере обладает своими особенностями.

При разборе этого вопроса следует во-первых, отделить первые две надстройки — социальную и политическую — от третьей, духовной. Различия между этими двумя частями надстройки (т. е. между вторым и третьим «этажами», с одной стороны, и четвертым — с другой) настолько очевидны, что К. Маркс в формулировке существа исторического материализма выделил духовную жизнь общества, формы общественного сознания из понятия надстройки. Он указал, что совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, «на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому

соответствуют определенные формы общественного сознания»⁵.

Оставляя пока в стороне деление Марксом надстройки на юридическую и политическую, в отличие от принятого в нашей литературе названия этих двух надстроек одним обозначением — «политическая надстройка», обращаем внимание читателя на смысл и значение выделения Марксом форм общественного сознания из понятия надстройки, также в отличие от принятого в нашей литературе включения этих форм в понятие надстройки, обычно называемой «идеологической».

Такое отступление от буквы указанной отдельной формулировки Маркса не является, по нашему мнению, отступлением от духа марксистского понимания надстройки. Это подтверждается и непосредственно следующими за приведенной цитатой словами Маркса: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще... С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение».⁶

В первом из приведенных мест выступает деление Марксом надстройки на три части: социальную, политическую и духовную, т. е. то деление, которое принято и у нас (хотя отдельные наши философы и не употребляют понятия социальной надстройки), а также исключается понятие юридической надстройки как отдельной от политической. Во второй цитате, правда, опять появляется понятие юридической надстройки, но зато в понятие надстройки включается идеологическая жизнь общества, «идеологическая надстройка», по нашей терминологии. Таким образом, наше обычное деление надстроек на социальную, политическую и идеологическую (духовную) соответствует не только духу, но и букве высказываний Маркса, если взять его формулировку существа исторического материализма в целом.

Но что же побудило Маркса выделять духовную жизнь общества из области надстройки? Основанием для этого является отдаленность идеологических форм от экономики, от базиса, зависимость их от базиса не непосредственно, а через посредство социальной и политических надстроек, зависимость от базиса лишь «в конечном счете», а следовательно, вуали-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

⁶ Там же.

ровка этой зависимости и ее не вполне адекватное выражение в идеологиях.

Возьмем для примера религию. Конечно католичество и, в известном смягченном виде, православие — суть ее буржуазные формы. Однако эта зависимость форм христианства от экономической основы весьма завуалирована и просматривается лишь при глубоком анализе. Эта зависимость особенно трудно угадывается в религиозной догматике и более непосредственно сказывается в культе, в церковной организации, религиозной морали, в «духе» того или иного христианского вероисповедания. «Монархический», строго иерархический, централистский и пышный характер католичества резко контрастирует с «демократизмом» протестантизма и евангелизма, в отношении верующего к божеству, в организации церковных общин и т. д. Поэтому Маркс употребил для характеристики соотношения экономики и духовной жизни понятие соответствия, имея в виду, конечно, не «предустановленную гармонию» в развитии экономики и этих форм, а закономерную связь между ними. (...)

Несколько слов о социальной и юридической надстройках. Понятие социальной надстройки, «социальных процессов жизни» (в узком смысле слова), в отличие от других общественных социальных процессов (в широком смысле), (...) имеет полное право на существование. Под нею (под ними) подразумеваются такие процессы, как родовые, сословные связи, классовое образование, классовая борьба и вообще классовые взаимоотношения, образование наций и национальные взаимоотношения, семейные отношения и т. д. Все эти процессы, прямо и непосредственно обуславливаясь в своих основах способами производства, имеют надстроечный характер.

Несомненно отличие этих отношений от политических. В первых, некоторые из них, например патриархально-родовые отношения, возникают раньше политики вообще, другие, такие, как классы, сословия, нации, семья, возникают стихийно и получают юридическую регламентацию лишь гораздо позднее. Многие из форм этих взаимоотношений вообще юридически не регламентируются. Так, например, буржуазное право не признает классового деления общества или считает себя стоящим над классами. В общем политика и право суть сознательные выражения стихийно сложившихся социальных отношений. Поэтому они и не тождественны с последними, отстают от них в своем возникновении и развитии и имеют их в качестве своей ближайшей, непосредственной основы.

Следует ли выделять юридическую надстройку в качестве особой надстройки, отдельной от политической? Нам кажется, что при общем понимании политических отношений как связанных с вопросом о власти этого делать не следует. Мы ви-

дели, что и Маркс в некоторых своих положениях не выделяет ее из политической надстройки. Право есть неотъемлемый атрибут государственной власти, политическая деятельность — другой ее атрибут. Между этими двумя атрибутами существует прямая связь: политические акты государства «освящаются» законом и являются практическими действиями по его реализации.

Тем не менее Марксово обособление имеет свои основания. Во-первых, правовая деятельность отлична от политики как деятельность идеологическая в отличие от практической. Во-вторых, политической деятельностью занимается не только государство, но и партии, а также классовые союзы, деятельность которых как негосударственная, неправительственная не имеет законодательного характера, а в известных случаях и противозаконна с точки зрения существующего государства. (...) Таким образом, понятие политики значительно шире, чем понятие государства и права (юридической деятельности). Эти обстоятельства необходимо учитывать при более детальном рассмотрении политической надстройки.

Так обстоит дело с вопросом о «многоэтажности» надстройки и с особенностями каждого из этих «этажей». Чем «выше» этот «этаж», тем больше различных влияний других, «низших» надстроек и других форм той же самой надстройки он испытывает.

Остановимся теперь на вопросе о соотношении категории надстройки с категориями общественного сознания и идеологических отношений. (...) В надстройку, как уже говорилось, входят все явления общественной жизни, обусловленные экономикой: социальные, политические и духовные процессы. К общественному сознанию относятся лишь явления духовной жизни общества, да и то с некоторыми (указанными раньше) ограничениями, поэтому понятие надстройки значительно шире понятия общественного сознания. Эти понятия, однако, различаются не только по объему. Они имеют и различное содержание: понятие общественного сознания указывает на одну сторону духовной жизни общества, на то, что эта группа общественных явлений представляет собой отражение общественного бытия, а понятие надстройки — на другую связь явлений духовной жизни, на то, что данная группа явлений обусловлена в своем содержании и в направлении развития базисом. Таким образом, первая категория указывает на отраженный характер духовной жизни, а вторая — на ее обоснованный, обусловленный характер.

Соотношение категорий надстройки и идеологических отношений состоит в следующем. Во-первых, их объем также разный, так как в надстройку кроме идеологических отношений входят социальные и политические отношения. Во-вторых,

у них разное содержание: понятие надстройки, как сказано, отмечает обусловленность идеологических отношений экономикой, а понятие идеологических отношений указывает на классовый и системный характер некоторой части духовных «продуктов» человеческой деятельности.

Остановимся теперь на категориях базиса и надстройки как категориях общеисторических и на их соотношениях с базисами и надстройками различных общественно-экономических формаций. Во всех тех категориях истмата, которые мы рассматривали, имеются две стороны: общеисторическая и исторически преходящая, сменяющаяся при смене формаций. Так, экономика присуща каждой общественно-экономической формации, поэтому наряду с понятиями «буржуазная экономика», «социалистическая экономика» и т. д. мы употребляем понятие «экономика» в общем, общеисторическом смысле для обозначения того реально общего, что имеется в каждой конкретной экономике. Способ производства у каждого общественного строя свой, однако мы имеем полное право употреблять для социологического исследования общее понятие способа производства для обозначения того объективно-общего, что имеется во всех способах производства в истории. Подчеркиваем, что такие общеисторические понятия являются не только умственными обобщениями или, как говорили когда-то средневековые номиналисты, «дуновением ветра», но и отражением объективных общих сторон, более того, сущности тех или иных исторических явлений.

Классики марксизма-ленинизма (...) употребляли категории базиса и надстройки, как и другие категории, в общеисторическом смысле, когда нужно было (...) раскрыть общеисторические закономерности. Ликвидация общеисторических категорий означает ликвидацию исторического материализма как науки об общих законах исторического процесса. Это ясно и несомненно. Повторяем, рассуждения типа: «базис и надстройка у каждой формации свои, значит, не существует базиса и надстройки вообще» можно отнести ко всем категориям исторического материализма и этим прекратить существование науки об обществе в целом, т. е. исторического материализма. Более того, такие силлогизмы можно применить к любой науке и этим аннулировать любую теорию. (...)

Общеисторическое и конкретное («исторически-преходящее») в каждом понятии находятся в диалектическом единстве. В. И. Ленин в фрагменте «К вопросу о диалектике» писал: «...отдельное есть общее» и при этом привел цитату из Аристотеля: «Так как, конечно, нельзя думать, что дом вообще существует вне видимых домов». «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно

охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.»⁷

Базис и надстройка в такой же мере общеисторические категории, как и конкретно-исторические. При научном анализе мы поэтому должны различать, с одной стороны, те общие признаки, которые характеризуют базис и надстройку вообще, и, с другой стороны, те специфические черты, которые они имеют в той или иной формации, а также и особенности перехода одного базиса и надстройки в другие при смене формаций.

К этому вопросу мы и перейдем. К общеисторическим признакам базиса относится его экономический характер и определяющее значение (или функция) в отношении других, выше стоящих областей общественной жизни — надстройки. К общеисторическим чертам надстройки относятся ее обусловленный базисом характер, относительная самостоятельность и служебная роль в отношении базиса. Трудно спорить, что эти черты присущи базису и надстройке на всем протяжении истории общества, что они присущи всем базисам и всем надстройкам. Однако у базиса и надстройки той или иной формации возникают и особенные черты или признаки.

К таким особенным чертам базисов отдельных общественно-экономических формаций относятся: различный уровень лежавшего в их основе в той или иной формации производства, а следовательно, и различная мощь воздействия этих базисов на надстройку; различный характер этого производства, выраженный в удельной роли сельского хозяйства и промышленности, в развитии тех или иных их отраслей, в соотношении производства средств производства и производства средств потребления, в централизации и концентрации производства, и, наконец, что особенно важно, различный характер производственных отношений, определенная совокупность которых в той или иной формации и составляет, собственно, базис данной формации.

К особенным чертам надстроек разных формаций относятся: различный характер классовой борьбы и вообще классовых взаимоотношений, разные виды и формы государства, различные международные взаимоотношения, а также разные взаимоотношения между классами в том или ином государстве, различные взаимодействия между идеологиями и т. д. Все это — важные и явные особенности, (...) однако надо учитывать, что эти особенности являются не чем иным, как конкретно-историческими выражениями общеисторических черт базиса и надстройки.

Так, одной из главных особенностей революционных восстаний рабов в Древнем Риме, а также крестьянских войн

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 318.

в Германии, в России и других странах было то, что они не могли создать ни нового базиса, ни новой надстройки; особенностью государственной власти в периоды некоего «равновесия» между феодальными и буржуазными классами является абсолютная монархия; особенностью международных отношений в период империализма и передела мира выступают мировые войны; особенностью взаимодействия идеологий в период средневековья оказывается духовная гегемония религии и т. д. Эти особенности не включаются в общеисторические признаки и черты надстройки, ибо «отдельное не полно входит в общее», а «общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы». Однако сама возможность возникновения всех этих и многих других особенностей базисов и надстроек проистекает из общеисторических черт классовой борьбы, из сущности государства, из относительной самостоятельности идеологий в пределах их общей зависимости от базиса.

Очень важна проблема перехода базиса и надстройки одной общественно-экономической формации в базис и надстройку другой формации и связанный с этим вопрос преемственности базисов и надстроек. В этих переходах и в этой преемственности имеются также и общеисторические, и особенные черты. Каковы же прежде всего общеисторические черты этих переходов и этой преемственности? (...) Попытаемся отметить лишь некоторые черты указанных процессов. Маркс писал: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления».⁸

Мы привели здесь это положение потому, что оно является ключом к решению разбираемого вопроса и указывает на одну из главных общеисторических черт переходов и преемственности базисов и надстроек. В старом общественном строе обязательно подготавливаются условия — материальные, социальные и идеологические — для базиса и надстроек нового общества. Без этого не может быть речи о ниспровержении старого строя. Данное обстоятельство имеет достоинство общеисторического закона смены базисов и надстроек, следовательно, базис и надстройка нового общества, несмотря на свои качественные отличия от старых базиса и надстройки, связан с по-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

следними органической преемственностью. Эти две противоположные стороны перехода одних базисов и надстроек в другие, а именно преемственность и качественные различия, и необходимо положить в основу рассмотрения нашего вопроса. Одинаково неверно, недиалектично, односторонне было бы предать забвению одну из этих противоположностей. (...)

Общеисторические черты взаимоотношений базисов и надстроек в историческом процессе их смены — качественные различия и преемственность — имеют существенные особенности в разных исторических случаях. Известно, что смена одного классового антагонистического общества другим сопровождается лишь сменой форм эксплуатации человека человеком, а отнюдь не ликвидацией этой эксплуатации, что лишь пролетарская социалистическая революция кладет конец классовой эксплуатации вообще. Качественная противоположность базисов различных классовых антагонистических формаций — рабовладельческого общества, феодализма и капитализма — менее глубока, чем качественная противоположность базисов капитализма и социализма.

Известно также, что вследствие указанной и других причин не только условия, но и реальные элементы буржуазного базиса и буржуазной идеологической, а частично и политической надстройки вызревают уже в недрах феодализма, тогда как социалистический базис (в качестве социалистической экономики) не может развиваться в лоне капитализма. Базис социалистического общества создается лишь после пролетарской революции. Причинами этого обстоятельства является не только коренное различие и противоположность капиталистических и социалистических производственных отношений, но и то, что социалистический базис создается сознательно, инициативой социалистического государства и Коммунистической партии, тогда как элементы капиталистического базиса развиваются в лоне феодализма стихийно. Что же касается социалистической идеологии, то она была создана основоположниками марксизма и развивалась еще в условиях капиталистического общества, хотя в этих условиях она и не могла сделаться господствующей идеологией. Не менее известно также и то обстоятельство, что элементы старого базиса и старой надстройки переживают общую смену базисов и надстроек и живут еще более или менее долго в условиях нового общества. Это, собственно, тоже общеисторический закон, действующий и в нашем обществе. (...)

Поэтому положение о том, что базис и надстройка умирают вместе со смертью своего общества, верно в общем, в широком историческом результате, как и всякое общее положение, но оно требует корректив и конкретизации, когда мы рассматриваем отдельные случаи и моменты. (...) Данное положение отнюдь не означает, что базис и надстройка «вооб-

ще» как общенсторические явления суть лишь понятия, мысли, умственные обобщения, а не реальность. (...)

Базис капиталистического общества, т. е. совокупность присущих ему производственных отношений, сам выражает экономические отношения между классами капиталистического общества, прежде всего между пролетариатом и буржуазией, и «создается» экономическими взаимоотношениями между ними, а в более широком смысле — и между всеми классами капиталистического общества. При капитализме государственная власть принадлежит не только буржуазии, хотя ее роль и является решающей. (...) Что же касается идеологии и культуры, то, во-первых, таких идеологий и культур в капиталистическом обществе, как известно, имеется по крайней мере две: буржуазная и пролетарская, а во-вторых, даже буржуазная идеология создается в общем не самой буржуазией, а буржуазной интеллигенцией.

Внутренняя противоречивость базиса капитализма и противоположность связанных с его структурой классовых интересов и создают возможность существования и развития (...) двух противоположных идеологий — буржуазной и пролетарской. Что же касается политической надстройки, то в узком смысле, когда под ней разумеется государство, она одна (в определенные кризисные периоды возникают и две, как это было, например, в России в период двоевластия в 1917 г.), а в более широком и правильном смысле она тоже не одна, ибо в капиталистическом обществе кроме буржуазных партий действуют политические организации рабочего класса — коммунистические и рабочие партии.

Непонимание противоречивого характера базиса капиталистического общества, вытекающего из основного противоречия, свойственного капиталистическому способу производства — противоречия между общественным характером труда и частнособственническим присвоением результатов этого труда, порождает и такой вопрос: если надстройка возникает над базисом, то как может существовать надстройка без базиса, например: марксистская идеология в условиях капитализма или религия в условиях социалистического общества? На этот вопрос можно ответить следующим образом: надстройка без соответствующего ей базиса возникнуть не может, а после ликвидации своего базиса долго не может и существовать, как не может жить дерево без корней; марксистская идеология имеет эти корни в условиях капитализма — а именно указанное противоречие в базисе и в классовом положении и интересах пролетариата при капитализме.

Что же касается религии, то она возникла задолго до капитализма и выступает в качестве надстройки над целым рядом базисов. Она является плодом бессилия человека в борьбе с природой, в борьбе против эксплуатации вообще,

а не только капиталистической эксплуатации, а также плодом ненаучного мышления и ряда особенных психологических факторов. Поэтому религия при социализме существует как пережиток и при отсутствии социально-экономических факторов, питающих ее, если еще не преодолен связанный с ней идейно-психологический комплекс. Конечно, условия социализма отнюдь не являются и не могут являться базисом для религии. Деятели церкви могут до известной степени приспособить религиозную «политику» и даже отчасти и идеологию к условиям социализма (признание социалистических порядков, отказ от борьбы с ними, общая борьба за мир, признание труда «первой обязанностью христианина» и т. д.), но они бессильны, сохраняя религию, устранить коренную противоположность коммунистической и религиозной идеологии.

Надо подчеркнуть, наконец, что переходы, связь и преемственность базисов и надстроек нельзя понимать так, что новый базис и новая надстройка представляют собой какое-то смешение, «окрошку» из старого и нового. Как базис, так и надстройка каждого общества представляют собою цельную систему отношений и взглядов. Старое постепенно перерабатывается новым, переваривается в нем, в результате получается совершенно новый базис и новая надстройка.

Теперь остановимся на общественных явлениях, не относящихся ни к базису, ни к надстройке, и на их соотношении с последними. К таким явлениям относятся язык и производство. Развиваемая обычно по этому вопросу аргументация, на наш взгляд, недостаточна и требует следующих уточнений. Утверждения о том, что производство не относится ни к базису, ни к надстройке, необходимо логически связаны с определенным пониманием базиса как совокупности производственных отношений, а не способа производства в целом. В последнем случае производство относится к базису.

С общепринятой точки зрения, базис — это не весь способ производства, включающий как производительные силы, так и производственные отношения, а лишь вторая сторона способа производства — производственные отношения. Именно производственные отношения определяют социальный, политический и духовный процессы общественной жизни. Сами же производственные отношения изменяются в зависимости от изменений и соответственно изменениям в производительных силах общества, в зависимости от степени развития производительных сил.

Как видим, производительные силы — это не базис, производство как процесс — тоже не базис. Обращаясь к оценке экономики как базиса, данной Марксом и Энгельсом, необходимо помнить, что такое понимание базиса нельзя относить к каждому моменту экономики. Изменения производительных сил суть непосредственно изменения производительности труда,

вызываемые преимущественно совершенствованием орудий труда. Уровень этой производительности вызывает время от времени изменения производственных отношений, их системы, базиса. Если формой изменения производительных сил является преимущественно их рост, то формой изменения производственных отношений является изменение их характера. А это изменение влечет за собой изменение характера же всех общественных отношений. Таким образом, производство и производительные силы действуют на изменение и развитие общественных отношений не непосредственно, а через изменение производственных отношений, через базис.

Производство есть процесс, само наличие, сама необходимость и сам характер которого определяются материальными потребностями людей. Если бы людям не нужно было есть, одеваться и жить в специально построенных жилищах, то и производства бы не было. Если бы люди не потребляли, скажем, мяса, то не было бы животноводства. Если бы люди были так же защищены от климата, как животные, то не возникла бы ни строительная, ни текстильная, ни обувная и т. п. промышленность. Таким образом, необходимость, наличие и характер процесса производства определяются материальными потребностями людей и, с другой стороны, силами природы и свойствами веществ, которые в производстве перерабатываются.

Так стоит вопрос, если мы процесс производства берем в самом общем, общ историческом, общечеловеческом плане. Но в процессе исторического развития производства возникают, так сказать, «вторым этажом» и другие стимулы производства: потребности господствующих классов в роскоши, их стремление к наживе, к получению прибылей, т. е. различного рода искусственные «потребности» людей, связанные с эксплуататорским строем общества. Основным стимулом развития производства в социалистическом обществе является удовлетворение растущих потребностей работников этого общества.

Таким образом, «базисом» производства являются как натуральные, так и исторически развившиеся потребности людей. Этот «базис» еще не является в собственном смысле общественным, так как связан в основном с естественными потребностями людей, хотя и преобразованными в условиях социальной жизни. Возникшее на этой почве производство также не может быть само по себе базисом общественной жизни, так как является процессом, обращенным на переработку предметов и веществ природы в целях удовлетворения естественных (в основном) потребностей людей как организмов и детерминируется прежде всего этими двумя факторами. Характер производства, его конкретные цели (например, постройка жилищ) определяют и характер действующих в них

производительных сил: квалификацию работников, технику, употребляемые материалы. Естественные (физические и умственные) способности человека, уровень техники, особенности свойств вещей и веществ, употребляемых в процессе производства, оказывают свое влияние на процесс производства, «лимитируют» те возможности, которые заложены в производстве.

Определяемое этими факторами и движущееся в границах и под влиянием этих факторов общественное производство порождает в своих недрах производственные отношения людей, базис. Таким образом, производство не относится к базису потому, что оно является процессом, порождающим самый базис как первоначальное, вполне общественное отношение.

Язык как средство общения между людьми возник для удовлетворения нужд не одного какого-то класса, а всего общества, всех классов общества, он не сменяется с ликвидацией базиса и надстройки того или иного общества, и различие языков исчезнет постепенно, черед ряд этапов. (...) Язык был порожден в своих основах и в своей главной функции производством. Язык есть средство общения людей. Но потребность общения — это прежде всего потребность трудового общения. Язык возникал первоначально в производстве, тем более, что в древнейших обществах производство носило непосредственно общественный характер. На этой основе язык превратился в средство общения людей во всех областях жизни. (...) Поэтому при всей важности языка для функционирования и развития производства нельзя не видеть производной роли языка по отношению к производству. Язык не мог ни породить производства, ни возникнуть помимо последнего, в «стороне» от него. Наоборот, язык порожден прежде всего и в конечном счете потребностями общественного производства. Труд создал человека со всеми его отличиями от животного, в том числе и с его языком.

Различия же языков созданы другими факторами: географическими, экономическими и национальными, которые действовали в единстве. Территориально-географические факторы (разобщенность или близость) вызывали отличия или близость языков, в тех же направлениях действовали факторы хозяйственные, разобщавшие людей на различные экономические (например, родовые) группы, создавая при феодализме отдельные, изолированные экономические центры, приведшие в период возникновения капиталистических отношений к образованию крупных хозяйственных центров и национальных государств, являющихся в своей основе местными, хотя и более широкими центрами экономических связей.

Таким образом, язык есть не первоначальное, а производное общественное явление, не относящееся к базису. Он порожден не базисом, а трудом, производством, поэтому не мо-

жет относиться и к надстройке. Таким образом, аргументацию в пользу того, что язык не относится ни к базису, ни к надстройке, можно развить с общеисторических позиций. Обычно эта аргументация строится на том факте, что язык не меняется со сменой базисов и надстроек. Это, конечно, верно, но данная аргументация обычно логически связывается с той предпосылкой, что базиса и надстройки «вообще» не существует. Ранее было показано, что такой взгляд не может быть принят как противоречащий марксистскому пониманию единства общего и особенного. Поэтому данная аргументация явно недостаточна, необходимо ее «расширение», т. е. рассмотрение вопроса о языке не только в плоскости учения о формациях, но и в плоскости общеисторической. (...)

Иногда ставят вопрос: можно ли «зачислить» в группу явлений, не относящихся ни к базису, ни к надстройке, также и мышление? Конечно, мышление, как и язык, и на тех же основаниях, как и язык, не относится ни к базису, ни к надстройке. Но если язык есть чисто общественное явление, то мышление не может считаться таковым. Не только предпосылки, но и элементы мышления имеются и у высших животных. Человеческое мышление есть, разумеется, продукт общественного развития, но нам кажется искусственным ставить стену между мышлением человека и психикой высших животных. Качественные различия между тем и другим не должны превращаться в отрицание общности человека с животным миром и в данном отношении.

Если это положение спорно, то бесспорным является положение, согласно которому мышление есть прежде всего свойство организма, свойство человека, а не только общественное отношение, как все остальные рассматриваемые нами категории. Человек же как таковой вместе с его мышлением не относится ни к базису, ни к надстройке, так как последние суть определения соотношений между общественными явлениями. Человек же — явление не только социальное, но и биологическое, это — природно-общественный «предмет», а не общественное отношение. Общественные отношения суть различные связи между людьми, люди же — носители общественных отношений, а не бестелесные «чистые» отношения. Поэтому мы считаем искусственным «дополнить список» внебазисных или вненадстроечных явлений мышлением. В связи с этим несколько слов об основе соотношения мышления и языка.

Мышление есть внутренняя основа языка. Справедливо, что без языка нет мышления, однако еще более справедливо и обратное. Если нет мысли, то этого и выразить словами нельзя. Без мысли нет и языка. Язык есть внешнее выражение мысли. Человеческое мышление возникло на основе труда как мышление понятийное, специально человеческое. Язык непосредственно связан с этой особенностью человеческого мыш-

ления, так как каждое слово обладает достоинством понятия, обобщенным, отвлеченным характером. Это известно.

Язык облекает в материальную оболочку и придает четкую и определенную форму мысли. (...) Из этого следует, что соотношения мышления и языка проистекают не прямо и не только из закономерностей развития производства, а гораздо шире — из закономерностей отражения мира вообще. Во взаимоотношениях языка и мышления мы наблюдаем совершенно специфические закономерности, которые выходят за границы отражения общественных явлений. Ни язык, ни мышление не могут быть названы формами общественного сознания, их значение — более широкое. Основа соотношения и субординации мышления и языка — законы отражения действительно-сти в голове человека.

Здесь мы добрались до одной общей черты всех общественных явлений, не относящихся ни к базису, ни к надстройке: закономерности их возникновения и развития не являются чисто общественными, их детерминация (...) более сложная. Производство в своем возникновении и развитии, как было сказано, определяется, с одной стороны, свойствами предметов природы, употребляемыми человеком, с другой — естественными свойствами и потребностями самого человека как организма, и, наконец, общественными условиями, характером производственных отношений в первую очередь. Язык в своем возникновении и развитии зависит не только от социальных условий, но и от физического устройства человека, от его анатомии, от развития нейродинамического аппарата, от характера всех природно-общественных явлений, которые он отражает. Данные явления, таким образом, детерминированы совокупным действием законов природы и законов общественного развития. Явления же базиса и надстройки оказываются чисто общественными, полностью зависящими от действия законов общества, детерминируемыми в своем существе только ими.

В связи с этим возникает важный вопрос о том, имеют ли надстроечные явления свои собственные закономерности или они сводятся к закономерностям базиса? Известно положение основоположников марксизма о том, что идеи не имеют своей истории. Это положение было направлено против идеалистического представления о независимости духовной жизни общества от материальной. В нем в заостренной и несколько афористической форме была подчеркнута зависимость идей от материального бытия, от классовых интересов и т. п., т. е. надстройки от базиса. Однако, как нам кажется, и к данному положению не следует подходить начетнически.

Основные закономерности развития надстройки зависят от базиса. Нет самостоятельных законов надстройки, не зависящих от законов его развития. (...) Но в произведениях клас-

сиков марксизма-ленинизма мы одновременно находим ряд положений, утверждающих наличие некоторых особых закономерностей развития надстроечных явлений в пределах действия на них закономерностей экономической жизни. (...) Марксистское понимание соотношения общего и отдельного помогает нам разобраться и в этом вопросе. Общество в целом и каждая общественная формация — цельный организм. Законы, на основе которых живет и развивается организм в его прямом — биологическом, и переносном — общественном смысле, доминируют над действием законов отдельных «частей», «органов» этого организма. Эти законы могут действовать лишь в пределах, полагаемых общими законами. Такова общая субординация законов всего существующего, в том числе и законов базиса и надстроек.

Политическая история, история культуры, история наук, история философии и т. д. имеют право на свое существование и изучение, несмотря на то, что все исторические процессы в надстроечных явлениях происходили в границах, полагаемых потребностями и требованиями материальной жизни общества, выраженных в развитии базиса. (...)

На этом мы заканчиваем наш обзор соотношения категорий исторического материализма. Было бы нелепо думать, что подобная работа могла бы не только сколько-нибудь исчерпать, но и сколько-нибудь разрешить основные проблемы этого огромного вопроса. Задача данного обзора была гораздо более скромной: показать по возможности конкретно и на последовательно изложенном материале, что уяснение богатого смысла и значения категорий исторического материализма (как и вообще всех философских и научных понятий) требует выяснения соотношения этих понятий, категорий. Что собой представляет человек и какова его ценность, мы узнаем из его взаимоотношений с людьми, из его работы и жизни. Чем более многогранна эта жизнь и эти взаимоотношения, тем лучше «раскрывается» человек. То же и с категориями. Чем более выясняется круг связей одной категории с остальными, тем яснее выступают ее смысл и роль в науке. Чем шире круг данных связей, тем точнее становятся этот смысл и эта роль. (...)

1. ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ*

В сокровищнице идей, составляющих содержание ленинского этапа в развитии марксистской философии, выдающееся место занимают положения В. И. Ленина о сущности и активной, творческой роли сознания. Значение этих положений определяется не только тем, что проблемы сознания непосредственно включены в основной вопрос философии. В философском наследии Ленина они выходят за пределы этого основного вопроса и собственно гносеологии, освещают обширный круг проблем диалектического и исторического материализма, являются предельно широкой и разветвленной теорией.

Творчески развивая учение основоположников марксизма, В. И. Ленин обогатил его рядом новых положений о психике, сознании и об общественном сознании. Учение В. И. Ленина о сознании представляет собой глубочайший теоретический синтез достижений всех естественных и общественных наук, поражающий единством и логической стройностью диалектико-материалистической концепции.

Психика есть свойство живых существ создавать внутри себя чувственные и обобщенные образы внешней действительности и реагировать на эти отображения сообразно своим потребностям (а у человека — интересам, целям, нормам и идеалам). Под психикой человека разумеется вся совокупность явлений и состояний его внутреннего, субъективного мира, в отличие от внешнего, объективного мира, а также соматических, телесных функций самого человека, его нервной системы, в том числе и системы высшей нервной деятельности, являющейся физиологической основой психики. Сознание —

* Статья опубликована в журнале: Философские науки. 1970. № 4. Подробнее об этом см.: Тугаринов В. П. Философия сознания (современные вопросы). М., 1971.

часть психики, ибо в последней имеются не только сознательные, но и подсознательные процессы. Сознательные — это такие психические явления и действия человека, которые проходят через его разум и волю, опосредуются последними, которые, следовательно, совершаются человеком со знанием того, что он делает, мыслит или чувствует.

Можно не любить человека, как говорят, интуитивно, т.е. не зная, за что именно. Но когда известны причины этой неприязни, она приобретает сознательный характер. Можно нанести человеку вред, не понимая этого; причинить вред можно и сознательно. Не только чувства и поступки человека, но и его мысли, которые, казалось бы, целиком (по определению сознания как психического процесса, проходящего через разум) совершаются сознательно, в ряде случаев недостаточно контролируются разумом, содержат момент подсознательного. Данное здесь понятие сознания имеет самый общий характер и потому не полностью характеризует частные случаи его проявления. Так, например, ложная информация, данная без знания того, что она ложная, будет отличаться от сознательной дезинформации только в смысле отсутствия преднамеренности, ибо информатор и в первом случае действовал сознательно в общем смысле сознания. Это общее понятие сознания отличается и от понятия общественного сознания (о котором речь будет идти ниже).

Внутренний мир человека и психика вообще, утверждал еще домарксовский материализм, является свойством материи. Исходя из признания природы, материи единственной мировой субстанцией, материалисты XVII и XVIII столетий сделали из этой фундаментальной философской посылки правильный вывод, что «материя мыслит». В последарвиновский период это положение должно было принять более конкретный вид: психика, сознание есть свойство высокоорганизованной материи. Но эта конкретизация как бы отрывала свойство живой материи от общих свойств природы, лишала психику и сознание их предпосылок в неорганической природе. Известно, что Ф. Энгельс искал корни «мыслящего духа» в общих свойствах природы, считал, что мышление, сознание порождается материей всюду и всегда, где для этого имеются необходимые условия. Развивая эти идеи, а также догадки Д. Дидро, Э. Геккеля, Л. Моргана, В. И. Ленин говорил о необходимости «исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения».¹ Эта задача является одновременно и экспериментальной, и философской, общеметодологической. Первая сторона ее решается

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 40.

средствами и методами специальных наук, вторая сводится к нахождению того общего свойства природы, которое является основой и предпосылкой психики и сознания.

В. И. Ленин не только поставил указанную задачу, что само по себе является делом величайшего значения, но и блестяще решил ее в философском плане, найдя это общее свойство природы и выразив его в понятии отражения.²

Отражение, взятое как всеобщее природное явление, характеризуется на уровне современных данных тремя признаками: а) вторичностью отражения по отношению к отражаемому; б) подобием отражаемого в отражении либо по содержанию, либо по структуре. Частными случаями этого подобия являются гомоморфизм или изоморфизм отражения; в) преобразование отражаемого в отражении соответственно свойствам той среды, в которой происходит отражение.

Признаки б) и в) требуют некоторых комментариев. Полного подобия отражаемого в отражении, т. е. дублирования, повторения всех свойств первого во втором, не может быть. Речь может идти лишь о подобии в некоторых отношениях, о переносе тех или иных внешних или внутренних свойств отражаемого объекта. Так, психика и сознание дают нам образы внешнего мира, но не воспроизведение (повторение) последнего: внешний мир просто не мог бы «поместиться» в организме со всеми своими пространственными и иными параметрами. Чтобы внешний мир превратился в свой образ, он должен в организме претерпеть двойное преобразование. А именно в рецепторах, анализаторах, в нервно-проводящих каналах и тканях он преобразуется (кодируется) в хеомоэлектрические процессы. Но в отражении мы переживаем не то, что происходит в нервных тканях и в органах высшей нервной деятельности, а явления внешнего мира: картины природы и действия людей. Поэтому необходимо перекодирование нервного процесса в психический образ, в переживания внешних объектов.

С появлением кибернетики, внесшей свой вклад в развитие и конкретизацию проблем познания, возникла, однако, тенденция противопоставления ленинскому понятию отражения кибернетического понятия информации и даже «замены» первого вторым. Оба эти понятия выражают общие свойства природы, однако тождества между ними в действительности не существует. В процессе отражения обычно содержится информация об отражаемом объекте. В этом смысле информация выступает как момент содержания отражения, но лишь как момент, как одна из его функций, но не как его существо, ибо суть отражения в том, что оно дает образ, подобие отражаемого. Информация же не обязательно содержит подобие

² См.: Там же. С. 91.

и образ. Информация может быть получена и вне каналов отражения: различные условные знаки и коды дают информацию, но не являются отражениями (за исключением кодово-изображений). Далее. Отражение всегда вторично в отношении отражаемого; информация же осуществляется между объектами, которые могут и не находиться в отношениях указанной субординации (например, между двумя кибернетическими устройствами). Понятие информации в значительной мере лишено психологического и гносеологического плана, который весьма существенен для понятия отражения. Поэтому, хотя данные понятия и пересекаются (ибо биологическая и общественная формы отражения без информационной функции теряют свой смысл), они все же фиксируют различные связи действительности.

Ленинское понятие отражения сохраняет все свое значение для современной и, надо думать, для всей будущей науки и практики. Важнейшей частью марксистско-ленинского учения о сознании является анализ различных сторон последнего. Известно, что сознание выступает как реальное явление действительности. Это составляет онтологическую сторону сознания. В то же время сознание есть отражение внешнего мира, копия, снимок с действительности. Это его гносеологическая сторона.

Рассматривая сознание в онтологическом плане, мы фиксируем внимание на свойствах, отличающих его от других явлений действительности. Процессы, состояния и формы психики (ощущения, восприятия, представления, мысли, чувства, память, воображение, воля) не имеют признаков, присущих материальным явлениям, хотя и являются продуктами материальных нейродинамических процессов. Психические процессы и сознательные акты — это внутренние переживания живой материи. Они идеальны, но не имеют особой, отличной от материи субстанциональной природы. Идеальные явления (психика, сознание) «отягощены материей» двояко: во-первых, тем, что их появление и существование есть результат, «продукт», материального нейродинамического процесса и, во-вторых, тем, что их содержание, передаваемое другим людям, должно проходить через материальную (физическую) среду и превращено (закодировано) в ту или иную материальную форму. Непосредственные, реальные, проявления сознания (язык, изображения, знаки), имея своего физического носителя (колебания воздушной или электромагнитной волны), обладают в то же время идеальной сущностью, состоящей в смысле, значении слов и других знаков.

Указанные особенности психики и сознания не дают оснований противопоставлять эти явления их субстрату — материи. Свойство не противоположно его носителю, ибо оно проистекает из природы последнего. Однако свойства следует

отличать от их общего носителя, так как каждое из них имеет свои особенности. Идеальные явления нельзя отождествлять с их основой и источником — материей. Так, информационное содержание сознания отнюдь не тождественно самой материи. Информация в материальных системах по своей природе является материальной, а в идеальных (психических) системах — не просто идеальной, а идеально-материальной, она передается через материальную (физическую) среду. Итак, рассматривая сознание с онтологической стороны, нельзя сводить его к материи или считать материальным, но следует полагать особым, а именно идеальным свойством материи, т. е. видеть различие между материей и сознанием.

Но всякое различие в определенном отношении или в определенных условиях, или на определенном этапе своего развития обнаруживает заключенный в нем момент противоположности. В связи с критикой И. Дицгена В. И. Ленин выдвинул положение о гносеологической противоположности материи и сознания, т. е. противоположности взглядов на то, какая сторона в отношениях материи и сознания является первичной, а какая — вторичной, производной. «...Различие материи от духа *относительно, не чрезмерно*»,³ — писал В. И. Ленин. Поэтому их противопоставление имеет смысл лишь в указанном гносеологическом отношении, а не абсолютно, не вообще, не во всех отношениях. «Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований»,⁴ т. е. определяют противоположность материализма и идеализма.

Однако значение указанных ленинских положений обуславливает также и различие определенных сторон исследования сознания. В настоящее время эти исследования в марксистской философии и в специальных науках, занимающихся проблемой психики и сознания (общей и социальной психологии, физиологии высшей нервной деятельности, семиотике, моделировании психических функций), проводятся по многим направлениям: естественнонаучному (психологическому и кибернетическому включительно), семиотическому, философскому (онтологическому и гносеологическому) и социологическому. Предметом изучения сознания в социологическом аспекте являются те формы, структуры и уровни, в которых выражается дифференциация сознания людей в современном обществе: индивидуальное, коллективное (групповое) и общественное сознание, обыденное и научное сознание, знание и идеология, общественная психология и др.

³ Там же. С. 257.

⁴ Там же. С. 259.

Явления сознания объективны по своему содержанию как отражение явлений и законов действительности. Но они одновременно и субъективны как выражение внутреннего мира человека, а также и потому, что в содержании имеются элементы, привносимые человеком. Сознание, указывал В. И. Ленин, не является мертвым, механическим, зеркальным актом. Диалектическое соотношение объективного и субъективного в ощущении, этом элементарном и исходном моменте психики и сознания, замечено было еще домарксовскими материалистами и ближайшим образом Л. Фейербахом, писавшим, что надо отличать соль, как она существует независимо от человека, от соленого вкуса, возникающего при воздействии соли (ее химического состава) на наш язык. Эта мысль, лежащая в основе материалистической теории познания, была развернута Лениным в глубокую диалектическую формулу ощущения как субъективного образа объективного мира. Эта формула справедлива не только для ощущения, но и для всех форм чувственного образного познания. Но и рациональная, понятийная ступень познания и сознания также является субъективным мыслительным отражением явлений и законов объективного мира. «...Для Чернышевского, как и для всякого материалиста, — писал Ленин, — законы мышления имеют не только субъективное значение, т. е. законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются, с этими формами...»⁵

Психика и сознание являются единством объективного и субъективного на основе объективного. Это основная структурная характеристика психики и сознания определяется их назначением и в филогенезе, и в онтогенезе: служить средством ориентировки во внешнем мире, приспособления к природе и борьбы с нею, а у человека — и преобразования природной и общественной среды. Для выполнения этого назначения психика и сознание должны давать хотя бы приблизительно (...) правильное, более или менее адекватное внешнему миру отражение. С другой стороны, психика бессознательно или сознательно должна выбирать в отражаемом те стороны, которые, по словам Ленина, «нужны человеку», которые удовлетворяют его потребности и интересы. Кроме того, психика ограничена характером воспринимающих действительность нейрофизиологических аппаратов, а у человека также уровнем развития техники и науки современного ему исторического периода и его личными способностями. Наконец, отражение внешнего мира в сознании человека проходит через различные «сита» и «экраны», полагаемые социальным положением личности, его классовой, национальной, возрастной и проч. принадлежностью, прошлым жизненным опытом, вос-

⁵ Там же. С. 383.

питанием и нормами, установленными обществом или той общественной группой, к которой принадлежит данная личность (установки и ориентации).

Современные теории (физиологические, психологические и гносеологические), раскрывающие преимущественно субъективные стороны психики и сознания (подкорковые формы психики, установки и ориентации, общественную психологию, ценностное отношение), плодотворно развивают учение марксизма-ленинизма о сознании. Однако следует возражать против такого увлечения этими теориями, когда забывается объективная основа психики и сознания, ленинская теория отражения, против чрезмерной психологизации общественных явлений или превращения установок и ориентаций в универсальную отмычку ко всем явлениям общественной жизни. Сущность психики и сознания — в отражении объективной действительности.

Методологической основой раскрытия природы и значения сознания, характерной для ленинской теории отражения, единства в сознании объективного и субъективного, является идея активности, творческой роли сознания. Идея о творческой роли сознания является теоретическим выражением исторической миссии пролетариата: построения нового общества, основанного на высокой общественной сознательности и самостоятельности трудящихся масс, на их целеустремленности к социализму и коммунизму, общества, построенного на научной основе марксизма и развивающегося не стихийно, а под руководством рабочего класса и его партии, по пути реализации познанных объективных законов общественного развития.

Отражение дает знание, а знание нужно для правильного практического действия. Ленин был не только великим мыслителем, но и великим организатором революционных процессов. Одновременно В. И. Ленин решительно разоблачал всяческие проявления волюнтаризма, т. е. идеалистического преувеличения роли сознания и воли людей: субъективную социологию народничества, анархизм, «левый» коммунизм, троцкизм и проч. Активность сознания Ленин понимал материалистически. Сознание может выполнять творческую роль лишь на основе использования объективных законов природы и общества, оно не должно игнорировать реальную жизнь, «перепрыгивать» через необходимые стадии экономического развития и революционного процесса. Но в указанных пределах активность революционного сознания есть могучая сила разрушения старого и творчества новой жизни.

Человек пробуждается к активности, к действию своими потребностями, интересами, целями, идеалами. Вопрос о роли и значении этих факторов, особенно классовых, как реальных оснований и стимулов практической деятельности и активности, занимает значительное место в работах В. И. Ленина.

Выполнение нашей ленинской партией, советским народом великих исторических задач построения нового общества было обусловлено именно тем, что ленинская политика соответствовала коренным интересам рабочего класса и широких трудящихся масс.

Активность сознания имеет глубокие генетические корни в психике и физиологии человека. Современное направление «физиологии активности» (П. А. Анохин, Н. А. Бернштейн и др.) раскрыло физиологический механизм активности, выражаемый терминами, «предвосхищающего отражения» и «модели будущего». Согласно этой теории живой организм не только пассивно приспосабливается к среде, но и активно борется с неблагоприятными для вида и индивида условиями этой среды. Уже перед началом того или иного действия организм вырабатывает представление о желаемых его результатах, руководствуется этим представлением, производит коррекцию своих действий соответственно постановленным его природой «целям». Сознательная целевая деятельность человека является качественно новой, наивысшей ступенью в развитии стихийной целенаправленности, присущей всем живым организмам, обладающим психикой. Целесообразное поведение животных и целевая деятельность человека получают обоснование в физиологии высшей нервной деятельности открытием того фундаментального факта, что управляющие центры нервной системы обладают способностью не только синтезировать внешние раздражения и давать соответственные импульсы для моторных аппаратов, но и предвещать результаты действий и корректировать эти действия, осуществлять «обратную афферентацию», аналогичную «обратной связи» в кибернетических устройствах. Традиционная схема рефлекторной дуги превращается в схему рефлекторного кольца, где внешнее воздействие (объективное) и внутренняя реакция (субъективное) объединяются в непрерывное действие, развивающееся по спирали. (...)

В учении Ленина об общественном сознании проблемы сознания в плане диалектического материализма, т. е. «сознания вообще» как свойства высокоорганизованной материи, как функции мозга, как разумности, органически связаны со взглядами на сознание в плане исторического материализма, т. е. общественного сознания. В. И. Ленин указывал, что домарковский материализм дошел до понимания сознания лишь в первом общепhilософском смысле.

«Сознание вообще», присущее всем людям как существам, обладающим разумом, вплетается в ход обыденной жизни, участвует во всех актах человеческой деятельности, в том числе и в области материальных отношений, которые возникают и развиваются независимо именно от общественного сознания, т. е. сначала появляются в жизни, а потом уже отра-

жаются в общественном сознании. Человек всегда и везде действует сознательно в общем смысле этого слова (за исключением известных патологических случаев).

Ленинское различие сознания вообще (сознания в плане диалектического материализма или просто сознания) и общественного сознания имеет принципиальное значение. Русский махист (эмпириомонист) А. Богданов, не поняв этого различия, сделал вывод: раз все делается людьми сознательно, значит, в обществе не может быть ничего независимого от сознания. Он отождествил общественное бытие и общественное сознание, стал на позиции идеализма. В высказываниях В. И. Ленина об общественном сознании выступают три признака последнего.

Первый признак. Общественное сознание есть выражение того высшего уровня сознания, который называется также общественной сознательностью, т. е. понимание общественных отношений, в которых живет и действует человек, в их цельности или сущности, в отличие от стихийности или общественной несознательности. Этот признак общественного сознания доминирует в работах Ленина. (...)

В. И. Ленин различал, как известно, стихийную и сознательную борьбу рабочего класса. К первой он относил экономическую борьбу, в которой рабочие выступают, как и всякий продавец, стремясь продать свой «товар» (рабочую силу) возможно дороже, т. е. борются за сохранение или увеличение зарплаты и вообще за лучшие условия труда, т. е. действуют вполне сознательно в общем смысле слова. Однако экономическая борьба является стихийной, бессознательной, но не в психологическом смысле этого слова, идентичном понятию «инстинктивный», а как антитеза борьбы сознательной, т. е. борьбы с пониманием общих целей и задач пролетариата. В экономической борьбе, как указывал Ленин, можно усмотреть лишь зачатки сознательности, а именно сознание того, что в одиночку бороться с хозяином невозможно, что необходимы объединение рабочих, их совместные действия. (...)

Второй признак общественного сознания связан с отражаемой им областью действительности. Оно является осознанием именно общественных отношений. Если первый признак характеризует уровень общественного сознания (сравнительно с сознанием вообще), то второй признак определяет границы его содержания сравнительно с тем же сознанием вообще, отражающим не только явления общества, но и природы. На основании этого признака некоторые авторы исключают из общественного сознания различные естественные науки. Считается, что формой общественного сознания может быть лишь наука об обществе, а не наука в целом.

Мы не склонны поддерживать такое мнение. Наука, взятая в целом, есть общественное явление и отношение, хотя в нем

познается не только общество, но и природа. Предмет познания и сущность явления — не одно и то же. Естествознание, как и вся наука в целом, является продуктом развития общества. В общих суждениях и выводах естествознания много от мировоззрения, от идеологии. Естествознание служит обществу, развитию производительных сил. С точки зрения указанного «жесткого» подхода надо было бы исключить из общественного сознания и значительную часть философии, поскольку она занимается материей, формами ее движения, пространством-временем, категориями и проч., а также кибернетику, семиотику и другие науки, категории которых имеют общенаучное значение. Вообще говоря, суждения, основанные на одном-единственном признаке, не годятся для таких сложных и многозначных явлений, как наука.

Третий признак. Общественное сознание есть продукт духовной деятельности всего общества, многочисленных поколений людей. Этим признаком общественное сознание отличается от индивидуального.

В современных советских философских работах данный признак является доминирующим. Общественное сознание характеризуется преимущественно как индивидуальное, как «сознание общества». Такой взгляд, будучи правильным по существу, в то же время сводит содержание сложной и многогранной проблемы общественного сознания лишь к одному из указанных признаков.

Индивидуальное сознание, в отличие от коллективного (группового) — классового, национального и проч., а также в отличие от общественного сознания, характеризуется следующими признаками.

а) Поскольку индивидуальное сознание «помещается» в головах отдельных людей, индивидов, то оно является «вместилищем» всех форм, структур и уровней сознания: сознания вообще и общественного сознания, обыденного и научно-теоретического сознания и т. д.

б) Сознание индивида не может охватить всего богатства и многосторонности общественного сознания. Оно ограничено в еще большей степени, чем сознание общества, краткими сроками жизни индивида, его способностями и проч., что не исключает высокого развития тех или иных сторон сознания последнего.

в) Индивидуальное сознание является неповторимым сочетанием всех психических процессов, состояний и форм, которые присущи человеку вообще.

Короче говоря, в особенностях индивидуального сознания мы находим единичное проявление всего того, что имеется или может быть в сознании людей. Индивид может сделать открытие, неизвестное еще другим людям, или обладать таким развитием той или иной способности, которое не присуще ос-

тальным. Но все это не выводит индивида из рамок сознания вообще и общественного сознания. Кроме того, главное общественное значение проблемы индивидуального сознания не в гениальности или своеобразии того или иного лица, а в том, чтобы индивидуальное сознание было в наибольшей степени обогащено общественной сознательностью. (...)

Ленинское учение об общественном сознании, будучи теснейшим образом связанным с непосредственной социально-политической борьбой, содержит в себе глубокий и всесторонний анализ классового сознания, его корней, развития и изменений в ходе классовой борьбы и его социально-психологических мотивов. В. И. Ленину принадлежит заслуга развернутого учения о роли сознательной деятельности рабочего класса и его партии как носительнице пролетарской идеологии. Но Ленин был далек от односторонности «сциентизма». Он не отрывал идей и логики участников классово-политической борьбы от их психики в целом, от их эмоций, страстей, настроений, энтузиазма, от их внутренних «субъективных» переживаний, от всего того психологического «поля», которое всегда и во всем «окружает» деятельность людей. Эта сторона ленинского учения о сознании требует тщательного и подробного исследования. Всестороннее понимание деятельности людей предполагает знание не только объективных результатов и рациональных целей этой деятельности, но и внутренних движущих мотивов и импульсов последней.

Учение В. И. Ленина о сознании, выражая глубокое единство материализма, диалектики, естественнонаучной, психологической и исторической мысли, является одним из величайших достижений марксистской философской науки.

Предисловие

Рассуждение о ценностях — отнюдь не изложение отвлеченного, книжного вопроса. Эта проблема взята из самой гущи жизни. Оценка явлений окружающей нас действительности есть каждодневный, миллиарды раз повторяющийся факт жизни любого из нас в отдельности и общества в целом. Ценностный подход к явлениям природы и общества, т. е. отбор того, что нам нужно, что мы ценим, есть элементарнейший акт, без которого невозможна ни деятельность, ни сама жизнь человека как существа, имеющего различные потребности, интересы и цели. Без ценностного подхода не может существовать и общество. Положительное или отрицательное отношение к процессам, происходящим в данном обществе и государстве, и к событиям, происходящим за его пределами, к поведению людей, работников и деятелей — это постоянная забота любого общества. (...)

Человек не только познает и созерцает, но оценивает и действует. Его разум развился в процессе практической деятельности и ориентирован в конечном счете на наиболее целесообразный выбор объектов и характера деятельности. Эта деятельность целесообразна тогда, когда она направлена на те явления или свойства действительности, из которых можно извлечь что-либо полезное, нужное, ценное. Человек в своей жизни руководствуется личными или общественными целями, которые вследствие своей важности или привлекательности также выступают как его ценности. Каждый коллектив, общественный класс, политическая партия стремится к достижению тех или иных целей, являющихся для них ценностями и тогда, когда они лишь желаемы, и тогда, когда они уже осуществ-

* Из кн.: Теория ценностей в марксизме. Л., 1968 (предисловие, глава I, постановка вопроса из главы II, заключительный раздел из главы IV).

лены. Таким образом, ценностное отношение представляет собой необходимый, всеобщий и вечный фактор жизни человека и общества.

Совершенно наивно полагать, что проблема ценностей значима лишь при том или ином общественном строе, что ею занимаются только определенные течения в идеологии и т. п. Исторические и идеологические различия в определении того, что именно является ценностью, разумеется, существуют, но сам ценностный подход к вещам, событиям и фактам вытекает из природы человека как живого, обладающего потребностями и интересами существа, и из коренных задач общественной жизни. Эти различия подобны волнам на поверхности моря. Волны различны в зависимости от силы и направления ветров, но они выражают физическую природу воды; в пучину вод они и возвращаются.

Конкретно-исторический классовый подход к проблеме ценностей объясняет те или иные особенности характера и системы явлений, признаваемых людьми за ценности или неценности (что, конечно, также важно). Но объяснение сущности ценностей и их возникновения следует искать в общеисторических основах жизни общества и человека. Ведь в этих же основах мы находим также и сущность производственной деятельности, практики и познания. Познание, оценка и практика — в этом едином узле сосредоточены основы жизни человека и человечества. Поэтому автор данной книги настаивает на самом широком подходе к проблеме ценностей, как к проблеме одновременно гносеологической и общеисторической, а не только чисто социальной и конкретно-исторической. Только на основе такого подхода возможно правильное и глубокое конкретно-историческое и специальное (для той или иной отрасли деятельности и идеологии) исследование проблемы ценностей.

Мнение о том, что эта проблема пришла к нам из буржуазной философии (из кантианства и аксиологии), не может нас испугать, ибо дело не в «социальном происхождении» той или иной теории, а в ее истинности и значимости. Но это мнение неверно и по существу. Вопрос о ценностях и об оценке был неременной составной частью любой сколько-нибудь значительной философской и социологической системы прошлого, в особенности тех, где специально изучались проблемы человеческой деятельности.

Особенно большую роль придает этой проблеме марксизм-ленинизм как философскому обоснованию революционно-практической деятельности. Революционная деятельность невозможна без отрицательной оценки общественного строя, против которого выступают революционеры, без вынесения ему «приговора» и, с другой стороны, без положительного отношения к тем целям, за которые борется революционная партия. Поэтому проблема ценностей связана с самой глубокой сущно-

стью, с духом марксизма-ленинизма. В нашей литературе существует мнение, что классики марксизма-ленинизма якобы не занимались этой проблемой. Не считая возможным и нужным заниматься здесь доказательством противного при помощи цитат, напомним хотя бы, что Марксова теория стоимости является экономическим выражением теории ценностей и дает нам все основные методологические посылки для ее разработки. Напомним также о борьбе В. И. Ленина против объективистской социологии «легального марксизма», отрицавшего оценочное отношение к общественным явлениям и сводившего социологию к «чистому» описанию этих явлений в целях «объективности». Ленинское учение о классовом, партийном подходе к явлениям общественной жизни есть не что иное, как революционно-пролетарское ценностное отношение к ним.

Проблема ценностей — не только общественная, но и личная проблема. Не может быть человека без каких-либо ценностей, которыми он живет или к которым стремится. (...) Разработка марксистского взгляда на ценности ставит перед собой задачу отбора действительных, подлинных ценностей, обогащающих жизнь человека. Поэтому проблема ценностей в марксизме — это не только гносеологическая и социологическая, но и воспитательная проблема. (...)

Необходимость разработки теории ценностей (...) признана большинством советских философов и социологов. (...) С 1960 г., когда у нас появилась первая книга по проблеме ценностей, накопился ряд важных вопросов по рассматриваемой нами теме и различных мнений о них, высказанных в статьях и коллективных обсуждениях. Предлагаемая работа возникла как попытка ответить на эти вопросы. Она представляет собой также опыт более или менее разностороннего, систематического изложения проблемы ценностей. Уровень изложения, разумеется, зависит не только от способностей автора, но и от степени коллективной разработки рассматриваемой проблемы, от ее характера и направления. Построение книги и определяется указанными факторами.

Критическому рассмотрению как марксистских, так и немарксистских взглядов на ценности подвергаются здесь преимущественно направления и типичные аргументы, а не индивидуальные концепции. Ведь для того чтобы разобраться в вопросе, надо как-то сгруппировать многообразные мнения, оставляя в стороне индивидуальные варианты и нюансы. Но основное в книге не критика; последнее — лишь обратная сторона и подсобное средство для позитивного изложения. Разработка теории ценностей сама есть только одно из средств для того, чтобы жизненные ценности советских людей становились все более содержательными, чтобы и материальная и духовная их жизнь становилась богаче. (...)

ЦЕННОСТНЫЕ КАТЕГОРИИ И ИХ МЕСТО В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ

Понятие ценностей и рядоположные понятия

Прежде всего разберемся в смысле основного понятия. Что такое ценности? Этимологический смысл этого слова весьма прост и вполне соответствует самому термину: ценности суть то, что люди ценят. Это могут быть и предметы, вещи (в том числе драгоценности, т. е. вещи, имеющие большую цену), и явления природы, и общественные явления, и человеческие поступки, и явления культуры (например, произведения техники или искусства). Понятие ценностей возникает из того элементарного и повседневного факта, что люди в процессе жизнедеятельности удовлетворяют свои разнообразные потребности, используя предметы и их свойства, вещества и силы природы, а также «продукты» общественной деятельности людей. Одни из этих объектов оказываются полезными, нужными для людей, т. е. способными удовлетворять их потребности, другие — вредными и ненужными, бесполезными. Первую группу объектов люди относят к ценностям.

Итак, отнесение к ценностям и понятие ценности возникают при взаимодействии человека с окружающими его объектами (в указанном многообразном значении). Человек оценивает способность того или иного объекта удовлетворять его потребности, желания, интересы или цели. Таким образом, ценности и их понятие лежат очень глубоко, в самых основах человеческой жизни. И животные, разумеется инстинктивно, различают в окружающей их природе то, что для их организма полезно и что вредно. Но в человеческом понятии ценного, в отличие от неценного (бесполезного или вредного), выражается осознание этого различия в его общей форме, т. е. в отвлечении от конкретного отношения к тому или иному объекту. Это понятие, лежащее в самой основе повседневного и научного опыта, присуще всем людям на всех стадиях общественного и умственного развития, хотя и различается очень решительно в разные эпохи и у разных людей того или иного общества.

Если в основе отнесения к ценностям лежит суждение о полезном, нужном, важном, то понятие ценности почти идентично с понятием блага. Обычно эти понятия и употребляются как синонимы. Так, понятия «материальные блага» и «материальные ценности» в сущности имеют одинаковый смысл. Однако неправильно понятие блага относить лишь к материальным ценностям. (...) Благом, например, является свобода. Различие между ценностями и благом есть, но оно не в том,

что ценности могут быть и идеальными, а благо — только материальным. В понятии блага подчеркивается, что оно — нечто хорошее, нужное, а в понятии ценности имеется тот смысл, что благо люди ценят. Иначе говоря, в понятии блага больше выступает объективная сторона, а в понятии ценности — субъективная. Смысл обоих понятий — положительный. Попытки некоторых философов (...) ввести понятие «отрицательные ценности», или «антиценности», являются натяжкой (...)

Отрицательные понятия в оценочных суждениях никогда не образуются с помощью простого отрицания: они имеют свою собственную терминологию. С помощью отрицательной частицы «анти» образуются лишь понятия, не имеющие оценочного характера, например «антимир», «антиматерия» и т. п. И это понятно: сказать «антиценности» — значит признать за «отрицательными ценностями» достоинство ценностей, что явно неправильно. Может ли верующий человек назвать дьявола «антибогом»? Антимир есть тоже реальный мир, он имеет все черты объективного мира, а антиценность отнюдь не есть ценность, хотя бы и «отрицательная». Смешно называть безделье «антитрудом» или хамство «антивежливостью». Вещь или явление можно ценить или не ценить. Третьего не дано. Поэтому мы будем употреблять понятия ценности и неценности.

Ценности могут быть наличными, существующими, экзистенциальными, а также мыслимыми, желательными, нормативными, целевыми и идеальными. (...) Некоторые наши исследователи объявляют понятие ценностей исключительно нормативным и целевым. Такое ограничение или сужение данного понятия, идущее от кантовского понимания ценностей, нельзя признать правильным. Как известно, И. Кант относил понятие ценностей к морали, а неокантианцы (В. Вильдебранд и Г. Риккерт) распространили его и на явления культуры. Кантианская традиция ограничивает понятие ценностей духовными ценностями. Кант был логичен, ибо моральные ценности действительно имеют нормативный, императивный характер. Явления же культуры уже далеко не все носят нормативный, целевой и идеальный (от понятия «идеал») характер. Научные открытия и произведения искусства, будучи ценностями духовной жизни (и в этом, другом смысле, — идеальными) в большинстве случаев являются не нормативными и целевыми, а наличными, существующими, экзистенциальными. Странно было бы исключать из ценностей содержимое всех библиотек и музеев, архитектуру и музыкальное наследство человечества. Не менее странно не считать ценностями достижения науки и техники и материальной культуры в целом. (...) Кроме того, сторонники нормативного понимания ценностей, ограничивая последние явлениями культуры, исключают из ценностей человека и его непосредственную жизнь, представляющую для

него (...) величайшую и ни с чем не сравнимую ценность. (...)

Как же определить понятие и основные признаки ценностей? Для понятия ценности не существует другого понятия, вполне адекватного ему, поэтому правильнее и яснее всего было бы определить ценности как то, что люди ценят. Но такое определение найдут тавтологическим. В этой связи понятие ценности придется определять через другие понятия, близкие ему, в качестве его признаков. Из таких признаков следует выбрать самый общий: ценности — это то, что нужно людям для удовлетворения их потребностей и интересов. Этот признак следует несколько детализировать. Люди ценят или людям нужно либо необходимое, либо полезное, либо приятное. Это уже более частные признаки ценностей. О кислороде нельзя просто сказать, что он полезен, он необходим. (...) Признак полезного в качестве частного, а не общего признака ценностей (как он выступал в прежних наших определениях) бесспорен. Приятное является более частным признаком ценностей, ибо не все ценности приятны. Полезное и приятное в большинстве случаев совпадают, но не всегда. Не все приятное также является ценным.

Иногда ценность определяют через понятие значимости. Но значимость или значение имеют не только ценности, но и вред. Войны, преступления и болезни имеют большую значимость для общества и личности, но никто эти явления не назовет ценностями. Категории значимости, значения — очень важные и малоразработанные в марксистской литературе категории, но их объем (...) шире, чем у понятия ценности. Таким образом, у нас получается следующее общее определение ценностей. Ценности суть предметы, явления и их свойства, которые нужны (необходимы, полезны, приятны и проч.) членам определенного общества или класса или отдельной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала. (...)

В отличие от наших прежних определений ценностей, в данном случае мы упоминаем отдельную личность. Это добавление следовало сделать непременно. Отдельное не полно входит в общее. Хотя личность, несомненно, есть дитя своего времени и общественного положения, она и ее жизненные ценности не полностью «погружены» в общество, как не полностью погружена в воду лодка. Это обусловлено, во-первых, неповторимыми особенностями физического и психического склада каждого индивида, зависящими, в свою очередь, от бесконечного разнообразия наследственных комбинаций и от столь же бесконечного разнообразия той микросреды, в которую попадает индивид. Во-вторых, во всяком обществе личность должна самостоятельно решать многие вопросы своей жизни. Даже в социалистическом обществе (...) человек сам должен решать,

будет ли он продолжать учебу после окончания школы или пойдет работать, чему именно он будет учиться и т. п. Общество не может предписать ему тот или иной режим личного быта, его личных симпатий или антипатий, интереса к тем или иным явлениям духовной жизни и т. д. В-третьих, личность впитывает унаследованные от прошлого и воспринятые от окружающих предрассудки, пережитки, порождающие различные лжеценности. Однако эти лжеценности кажутся зараженной ими личности настоящими, подлинными ценностями. Наконец, в ряде случаев личность остается невосприимчивой к тем ценностям, которые ей предлагает общество. В результате всего этого фактические жизненные ценности личности часто оказываются в разительном противоречии с ценностями общества. Игнорируя эти обстоятельства, мы многое упускаем в воспитательной работе.

Все сказанное отнюдь не исключает правильности закона «бытие определяет сознание». Бытие — явление многозначное. Для каждого человека есть особый «вариант» его бытия и его общественного бытия, как у каждого растения имеются особенные условия его почвы, климата и конкретного места произрастания. Поэтому решение проблемы ценностей (...) должно быть тесно связано с решением проблем личности, с изучением личных ценностей и с воздействием на последние, т. е. воспитанием.

Иногда утверждают, что ввиду конкретности и множества фактических ценностей людей общее определение ценностей невозможно и ненужно. Другие, наоборот, считают, что марксистская теория должна быть теорией ценности (в единственном числе). То и другое мнения неправильны, односторонни. Общее понятие не может мешать конкретному, как общие понятия метра или килограмма не мешают измерять и взвешивать. Общее понятие «растение», выделяя общие признаки растительного мира, помогает изучению любого из многих тысяч растительных видов. Если бы таких общих понятий не было, не существовало бы и общей мерки, эталонов для измерения, не было бы единообразия мер; измерения бы очень затруднялись, стали бы «субъективными», мерками «на глазок», изучение происходило бы без критериев. Таковы следствия отрицания общего в практической жизни. Так же обстоит дело и в теории. Общее понятие дает смысл, меру и границы конкретного. Оно вносит в изучение конкретного общезначимый смысл, исключает или ограничивает субъективизм и неопределенность.

Можно спорить о правильности или точности общего определения, но нельзя отвергать общих определений в принципе. В. И. Ленин писал: «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти

общие вопросы. А наткаться слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность».¹ Классовый характер ценностей в классовом обществе и индивидуальный момент в них также не являются основаниями для отрицания общих понятий ценности. Каковы бы ни были различия между ценностями в этих отношениях, все равно они остаются именно ценностями, т. е. имеют нечто общее, что и фиксируется определением.

Но, с другой стороны, никакое общее определение не может быть достаточным для решения конкретного вопроса. Понятие килограмма недостаточно для выяснения того, сколько весит именно данный товар, а из понятия растения нельзя вывести особенностей данного вида или сорта растений. Так и общее понятие ценности без дальнейших определений не поможет отделить полезное от вредного, хорошее от плохого, красивое от безобразного и т. д., поэтому выработка самого лучшего общего понятия есть лишь начало работы (хотя такая выработка сама является синтезом большого конкретного опыта).

Следует четко различать ценность и оценку. Ценностью может быть как явление внешнего мира (предмет, вещь, вещество, событие, поступок), так и факт мысли (идея, образ научная концепция). Ценность есть то, что мы оцениваем, предмет оценки. Оценка же — умственный акт, являющийся результатом нашего оценочного отношения к этому предмету. Найдя предмет (или его свойство) полезным, приятным, добрым, красивым и т. п., я совершаю оценку. Оценка, следовательно, зависит от свойств оцениваемого предмета. В отличие от ценности, которая, как сказано, имеет только положительный знак (не может быть «отрицательных ценностей»), оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Я могу найти этот предмет (или его свойство) не полезным, а вредным, оценить данный поступок как плохой, безнравственный, осудить этот роман как пустой, бессодержательный, пошлый и т. п. Все такие суждения суть оценки. (..)

Таким образом, мы обнаружили целую группу, гнездо ценностных понятий (категорий): ценность, отнесение к ценностям, ценностное отношение, оценка, предмет оценки. Рассмотрим их взаимоотношения. Понятие ценности мы определили. В данном аспекте ценность есть некий объективный предмет или явление (а также мысль, суждение, намерение, цель, идеал), с которым связаны и с которым субординируются все остальные указанные категории. Ценность предполагает особое отношение к объекту, отличное от познавательного, — ценностное отношение. Тот умственный акт, которым люди осуществляют выбор между объектами, относя часть из них к ценно-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 368.

стям, называется отнесением к ценностям. Отнесение к ценностям отличается положительным знаком («это есть ценность»), в отличие от оценки, которая может быть как положительной, так и отрицательной. Ценность есть предмет оценки, но эти два понятия не тождественны. В результате акта оценки предмет может быть признан либо неценностью, либо ценностью.

Таким образом, вся эта группа понятий отражает определенные стороны ценностного отношения, направленного на явления внешнего или внутреннего мира. Поэтому понятие ценностного отношения наряду с понятием ценности должно подвергнуться особому теоретическому анализу. (...) Этот анализ имеет, если можно так выразиться, два «этажа». Выше было указано, что основными (...) актами жизни человека являются акты познания, оценки и практики, соединенные в один узел, но внутренне различающиеся между собою. Это — «триада второго этажа». Под ним в качестве первого «этажа» лежит другая триада: потребности, интересы и цели. В самом деле, возникает вопрос: каковы причины того, что человек совершает акты познания, оценки и практики? Что побуждает его к этому? Все это человек совершает потому, что он побуждаем потребностями, интересами и возникающими из последних целями. Если бы у индивида не было никаких потребностей и интересов, то он был бы лишен стимулов к совершению указанных актов, в том числе и оценки. Сами же эти потребности и интересы вытекают из биологических, психологических и социальных сторон человека как «сплава» природного и социального. Начнем с «триады первого этажа» с биолого-социальных побудителей людей к познанию, оценке и практике.

Потребности, интересы и цели

Общество состоит из живых людей. Из этого бесспорного факта исходит всякая история, в том числе и ее материалистическое понимание. «Первая предпосылка всякой человеческой истории, — писали основоположники марксизма, — это, конечно, существование живых человеческих индивидов... Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе».²

Люди в обществе должны прежде всего удовлетворять свои биологические потребности. (...) Первичные потребности человека, изменяясь под влиянием общественной жизни и культуры, не теряют, однако, своей биологической природы. Условия

² Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса//Вопросы философии. 1965. № 10. С. 83.

общественной жизни вызывают целый ряд новых, уже не только и не чисто биологических, но психологических, социально-политических и духовных потребностей. Классики марксизма включали потребности человека в состав четырех первичных исторических отношений или основных сторон социальной деятельности.³ «...Мы должны, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — прежде всего констатировать первую предпосылку всякого человеческого существования, а следовательно и всякой истории, а именно ту предпосылку, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю»... Но для жизни нужны прежде всего пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что... Итак, первый исторический факт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни... Второй факт состоит в том... что сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом».⁴

Итак, изложенная здесь концепция классиков марксизма состоит в следующем: материальное производство есть общественный способ удовлетворения биологических потребностей и возникающих далее новых потребностей. Но биологические потребности, являясь предпосылкой истории, еще не входят в нее, поэтому «второй факт», т. е. удовлетворение новых потребностей, возникающих уже в условиях общественной жизни, является в то же время «первым историческим актом». Третьим первичным историческим отношением Маркс и Энгельс называли размножение, семью, отношение между мужем и женой, родителями и детьми,⁵ что, разумеется, также базируется на определенных потребностях. Под четвертым первичным историческим фактом основоположники марксистской теории понимали способ общения (производственные отношения),⁶ возникающий между людьми в процессе производства. (...)

Как видим, первичный исторический акт порожден теми или иными человеческими потребностями. Что же касается интересов, то Ф. Энгельс писал о них: «Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*».⁷ Понятия «потребности» и «интересы» не идентичны по своему смыслу. Потребностями называются стимулы (побудители), вытекающие из биологической, психологической и общественной природы человека. Под интересом понимается направление мыслей и чувств человека на объекты, удовлет-

³ См.: Там же. С. 91.

⁴ Там же. С. 91—92.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Там же.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 271.

воряющие или способные удовлетворить его потребности.

Потребности имеют самый разнообразный характер: от элементарных потребностей в пище, жилье и проч., до самых высших социальных и духовных потребностей. «Так, например, услуга, оказываемая мне певцом, удовлетворяет мою эстетическую потребность...»⁸ Соответственно мы имеем целый веер интересов: от чисто личных до классовых и общечеловеческих, от интереса к себе подобным до интереса к познанию иных миров. Направляя свое внимание на объекты внешнего мира с целью удовлетворения собственных потребностей и интересов, человек познает их свойства и на этой базе оценивает их как удовлетворяющие или не удовлетворяющие его потребности и интересы, т. е. производит их оценку. В этом плане можно определить оценку как выбор на основе интереса, а ценность — как нечто интересное, т. е. как объект, соответствующий интересу.

Что же происходит дальше? Сумма наличных или возможных ценностей направляется в горнило практики: на прямое использование или на «переработку». Практическую обработку и переработку в этом плане мы определим как процесс превращения потенциальных ценностей в действительные, непосредственные, наличные. Таким образом мы можем определить и место целей. Обусловливаясь потребностями и интересами, цель по отношению к ним выступает как идеальный, мысленный образ создаваемой людьми ценности. Рассмотрим эту схему несколько подробнее.

Как уже отмечалось, необходимо отличать биологические, физиологические потребности, свойственные человеку как живому организму, от потребностей, возникших уже на базе общественной жизни и общественного производства. Первые, естественно, не входят в историю, так как возникли до истории общества, в прогрессе органической эволюции, общи у человека с животным миром. Вторые же входят в историю человечества, во-первых, потому, что имеют историю, т. е. изменяются в ходе исторического процесса, и, во-вторых, потому, что изменяются в зависимости от характера этого процесса. Так, потребности современного человека в бытовом комфорте существенно изменились по сравнению с потребностью в нем у человека первобытного и даже феодального общества. Современного рядового человека уже не может удовлетворить не только пещера или хижина феодального крестьянина, но и условия жизни в феодальном замке, лишенном самых элементарных удобств современного жилища. Потребность современного человека в информации о происходящих в мире событиях сильно отличается от потребностей людей прошлого, когда не было газет, радио и проч.

⁸ Там же. Т. 26, ч. I. С. 414.

Нетрудно заметить, что новые потребности, возникшие на базе условий общественной жизни и культуры, в свою очередь, различаются тем, что одни из них являются «очеловеченными» биологическими потребностями (комфорт, удобства, общение, спорт), а другие (информация, социально-политические и духовные потребности) являются уже небиологическими по своему существу, хотя и имеют связь с чувственной природой человека.

Деление потребностей на природные и «новые», возникшие в условиях общественной жизни, отнюдь не означает, что потребности биологического характера имеют меньшую ценность для человека, чем более «высокие» потребности. Телесные потребности и их удовлетворение обладают качеством необходимости и большой интенсивности. Поэтому все остальные, более высокие потребности возникают лишь при условии большего или меньшего удовлетворения потребностей телесных. (...) Для определенной части людей телесные потребности вообще стоят на первом плане сравнительно с потребностями духовными. Не всякий человек, подобно Дж. Бруно, может взойти на костер ради отвлеченной идеи множественности миров. Однако в периоды накала социально-политической борьбы уже не единицы, а массы людей жертвуют своими телесными потребностями и самой жизнью ради высших идей. (...)

Перейдем теперь к проблеме интереса. Как уже говорилось, характер потребностей определяет и направление интересов. Потребности, в особенности биологические, связывают природу и общество между собой, образуя переход первой во вторую. Интересы уже лежат в сфере общества, ибо они выражают осознание потребностей. Таким образом, интересы представляют собой второе звено цепной связи между природой (природой человека) и обществом.

Направление интересов обуславливается не только биологией человека, но и задачами общества или класса. В сфере материальных благ доминируют потребности, но имеет место и интерес, например мода. Основоположники марксизма при исследовании потребительной стоимости связывали ее преимущественно с потребностями. Огромная группа классовых, национальных и других интересов определяется уже социальными потребностями. Здесь потребность и интерес связаны опосредованно (через общественное сознание) и потому различимы. Так, потребности людей в безопасности и охране их достоинства в условиях общественной жизни порождают интерес к уничтожению войн, преступности и различных антиобщественных поступков. Однако общество прошло долгий путь, прежде чем марксизм нашел коренное средство для осуществления этих интересов: построение социалистического, коммунистического общества. (...)

Как было сказано, интерес связан с осознанием потребностей, но, с другой стороны, он связан и с выбором средств для их удовлетворения. Этот выбор может быть либо правильным, либо неправильным, быть произведен с разных классовых позиций, зависеть от степени развития техники и других материальных средств. Поэтому и возникает различие и даже противоположность в оценках, различный «набор» ценностей. Выбор средств для удовлетворения материальных потребностей определяет отнесение к ценностям тех или иных материальных предметов. Выбор общественных средств для удовлетворения социальных же потребностей определяет отнесение к ценностям тех или иных социальных мероприятий и явлений. Выбор средств непосредственно ведет к практике. Такова связь между потребностями, интересами, ценностным отношением и практикой.

Теперь о целях. Цель выступает в сознании человека как идеальный мысленный образ создаваемой ценности (если человек ставит перед собой цель низкую, грязную, преступную, то эта цель будет лжеценностью). (...) Сначала определяется цель, а затем уже человек приступает к ее практическому воплощению. Когда заканчивается определенный цикл практики (цель — ее осуществление), т. е. когда поставленная цель достигнута, то возникают новые цели уже на базе достигнутого практикой, но опять-таки в качестве момента, предшествующего новому практическому циклу.

Цель отличается от потребности и от интереса. Без потребностей и интересов не было бы ценностей, но потребности и интересы сами по себе ценностями не являются. Голод и жажда — вовсе не ценности, это — страдания. Ценностями оказываются хлеб и вода, т. е. вещества, которые удовлетворяют, погашают эти страдания. Интерес сам по себе не есть ценность, он лишь указывает на средство для удовлетворения потребности. Интерес к науке называют жаждой познания, но жажда — это еще не ценность. Результаты же познания, открытия, т. е. удовлетворение интереса, — это уже ценность. Цель, будучи образом ценности (истинной или ложной), в отличие от потребности и интереса, является ценностью (хотя бы только для индивидуального сознания). Но это — ценность не реальная, не наличная, а лишь мысленная. Осуществленная цель перестает быть целью.

Таковы, по нашему мнению, предпосылки всякого ценностного отношения. Но само это отношение, взятое в целом, находит свое место в триаде: познание — оценка — практика. Вся группа ценностных понятий относится к особому типу понятий: в них выражено практическое отношение человека к явлениям природы, общества и познания. Практика человека окружена полем психологических, познавательных и оценочных процессов, которые и выражены рассматриваемыми здесь

категориями. Первым звеном этой цепи выступает познание. Чтобы выработать суждение о ценности или неценности того или иного явления, человек должен что-то знать о нем. Это знание может быть лишь эмпирическим, т. е. быть итогом обычного жизненного опыта. Так, люди издавна знали и использовали съедобные и лекарственные растения, не имея знаний о причинах их ценных свойств. Это знание становится все более научным по мере того, как превращается в знание причин ценностных свойств вещей и явлений. Таким образом, возникает вопрос о соотношении познания, оценки и практики. К этому вопросу мы и переходим.

Познание, оценка и практика

В основе жизни и деятельности общества и каждого отдельного человека лежат, как уже отмечалось, акты познания, оценки и практики. Эти акты, будучи тесно связаны между собой, тем не менее различны по своему существу, назначению и роли в жизнедеятельности людей. (...) Данные акты и хронологически (в пределах одного цикла) располагаются один за другим в указанном порядке: познание — оценка — практика. Все это, однако, вовсе не означает, что исторически познание и оценка предшествовали практике. Последняя, имея своей предпосылкой жизнедеятельность животных и качественно преобразовываясь в условиях общественной жизни, является начальной и основной исторической формой жизнедеятельности людей в обществе.

На начальных стадиях развития общества все три указанных акта представляли собой нерасчлененное единство, выступая как моменты практики, лишь позднее они получили относительную самостоятельность. Но и тут все эти три акта можно рассматривать как моменты практики в том смысле, что они в конечном счете направлены на обслуживание практики, на то, чтобы дать, так сказать, материал для нее: информацию о свойствах предметов и об их полезности или вредности для человека. Познание и оценка, следовательно, лежат в основе отмеченной Лениным функции практики — определять, что «нужно человеку». Диалектическое соотношение указанных трех актов состоит, таким образом, в том, что все они представляют собой нерасторжимое единство и, с другой стороны, каждый из них имеет свою собственную специфику.

Марксизм учит, что познание существует в конечном счете для практики. Это «в конечном счете» означает, что Маркс и Энгельс вовсе не отрицали непосредственных, ближайших мотивов, которые руководят человеком, познающим окружающий его мир. Этими мотивами могут быть просто любознательность, интерес к тому, чтобы понять явления этого мира, жажда познания. (...) Более того, без жажды познания, без

интереса к миру и удивления перед ним не может быть вообще никакого истинного и плодотворного познания. Без интереса к науке «самой по себе», безотносительно к ее практическим результатам не может быть настоящего ученого. Да, вероятно, и первобытный человек открывал те или иные явления в мире не без «бескорыстного» интереса и удивления. Значение и роль современной науки для техники, для хозяйства, для научного управления обществом, для освоения космоса и т. д. всем достаточно понятны, но у науки всегда есть и будет и другая функция — просветительная, «бескорыстная», «созерцательная». Наука, освещая великие тайны природы, человеческих отношений и его бытия, возвышает человеческий дух, пробуждает в нем высокие чувства, интеллектуальные запросы, уважение к индивиду как к носителю разума.

Нет ничего примитивнее, как требовать от науки обязательного, сиюминутного «выхода» в практику, обзывать ученых бездельниками на том лишь основании, что они занимаются теоретическими исследованиями, которые не могут в данный момент найти практического применения, например повысить удоимость коров или увеличить жировой слой у свиней. «Удоимость» теории может обнаружиться лишь со временем. Теория относительности А. Эйнштейна довольно долго рассматривалась как чистая «игра ума», а теперь она лежит в основе самых тонких практических исчислений и измерений в ряде отраслей науки и техники. Генетика, которую представители примитивного «практицизма» объявляли лженаукой, становится основой огромных успехов в различных отраслях сельского хозяйства и медицины.

Однако все сказанное вовсе не ставит под сомнение правильность и глубину положения о практическом назначении познания. Последнее служит орудием верной ориентировки человека в окружающей его действительности, (...) для совершенствования общественных условий жизни людей, их физического оздоровления и удлинения сроков жизни, совершенствования умственной деятельности индивида, а также для учета влияния психики на различные ее виды. (...) Науку нельзя «освободить» и от задач повышения удоимости и упитанности скота, однако необходимо понимать сложность взаимоотношений между теорией и практикой и многообразие различных функций науки. Главнейшие из них — познавательная, просветительная, воспитательная и практическая. Какая же из этих функций главная или основная? Это зависит от того, что нам нужно в том или ином случае от науки. Та или иная функция может выдвигаться на первый план в зависимости от потребностей общественной жизни, от того, «что нужно человеку». В этом широком смысле практическая функция является определяющей. Определяющей она является и в другом отноше-

нии: практическая жизнь и ее потребности всегда лежали в основе жизни людей.

Но практика не может осуществляться без мыслительных предпосылок, так как она представляет собой не инстинктивный акт, а сознательную и целенаправленную деятельность. Ей должно предшествовать познание предмета, явления. В. И. Ленин указал ступени познания: чувственное созерцание, логическое мышление, переход к практике. Первые две ступени — это предпосылки практики: они необходимы, чтобы практика была целесообразной, полезной, так как нельзя действовать «на авось», ничего не зная о свойствах предмета, явления, используемого в практике. Такой опыт путем «проб и ошибок» характерен для высших животных и полуживотных деятельности первобытного человека. В современной жизни эти «пробы», т. е. эксперименты, производятся обычно в области науки, а не в непосредственной практике. При этом эксперимент проводится на базе научных предположений.

Марксистско-ленинская философия дала глубокую разработку проблемы отношений между познанием и практикой. Эти отношения, как известно, выражаются в следующих положениях: практика есть критерий истинности познания, практика — цель познания, практика — это основа познания, практика определяет то, что нужно человеку. Не останавливаясь на разъяснении этих положений, (...) выделим здесь моменты, необходимые для раскрытия нашей темы. Как было показано ранее, познание, оценка и практика представляют собой три момента единого мыслительно-физического процесса, совершаемого общественным человеком для обеспечения его жизнедеятельности. На начальных этапах человеческой истории эти три вида деятельности совершенно сливались в практическом освоении мира. Их можно выделить теперь лишь чисто логически. Однако постепенно эти три стороны выделились и реально. У познания появилась чисто исследовательская функция, непосредственной целью и мотивом которой стало удовлетворение жажды знания. Этот непосредственный мотив научной деятельности настолько заслонил практическую функцию науки, что лишь когда последняя выступила особенно ясно, у мыслителей нового времени, начиная с Ф. Бэкона, возникла мысль, что наука — не только знание, но и практическое могущество.

Классики марксизма-ленинизма развили эту мысль, положив учение о практике в основу теории познания. (...) Они указали, что, с одной стороны, в практике воплощаются результаты познания, а с другой стороны, практические потребности и задачи направляют процесс познания, сосредоточивая интересы исследователей на тех проблемах, которые особенно актуальны. (...) Лучшим примером влияния практики на науку

явился марксизм-ленинизм, ставший идейным оружием международного пролетариата в его борьбе против капитализма. При этом наибольшую разработку получили в марксистском учении об обществе именно те вопросы, решение которых было особенно необходимо для осуществления социалистической революции и установления диктатуры пролетариата.

Итак, хотя в отличие от начальных ступеней общественного развития, когда познание вплеталось непосредственно в ход практики, процесс познания в форме науки стал процессом теоретическим, первенствующая роль практики и ее потребностей сохранились, ибо, кроме всего прочего, именно она определяет, что нужно человеку. В этой форме отмечается и значение оценочного отношения к действительности. Оценочное отношение, т. е. отбор тех свойств и явлений действительности, которые нужны человеку, представляет собой необходимый и при этом начальный момент всякой практики. Познание, наука, исследуя свойства явлений, поставляют, так сказать, материал для их оценки с точки зрения полезности или вредности (или безразличности) для человека, для практического использования или переработки предметов и веществ природы. Геологи исследуют минералы и руды, открывают их свойства, и те из свойств, которые будут найдены полезными, используются в промышленности и сельском хозяйстве. Указанная формула находит свое прямое и непосредственное выражение также в том, что современная промышленность дает «заказы» химии и физике на изготовление веществ с заранее определенными, нужными промышленности свойствами. Научные исследования и открытия все более контролируются потребностями. В основе оценки лежит потребность или соображения пользы.

Мы видим, таким образом, что оценка не только является предшествующим практике актом, но и сама входит в ее состав. Наряду с этим оценка производится и в науке. Имея в виду перспективы использования и практические последствия того или иного научного открытия, наука подвергает критике с этих позиций его результаты. Современная химия, например, создавая синтетические материалы, тут же исследует их на прочность, токсичность, температуроустойчивость, способность давать нить и т. д., т. е. оценивает их с точки зрения тех свойств, которые нужны промышленности.

Таким образом, акт оценки проникает в процессы познания и практики, может быть, именно по этой причине он так долго не находил своего места в теории познания. На эмпирической ступени познания акт оценки имеет преимущественно неосознанный и эмоциональный характер, выражаясь главным образом в чувстве удовольствия и неудовольствия, приятного или неприятного. На рациональной ступени оценка уже носит осознанный характер и проявляется в соображениях полезности, важности, значимости (для человека или общества). В прак-

тике эти соображения контролируются далее перспективами развития хозяйства и его возможностями. Здесь вступают в силу техническая и экономическая оценки.

Пока мы возвращаемся в круг материальной производственной жизни, особый характер оценочного отношения не так уж заметен, так как оно более или менее непосредственно вплетается в акт познания и практики. Но как только мы перейдем в область социально-политической и духовной жизни, то роль и место оценочного отношения сразу становятся заметными, так как оценка приобретает явную самостоятельность. В самом деле. Классовая оценка тех или иных социально-политических мероприятий, законов, событий общественной жизни и т. д. различна и в ряде случаев противоположна. Личные отношения людей ко всем этим фактам, образующие спектр отношений и оценок, многозначны. Нам понятно, конечно, что классовые, профессиональные, национальные, возрастные и прочие особенности оценок не случайны, а социально обусловлены, однако сам факт расхождения оценок одних и тех же объективных явлений свидетельствует об относительной самостоятельности оценочного отношения. В этом рассуждении нет ничего нового. Признание относительной самостоятельности политической, научной, моральной и эстетической идеологии является общеизвестным положением марксизма. Новым, может быть, является, во-первых, констатация того, что различие идеологических взглядов невозможно без оценочного момента, и, во-вторых, что оценочное отношение является характерным признаком идеологии. Идеология есть система ценностей.

В нашей философской литературе понятие идеологии связывалось либо с ее классовым характером (В. А. Ядов), либо с различием теоретического и практического моментов в общественном сознании (В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон). Не вдаваясь в подробный анализ указанных точек зрения, отметим, что они являются подходами к развиваемому нами тезису: идеология представляет собой ту сторону общественного сознания, которая содержит оценку общественных явлений. Эта формула представляется нам наиболее точной из существующих в марксистской литературе, наиболее адекватной действительному смыслу понятия идеологии. В самом деле, точка зрения В. А. Ядова на понятие идеологии (идеология есть классовая форма или сторона общественного сознания) опирается на привычные понятия (вероятно, поэтому она и пользуется популярностью).

Автор этих строк в своих прежних работах также (...) отмечал, что, хотя мы говорим «буржуазная идеология», «пролетарская идеология» и т. д., тем не менее понятие идеологии как классовой стороны общественного сознания является слишком узким, так как данное определение не учитывает неклассовых форм идеологии (религиозную, например), с таких

позиций можно отрицать идеологию в коммунистическом обществе. Вместе с тем данная точка зрения не объясняет наличия общечеловеческих форм и моментов идеологии и проч. Таким образом, рассматриваемое нами положение исходит из наиболее явного, временно-исторического и частного случая идеологии.

Точка зрения В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона (идеология есть та сторона общественного сознания, которая имеет практическую направленность) правильно подмечает характерную особенность идеологии: идеология есть та часть теории, которая является непосредственным руководством к действию. (...)

Сказанное об идеологии интересно еще и с другой стороны. Оценочное отношение к явлениям духовной жизни общества четко отличается от познавательного (социологического) подхода к ним. Отсюда становится понятным, почему проблема ценностей ограничивается иногда явлениями духовной жизни («ценность есть понятие моральное» и т. д.), наиболее явное принимается за сущность. В действительности же ценностное отношение, как мы видели, имеет не только духовное, но и всеобщее общественное значение, являясь необходимым моментом познания и практики — этих основ человеческой жизни. В духовных ценностях самостоятельность и реальность ценностного отношения лишь наиболее рельефно выражены. Действительно, оценочное суждение о добром или злом в этике, красивом или некрасивом в эстетике лежит в самом существе этих форм общественного сознания. (...) Но и в каждом акте социально-политической деятельности присутствует оценка, т. е. суждение о полезности или вредности того или иного действия для общества. Без суждения о полезном или вредном, эффективном или неэффективном нельзя принимать решений в технике, экономике и т. д.

В советской философской литературе все более осознается различие между подходом познавательным, научным (научно-теоретическим или научно-социологическим), с одной стороны, и ценностным — с другой, хотя, как мы видим, еще не найден общепринятый термин для обозначения первого из этих подходов. Классики марксизма-ленинизма, говоря о научном методе в социологии, называли его естественноисторическим, желая подчеркнуть, что этот подход или метод является общенаучным. Особенность его состоит, как известно, в том, что явление берется таким, как оно есть, т. е. как оно существует объективно, независимо от нас, независимо от нашего (морального, политического, эстетического и т. д.) отношения. При таком подходе изучаются сущность и объективные свойства явления, причины его возникновения, объективные связи с другими явлениями и т. д.

В. И. Ленин указывал, что детерминистический подход к явлениям общественной жизни впервые возвел социологию

на ступень науки. Такой подход, будучи основой всех других подходов, в том числе и ценностного, отнюдь не исключает последних. Ленин выступал против объективистской философии и социологии, идеологическую сущность которых составляло отрицание оценочного отношения к общественным явлениям, их «чистое», якобы «объективное» описание. В противоположность этой лжеобъективности Ленин развил учение о коммунистической партийности, о пролетарском, классовом подходе к оценке фактов общественной жизни.

Если детерминистический, естественнонаучный, научно-социологический (это все одно и то же) подход раскрывает объективные причины возникновения того или иного общественного явления, законы развития общества, показывает сущность данных общественных отношений и объективную необходимость замены их новыми общественными отношениями, то ценностный подход выражает отношение человека (или социальной группы, класса и т. д.) к тем или иным общественным явлениям. Это — подход к явлению не «в себе», а для нас. Однако данная особенность ценностного подхода не дает оснований противопоставлять его научному подходу, считать его субъективным, произвольным и т. д., так как лежащие в его основе интересы и потребности людей сами детерминированы уровнем развития общества, характером общественного строя, классовым положением того или иного индивида и рядом других факторов.

Можно ли игнорировать человеческие потребности и интересы, желания и чаяния? Ведь именно они (...) являются непосредственными стимулами людских побуждений и поступков, общественной деятельности. Различие между знанием и оценкой, пониманием и интересом проявляется совершенно рельефно. (...) Марксистский естественноисторический подход объясняет, что такое капитализм. Но наряду с этим и на основе этого марксисты осуждают его, выражают отрицательную оценку капиталистическому строю и буржуазному образу жизни. (...)

По мнению некоторых исследователей, различие между научно-теоретическим и ценностным подходом является мнимым, так как учение о ценностях само может стать теорией и наукой. Нам представляется, что ценности и ценностное отношение следует отличать от теории ценностей. Развивая эту теорию, мы применяем к ценностям научно-теоретический подход.

Разобравшись в понятиях ценности и ценностного подхода, мы от ценности переходим к ценностям. (...)

Многообразие и виды ценностей

В окружающей нас действительности мало явлений, безразличных для людей, явлений, к которым они не выражают

ценностного отношения. Поэтому ценностей так же много, как явлений природы, общества, человеческих мыслей и чувств. Однако это справедливо, если мы имеем в виду не отдельного человека, а все человечество. У отдельного же человека диапазон его ценностей, т. е. интересующих его явлений, может быть и очень узким, ограниченным. Ограниченность личности выражается в ограниченном числе и характере ее жизненных ценностей, жизненных интересов.

Многообразие ценностей вызывает необходимость в их классификации, делении на группы. Эта группировка зависит от основания их деления. Самые различные классификации не исключают друг друга, если их основания не надуманны и не произвольны, а объективны, существенны и важны. Ходячее представление о том, что из разных классификаций надо выбирать какую-либо одну, несостоятельно. (...) Автор этих строк в одной из своих работ разделил все существующее на предметы, свойства и отношения. Это старое, идущее еще от древних деление он распространил и на философские категории. Данная классификация была подвергнута критике на том основании, что В. И. Ленин указал на важность деления категорий соответственно истории познания. Но разве ленинский принцип соотношения категорий (который, кстати говоря, выполнить весьма трудно вследствие неразработанности истории познания) исключает деление древних?

В советской литературе, посвященной данной проблеме, некоторые классификации ценностей уже наметились. Остановимся на некоторых из них. (...) Первое — деление ценностей на ценности жизни и ценности культуры. Различие между жизнью и культурой очевидно. Жизнь человеку дана природой, культура же создается людьми. Жизнь, здоровье, общение с себе подобными — это целая и особая группа ценностей, не сводимых к ценностям культуры. (...) Разработка теории ценностей жизни позволит осветить многие вопросы воспитательного характера, на которые мы не всегда даем четкие ответы: о смысле жизни, о ее подлинных и ложных ценностях, о жизненном оптимизме, (...) о том, что такое здоровый и правильный образ жизни, в чем состоит действительное счастье человека и т. д.

Ценности культуры делятся, в свою очередь, на материальные и духовные. Это деление основывается на традиционном делении культуры на материальную и духовную и на ленинском делении общественных отношений на материальные и идеологические. Первое, традиционное деление имеет свой смысл в том, что материальная культура направлена на удовлетворение телесных потребностей человека, а духовная — на удовлетворение потребностей его духа. Это различие является, конечно, довольно относительным. Так, техника несомненно относится к области материальной культуры не только потому, что представляет собой совокупность вещей, но и потому, что

создает комфорт и удобства, избавляя нас от телесных неудобств и лишений. Однако техника, преодолевая пространство и сберегая время, (...) является средством удовлетворения и ряда духовных потребностей. Заметим: не просто «удовлетворяет», а является лишь средством этого удовлетворения. С другой стороны, духовная деятельность, в особенности научная, направлена не только на удовлетворение духовных запросов, но и на развитие материальной жизни, производства. Однако эти соображения не лишают смысла деление ценностей на материальные и духовные. Традиционное деление культуры на материальную и духовную исходит, по существу, из структуры отдельного человека, из того, что он состоит из тела и «души».

Ленинское деление общественных отношений на материальные и идеологические, являясь другим основанием для соответственного деления ценностей, исходит, как известно, из другого принципа, а именно: проходят ли те или иные отношения, прежде чем им сложиться, через общественное сознание или нет. Этот принцип уже лишает деление ценностей на материальные и духовные той ограниченности, которую оно получало, основываясь лишь на традиционном представлении о человеке как совокупности тела и духа. Понятие материальных ценностей рассматривается здесь в другом аспекте. Материальные ценности в этом делении суть ценности общественного производства, а также ценности, связанные с изменениями и сменой способов производства, производственных отношений, общественных формаций, экономического строя общества.

Однако в классификации ценностей, определяющей их как материальные и духовные, не учтена большая и важная группа ценностей, а именно ценностей социально-политических, поэтому данное деление должно быть дополнено и конкретизировано делением ценностей на материальные, социально-политические и духовные. Это деление основывается на структуре общественных явлений, на соответственном тройственном делении форм общественной жизни. В данной классификации выделяется большая и важная группа социально-политических ценностей, к которым издавна относили общественный порядок, мир, безопасность, свободу, равенство, справедливость, человечность.

Наряду с общественным порядком (порядком в общественной жизни в противоположность беспорядку, хаосу, анархии) марксисты считают великой исторической ценностью социальные революции вообще и социалистическую революцию в особенности. Революция не «отменяет» ценности общественного порядка вообще: на место одного она ставит другой. Общественная жизнь невозможна без общественного порядка. Коммунизм мы представляем себе также как общество организованное, основанное на строгом порядке и дисциплине. Перечислен-

ные ценности являются великими ценностями и для марксизма и коммунизма, несмотря на то, что понятия о них наполнялись весьма различным содержанием в разные эпохи и разными классами. Во-первых, данное содержание менялось обычно лишь частично, а не полностью. Это видно хотя бы из только что приведенного примера с понятием общественного порядка. Так же обстоит дело решительно со всеми перечисленными социально-политическими ценностями. Во-вторых, хотя то или иное из этих понятий наполнялось новым содержанием, их общий смысл сохранялся.

Слово «наполнялось» образно и точно передает смысл этого высказывания. Сосуд можно наполнить любой жидкостью, но он остается тем же самым. Что такое свобода, если рассматривать это понятие со стороны его формы («сосуда» в нашем примере)? Это возможность для человека или групп людей поступать по своим желаниям, согласно своим, а не навязанным извне целям и интересам. То, что совершается людьми под принуждением или под страхом, не является свободным. В рамки этой формулы, естественно, можно вложить различное частное специальное содержание: свободу организации, слова, совести (религиозную терпимость), найма, развода и т. д. и т. п. Однако общее содержание этого понятия остается устойчивым, что и позволяет все перечисленное назвать именно формами свободы. Таким образом, в отличие от сосуда, общее понятие свободы есть не просто внешняя форма, но и общее содержание всех этих специальных процессов.

Если данное общее содержание является общечеловеческой ценностью, то та или иная частная форма свободы отнюдь не всегда является ею. Так, капиталистическая «свобода собственности», т. е. право по произволу собственника увольнять рабочих и слуг, «свобода» устанавливать размеры заработной платы рабочего и т. п., т. е. свобода эксплуатации, отнюдь не является ценностью для пролетариев. (...) Социализм, коммунизм, осуществляя на практике и доводя до последовательного выражения ряд буржуазно-демократических свобод, добивается и осуществления свобод, невозможных в капиталистическом обществе: свободы трудящихся от эксплуатации, от безработицы, от нищеты, от неграмотности, (...) от заботы о куске хлеба и т. д. (...)

Общее понятие равенства не нуждается в определении. Частные же формы равенства в истории были весьма различны: первоначальное социальное равенство в доклассовом обществе, равенство всех перед деспотом в древних империях, внутрикастовое и внутрисословное равенство (в сосуществовании с резким неравенством в отношениях между кастами и между сословиями), формально-правовое и формально-политическое равенство в современном капиталистическом обществе, равенство всех перед богом в религии и т. д.

Если не считать социального равенства первобытного общества, имеющего для нас лишь историческое значение, то из перечисленных форм равенства мы можем включить в состав наших социально-политических ценностей лишь гражданское, правовое, политическое равенство как необходимую составную сторону социалистической демократии. Социалистическое общество провозглашает новую и высшую форму равенства — равенство социальное, т. е. равенство условий труда, культуры и быта всех тружеников этого общества как в городе, так и в деревне. Полное осуществление социального равенства при коммунизме подводит нас к такому состоянию общества, когда между людьми не останется никаких форм неравенства, кроме личных, индивидуальных, т. е. разницы в способностях, склонностях и проч. Расцвет индивидуальных различий в условиях социального равенства является сам по себе большой и важной ценностью. Таким образом, для марксизма, коммунизма к ценным формам равенства относятся гражданское и социальное равенство, а к ценным формам «неравенства» — различие индивидуальностей.

Не останавливаясь на анализе других форм социально-политических ценностей, на приведенных примерах легко убедиться в различии научно-социологического («естественнонаучного») и ценностного подходов к социально-политическим явлениям. При первом подходе мы не можем делать выбора между этими явлениями. Все они, в том числе и те, которые мы не считаем ценностями, отрицаем, не хотим проводить на практике, существовали и играли свою определенную роль в историческом развитии. Эта роль была, с оценочной точки зрения, либо положительной, либо отрицательной, либо (что было чаще) положительной и отрицательной одновременно в разных отношениях. Но при данном подходе мы не занимаемся оценкой этих явлений, а лишь изучаем их роль и значение в общественном развитии. При ценностном же подходе мы производим именно выбор из явлений исторического опыта, отбираем те из них, которые нужны, полезны нам в строительстве нового общества, отбрасывая те, которые нам для этой цели не годятся, борясь с теми из них, которые мешают, тормозят наше движение вперед.

Возьмем другой пример: религию как социально-историческое явление. При ценностном подходе мы исключаем религию из состава наших социально-политических и духовных ценностей. При социологическом же подходе мы обнаруживаем, что христианская религия, например в форме первоначального христианства, играла двоякую роль. С одной стороны, она сплачивала низы римского общества (рабов и вольноотпущенников) и этим подрывала устой рабовладельческого строя, а с другой стороны, перенося «царство божие» на небо, ослабляла активность враждебных рабовладению сил. Известна далее

огромная политическая роль папства, католической церкви в эпоху средневековья и даже значительно позднее.

Религиозные распри, будучи внешним выражением социальных антагонизмов, проявлялись, в частности, в реакционных актах резни протестантов, с другой стороны, солдаты Кромвеля шли в бой с пением библейских гимнов. Короче говоря, если религия по своему «идейному» содержанию всегда была явлением отрицательным, то ее влияние на историческое развитие оказывалось как реакционным, так и прогрессивным (хотя чаще первым, чем вторым). Итак, считая религию неценностью, мы в то же время не можем исключить ее из числа факторов исторического процесса. (...)

Сказанное о социально-политических ценностях свидетельствует и о том, что «номенклатура» этой группы ценностей иная, чем соответственная номенклатура, употребляемая при научно-социологическом подходе: классы, государство, партии, нации, семья и т. д. Это обстоятельство еще раз демонстрирует самостоятельный характер ценностного отношения, его несводимость к научно-социологическому подходу. В понятиях последнего фиксируется то, что в истории было, а в ценностных понятиях — то, что нам нужно. В свою очередь, и понятия классов, государства и т. д. могут быть предметом ценностного отношения. Так, вполне возможно рассуждать о ценности семьи в нашем и будущем обществе, но опять-таки с точки зрения того, что именно мы можем сохранить из старых форм семьи и какие стороны семейных отношений мы должны развивать.

Наконец, рассмотрение социально-политических ценностей доказывает еще раз, что ценностное отношение нельзя отождествлять с отношением моральным. К ценностям мы относим не только те стороны общественных отношений, которые имеют моральное значение и функции, но и такие, историческое значение и функции которых выходят за границы морального. Так, национальное самосознание и самоопределение и в настоящее время является большой ценностью, но это самосознание и самоопределение вовсе не сводится к морали. Государство нам нужно и сейчас, но государство — это не моральный институт, хотя наше государство и выполняет некоторые моральные функции. (...)

Переходя к вопросу о духовных ценностях, нам приходится прежде всего задуматься над содержанием этого понятия. Как уже отмечалось в связи с делением ценностей на материальные и духовные, различие между «телом и «духом» относительно. Это становится особенно заметно, когда мы, согласно разбираемому тройственному делению ценностей, переходим к последним не с точки зрения деления на тело и дух (психику), а с широкой исторической точки зрения, так как духовный момент имеет место и в материальных, и в социально-поли-

тических ценностях. Так, труд лишь как средство заработка имеет материальный смысл. Если же он освещается общественным сознанием, становится выражением долга перед обществом, превращается в главнейший интерес и в смысл жизни, то он уже выступает как высокая духовная ценность. Если свобода труда является для человека лишь условием для спекуляции или погони за легким заработком, то она есть фактор материальный. Но борьба за свободу как борьба за идею, за лучшее устройство общества — фактор в высшей степени духовный.

В социалистическом обществе происходит процесс одухотворения всех форм человеческой жизнедеятельности, а следовательно, и стирание в какой-то мере различия между духовными и остальными ценностями. Однако это различие не исчезает, так как и в нашем обществе существует объективное различие между материальной, социально-политической и духовной деятельностью, не зависящее от характера мотивов этой деятельности. Под материальной деятельностью понимается такая деятельность, в которой добываются средства для жизни человека и общества; социально-политическая деятельность связана с перестройкой или укреплением форм общественного строя; духовная деятельность — это «производство» идей в различных их формах (научных, философских, этических и эстетических, а также и религиозных). Иными словами, все эти области общественной жизни суть различные отрасли общественного производства и воспроизводства вещей, социальных форм и идей. Значит, отличие духовной жизни общества и ее ценностей состоит не в том, что остальные отрасли общественной деятельности лишены духовного начала. Этого не было и не могло быть в любом обществе: всякая человеческая деятельность есть деятельность целенаправленная и в этом смысле (в смысле индивидуального сознания, «сознания вообще») — сознательная. Кроме того, она в той или иной степени всегда была проникнута и общественным сознанием, т. е. сознанием общественной значимости деятельности. Но во всяком развитом обществе существует и особая отрасль общественной деятельности — деятельность идеологов, поставляющих обществу требуемые ему (или будущему обществу) идеи, мысли, теории. Это особая, самостоятельная отрасль общественного разделения труда. В этой связи под духовными ценностями надо понимать ценности науки, морали и искусства, т. е. ценности «продуктов» вышеупомянутой отрасли труда.

Данные отрасли общественной деятельности, взятые в целом, суть великие ценности. Но те или иные «продукты» каждой из этих отраслей могут быть и неценностями. Далеко не всякая моральная норма, которая исповедовалась людьми в истории, является ценностью для нас. Не всякое произведение, созданное художником, представляет собой действительную

художественную ценность; даже научные идеи иногда оказываются ложными. Таким образом, и в отношении духовных ценностей выступает проблема выбора как особенности ценностного подхода в отличие от подхода познавательного, научно-социологического. Под духовными ценностями в науке, в морали и в искусстве понимается то, что объективно необходимо, полезно для общества или личности.

Но что же при наличии этого общего признака и критерия ценностей является более специальным критерием для ценностей каждой из указанных форм духовной деятельности? В качестве такого критерия для науки выступает истина, для морали — добро, а для искусства — красота. Это — те понятия, в которых выражаются сущность, смысл и цель каждой из названных форм общественного сознания. Наука должна «производить „истину”». Если она истины не дает, то перестает быть наукой. Но из-за того, что научные истины могут быть неприятны, жестоки, безобразны, наука не перестает быть наукой. Это доказывает, что истина является ее ключевой категорией.

Если мораль требует не добра, а зла, то это уже не мораль, а ее противоположность. Искусство, производящее безобразное, отвратительное впечатление, никто не назовет искусством вне зависимости от жанра, стиля, метода, сюжета, идеи и т. д. Это отнюдь не значит, что искусство изображает лишь красивое; оно отображает жизнь во всем ее разнообразии, в котором имеется немало и некрасивого, безобразного, ужасного. Но ведь одно дело изобразить красивое лицо, а другое — красиво изобразить и некрасивое лицо. Некрасивое явление может стать предметом искусства, если оно изображено прекрасно. Для искусства противопоставлено не безобразное явление, а его безобразное воспроизведение. Остальные эстетические категории — возвышенное, трагическое, комическое — подчинены тому же закону. Поэтому красота есть основная ценностная категория искусства.

Каждая из этих трех категорий проникает во все три формы сознания. Так, вполне закономерно говорить не только о научной, но и моральной и эстетической истине, однако определяющими категориями для каждой формы сознания являются именно указанные.

Ввиду того, что понятия истины, а в особенности добра и красоты, имеют изменчивое — конкретно-историческое и классовое — содержание, требуется некий объективный критерий для определения подлинных, а не ложных духовных ценностей. В области материальных ценностей для роли такого объективного критерия в большинстве случаев достаточно понятия пользы. Кипяченая вода сравнительно с сырой просто полезна, а чистая рубашка и полезна и приятна. Табак и вино хотя и приятны, но вредны, поэтому мы их не будем относить к цен-

ностям. Но даже и в области материальных ценностей понятие полезности в некоторых случаях недостаточно. Так, в современной буржуазной социологии многие считают технику злом на том основании, что она-де обездушивает человека. Первые примеры связаны с биологией человека, которая одинакова у всех людей; пример с техникой касается уже социального ее значения, зависящего в значительной степени от общественного строя.

В области же социально-политических и духовных ценностей понятие полезности должно пройти «контроль» социального критерия, в качестве которого выступает понятие общественного прогресса и прогресса личности. Хотя эти понятия и не представляют собой столь определенных эталонов, как, скажем, метр или килограмм, они обладают достаточной «жесткостью» для определения объективной подлинности духовных ценностей. В этом состоит «рациональное зерно» в утверждениях тех, кто в основу понятия ценностей кладет понятие прогрессивности. Данное понятие не может являться всеобщим признаком и критерием понятия ценности вообще, так как многие ценности имеют непосредственно-чувственный характер, в отношении которого понятие прогрессивности неприменимо без явной натяжки. Физическая жизнь человека, здоровье и внешняя красота, жизненные потребности и все то, что называется «радостями жизни», — большие ценности, но понятие прогресса в этой области не имеет смысла. В области социально-политических и духовных ценностей критерий пользы наталкивается на вопрос: для кого? Ведь понятие пользы имеет в данном случае конкретно-исторический и классовый моменты. Вот здесь и выступает критерий прогрессивности как критерий, претендующий на общечеловеческое значение.

Изложенное деление ценностей на материальные, социально-политические и духовные, будучи основано на соответственном делении основных отраслей общественной деятельности, не исключает деления ценностей на наличные (экзистенциальные), целевые и нормативные.

Ранее уже говорилось, что многие явления представляют собою ценности просто в силу того, что они по своему существу суть условия нашей жизни или средства для ее поддержания. К наличным ценностям относятся также такие явления общественной жизни, культуры и быта, которые уже осуществлены, достигнуты. Экзистенциальные ценности существуют во всех областях человеческой жизни и деятельности, а не только в области материальной жизни. К ним относятся все перечисленные выше социально-политические и духовные ценности в тех их формах, степенях и проявлениях, которые уже реально осуществлены.

Но, как известно, человек не удовлетворяется достигнутым, а стремится во всех областях своей деятельности к лучшему,

более совершенному, поэтому такой же всеобщий характер имеют и целевые ценности, т. е. такие, которые еще не осуществлены, а лишь задуманы как цели деятельности. Целевые ценности имеют во многих случаях характер нормативный, т. е. предполагают существование определенных правил, норм или идеалов и осуществляются соответственно этим нормам.

Особенность всякой целевой деятельности состоит, как указывал К. Маркс, в том, что уже перед началом какой-либо работы человек имеет в своей голове ее идеальный, уже готовый образ. (...) Однако термин «идеальный» применительно к деятельности имеет два различных смысла. В первом смысле это деятельность, осуществляемая на основании идеи, во втором — на основании идеала. Всякая целевая деятельность идеальна в первом смысле: она осуществляется на основании идеи, умственного построения. Именно в этом смысле Маркс и употреблял здесь слово «идеально». Но не всякая идея выражает идеал. Идеалом называется идея, выражающая высшее совершенство того или иного явления, поэтому не всегда нормативная ценность — ценность идеальная. Добросовестный труд — это ценность, но идеалом труда является не просто его ценность. (...) Экономика устанавливает нормы урожайности, удойности, прироста поголовья скота и т. д., но все эти нормы еще далеки от идеалов. Нормы могут быть достигнуты, осуществлены, если они правильно намечены. Идеалы же, как известно, передвигаются по мере приближения к ним. Достаточно приблизиться к идеалу, как перед взором человека возникает еще более высокий идеал. Итак, нормативные ценности, в свою очередь, делятся на просто нормативные и на идеальные.

На этом мы закончим обозрение классификации ценностей, подчеркнув при этом, что все классификации ценностей отнюдь не исключают друг друга и являются «открытыми», т. е. допускающими включение любого числа новых классификаций. (...) Мы показали, что ценности имеются во всех областях действительности, выявляясь по мере того, как человек их осваивает для себя, для достижения своих целей и удовлетворения интересов. Нами были раскрыты также особенности ценностного отношения и связанного с ним круга категорий, однако этого недостаточно. Всякая теория, а тем более общая, т. е. относящаяся ко всем явлениям действительности и практики, должна найти свое место в системе науки, в данном случае — в системе философии. Она должна органически «вписаться» в данную систему или, если это не получается, выступить в качестве особой науки, отстаивающей свое право на самостоятельное существование.

РОЛЬ И МЕСТО ТЕОРИИ ЦЕННОСТЕЙ В МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Постановка вопроса

Каковы роль и место теории ценностей в системе марксистских философских наук? Классики марксизма-ленинизма, выдвинув ряд важных положений по проблеме ценности и разработав экономическую сторону этой проблемы, не оставили нам цельной философской теории ценностей. (...) Вместе с тем теория ценностей вытекает из всего духа марксистско-ленинского учения, из его положений о роли практики в познании, о роли и месте субъективного фактора в историческом процессе, о классовом, партийном подходе к явлениям действительности и из многих других положений. Теория ценностей (...) черпает свои принципиальные положения в экономической теории марксизма. (...)

Однако остается фактом, что классическое марксистское наследие не включает в себе философской, т. е. общей, теории ценностей в таком же разработанном виде, как, скажем, учение о классах или о государстве. Ответ на то, почему это произошло, дал В. И. Ленин, отметивший, что в учении основоположников марксизма подробнее всего разработаны те проблемы, решение которых было наиболее необходимо для подготовки штурма капитализма, социалистической революции и диктатуры пролетариата. Эти проблемы теории марксизма и в настоящее время остаются актуальными, ибо указанные революционные задачи еще не решены пролетариатом современных капиталистических стран. Однако возникли и новые задачи: мирного сосуществования двух социальных систем, (...) задачи социалистического строительства и его дальнейшего развития в странах социалистического лагеря и т. д.

Марксистская теория ценностей призвана помочь решению именно этих задач. Политика мирного сосуществования, наряду с борьбой идеологий, требует выявления некоторых общих ценностей в области борьбы за мир, за принципы гуманизма, справедливости, международного права, в области обмена культурными ценностями. В борьбе идеологий существенно важно разоблачить антикоммунистическую легенду, согласно которой коммунизм якобы не признает никаких, и в особенности духовных, ценностей; в этой борьбе важно раскрыть высшее благородство коммунистических идеалов и образа жизни. (...) Теория ценностей имеет огромное значение и в деле преодоления недостатков, появляющихся в процессе построения со-

циализма и коммунизма, в установлении правильных критериев оценки деятельности в экономической и надстроечных областях жизни. Все это требует разработки теории ценностей, а не только комментирования положений классиков марксизма. Необходимо учитывать, что данные положения были выдвинуты в конкретных исторических условиях прошлого и сейчас требуется осмыслить их по-новому, применительно к современным условиям. (...)

Теория ценности органически связана с общими гносеологическими, методологическими и социологическими положениями марксизма и естественно вплетается в общую ткань марксистского философского учения. Задача данной главы — раскрыть эту взаимосвязь.

Марксистская философия есть система философских наук: диалектического материализма, исторического материализма, логики, этики, эстетики, истории философии, научного коммунизма. Теория ценностей займет свое место во всех этих науках. (...) В диалектическом материализме теория ценностей теснее всего связана с теорией познания: с проблемами отношения теории и практики, объекта и субъекта, познания и практики. Теория ценностей должна также пополнить состав категорий, обычно рассматриваемых в диалектическом материализме, туда необходимо ввести ряд ценностных категорий.

В историческом материализме ценностное отношение и оценки выступают как важные факторы исторического развития, побудят более детально раскрывать проблему субъективных факторов в истории, роль идей свободы, справедливости и проч. в борьбе масс, более глубоко рассматривать соотношение потребностей, интересов, целей и идей в общественном развитии. Кроме того, теория ценностей позволит более всесторонне исследовать ценность различных сторон каждой из форм общественного сознания. Возьмем для примера науку. До сих пор в историческом материализме наука рассматривается преимущественно под углом зрения ее значения для развития производительных сил и техники. Однако наука имеет не меньшую ценность и как фактор просвещения, основа мировоззрения и орудие всестороннего развития масс и личности.

Для этики, исследующей проблемы отношения людей к различным формам поведения, оценки его факторов и движущих сил с позиций коммунистических идеалов и норм жизни, ценностный подход не менее существен. Научно-социологический («естественнонаучный») подход к явлениям нравственности для данной науки — это орудие объяснения исторической необходимости тех или иных форм и требований морали, критерий истинности при их выборе. (...) Однако специфическим для этики является именно нормативный, ценностный подход. Этика есть наука о нравственных ценностях, поэтому марксистско-

ленинская теория ценностей как составная часть марксистской теории познания и социологии выступает для нее в качестве ближайшей философской основы и методологической базы.

Эстетика есть также наука нормативная, но эстетические нормы и оценки не носят, как в этике, характера предписаний. Это — нормы вкуса, однако они не произвольны и в этом смысле не субъективны. Эти нормы также социально-исторически обусловлены и поэтому могут быть объяснены методами исторического материализма. Но понять, почему возникали и возникают те или иные эстетические оценки, еще далеко недостаточно. Важно определить, какие из них представляют действительную ценность для развития общества и личности, для правильного познания общественных явлений, (...) для обогащения их внутреннего мира. Отсутствие марксистской теории ценностей привело, например, к тому, что формализм в искусстве (как в целом, так и в его крайних проявлениях) критикуется преимущественно с политической, а не с философской и не эстетической точки зрения. Применение в этой критике известных философских категорий (формы, содержания и др.) явно недостаточно. Целную критику формализма можно дать лишь с ценностных позиций.

Ближайшей методологической основой для решения этих вопросов и здесь явится теория ценностей как составная часть марксистской теории познания и социологии. Ввиду специфического характера идеальных ценностей художник не руководствуется представлением об «идеальном пейзаже» или «идеальном портрете», а музыкант — об «идеальной мелодии». Вкусовая оценка — это оценка в основном чувственная. Но это не значит, что разум, идея, общественный или моральный идеал не оказывают влияния на вкус. Воспитание вкуса — важнейшая практическая задача эстетики. Но воспитание вкуса по своему существу есть воспитание способности к правильной чувственно-рациональной оценке эстетических явлений, поэтому и здесь марксистская теория ценностей явится важнейшим фактором развития.

В истории философии марксистская теория ценностей должна побудить исследования тех сторон домарксистских, марксистских и немарксистских мыслителей, которые так или иначе рассматривали проблемы ценности и оценки. До сих пор эти аспекты почти не изучались, между тем история философии, в том числе история русской прогрессивной мысли, содержит в себе богатый материал для дальнейшего развития проблемы ценностей. Особое значение следует уделить исследованию и систематизации тех идей и положений по данному вопросу, которые оставили нам классики марксизма-ленинизма. (...)

СОЦИАЛЬНАЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ЦЕННОСТЕЙ

Перспективы дальнейшего развития марксистской теории ценностей

Марксистская теория ценностей имеет благоприятные перспективы для своего дальнейшего развития. Это зависит прежде всего от характера изменения ее социальной базы. Социалистическое общество за годы своего существования накопило огромные материальные и духовные богатства. Советский народ стремится всемерно совершенствовать и улучшать все стороны жизни общества, увеличивать его ценности. (...) Коммунизм, как известно, немыслим без уверенности в возрастании ценностей, без убеждения в возможности построения лучшего будущего, поэтому проблема ценностей неотъемлемо связана с коммунистическим, марксистским мировоззрением, с его жизнеутверждающим характером. В этой связи все большее распространение идей коммунизма в мире способствует расширению социальной базы марксистской теории ценностей.

Дальнейшее развитие теории ценностей нам представляется прежде всего как исследование отдельных ценностей коммунистического образа жизни и марксистского мировоззрения. Отсутствие разработки понятия ценности в марксистской философской литературе или даже отрицание самого понятия ценности как якобы немарксистского тормозило исследование ценностей нашей жизни и нашего мировоззрения. (...)

Постановка практической задачи теории ценностей не означает забвения ею теоретических проблем. По нашему мнению, разработка теории представляет собой лучший путь к совершенствованию практики. В данном случае теория ценностей способствует правильному освещению отдельных ценностей и правильному их использованию. Нами была предпринята попытка ответить на те актуальные вопросы теории ценностей, которые были поставлены в нашей литературе, однако возникают новые проблемы, предвидеть которые пока невозможно.

Толчок к постановке таких проблем, бесспорно, даст внимательное изучение зарубежной литературы по аксиологии. Мы сознательно сказали «изучения», а не «критики», желая подчеркнуть, что критика должна осуществляться на основе изучения. Критика есть применение марксистского взгляда к исследованному по существу материалу. Качество ее зависит как от знания этого материала, так и от глубины понимания самого марксизма. Зачастую наша критика зарубежных теорий страдает от поверхностного знакомства с источниками. (...) В буржуазных аксиологических теориях имеются своеобразные

постановки проблемы, в которых надо серьезно разобраться и по-марксистски их интерпретировать. Одно надо не заимствовать, а перерабатывать, другое — просто отвергать.

Развитие марксистской теории ценностей связано с развитием марксистской философии в целом, а не с той или иной философской наукой, например этикой или эстетикой, так как она должна изучать не только моральные или эстетические, а все ценности. Этическое или эстетическое отношение имеет специфический характер, а ценностное отношение наряду с познанием и практикой обладает характером универсальным. Такое отношение связано с основами человеческой жизни, а не с ее специфическими проявлениями. Теория ценностей входит составной частью в теорию познания и в теорию практики, т. е. в самые общие учения марксистской философии, обобщающие основную проблему философии: отношение бытия и мышления. Теория ценностей, выражаясь образно, живет не на периферии, а в самом центре философии, поэтому, сколько бы теория ценностей ни разрабатывалась как специальный вопрос или как определенная философская дисциплина, она по своему содержанию и значению сохраняет это свое место.

Такое же место в буржуазной философии занимает аксиология, поэтому к ней нельзя относиться как к «моде» или как к некоей специальной дисциплине, которую, на худой конец, можно и не изучать. Современная зарубежная аксиология пытается заменить собой традиционную философию, стать на ее место, по крайней мере на место философии общества и обществоведения. Аксиология претендует на роль цельной философии современности, противопоставляя себя марксистской философии или по крайней мере историческому материализму. (...) Если зарубежная аксиология стремится стать общей методологией общественных наук, то одной из важнейших задач дальнейшего развития марксистской теории ценностей является задача внедрения марксистского ценностного подхода в общественные науки. (...)

Выше было показано, что неокантианский подход к общественным наукам заключается не в отыскании истины (о прошлом или о современном общественном явлении), а в отборе тех явлений, которые, по мнению данного историка, относятся к культурным ценностям. Порок такой установки состоит в том, что историческая наука фактически исключается из числа наук, лишается общенаучных целей и общенаучного метода. Общей целью всякой науки является отыскание истины, в данном случае — отыскание истины о прошлом, т. е. правильного, соответствующего действительности представления о прошлом.

Во всех науках применим метод, названный Марксом «естественнонаучным», — метод объективного исследования фактов и явлений, (...) метод причинно-следственный, отыскания при-

чин и раскрытия сущности явлений. Метод отбора культурных ценностей в его кантианско-аксиологическом толковании, т. е. противопоставляющий этот отбор объективному исследованию на основе общенаучных задач, субъективизирует историческую науку и лишает ее научного значения.

Однако значит ли это, что ценности не имеют никакого отношения к исторической науке, что в истории человечества не было ничего ценного, что историк должен только описывать факты, превращая свою науку в фактологию? Разумеется, нет. История человечества накопила огромные культурные ценности, и историческая наука должна не только исследовать факты и называть их даты, но и давать этим фактам оценку. (...) История должна не только информировать, но и учить делать выводы, воспитывать. Мы уже отмечали, что историк не может отбирать лишь ценное, а остальное игнорировать. Но то, что является ценным, должно быть историком оценено, а то, что является неценным, должно быть и квалифицировано соответственно. (...) Ценностный подход к истории, совершаемый на базе объективно-социологического метода, является противоядием против объективизма в изложении истории, против беспринципного безразличия к важным или неважным, прогрессивным или реакционным явлениям исторической действительности.

Проблема ценностного подхода к исторической науке есть проблема ее классовости, партийности. Всякий понимает, что никакие заклинания насчет «чистой объективности» не могут быть в этой науке реализованы. От партийности и классовости в классовом обществе «освободиться» нельзя, ибо историю пишут люди. Если даже они не испытывают никакого «нажима» и не считаются с общественным мнением, все равно этот подход будет проистекать из собственных индивидуальных взглядов историка. Все дело состоит в том, чтобы этот классовый и партийный подход в наименьшей степени расходился с объективностью. Такое сближение достигается в том случае, когда историк стоит на прогрессивных классовых позициях. (...)

Говоря о проблеме ценностей в философской науке, нельзя не упомянуть об истории философии. Отсутствие марксистской теории ценностей привело к тому, что в марксистской истории философии отсутствует разработка истории проблемы ценностей в домарксистской и в марксистской философии. Изучение этой проблемы покажет еще одну сторону идейного богатства философской науки. (...)

Проблема правильного выражения партийности в исторических науках чрезвычайно важна не только для общей, так называемой гражданской истории и для истории философии, но и для других исторических наук: истории литературы, истории искусства, а также и для всех других общественных

наук. Так, в теории литературы и в искусствоведении ценностный подход находит свое выражение в понятии художественного вкуса. Марксистская теория ценностей может и должна дать правильный критерий для его воспитания, для преодоления как объективистской «всеядности» в этом отношении, так и субъективистского навязывания искусству тех или иных вкусов. (...)

Значительную роль должна сыграть марксистская теория ценностей и в юридической науке, почти полностью оценочной и нормативной. Общая теория ценностей, по нашему мнению, должна прежде всего дать юридической науке основу для более глубокого понимания ценности человека, его жизни и достоинства. В этом юридическая наука опирается на марксистские философские учения о личности и о ценностях, которые здесь сливаются воедино. Во-вторых, теория ценностей дает методологическую основу для более глубокого понимания мотивов поступков человека, так как эта теория содержит систему понятий о потребностях, интересах и оценках, о взаимодействии этих факторов. В-третьих, теория ценностей, давая ключ к более конкретному пониманию «механизма» оценочной деятельности людей, должна усилить и укрепить объективные критерии для юридической оценки их поступков.

Мы не будем рассматривать дальше значение марксистской теории ценностей для остальных общественных наук. Нам важно было лишь подчеркнуть, что марксистская теория ценностей, развиваясь на базе исторического материализма, может служить целям методологического влияния на развитие общественных наук. Усиливая аксиологическую функцию марксистско-ленинской философии, т. е. роль этой философии как обоснования ценностного отношения человека к миру, (...) марксистская теория ценностей внесет свой вклад в дело построения нового общества. (...)

1. Вопрос о предмете искусства

Развитие марксистской эстетики и теории искусства настоятельно требует правильного решения ряда теоретических проблем этих наук. У нас область эстетики обычно относят к историческому материализму, однако проблемы эстетики не в меньшей мере нуждаются и в гносеологическом подходе. Некоторые из этих вопросов применительно к изобразительному искусству и рассматриваются в настоящей статье.

Рассмотрим вопрос о предмете искусства. Самый общий ответ на этот вопрос не вызывает разногласий среди марксистов: искусство, будучи одной из форм общественного сознания, отражает, а значит, и воспроизводит явления внешней действительности и движения души, т. е. мысли и чувства человека. Но этот ответ вследствие своей крайней общности требует ряда дальнейших уточнений. Во-первых, возникает вопрос: все ли явления и свойства действительности становятся или могут стать предметом искусства?

Опыт показывает, что нет такой области действительности, явления которой не могли бы вызвать эстетического восприятия и воспроизведения его в искусстве. Так, нельзя ограничить область эстетического одним лишь человеком или общественными явлениями, надо включить в эту область и природу, причем не только южную, но и северную, не только живую, но и неживую, космос и т. д. История искусства есть история постепенного расширения предмета искусства в указанном смысле. Античное искусство почти не знало пейзажа. Академическое русское искусство прошлого века до Венецианова и передвижников игнорировало красоту русской природы и русского народного быта. Введение в драматическое искусство и в

* Тугаринов В. П. Некоторые гносеологические вопросы искусства // Философские науки. 1966. № 2.

поэзию тем народной жизни происходило во всех странах, зачастую в обстановке жесточайшей борьбы.

В нашей эстетической литературе уже преодолены взгляды, ограничивавшие область искусства лишь человеком, приводившие к объявлению человека и его жизни единственным предметом искусства. Однако еще осталось неверное представление о том, что будто бы в природе самой по себе нет ничего эстетического и что эстетическое отношение к природе существует лишь постольку, поскольку этим выражает себя человек, который «объективирует» в ней свои мысли и чувства и который всегда «просвечивает» в любом художественном образе. Факт указанной «объективации» и «просвечивания» несомненен. Почти весь поэтический фольклор построено на аналогиях типа: «грустная береза», «плакучая ива»; одиночество молодца или девицы олицетворяется в образе одинокого дерева, двух берегов одной реки и т. п. Природа наполняется человеческими чувствами. Лирика всех поэтов прошлого и настоящего полна образов «очеловеченной» природы. Однако значит ли все это, что природа не имеет собственной, присущей ей самой красоты и прелести? Ведь в основе «очеловечения» природы лежит восприятие собственной ее красоты. Если бы этого не было, то не могли бы возникнуть ни указанные ассоциации, ни олицетворение.

Иначе говоря, искусство — это не простая копия действительности: объективная действительность должна пройти через душу человека, преломиться в ней. Мысли и чувства художника, его отношение к изображаемой им жизни неизбежно отлагаются, выражаются в произведении искусства, представляющем собой «обработанный», преобразенный образ действительности. Этот смысл и заключается в термине «творчество»: художник как бы вновь творит действительность, налагает на нее печать субъективности.

Таким образом, произведение искусства является единством объективного и субъективного на основе объективного, выступает одновременно и отражением (воспроизведением) действительности, и самовыражением художника. Споры наших литераторов о том, является ли искусство «отражением» или «самовыражением», представляют собой образец одностороннего, метафизического подхода, а иногда самовыражение вообще трактуется как субъективизм. Это неверно. Если отрицание отражения в пользу самовыражения есть субъективизм, то отрицание самовыражения в пользу отражения — вульгарный натурализм («фотографизм»). Человек непременно выражает себя в искусстве.

Искусство наряду с языком есть средство общения между людьми, средство передачи мыслей и чувств художника другим людям. Но для того, чтобы такая передача состоялась, надо, чтобы имелось нечто общее между художником и зрите-

лем. Этим общим являются прежде всего предметы и явления внешнего мира. Изображение данных предметов и явлений вызывает в зрителе (слушателе) определенную сумму ассоциаций, связанных с его личным опытом, с его жизнью. В этих ассоциациях и состоит психологическая основа восприятия произведений искусства. Так, картина Левитана «Владимирка» будит в зрителе ассоциации двоякого рода: личные жизненные (картина русской природы) и социально-исторические (по этой дороге гнали на каторгу и везли в ссылку). Но художественное произведение не только пробуждает и вызывает ассоциации, но и направляет их в определенное русло, а следовательно, и воспитывает человека. Художник заставляет зрителя взглянуть на мир его, художника, глазами. Поэтому произведение искусства может принести не только пользу, но и вред, в зависимости от того, какими глазами художник заставляет нас смотреть на вещи. Итак, предметы и явления действительности служат тем средостением, той объективной связью между художником и зрителем, без которой не может существовать искусство.

Но наряду с общим между сознанием художника и сознанием зрителя существуют и различия, как профессиональные (глубина, яркость и дифференцированность восприятия действительности), так и индивидуальные. Если бы этих различий не было, художник не мог бы сказать зрителю ничего нового; воздействие на зрителя также исключалось бы. Однако особенное и индивидуальное не существует отдельно от общего. Поэт может передать испытываемое им чувство любви к женщине лишь потому, что это чувство свойственно и другим людям, хотя они и не являются поэтами. Лирические стихи Пушкина и Лермонтова волнуют нас потому, что и нам не чуждо пережитое ими. Эти стихи поднимают наши чувства до той силы, возвышенности и чистоты, которые были свойственны великим и в этих чувствах людям. Но человек не может испытывать того, что ни в какой мере не испытывается другими людьми. Человек есть существо общественное; коммуникативность — общее свойство всех сторон человеческой психологии и познания. Следовательно, индивидуальное начало в художественном произведении является, как и общее начало, непременным моментом эстетического восприятия, причем не в отрыве от общего, не в «чистом виде», а в диалектической связи этих двух моментов.

2. О соотношении объективного и субъективного в искусстве

Все явления нашего сознания представляют собой единство объективного и субъективного на основе объективного. В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» дал гно-

сеологическую трактовку ощущения и восприятия, в том числе и эстетического.¹ Хинин горек, взятый как «вещь в себе», как вещество, хинин обладает определенным химическим составом, вполне и однозначно объективным. Но это не значит, что горечь есть чисто объективное явление. Чисто объективным является лишь химический состав хинина. Горечь же возникает лишь тогда, когда хинин попадает на язык. Таким образом, в природе имеется объективный источник и основа того или иного качества ощущения. Само же это качество (горечь, горький вкус) есть результат взаимодействия объективного и субъективного.

Эстетическое восприятие является лишь видом восприятия вообще. К нему без всяких оговорок применима приведенная схема ощущения и восприятия. Между тем эстетики в своих спорах об объективной или субъективной природе красоты (прекрасного) зачастую пытаются решить данную проблему путем исключения одного в пользу другого, по взаимоисключающей формуле «или — или», т. е. игнорируя присущую этим отношениям диалектику объективного и субъективного.

Так, А. П. Белик пишет: «Другие, например В. Тугаринов, для наглядности сравнивают красоту с горчичной горечью: ведь она сама по себе не существует, а является результатом „соединения вещества природы и вкусового нерва. Вне этого соединения нет и горечи. Красота также возникает лишь при соединении определенных объективных свойств действительности и нервов человека. Иными словами, в природе и в обществе существуют такие явления, которые воздействуя на человека, вызывают в нем чувство красоты”». «Здесь, — продолжает А. П. Белик, — настолько явна подмена одного явления (красота как достоинство предмета самого по себе, независимо от нервов человека) другим явлением (чувство красоты, восприятие этого достоинства предмета), что нет смысла подробно на приведенном положении останавливаться».²

А. П. Белик, по-видимому, не заметил того, что в приведенных высказываниях имеется совершенно явное различие объективного (химический состав соли) и субъективного (чувство, ощущение горечи или солёности). Это различие совершенно обязательно для материализма. Но одного лишь различия недостаточно. Надо связать, соединить объективное и субъективное, найти соотношение между ними. Субъективное (солёность, горечь) есть отражение объективного (химический состав данного вещества). А. П. Белик справедливо выступает против субъективистских взглядов в эстетике. Но с позиций метафизики, с позиций «натурализма» нельзя преодолеть субъективизм. Ведь субъективистам легко показать несостоятельность понятия о красоте как только натуральном,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 119.

² Белик А. П. Эстетика и современность. М., 1963. С. 83.

«чисто объективным» свойстве природных явлений. Если же А. П. Белик попросту обижен столь «низменным» сравнением красоты с солью или горчицей, то в утешение можно заметить, что это сравнение не идет дальше общих основ гносеологии. Во всем остальном мы готовы поддерживать самое возвышенное понятие о красоте.

Эстетическое восприятие является единством объективного и субъективного и в том аспекте, что его сила и качество зависят как от произведения искусства, выступающего объектом восприятия, так и от эстетического развития зрителя, выступающего субъектом восприятия. Известно, что степень эстетического развития зрителей не одинакова. Но искусство не может равняться по неразвитым или отсталым вкусам, оно должно поднимать, развивать их. Справедливые положения о том, что искусство должно быть понятно народу и что мнение народа является высшим критерием качества и ценности художественного произведения, нельзя понимать в том смысле, что искусство должно плестись в хвосте отсталых вкусов, что оно должно угождать вкусу каждого зрителя.

Марксистско-ленинская теория познания учит, как известно, что чувственная ступень познания (ощущения, восприятия и представления) дает нам все сведения о внешнем мире, являясь тем самым основой логической, рациональной ступени познания, на которой происходит обработка чувственных данных. На ступени чувственного познания человек еще не отделяет существенное от являющегося (хотя и то и другое уже заключено в явлении); осознание и выделение сущности происходит лишь на высшей, логической ступени познания. Эти положения сохраняют свое полное значение и для искусства.

Искусство, как и любая форма общественного сознания, содержит в себе как чувственный, так и рациональный моменты. Во все учебники и программы вошло положение о том, что искусство есть мышление в образах, а образ есть нечто обобщенное, типическое. И хотя художественный образ — продукт чувственной ступени познания, он содержит в себе момент логический. Это вполне соответствует современным данным марксистской теории познания и психологии, согласно которым в любом акте чувственного познания, в том числе и в ощущении, имеется момент рациональный, и в любом акте логического мышления есть момент чувственный; в этом смысле у человека нет ни «чистой» чувственности, ни «чистого» (т. е. свободного от чувственности, от образа) логического мышления. Однако формы соотношения чувственного и логического, степень того и другого, а также их роль в художественном и научном мышлении различны.

В искусстве сочетание чувственного и рационального происходит в своеобразной форме, ибо чувственный характер образа сохраняется и при перерастании образа в рациональную

форму художественной идеи. Следует различать художественный образ и художественную идею. Проблеме художественной идеи вообще не посчастливилось в нашей литературе, хотя она теснейшим образом связана с проблемой идейности искусства. До сих пор существует предрассудок, будто искусство создает лишь образы, а идея привносится в произведение искусства извне — из требований политики, общественной морали и даже экономики. Если мы хотим не на словах, а на деле преодолеть внешнюю иллюстративность, которой зачастую страдает наше искусство, и способствовать развитию действительной внутренней идейности искусства, мы должны разобраться в вопросе о том, что такое художественная идея.

Понятие «идея» (идея вообще) не совпадает с понятием «мысль». Мысль о факте (например: «вы сидите за столом») — это еще не идея. Идея есть определенный вид мысли, а именно мысль о сущности тех или иных явлений действительности (например: «искусство есть форма общественного сознания»). В науке идея обычно выражается в форме суждения, лишённого образного содержания (во всяком случае, образное содержание в науке необязательно, хотя оно довольно часто используется, например при моделировании). Как обстоит дело с художественной идеей? Искусство создается в обстановке существования в обществе множества различных идей (научных, политических, экономических, моральных и т. д.), которые оказывают влияние на произведение искусства и так или иначе проявляются в нем. Выражение в искусстве более или менее значительных общественных идей обычно и называется идейностью искусства. Но в подлинном произведении искусства это идейное содержание должно пройти сквозь призму художественной идеи, преломиться через нее, как свет солнца преломляется в хрустале.

Художественная идея всегда имеет образный характер. Но, в отличие от обычного образа, который может быть простым, однозначным, художественная идея представляет собой образ синтетический, многосторонний, емкий, обладающий порой многоразличными значениями. Следовательно, художественная идея — тоже образ, но образ, поднятый на высокую ступень рациональной обработки. Сущности, как известно, бывают разных порядков: первого, второго и т. д. Всякий художественный образ в той или иной степени выражает сущность. Художественная идея — это и есть ряд сущностей разных порядков. За первым простым, однозначным образом непременно кроется более глубокое значение, более серьезный смысл.

Возьмем, для примера, известный портрет И. П. Павлова кисти М. В. Нестерова. Ближайший, первый образ: великодушное выражение индивидуальности Павлова. Но за этим образом вы чувствуете гимн творческой энергии, научному дерзанию, глубокой преданности науке, ставшей делом жизни

человека. Эта идея органически связана с первым образом, просвечивает сквозь него, но «увидеть» ее — уже не так просто, для этого требуется определенный уровень эстетической культуры и культуры вообще; малоразвитому зрителю это недоступно. Чем больше в произведении искусства «слоев», «порядков» образов и идей, тем оно значительнее, тем больше дает человеку. Надо уметь брать от произведения искусства то, что оно может дать. Если глубина «подачи» идеи зависит от культуры и мастерства художника, то умение «вычерпать» это содержание определяется уже зрителем, его культурой.

Поэтому дело не только в мастерстве художника. Мастерство есть лишь способность выражения идеи. Главное — в глубине самой личности художника. Если ничего значительного он сказать не может, то самое безукоризненное владение техникой искусства оказывается недостаточным. Великие художники, как и все великие деятели культуры, были одновременно и мыслителями, выражавшими в искусстве коренные идеи и общественные идеалы своего времени. Идейность самой личности художника — неперенное условие идейности и значительности его произведений.

Таким образом, художественная идея, не будучи тождественной с социально-политическими или моральными идеями (ибо она есть конкретно-чувственный образ), в то же время неразрывно связана с идейной атмосферой своего времени, аккумулируя и кристаллизуя ее в образной форме. Художественная идея есть синтетический образ, единство чувственности и рациональности, образа и глубокой мысли. И если у художника как личности нет больших и глубоких мыслей, то у него не может быть и большой художественной идеи. В этом случае он нередко пытается заменить идейное содержание произведения всякого рода формальными вывертами, выдаваемыми за творческие «искания».

Художественная идея может быть «переведена» на язык политических и вообще социальных понятий, но она не сводится к этим понятиям, ибо представляет собой прежде всего образ. В непонимании этого таится драма тех или иных художников, которые ввиду своей политической наивности думают, что партия требует от них лишь иллюстрирования революционных событий, производственных процессов и т. д. Но художественная идея — не просто иллюстрация, не простой «перевод» понятия в образную форму, а тот душевный настрой, который содержится в образе. Поэтому сюжет может быть повернут против идеи, и наоборот. Известно, что художники Возрождения в религиозных сюжетах часто выражали светское, жизнелюбивое, враждебное религиозной идеологии содержание, а художники эпохи французской революции в античных сюжетах высказывали идеи своего времени. Наивно было бы думать, что любая картина, написанная на тему ре-

волюционных событий, способна пробуждать революционные чувства.

Художественная идея — это характер тех мыслей и чувств, которые она вызывает у зрителя. Эти мысли и чувства не идентичны их литературному выражению. Иными словами, они не могут быть исчерпаны словесным описанием. О том, как положены руки отца на плечи сына в картине Рембрандта «Возвращение блудного сына», написано во многих книгах, но эти руки надо видеть. Еще больше написано о том, какие идеи выразил Рафаэль в «Сикстинской мадонне», но эту картину прежде всего надо созерцать. В этом особом качестве художественной идеи, не переводимой полностью ни на язык понятий, ни на язык других искусств, и состоит значение данного вида искусства; в противном случае можно было бы заменить посещение картинной галереи изучением ее каталога. Описание, т. е. «перевод» художественной идеи (например, живописной) на «язык» других идей, может только более или менее приближаться к этой идее, но не может исчерпать или заменить ее, подобно тому, как самое тонкое восприятие окружающих предметов слепым человеком не может заменить ему зрения.

Само собой разумеется, что сказанное далеко не исчерпывает всех гносеологических проблем искусства. Назовем из них такие, как ценностный момент в эстетике; соотношение содержания и формы; границы условности, преобразования и «деформаций» действительности; соотношение антропологического, психологического и социального; психолого-гносеологические основы новаторства в искусстве. Дальнейшая разработка этих проблем приобретает новое значение и остроту на настоящем этапе борьбы за развитие высокого искусства, соответствующего задачам воспитания нового человека и его эстетическим запросам и потребностям.

IV. МАРКСИСТСКАЯ ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Проблема человека и личности в течение последнего десятилетия стала предметом исследования немалого числа социологов-марксистов. Некоторые авторы считают этот вопрос даже главным вопросом марксистско-ленинской философии, что является неправомерным: марксистская философия была и остается наукой о наиболее общих законах природы, общества и человеческого мышления. Однако для глубокого интереса к проблеме личности имеется достаточно оснований, коренящихся в современных условиях развития советского общества и других стран социалистического лагеря...

Классики марксизма-ленинизма оставили нам основополагающие научные принципы разработки проблемы человека и личности. Перечислим кратко основные из них. Это суть принципы: определения сущности человека как совокупности (ансамбля) всех общественных отношений, в котором уже заключено требование понимать личность как явление социальное и идти в исследовании от общества к личности, а не наоборот; взаимного производства человека обществом и общества человеком на базе первого отношения, из чего проистекает требование рассматривать личность как объект и как субъект общественных отношений, а не односторонне; конкретно-исторического и классового подхода к личности.

Основоположники марксизма-ленинизма оставили нам также блестящие страницы по типологии личностей их времени.

В советской философско-социологической литературе осваивались и отрабатывались начальные, исходные понятия теории личности, а именно понятия: человек — личность — индивидуальность и их соотношения, выяснялась сущность личности, ее признаки и детерминация.

* Тугаринов В. П. Марксистская теория личности на настоящем этапе//Философские науки. 1971. № 4.

Большинство исследователей признает различия между указанными понятиями. Автор настоящей статьи формулировал эти различия так: человек — это существо биолого-социальное, являющееся носителем личности, выступающей как социальное свойство этого носителя, как совокупность некоторых наиболее общественно значимых черт человека. Биологические характеристики человека не могут включаться в понятие личности. Понятие «индивид» означает лишь «отдельный человек». Индивидуальность является одним из признаков индивида и личности.¹

Ряд авторов оспаривали эти положения. По мнению Г. М. Гака, например, личность — это человек, а не свойство его; такие понятия, как личность, человек и индивид, обозначают одно и то же. В. В. Орлов считает, что человек является однозначно-социальным существом, а не биолого-социальным «гибридом». Э. В. Ильенков и польский социолог Я. Щепаньский также рассматривают человека как однозначно-социальное явление.²

Личность, безусловно, есть человек, отдельный человек, индивид, а не часть человека. Человек, как сказано, есть физический носитель личности, предмет, организм. Этот предмет имеет различные свойства: биологические, психологические, социальные.³ Биологические свойства человека: особенности внешности, расовые, возрастные, половые, индивидуальные, а также психологические свойства, например различия в темпераменте, в силе воображения, памяти и т. п., не могут служить критерием для отнесения одних людей к личностям и исключения других из числа личностей. (...) Иначе говоря, биологические и психологические признаки не являются признаками личностно-образующими.

Под личностью никогда не имелся в виду просто человек как родовое существо с его соматическими, физиологическими и психическими чертами. Это понятие было создано и всегда употреблялось для обозначения индивида как носителя определенных внутренних качеств, определяющих его поведение как работника, гражданина и человека.⁴ Именно эти стороны и выделены в понятии личности, которое объединяет в себе

¹ Тугаринов В. П. Личность и общество. М., 1965. С. 41—45.

² Гак Г. М. Диалектика коллективности и индивидуальности. М., 1967. С. 13—17; Орлов В. В. Психофизиологическая проблема. Пермь, 1966. С. 271, 399; Ильенков Э. В. Психика и мозг (Ответ Д. И. Дубровскому) // Вопросы философии. 1968. № 11; Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 65.

³ В своих более поздних работах автор данной статьи выделяет психологические свойства как несводимые к биологическим и социальным.

⁴ Здесь понятие «человек» употреблено не в общем видовом смысле, а в значении субъекта общения, отношения данного лица к окружающим его людям, когда, например, мы говорим: «Этот товарищ не только прекрасный работник, но и чуткий (отзывчивый, справедливый) человек».

наиболее общественно значимые черты человека в его мышлении и поведении.

Но указать основные стороны жизни личности недостаточно. Надо еще определить личностно-образующие признаки или качества личности, проявляющиеся во всех указанных сторонах ее жизни. К этим более конкретным признакам личности всегда относились те черты, которые были сформированы в человеке в ходе общественной жизни и выделены всем развитием философской мысли. В своих работах мы их уже называли, это: разумность, ответственность, свобода, индивидуальность, личное достоинство (выражаемое прежде всего в достойном человека образе жизни).⁵ Не обосновывая здесь более подробно выбор именно этих качеств, отметим, что они являются существенными и необходимыми для понятия личности, так как исключение любого из них делает личность явно неполноценной, ущербной.

Внутренних и внешних качеств у человека много. Очевидно, не все из них должны войти в «номенклатуру» личностно-образующих признаков, а лишь те из них, которые выступают в качестве существенных, необходимых и достаточных для понятия личности, «личности вообще», понятия, необходимого для более конкретного, классового и исторического подхода к личности. Данных признаков, согласно требованию логики с ее законом обратного соотношения между объемом и содержанием понятия, должно быть наименьшее число. Это должны быть такие признаки, которые удовлетворяют, как сказано, требованиям значимости, необходимости и достаточности, т. е. без которых, взятых в целом, личности нет, а при отсутствии одного из которых личность окажется неполноценной.

Данные признаки, охватывая и внешние (поведение человека) и внутренние качества, являются социальными, а не психологическими. Это вытекает уже из того, что они не выражаются понятиями психологической науки, так как последняя, изучая формы, процессы и состояния психики человека, не рассматривает социального содержания, вкладываемого в эти формы общественной жизнью. По правильному мнению В. А. Ядова, эти признаки не являются и чисто моральными.⁶ Однако понятие личности, имеет, безусловно, и моральный момент, ибо оно одновременно указывает на те черты человека, которые мы должны воспитывать, ценить и поощрять. Без этой последней функции понятие личности многое теряет в своем значении.

Можно спорить, правильно ли выделены указанные личностно-образующие признаки. Однако речь идет о принципах

⁵ Тугаринов В. П. Личность и общество. С. 45—88.

⁶ Материалы встречи социологов. III. Личность и массовые коммуникации/Ю. Вооглайд, Н. Горбунов, К. Хаав; Отв. ред. Ю. Вооглайд. Кяэрику. 1968. Тарту. 1969. С. 32.

альном подходе: об отделении личности, как явления социального, и ее черт — от человека, как биопсихосоциального «гибрида». Поэтому нельзя согласиться с Я. Щепаньским, выдвигающим идею о тройственной детерминации человека как личности.⁷ С другой стороны, имеющиеся в нашей литературе утверждения, что человек есть чисто социальное существо, что его биологические свойства якобы «сняты» общественной сущностью, носят вульгарно-социологический характер. Многие биологические и психические свойства человека как организма изменены под влиянием условий общественной жизни, но далеко не «сняты», не исключены по своей природе, по своей сущности.

Итак, для разработки теории личности необходимо прежде всего провести четкую грань между указанными понятиями, не сбиваться на перенос признаков с одного понятия на другое, несмотря на то, что биологические, психологические и социальные характеристики человека переплетаются между собой и влияют на признаки, образующие личность.

В. И. Ленин писал: «Спорить о словах, конечно, не умно... Но надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию».⁸ Чистых явлений, указывал В. И. Ленин, нет ни в природе, ни в обществе. Даже общество, взятое в целом и представляющее собой особую форму движения материи, имеющее особые закономерности своего функционирования и развития, в самой своей производственной основе определено потребностями составляющих его живых организмов — людей. Тем большую печать биологического начала носит отдельный человек. Однако понятие личности тем и отличается от других характеристик человека, что оно указывает на его социальные черты, притом, как мы видели, на те, которые более всего выражают его общественную сущность и значимость. В противном случае в этом понятии отсутствует всякий смысл.

Вопрос о правильном понимании личности есть фундаментальный и основной вопрос теории личности, дающий ключ ко всем вопросам этой теории. Но закладка фундамента есть лишь начало дела. В личности соединяется внутреннее и внешнее. Каждая личность есть существо мыслящее, сознательное (в смысле «сознания вообще», разумности, а многие из личностей — и в смысле общественного сознания, общественной — классовой, государственной, идеологической — сознательности).

Личность далее занимает определенное положение в обществе, выполняет в нем те или иные функции. Какую же из этих сторон (внутреннюю или внешнюю) избрать в качестве определяющей? К. К. Платонов, например, считает, что сущностью личности является ее сознание.⁹ Сознание в общем смы-

⁷ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. С. 76.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 93.

⁹ Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 189.

сле этого слова, в смысле разумности, не может быть исключено из понятия личности, как это делает Б. Т. Малышев.¹⁰ Существо, не обладающее нормальным и развитым разумом (умалишенный, грудной ребенок), не может считаться личностью. Отсутствие сознания исключает все остальные признаки личности. Однако сведение личности к ее сознанию является односторонним. Во-первых, сознание личности проявляется в ее жизни, в деятельности. Личность отшельника, отрекшегося от связи с людьми, — это личность неполноценная, ущербная, уродливая. Она не может быть «моделью» личности и тем более ее идеалом. Сведение личности к сознанию выключает из этого понятия ее объективную, практическую, деятельную сторону. Непосредственная жизнь и деятельность человека — необходимый момент в материалистической теории личности.

Сведение личности к ее сознанию, во-вторых, не выделяет таких сторон сознания, которые существенны для понятия личности. Не все мысли и чувства человека равноценны и равнозначны для характеристики личности. Едва ли можно определять и различать личности по их взглядам на фасон платья, по их любимым блюдам и даже по их любимым поэтам. Личностно-образующие признаки должны быть немногочисленны, но существенны для различных ступеней развития личности в филогенезе и онтогенезе.

Нельзя базировать личность не только на сознании, но и на самосознании, как это предлагает теория «зеркального Я» или «отраженного Я» Ч. Кули, поддерживаемая И. С. Коном.¹¹ Эта концепция состоит в том, что суть личности — в осознании своего «Я», а последнее, в свою очередь, есть отражение мнения о ней других людей. Осознание своего «Я», т. е. элементарная форма самосознания, является составной частью сознания (разумности) и в этом смысле входит в один из признаков личности. Но, как мы видели, понятие личности нельзя сводить не только к самосознанию, но и к сознанию в целом. Далее, выводить мое сознание из сознания других людей — значит совершать порочный круг, ибо сознание других людей будет определяться сознанием окружающих, в том числе и моим сознанием. Выводить сознание из сознания — типичный круг идеализма. Наконец, хотя самосознание (...) возникает во взаимодействии людей, тем не менее человеческая личность проявляется не столько в том, что она равняется на мнения окружающих, сколько в обратном: руководствуясь передовыми идеями, она выступает против устарелых, неверных или враждебных мнений. Зеркальность «Я» есть как раз признак обезличенности.

¹⁰ Малышев Б. Т. Человеческая личность и ее проявления. М., 1964. С. 18.

¹¹ Кон И. С. Социология личности. М., 1967. С. 52—55.

Подход к личности с точки зрения ее социальных ролей требует более подробного рассмотрения. Теория социальных ролей как основы личности (Т. Сарбин, И. Ридинг, В. Мезон, Т. Парсонс, Д. Мид, С. Стетцель и др.) явилась шагом вперед сравнительно с чисто биологическими, психологическими и робинзонаторскими концепциями личности, так как данная теория признает социальный фактор в формировании личности и рассматривает последнюю как часть общественной системы. Однако теория социальных ролей не годится, на наш взгляд, в качестве теоретической основы для марксистской теории личности, как это полагает И. С. Кон.¹² Дело заключается не в том, чтобы отрицать тот очевидный факт, что личность играет ту или иную роль или роли в обществе, что она занимает ту или иную должность, имеет ту или иную профессию и проч. Определенную роль в обществе играет не только отдельная личность, но и классы и другие общественные группы. Для констатации такого самоочевидного факта не требуется никакой теории. Дело в другом, а именно в возведении этого факта в критерий личности, в достоинство главного личностно-образующего признака.

«Допустим, — пишет И. С. Кон, — мы хотим охарактеризовать личность Ивана Ивановича Иванова. Как мы будем делать? Прежде всего путем перечисления его многообразных ролей, функций (мужчина средних лет, учитель, коммунист, женатый, отец двоих детей, участник художественной самодеятельности и т. д.). Это характеристика, разумеется, не исчерпывает индивидуальности Иванова, каждая из перечисленных ролей присуща не только ему, но и многим другим людям. Но и без нее обойтись невозможно».¹³

Уже здесь проявляются недостатки теорий ролей применительно к понятию и теории личности. В приведенном отрывке имеет место смешение личности с индивидуальностью. Индивидуальные особенности человека являются одним из признаков личности, ибо если бы люди все были полностью подобны друг другу, как шарикоподшипники одного диаметра, то едва ли можно было бы говорить о них как об отдельных личностях. Индивидуальность является одним из личностно-образу-

¹² Там же. С. 12, 14 и др. — И. С. Кон вводит в теорию ролей понятия интереса, мотива, установок и ориентаций (с. 26—28), которые, конечно, уже не являются ролями, индивидуальный жизненный опыт личности (с. 32), ценностные ориентации ее (с. 33); указывает на известную автономию личности в отношении ее социальных ролей (с. 34, 39), на «спонтанную жизнедеятельность индивидов» (с. 36). В итоге личность, по И. С. Кону, выступает «на интрапсихологическом уровне как единство ролевой структуры и самосознания» (с. 78). Это говорит о том, что И. С. Кон чувствует недостаток чисто внешнего, ролевого понимания личности, необходимость учета и внутреннего момента в ней, но ошибочно сводит этот последний момент к психологии и к самосознанию.

¹³ Там же. С. 13.

ющих признаков, но не единственным и даже не главным, ибо этот признак общеприродный, а не только социальный. Основной индивидуальности выступает свойство отдельности, дискретности, присущее всем явлениям природы и общества.

В теории личности, далее, нельзя исходить из признаков, присущих лишь одному единственному человеку. Таких признаков вообще не существует. Если бы это было не так, т. е. если бы индивид обладал такими своими особенностями, которые вообще отсутствуют у всех остальных людей, то надо было бы создать столько теорий личности, сколько существует людей на свете.

Является ли предложенное И. С. Коном описание характеристикой личности? Вот если бы было сказано, какой Иванов учитель, как он относится к детям и хорошо ли их учит, какой он коммунист, каков он как отец своих детей и проч., словом, каковы его качества как гражданина, коммуниста и человека в быту, — это была бы личностная характеристика, а не собрание анкетных данных, без коих, разумеется, тоже «обойтись невозможно», но которые не дают представления об Иванове как о личности.

Как было сказано, понятие личности всегда (и в обыденном и в теоретическом сознании) выступало для обозначения целостности внутренне-внешних социальных качеств человека, несводимых и даже противопоставляемых внешнему положению человека в обществе, всегда служило для прогрессивных и демократических сил орудием борьбы против деления людей по рангам в зависимости от их происхождения, богатства, чинов и должностей. Все великие произведения буржуазно-демократической литературы, не говоря уже о литературе социалистической, утверждали, что личность простого человека — слуги, крестьянина, рабочего — часто бывает выше и благороднее, чем личность аристократа, богача и высокопоставленного чиновника.

Личность человека неизмеримо выше его жизненного и служебного положения, его влияния и его кошелька. Для понятия личности важно не то, какую должность она занимает, а как в этой должности она проявляет себя, свои внутренние качества.¹⁴

Понятие личности есть понятие высокой ценности, не заменимое никаким другим. Продолжая, развивая и перерабатывая традиции всей истинно прогрессивной мысли, требовавшей: «духа не угашайте», марксистская теория личности выступает как научное обоснование социалистического демократизма, признающего личностью не только представителей собственнической или интеллектуальной элиты, пролетарского

¹⁴ Критические замечания о теории ролей см.: Левитов Н. В. Теория ролей в психологии // Вопросы психологии. 1969. № 6.

гуманизма, высоко поднимающего значение человеческого духа, и классовой позиции, ставящей на первый план трудовые и гражданские качества человека, выступает одновременно как теория нового, коммунистического человека. Без этого идейного ядра эта теория теряет всякий смысл. Марксистская теория личности есть теоретическое орудие коммунистического воспитания. Она должна выделить те качества человека, которые были присущи лучшим людям прошлого и которые должны найти свое полное выражение в человеке коммунистического общества, качества, которые мы обязаны воспитывать и поддерживать, а также и те качества, которые следует преодолеть и ликвидировать.

Исходя из общего понятия личности, теория личности переходит к конкретизации, т. е. к типизации личностей. В соответствии с нашей задачей и исходя из жизни (что особенно важно подчеркнуть), мы должны искать признаки специфические. Так, характеризуя личность буржуа или пролетария, следует выделить характерные особенности представителей этих классов на разных этапах их развития. Данная задача гораздо более плодотворна, чем логическая классификация личностей по их «субстатусам» и «суперпозициям». В произведениях классиков марксизма-ленинизма и у классиков художественной литературы мы находим великолепные характеристики типичных представителей общественных классов их времени. Что же касается современных типов личностей, то нам придется, исходя из их исторических особенностей, поработать самим. Проблема типизации личностей, в особенности современной классовой типизации и выявления черт социалистической и коммунистической личности, являются одной из важнейших задач марксистской теории личности.

Как уже было сказано, эта теория, как и всякая теория, не может «доходить» до каждого индивида, т. е. создавать отдельную теорию для каждого лица. Теория может «спускаться» лишь до типизации. Но значит ли это, как полагает В. А. Ядов, что при рассмотрении в социологическом плане личности как объекта или личности как субъекта индивидуальность нас не интересует и никогда не интересовала, что нас интересует только социальный тип? Одно дело — возможности теории, а другое — интерес к индивиду. Теория личности не может иметь лишь созерцательное значение, теория создается в конечном счете для практики, в которой она и «доходит» до индивида. Врач лечит отдельного человека, а не тип, хотя руководствуется «типовыми» научными знаниями. Воспитатель и руководитель тоже должны работать с индивидами. Теория ставящая общие и типовые положения, практика реализует их в частностях.

В исследованиях по проблеме личности большое место занимает вопрос о структуре последней. Под структурой разу-

меется внутреннее строение, внутренняя форма сложного явления. Исследование структуры означает анализ различных элементов, частей, сторон сложного объекта и соотношений между ними. Применительно к нашему вопросу исследование структуры личности означает выявление личностно-образующих признаков (элементов) и нахождение соотношения между ними в статике и динамике личности. В настоящее время выдвинуты социологические, общепсихологические и социально-психологические структуры личности. По сути дела, это различные концепции личности, исходящие из того, какие (социальные или психологические) элементы составляют ее структуру.

Из содержательных социальных структур в марксистской литературе о личности можно выделить: уже упомянутую теорию социальных ролей, в которой такими элементами являются роли; концепция, по которой личность представляет собой субъект труда, познания и общения;¹⁵ и взгляд автора настоящей статьи.

Ролевая концепция нами была уже рассмотрена. Социальные роли, как мы видели, не характеризуют сущность личности и потому не могут рассматриваться как элементы структуры. Концепция, согласно которой личность является субъектом труда, познания и общения (И. С. Кон, Б. Г. Ананьев), выделяет некоторые действительно существенные элементы (признаки) личности. Однако этот взгляд, по нашему мнению, неверно, во-первых, рассматривает личность лишь как субъект. Это противоречит уже правильным взглядам тех же авторов, признающих, что личность есть продукт общественного развития. Если это так, то значит, что личность представляет собой не только субъект, но и объект. Более того, это означает, что второе является основой первого. Бытие определяет сознание, а не наоборот. Личность остается личностью и тогда, когда она воздействует на общество, и тогда, когда общество воздействует и формирует ее. Личность выступает не только как воспитатель, но и как воспитуемый.

Во-вторых, при сравнении нашего понимания личности и ее «слагаемых» (личность проявляется в ее качествах как работника, гражданина и человека как субъекта общения) с пониманием указанных авторов (личность есть субъект труда, познания и общения) мы обнаруживаем, что при совпадении крайних слагаемых личности ее гражданские качества у данных авторов выпадают, заменяясь познанием. Между тем гражданские, политические качества, по нашему мнению, являются стержнем понятия личности. Без них данное понятие приобретает аполитичную форму и, по существу, сводится к по-

¹⁵ Кон И. С. Социология личности. С. 7; Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968. С. 322.

нению «интеллигент». Познавательные же способности личности следует отнести к понятию разумности.

В-третьих, этот взгляд не раскрывает более конкретных признаков личности. Согласно нашему пониманию, такие более конкретные элементы структуры личности выражаются в понятиях разумности, ответственности, свободы, индивидуальности, достойного образа жизни, а их совокупность и представляет собой содержательную социальную структуру личности, взятой в качестве общего понятия.

Соотношение указанных элементов в ходе исторического развития испытывает значительные изменения, состоящие в следующем:

в изменении конкретного содержания этих элементов. Так, например, имеется, как известно, большое различие в понимании свободы в разных исторических формах идеологии, в реализации свободы в буржуазном и социалистическом обществе. Также радикально отличается понятие о достойном образе жизни у буржуа, мелкого буржуа и у коммуниста;

в том, что на различных этапах исторического процесса на первый план выдвигаются те или иные стороны, признаки личности (изменение доминанты личности);

при общей исторической тенденции к умственному и нравственному прогрессу личности — в неравномерности прогресса различных признаков личности.¹⁶

По нашему глубокому убеждению, марксистская, материалистическая теория личности вообще и ее структуры в частности может создаваться лишь на базе реального исторического процесса, т. е. изучения того, что собой представляла и как изменялась личность человека в процессе смены общественно-экономических формаций и различных их этапов. Поэтому формальные (логические) структуры личности могут в лучшем случае служить подсобными средствами такого изучения.

Остановимся теперь на психологических (общепсихологических и социально-психологических) концепциях (структурах) личности. Здесь нам следует исходить из положений, выдвинутых В. И. Лениным в его критике биологического и психологического антропологизма.

В чем прежде всего состоит различие общей и социальной психологии? Общая психология занимается изучением сознания вообще, сознания в плане диалектического материализма, т. е. выясняет те формы, процессы, состояния и свойства сознания, которые присущи всем людям как разумным существам, которые общи всем индивидам. Правда, общая психология изучает также и особенности сознания определенных обще-

¹⁶ Подробнее об этом см.: Тугаринов В. П. Личность и общество. С. 94—97.

ственных групп — возрастных, профессиональных и проч. Но и в этих случаях она не выходит за рамки общих психологических категорий: ощущений, восприятий, представлений, памяти, воображения, мышления, воли и т. д.

Давно уже замечено, что в процессе совместной жизни, деятельности и общения у людей развивается целый ряд психических процессов, состояний и свойств, не укладывающихся в рамки общей психологии и выражаемых особыми категориями. К ним относятся особенности, присущие сознанию конкретно-исторических коллективов: классов, наций, народностей и других исторически определенных социальных групп и общностей, их разные интересы и стремления, различия психического склада, обычаев, традиций, нравов и проч. К ним относятся также психические явления, возникающие у неопределенных групп и коллективов, у так называемой массы: «дух времени», общественные настроения, периоды воодушевления и упадка, вкусы, моды и проч. К ним относятся, наконец, личностные особенности психики: симпатии, антипатии, влияние примеров, подражание, конформизм, неконформизм и т. п.

Нетрудно обнаружить, что как общепсихологические, так и социально-психологические процессы, формы и состояния не являются личностно-образующими признаками. Так, индивидуальные и типовые различия в работе рецепторов (зрения, слуха и проч.), в типах темпераментов, «силы воли» и проч. не могут служить критериями и основаниями для понятия личности и ее типизации. Живописец и дальтоник, холерик и сангвиник, рассеянный с улицы Бассейной — все они являются полноценными личностями.

В современной психологической литературе имеется немало классификаций людей по свойствам их нервной системы. Так, К. Юнг выделяет интровертивный (замкнутый) и экстравертивный (общительный) типы личностей. Б. М. Теплов различает людей по силе, динамичности, подвижности, лабильности их нервной системы.¹⁷ Но, как бы ни были справедливы психологические классификации и как бы различия психики не влияли на личность, они не могут характеризовать человека как работника и гражданина. «Возможно, — замечает В. А. Ядов, — что (с точки зрения общепсихологической. — В. Т.) термин „личность“ здесь вовсе не применим и скорее подходит термин „человек как субъект“.¹⁸ То же соображение относится и к социально-психологической концепции личности. Нельзя считать личностно-образующими признаками (т. е. на этом основании относить или не относить к личностям или классифицировать и типизировать личности) различия в обычаях, тради-

¹⁷ Теплов Б. М. Современное состояние вопроса о типах высшей нервной деятельности человека и методах их определения. М., 1964. С. 8—10.

¹⁸ М а т е р и а л ы встречи социологов. С. 22.

циях, навыках, настроениях, симпатиях и антипатиях. Психология (как общая, так и социальная) занимается и человеком и личностью, а не специально личностью. Поэтому психологические концепции и структуры не выделяют и не могут по существу своему выделять личность из более общего предмета этих наук — человека.

В. А. Ядов выдвинул социально-психологическую концепцию личности как системы ценностных ориентаций. Прежде всего следует сказать, что ценностные ориентации человека — скорее всего категория не психологическая, а социальная, что признает и сам В. А. Ядов. «...Система ориентаций, — пишет он, — есть социально-детерминированный тип программирования поведения».¹⁹ Но как бы ни рассматривать ценностные ориентации, в особенности если считать их близкими понятию социальных установок, как это делает В. А. Ядов,²⁰ и не взирая на то, что понятие ценностей особенно близко сердцу автора настоящей статьи, все же следует признать, что ценности не могут выступать в качестве основы или элементов личности.

Ценностное отношение состоит в отборе из познанного того, «что нужно человеку», т. е. того, что соответствует его потребностям, интересам, целям, нормам и идеалам. Последние, коренясь в биологических и общественных (в особенности классовых) свойствах человека, определяют характер и направленность его ценностных ориентаций. Ценностное отношение и соответственные ориентации присущи человеку на всех уровнях его психики: чувственном, понятийном, теоретическом, идеологическом. Они составляют необходимый момент всей психики и опосредованного последней действия. На рациональной ступени ценностные ориентации включаются в качестве момента в разумность, в сознание, в сознательную деятельность, но только в качестве момента, так как разумность, сознательность не исчерпываются оценкой.

Оценка основана на познании собственных и общественных потребностей, интересов и т. д. Сознание по своей основной направленности есть познание, отражение объективной действительности, а не только потребностей человека. Ценностное отношение основано на познании объективного мира, является по отношению к нему производным моментом, поэтому ценностные ориентации не могут заменить понятия разумности как признака личности. Едва ли что-нибудь прояснится в понятии личности, если на место суждения «личность есть существо разумное» поставить суждение «личность есть существо оценивающее». Первое суждение предпочтительнее.

Основоположники марксизма писали: «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это —

¹⁹ Там же. С. 17.

²⁰ Там же. С. 18.

знание».²¹ Лишь на основе объективной истины возможна и правильная оценка, которая является видом знания (знания человеческих потребностей и интересов). Преувеличение значения аксиологического момента в познании, представление о ценностном отношении как о совершенно самостоятельной способности, выведение этого отношения за рамки «традиционного» понимания сознания как отражения ведет к субъективизму. Но даже и вообще замена социологического подхода к личности гносеологическим неправомерна. Если уж мы признали, что личность есть явление социальное, то нужно и подходить к ней социологически, т. е. исторически.

Итак, как же нам относиться в теории личности к психологическим ее интерпретациям? Отнюдь не нигилистически. Как правильно указывает В. А. Ядов, психологические исследования раскрывают психические механизмы, обуславливающие деятельность, активность человека.²² И не только просто человека, но и личности.

Понимание механизмов работающей машины необходимо как для ее создания, так и для регулирования работы. Личность создается не мастером, а обществом, его законами, в основном независимыми от человека. Но «регулировка», «наладживание» и «ремонт» ее во многом зависят от сознательных усилий общества и соответствующих коллективов. Не следует лишь смешивать сущность человека и личности, т. е. объективные результаты работы этих механизмов, с самими этими механизмами, как нельзя отождествлять работу двигателя и других механизмов автомашины с «продуктом» их работы — со способностью машины перевозить людей и грузы.

Личность как совокупность указанных социально значимых черт человека создается обществом вместе с ее биологическими и социальными «механизмами», но отличается от последних, как отличается продукт металлургического процесса — металл от технологии его производства. Поэтому личность нельзя отождествлять не только с психологическими способностями, но и с социальными условиями, сформировавшими ее. Личность есть продукт социальных условий (общественно-экономической формации, общественного строя), обстоятельств ее собственной жизни и воспитания. В своем формировании она и исчерпывается этими факторами. Психологические же ее способности и особенности обуславливает сама возможность воздействия на личность указанных факторов. Так, например, если бы не было интереса как психологической способности направлять внимание на определенный объект, то невозможно было бы и существование классовых и иных интересов.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 633.

²² Материалы встречи социологов. С. 17.

Однако лишь социальные, а не психологические факторы определяют выбор и направление интересов, наличие того факта, что классовые интересы рабочего класса прямо противоположны классовым интересам буржуазии. Последнее объясняет лишь исторический материализм. Именно в этом смысле личность есть явление социальное. Поэтому же основными средствами воздействия на личность выступают воздействия социальные (характер общественного строя, степень развития этого строя и направление воспитания). Успешность, эффективность последнего фактора — воспитания личности — зависит во многом от воздействия на ее психические механизмы. Такую, по нашему мнению, роль и место психологических исследований в теории личности.

Признание и отработка вышеуказанных методологических соображений способствовали бы отчетливому отделению марксистского понимания личности и подходов к ней от немарксистских, позволили бы избавиться от эклектичности в этом вопросе. Примером последней является, по нашему мнению, точка зрения Я. Щепаньского. Щепанский выделяет три «уровня» личности: биологический, психологический и социальный (биопсихосоциогенный).²³ Не говоря уже о биологической личности, непонятно, как представляет себе автор психогенную личность, т. е. порожденную психикой без участия общества. В психологическую личность входят «такие элементы, как память, характер, чувства, воля, воображение, наблюдательность, интеллект».²⁴ Непонятно, как можно думать, что различия в силе памяти, в воображении или в наблюдательности являются основами личности.

Касательно наиболее интересующей нас социальной личности Я. Щепанский пишет: «Социальная личность, или комплекс устойчивых свойств индивида, влияющих на его поведение, вырастающих на основе биологических и психических свойств и вытекающих из влияния культуры и структуры общностей, в которых индивид был воспитан и в которых он участвует, охватывает следующие элементы, развитые в процессе социализации... В этом процессе воспитывающие группы (семья, школы, группы ровесников) передают человеку ряд ценностей и систем ценностей. Среди них находится также культурный идеал личности. Другим социогенным слагаемым личности являются социальные роли, выполняемые в различных коллективах; далее, выделим здесь субъективное «Я», т. е. созданное под влиянием воздействия других представление о собственной особе, а также отраженное «Я», т. е. комплекс представлений о себе, созданных из представлений других людей

²³ Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. С. 76.

²⁴ Там же. С. 66.

о нас самих. Интегрированный комплекс этих элементов создает социальную личность индивида».²⁵

Я. Щепаньский не сводит личность к психологии, а выделяет и «социальную личность». Он различает понятия индивида и личности, рассматривая личность как совокупность свойств человека и пытается как-то определить личностно-образующие признаки, «элементы», «слагаемые». Но, перечисляя эти свойства, автор подходит к ним компилятивно, без общего основания и должного отбора. Здесь собраны все точки зрения: и ценности, и роли, и отраженное «Я». Если у личности имеются все три указанных «уровня» (биопсихосоциогенный), действующие сопряженно, без противоречий между ними, то такая личность, по Щепаньскому, представляет собой «целостную (интегрированную) личность» в отличие от других видов «нормальной личности», а именно: от средней в статистическом смысле и от личности, приспособившейся и действующей в рамках установленных социальных критериев.²⁶

Спрашивается прежде всего, может ли существовать вообще человек, не говоря уже о личности, на одном биологическом или только психическом «уровне»? Что же касается «нормальной личности», то здесь также все довольно произвольно. Почему, например, нормальной личностью является лишь статистически средняя? Выдающаяся же, очевидно, ненормальна? И вообще, каковы статистические критерии личности? Почему, наконец, приспособившаяся личность нормальна, а неприспособляемая, например революционер, ненормальна? Каковы в целом логические основания такого деления?

Подведем некоторые итоги. Наряду с известными достижениями, связанными с использованием и развитием марксистско-ленинских методологических принципов, в ряде работ по теории личности ясно проступают основные недостатки: абстрактное логизирование в известном отрыве от общественной жизни, от истории общества, от классового подхода; некритическое заимствование поверхностных, ненаучных концепций личности, подмена социологического подхода к личности психологическими и иными, могущими играть в теории личности лишь подсобную роль.

²⁵ Там же. С. 68—69.

²⁶ Там же. С. 76.

Тема данной статьи настолько обширна и многопланова, что ее основные вопросы могут быть изложены в рамках журнальной статьи лишь в самом общем и тезисном виде.¹

Все возрастающий интерес к вопросам соотношения природы, цивилизации и человека определяется множеством глубоких причин мировоззренческого, теоретического и практического характера, корнящихся в условиях нашей эпохи. Это значение и интерес усилились в связи с современными кризисными ситуациями, возникшими в отношениях между природой и техникой, с озабоченностью по поводу влияний технического прогресса на физическое и духовное состояние людей. Рассматриваемая нами проблема выходит, однако, далеко за границы этих остро актуальных явлений общественной жизни. Вопросы о природе, цивилизации и о человеке всегда были важными предметами философско-социологической мысли и в плане их соотношения, и взятые каждая в отдельности.

Кризисные ситуации внесли в эти темы лишь ряд новых моментов и аспектов, без которых изложение данных проблем на современном уровне становится уже явно недостаточным. Но было бы неверным как преувеличивать следствия этих кризисных ситуаций (что характерно для многих высказываний западноевропейских и американских буржуазных ученых и публицистов), так и считать, что они не имеют отношения к социалистическому обществу. Указанные проблемы в значитель-

* Тугаринов В. П. Природа, цивилизация, человек//Философские науки. 1974. № 6.

¹ В развернутом виде основные идеи В. П. Тугаринова по этим вопросам изложены в кн.: Тугаринов В. П. Природа, цивилизация, человек. Л., 1978.

ной степени глобальны, планетарны в двух отношениях. Во-первых, природные, в особенности атмосферная и водная, среды едины для всех стран земного шара. Во-вторых, техническое развитие в основном одинаково для различных социальных систем современности, хотя и отлично по социально-экономическим условиям, в которых оно осуществляется.

Невозможно отрицать некоторые общие моменты в загрязнении природы в странах сравнительно одинакового уровня технического развития. Что же касается последствий влияния технического прогресса на психику и духовную жизнь людей, то высказывания буржуазных теоретиков по данному вопросу переполнены мрачными характеристиками и предсказаниями. Наряду с односторонностью, прямолинейностью и сенсационными преувеличениями эти высказывания содержат в себе и некоторые реальные основания.

Понятие и основные свойства природы. Понятия природы употребляются в смысле: а) совокупности всего существующего, включая общество и человека как частей природы; б) вне человеческой реальности, из коей исключаются общество и человек; в) близким понятию сущности («природа человека», «природа красоты»). Чаще всего понятие природы употребляется применительно к ближайшему природному окружению (ландшафту, флоре и фауне, климату и проч.). Природа есть феномен, способ существования которого коренным образом отличен от способа существования человеческих понятий, хотя последние и извлечены из той же природы. Взятая в целом, она находится в особом состоянии, которое классики марксизма именовали жизненностью и активностью. Природа существует без каких-либо извне навязанных ей причин (будучи причиной самой себя) и цели. Она бесконечна, существует в пространстве и во времени, могущих быть чувственно воспринимаемыми и чувственно невоспринимаемыми формами ее существования; вся полнота ее бытия возникает из небытия и уходит в небытие, каким является будущее и прошлое. Представления о настоящем могут охватывать более или менее значительные отрезки времени, включая ближайшее прошлое и будущее. Однако эти представления, будучи жизненно (физиологически и социально) необходимыми, не могут отменить физического понятия настоящего как мгновенного перехода от будущего к прошлому.

Сущность движения вообще остается вечной загадкой для человеческой мысли. Природа обладает безграничной мощью, активностью, жизненностью и творческой силой. Последняя проявляется как в создании галактик, звезд, планет, макро- и микротел, различных космических сил и процессов, так и в почти неисчислимо разнообразных формах жизни. Человек с его разумом и тысячелетиями производственно-технического опыта еще не достиг уровня, если можно так выразиться, творческой

мощи, фантазии, «изобретательского гения и эстетического вкуса природы» (хотя так не хочется ставить в кавычки эти понятия).

Природа пронизывает общество и человека насквозь и во всех отношениях: от физиологии и экономики до науки и искусства. Природа отнюдь не низшее начало. Материя не ниже духа. Природа не может быть враждебной к своим творениям. А. Эйнштейн, трактуя бога вслед за Спинозой в смысле природы, сказал однажды: «Господь бог скрытен, но не злонамерен». Человек не борется с природой в прямом смысле слова. Подчинить природу невозможно: силы слишком несоизмеримы и не находятся в состоянии антагонизма. Ф. Энгельс точно определил понятие господства над природой: «...все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять».² Религия и идеализм умаляют природу, лишают ее суверенности, превращают ее в проявление или эрзац духа. Истинное понятие о величии природы дает лишь материализм, марксистско-ленинское мировоззрение. Зачастую в нашей философской литературе понятие природы отождествляется с понятием материи. Но, по нашему мнению, при всей их близости между ними имеются и различия. Учение о природе должно быть включено в диалектический материализм и разработано как особая его проблема.

Отношение к природе. Разрешение практических задач охраны природы и рационального использования ее богатств должно быть подкреплено развитием субъективно-психологических сторон отношения к природе. В отношении к природе можно выделить следующие формы: а) практическую, т. е. отношение к ней как источнику разнообразных благ; б) адаптивную, т. е. привычку людей жить в окружении природы, устраивать свой быт и образ жизни соответственно особенностям окружающей природной среды; в) интимную, т. е. любовь к природе в собственном смысле слова; г) эстетическую, т. е. восприятие красот природы, наслаждение ими, а также переживания при созерцании ее величественных образов и сил; д) «гуманистическую», т. е. отсутствие жестокости в отношении к живым существам и истребление их без практической нужды. (Термин «гуманистическое» поставлен в кавычки, так как по своему прямому этимологическому смыслу гуманизм есть отношение к людям.)

Практическое отношение к природе, эксплуатация ее стоит, разумеется, в известном противоречии с охраной природы и с остальными формами отношения к ней. Однако это противоречие относительно. Бережное отношение к природе, ликвида-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 496.

ция разбазаривания природных богатств — одно из условий успешного хозяйствования. Человек в своей практической деятельности должен умело сочетать потребление природных ресурсов с восстановлением и обогащением последних. Все дело в том, чтобы первое не преобладало над вторым.

В рамках статьи нет возможности рассматривать каждую из указанных психологических форм отношения человека к природе, их специфику и соотношение. Скажем лишь следующее. Стремление людей, направленное на охрану, сохранение и обогащение природы, чтобы сделаться общенародным, должно глубоко проникнуть в их сознание. Этому движению обеспечены успехи не только в силу его гигиенической и экономической необходимости, но и потому, что трудящемуся народу издавна было свойственно сильно развитое чувство любви к родной природе.

В настоящий период угрозы экологического кризиса стало очевидным, что и психологические стороны отношения к природе являются одной из важнейших гарантий массовости и эффективности мероприятий по защите природы и важным средством воспитания человека. В настоящее время, когда со всей остротой поставлен вопрос об общей духовной культуре советского человека, ясна и та роль, которую призвана сыграть перестройка его психологического отношения к природе в подъеме этой общей культуры.

Природа и история. На процесс развития общества оказывают влияние космические, физико-географические, биологические и социальные факторы. При этом происходят изменения относительной роли каждого из этих факторов. Человек зависит как от внешней природы, так и от природы самого человека. Эта зависимость проявляется в формах: а) зависимости от общих для всякого живого организма условий природы (химического состава атмосферы, наличия воды, пищи и проч.). Она является непреходящей, общей для всех рас и народов и относительно неизменной; б) зависимости от местных, локальных условий и особенностей природы. Первоначальная прямая зависимость от природных факторов все более, как выразился Г. В. Плеханов, «преломлялась сквозь призму» социальных факторов, в особенности сквозь призму развития техники и международного общения. Локальные и региональные особенности природы влияют и на психический склад наций и народов; в) зависимости от стихийных (кратковременных и длительных, иногда катастрофических), космических, геологических, климатических и других изменений в природе; г) зависимости от последствий, вызванных в природе собственной деятельностью человека.

К созданным природой вокруг Земли оболочкам (атмосфере, биосфере) человек присоединяет еще одну оболочку, так называемую «вторую природу» (техносферу, экотехносферу,

ноосферу и т. п.), т. е. природу, обработанную человеком. Изменения «второй природы» имеют двойственную детерминацию — естественную и социальную. Роль и значение социальной детерминации все более увеличиваются и в настоящее время привели к определенным нарушениям равновесия и саморегуляции между «первой» и «второй» природой, к необходимости сознательного и динамического управления, учитывающего как возрастающие потребности общества, так и закономерности геобиоценозов и животных популяций. «Вторая природа» изменяется несравненно быстрее «первой». Физические и психические изменения, происходящие с людьми, почти полностью зависят от влияний окружающей их природной среды и от социально-экономического устройства общества. Они оказывают как положительное, так и отрицательное воздействие. В современных условиях общество, и прежде всего социалистическое, в силах разрешить возникшие противоречия между природой и цивилизацией.

Культура и цивилизация. Определение понятия и признаков культуры в современной, в том числе и марксистской литературе нуждается в дальнейшей разработке. Этимологический смысл термина «культура» (лат. — обработка) соответствует ее основному признаку — обработке предметов природы и «обработке» самого человека. С этим связано традиционное понимание культуры как того, что создано человеком, в отличие от того, что дано природой. В это понятие, как справедливо отмечают ряд авторов, входит не только результат деятельности людей, но и сам процесс этой деятельности. В понятие культуры также справедливо вносятся ограничительные признаки, в том числе ценностный критерий, исключающий из культуры проявления жестокости, необузданности и дикости, т. е. того, что противоречит по существу основным признакам культуры, хотя и осуществляется людьми.

Культура представляет собой явление, не сводимое к любому другому общественному явлению, суждению или оценке: правильного или неправильного, справедливого или несправедливого и т. д. Суждение о культуре и культурности есть суждение специфическое, выражающее одну из сторон качества этого явления, а именно качества его «отделки». Суждение с позиций культуры и культурности — это суждение о соответствии предмета суждения той степени обработки, отделки, которая возможна лишь на техническом и ином специальном уровне данного общества. Первопечатная книга времен Ивана Федорова и современная книга, кино времен «великого немого» и современное кино, зрелища средневековья и современный спектакль — примеры различных требований, предъявляемых обществом к качеству продуктов духовной деятельности. Эти требования связаны не только с техническим оформлением, но и с идейным содержанием этих «продуктов», поэтому

понятия «культура» и «культурность» не просто историчны, но имеют и классовый характер. В. И. Ленин указал на наличие буржуазной и пролетарской культуры в капиталистическом обществе.

Блага культуры не нуждаются ни в доказательствах, ни в «оправдании». Развитие культуры носит необратимый характер. Без культуры нет общества, поэтому некоторые мыслители прошлого и современные исследователи отождествляют общество и культуру. Однако такое отождествление вряд ли правомерно, поскольку необходимо различать функцию и ее носителя. Общество есть носитель культуры, а культура — одна из функций общества. Данная Ф. Энгельсом характеристика пороков антагонистического общества в его труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» справедлива и была наглядно подтверждена массовыми зверствами фашистов, неофашистов, расистов и колониалистов, разгулом преступности, сексуализма, наркомании, предельным упадком морали, пренебрежением к духовным ценностям, культом роскошного и престижного образа жизни. Гегелевский «червь отрицательности» превращает в труху значительную часть плода буржуазной культуры. Но этот слой нельзя отождествлять с культурой, развиваемой народами социалистических стран и прогрессивными элементами капиталистического общества.

Понятие цивилизации до последнего времени обычно отождествлялось с культурой, однако к настоящему моменту накопилось достаточно оснований для их различения. Их употребление различно и в повседневном языке, и теоретически они совпадают не полностью. Во-первых, цивилизацией обозначается определенный исторический этап развития человечества. Ф. Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» разделил историю на эпохи дикости, варварства и цивилизации, связав последнюю с появлением и развитием классового антагонистического общества. Культура же существовала и в доклассовых обществах, даже в эпоху дикости (культура палеолита, неолита и проч.) Во-вторых, этим делением Ф. Энгельс определил основной смысл понятия цивилизации: цивилизация есть то, что отличает данное общество от дикости и варварства. Энгельсовское определение относится также ко всему современному и будущему коммунистическому обществу. А это означает, в-третьих, что данное понятие связано с тем слоем (стороной) культуры, который в общем одинаков для всего современного общества. В современном обществе существуют две культуры (буржуазная и социалистическая), а цивилизация в общем одна. Итак, понятие цивилизации имеет вполне определенный критерий и смысл, более однозначный, чем у культуры, что отнюдь не означает меньшего значения этого понятия в общественной,

особенно в современной, политической жизни, в условиях разнообразных международных контактов и соглашений.

Что же именно мы можем отнести к тем сторонам современной культуры, которые мы называем цивилизацией и которые в той или иной мере одинаковы для стран социализма и капитализма? Это прежде всего развитие науки и техники, средств связи, городского строительства, предметов быта и другие, которые однотипны и идут в основном по одним и тем же путям развития во всех странах, близких по уровню технического развития. Но понятие цивилизации не ограничивается лишь материальной культурой. Поведение цивилизованного человека и его внешний облик тоже мало различаются в развитых странах. Однако указанные моменты не отменяют существенных социально-классовых различий между капитализмом и социализмом на настоящем этапе сосуществования различных социально-экономических систем. Но при всех этих различиях нельзя говорить о двух качественно различных цивилизациях, что мы утверждаем относительно двух культур в целом. Поэтому качественно различные моменты (различие мировоззрений, идеологий, политического устройства и др.) мы не включаем в понятие цивилизации.

Цивилизация с самого начала истории человечества приняла необратимое техническое (технологическое) направление, поскольку в его основе лежит объективный закон развития производительных сил. Характер и направление цивилизации однозначно заданы этим законом. Поэтому суждения, высказываемые и некоторыми советскими учеными,³ согласно которым техническая цивилизация носит временный характер, что ее не было в отдаленном прошлом и ее начало датируется Галилеем, что коммунистическая цивилизация, возможно, и не будет технической, на наш взгляд, методологически ошибочны. Цивилизация существовала задолго до открытия законов механического движения; трудности технического развития не свидетельствуют о возможности какого-то иного, нетехнического пути цивилизации.

Стратегические вопросы цивилизации. Под стратегией по отношению к цивилизации подразумевают общие социологические идеи о дальнейшем направлении развития цивилизации и преодолении наметившихся в ней кризисных процессов экономического характера. Из имеющихся в буржуазной литературе идей по данному вопросу следует отметить пагубность мнения о ненужности вмешательства в ход экологических процессов. Должны быть отвергнуты суждения, что оглядка на последствия в экологическом плане затормозила бы развитие научно-технической революции. Несостоятельно

³ См., напр.: Шкловский П. С. Проблема внезапных цивилизаций и ее философские аспекты // Вопросы философии. 1973. № 2.

и такое мнение: либо сохранение цивилизации, либо охрана природы и что потому «природа обречена». Негодна и позиция «взаимных уступок» как со стороны природы, так и со стороны цивилизации, т. е. частичного сокращения индустриального развития на Западе. Как мы видим, существуют два крайних мнения в вопросе о направлении действий по дальнейшему развитию цивилизации: одни предлагают прекратить индустриальное развитие в целях возвращения к нормальным природным условиям, а другие — создать совершенно «новую» природу, непохожую на существующую, т. е. радикально ее переделывать.

В советской литературе господствует в общем правильная тенденция: не просто охрана природы, но и ее преобразование. Одна лишь охрана природы в том виде, в каком она существует, действительно не может удовлетворить потребностей современного общества. Государство наряду с организацией заповедников, заказников и звероферм обводняет пустыни, осушает заболоченные районы, улучшает химический состав почвы, создает сеть каналов, искусственные моря и т. д., иными словами, сочетает сохранение и защиту существующей природы *с ее улучшением на базе этого сохранения и защиты*. Можно предположить, что человечество в будущем значительно изменит земную поверхность, ее почву, био-, гидро- и атмосферу. Однако такие изменения могут происходить лишь в пределах, полагаемых природой человека, являющейся производной от существующей природы. Возможно, что человек, испытав все это на ближайших планетах в целях их заселения (но в настоящем состоянии непригодных для жизни), накопит достаточный опыт для подобных работ на Земле. Но для радикальных преобразований в природе кроме ограничений, полагаемых природой человека, требуется достаточно полное и всестороннее знание буквально всех закономерностей и связей биогеоценозов, что далеко еще не достигнуто. Одновременно такие радикальные преобразования с необходимостью должны сопровождаться и изменениями в психологии людей.

Сущность и природа человека. Человек является продуктом органической эволюции, длившейся более миллиарда лет. В качестве синтеза природы и культуры человек есть действительно микрокосм, имеющий свою природу и свою сущность и представляющий собой самостоятельный предмет науки. «Разве не существует *всеобщая человеческая* природа, подобно тому как существует всеобщая природа растений и звезд?»,⁴ — писал К. Маркс. Объективная действительность представляет собой не диаду (природа и общество), а триаду: природа — человек — общество. Проблема человека представляет собой относительно самостоятельную проблему марксистско-ле-

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 101.

нинской философии: «...мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху».⁵

По своей сущности человек социален; как известно, его сущность есть совокупность всех общественных отношений. По природе же своей он биосоциален, является единством естественного и общественного начал. К. Маркс называл человека «природным существом» и одновременно «общественным существом». Несмотря на огромную роль психики в природе человека, определять его как существо биопсихосоциальное было бы теоретически некорректным, так как психика является не особой формой движения материи, а свойством высших животных и человека.

Итак, следует различать понятия природы и сущности человека. Понятие природы человека отвечает на вопрос, к какому миру (мирам), природному или общественному, относится человек. Понятие сущности человека отвечает на вопрос: что именно существенно для сущности человека в отличие от остальных живых существ? Социальная сущность человека есть составной и высший компонент его природы, воздействующий на естественное начало в человеке и корректирующий последнее. Во всех поступках, действиях и помыслах человека переплетаются (хотя и в разных пропорциях) физиологические и социальные стороны. Научный анализ их соотношения является одной из важнейших проблем теории человека и конкретных вопросов его воспитания.

Улучшение воспитательной работы в настоящее время требует и преодоления разрыва между науками о теле и душе человека. Естественное начало в человеке не следует рассматривать лишь как отрицательный фактор. Оно является основой материнской и вообще родительской и детской любви, сочувствия людей друг к другу и т. д. Во взаимоотношениях особей в животных популяциях имеется много явлений, заслуживающих с точки зрения человеческой морали самой высокой оценки. С другой стороны, досоциалистические общественные отношения воспитали в человеке немало отрицательных черт характера и поведения. Иными словами, породившие человека природа и общество «учили» его как хорошему, так и дурному.

Существование человека. Человек живет, развивается и действует в конкретно-исторических условиях классового строения общества, социально-экономического строя, образа жизни, нравов и воспитания. Проблема существования человека (его эмпирического бытия, экзистенции) позволяет нам двигаться от весьма важных, но еще довольно абстрактных, общен исторических и надличностных сущностных определений человека (его природы и сущности) к более конкретному его рассмотре-

⁵ Там же. Т. 23. С. 623.

нию. Существование человека есть проявление его природы в целом. Но естественная сторона природы человека гораздо более статична, чем социальная. Поэтому проблема существования преимущественно связана с общественной сущностью человека.

Вопросы о классовом строении общества, о социально-экономических формациях и системах глубоко разработаны в марксистско-ленинской литературе. Гораздо меньше уделялось до сих пор внимания проблеме образа жизни и нравов. Если все формы существования человека, взятые в целом, суть проявления его сущности, то это не значит, что любая форма существования адекватна этой сущности. Современный буржуазный образ жизни и нравы этого общества в целом ряде моментов являются извращением человеческой сущности.

Однако, на наш взгляд, по признаку активности личности нельзя различать тот или иной образ жизни. Бизнес есть тоже форма социальной активности. И в других, например в политических, формах активности бизнесмены обладают достаточной динамичностью. Что же касается стремления добиться успеха, то такое стремление (правда, не «любими путями») лежит и в основе социалистического соревнования и вообще свойственно всем сознательным труженикам социалистического общества. По-видимому, можно сказать, что не мера активности, а именно единый трудовой образ жизни является основной характеристикой образа жизни людей социалистического общества. Образ жизни (или «уклад жизни», «жизненный уклад», как говорил Ленин) нельзя отождествлять с нравами. Образ жизни есть понятие, характеризующее общее и типичное в жизни людей, нечто устойчивое, остающееся и при смене нравов. Нравы могут быть явлениями нетипическими, не соответствующими данному обществу. Отдельные случаи взяточничества, хищений общественной собственности, грубого обращения с людьми и т. п. вовсе нельзя назвать какими-то чертами советского образа жизни. Формирование взглядов имеет большую зависимость от производственных отношений данного общества, чем образ жизни людей этого общества. Детерминация нравов более сложна, чем детерминация образа жизни.

Индивид и личность. В своей повседневной жизни человек выступает и как индивид, и как личность. В отдельном человеке, в индивиде, воплощены все указанные ранее определения человека. Человек есть единство общего, особенного и единичного. Общее выражается в природе человека, особенное — в его сущности и единичное — в индивидуальности. Индивид — высшая форма существования в природе отдельности, но человеческий индивид качественно отличен от отдельного неорганического тела и от биологической особи. Понятие индивида не может быть сведено лишь к индивиду-

альным отличиям между людьми. Разработка проблемы индивида как составной части теории человека пока находится на начальной стадии.

Личность есть индивид, взятый как носитель социально значимых качеств (личностно-образующих свойств). Не входя в разбор мнений по вопросу о личностных качествах, скажем, что далеко не все признаки человека, не только биологические и психологические, но и социальные, входят в состав личностно-образующих качеств. К последним относятся также качества, которые связаны лишь с основными формами общественной жизни и деятельности человека: трудом, гражданственностью, бытовым и служебным общением. К. Маркс, характеризуя человека, называет самым главным его качеством гражданственность.⁶

Личность человека социальна, как и его сущность. Отличие личности от сущности человека, кроме сказанного о личностных признаках, состоит в том, что понятие личности «привязано» к индивиду: личность всегда есть отдельный человек. Сущность же человека надындивидуальна. К. Маркс указывал, что сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В понятии личности присутствует и ценностный момент. В исследовании исторического развития и типологии личности наука не может отвлечься от понимания личности как идеала человека, от представлений о лучшем человеке, от прогресса личности. В Программе КПСС и в других документах нашей партии выражено коммунистическое понимание нового человека как всесторонне и гармонически развитой личности. Все указанные определения человека (его природа, сущность, индивид, личность) выражают сущностные силы человека. И коммунизм создает все условия для полного и всестороннего проявления этих сил.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 132.

Проблемы человека и личности в марксистско-ленинском мировоззрении не могут быть случайными, второстепенными, ситуационными или «модными». Эти проблемы не могут также считаться получившими свое окончательное решение. Однако в последние годы данные проблемы явно мало разрабатываются и почти не получают дальнейшего развития. Между тем направления этого развития отчетливо вытекали из предыдущих тезисов, принятых советской философской общественностью. Одним из таких тезисов было признание данных проблем «интегративными» и «комплексными», т. е. подвижными усилиями целого ряда общественных и естественных наук. Этот тезис заключал в себе и положительное и отрицательное начала. Отрицательных начал было два. Во-первых, ссылки на интегративность и комплексность породили состояние «обезлички»: проблемы не были привязаны ни к одной науке, они оказались «беспризорными», рассыпанными на множество частных вопросов, и ни одна из наук, относящаяся к этим проблемам, не могла собрать из этих кусков что-либо цельное, т. е. дать общий контур понятий «человек» и «личность».

В процессе обсуждения данного вопроса (о «комплексности») раздавались здравые голоса касательно того, что это — проблемы философские, и что обращение к физиологии, психологии и проч. зачастую подменяет философские понятия о данных явлениях, да и по существу своему могут быть лишь подсобными средствами для выработки философской концепции человека. Но философам все же внушали, что данные проблемы нельзя решить без физиологии, кибернетики и десятка других частных наук. Позитивистское мнение одержало верх, тем более, что оно обещало полную философскую без-

* Неопубликованная статья (февраль 1978 г.).

ответственность и бездеятельность в данных вопросах. Упоминание о позитивизме не означает, что всякая комплексность является позитивизмом. Проблема человека действительно разбирается рядом специальных наук, и использование их достижений крайне полезно и необходимо при следующих условиях: обобщение этих материалов должно иметь философский характер, а не быть просто набором специальных исследований; данное обобщение должно быть квалифицированным и критически переработанным под углом зрения философских, более широких принципов.

Итак, дальнейшее развитие марксистской теории человека должно состоять не в механическом и стихийном «склеивании» кусочков специальных исследований, а в сознательном обобщении, сделанном именно философом и со строго философским содержанием. Границы последнего в настоящее время настолько расплылись, что найти их в данном вопросе может лишь философ, сохранивший традиционное, марксистское понимание предмета и проблем философии. Итак, нам представляется, что первой предпосылкой дальнейшего развития марксистской теории человека является придание этой теории четкого философского контура в духе традиционного понимания характера философской концепции.

Второй предпосылкой и условием дальнейшего развития теории человека является признание его автономии относительно общества. Слово «признание», правда, не очень подходит, так как никто не возражает против тезиса об «относительной самостоятельности» человека относительно общества. Возражать против этого — значит возражать против прямых фактов в истории человечества и против разительных фактов несоответствия многих людей условиям их воспитания. Историю можно было бы игнорировать, а вот последнее обстоятельство игнорировать невозможно, ибо его значение в общественной жизни все возрастает. Слово «признание» мы все же оставим, так как выражение «относительная самостоятельность» в данном случае произносится скороговоркой, стыдливо, боязливо, как нечто незаконное с марксистской точки зрения. Действительно, как совместить этот тезис с марксистским положением, согласно которому человек есть производное от общества?

Если понимать данное положение формально-логически и догматически, то ничего нового в истории осуществляться не могло бы, однако в действительности люди прорывают связывающие их узы социальной обусловленности. Марксист скажет, что это новое тоже социально-исторически обусловлено. Формула об обусловленности человека обществом остается неизменной, тем не менее объемлет она еще не все. Все, разумеется, в истории обусловлено до мелочей, но обусловлено не только социально. Огромное разнообразие и неповторимость общественных явлений, даже сходных или одинаковых по своей

природе и функциям, объясняется кроме социальной детерминации также и детерминацией географической, климатической, психологической, культурной и прочими относительно несоциальными факторами. Мы привыкли читать лишь историю европейских стран. Но теперь, когда волей-неволей нам приходится знакомиться и с Ближним Востоком, и со Средней Азией, и с Африкой, и с тайнами стран Южной Америки, с жизнью других народов, обретших свою государственную самостоятельность, эта, в основном природная обусловленность, идущая параллельно социальной или, точнее, лежащая под социальным слоем, проявляется все рельефнее.

Таким образом, относительная самостоятельность общественного развития различных стран современного мира объясняется влиянием на их историю не только законов общественной жизни, но и условий природы, значением которых, так же как и вниманием к природе вообще, мы пренебрегали и продолжаем пренебрегать. Итак, социальная детерминация определяет лишь общее, а не отдельное, своеобразное в истории народов. А это своеобразное выступает на передний план, оставляя за общим путем человечества роль лишь схемы развития, некой исторической кальки.

Непризнание никакой иной детерминации, кроме социальной, составляет в настоящее время общий фон всех сочинений, в том числе и о человеке. В одной своей работе я уже говорил, что климат влияет на судьбы народов и что, видимо, не случайно, именно в умеренном климате, требующем упорного (но все же не чрезмерного) труда, развились наиболее развитые в производственно-экономическом отношении нации. Это наблюдение может быть исторически верно или неверно, но во всяком случае в нем нет ничего немарксистского, «растосковского».

Итак, природно-географические, психологические и другие относительно асоциальные факторы — вот причины «отклонений» автономии фактического развития народов от действия только социальной детерминации. Вот почему нигде, ни в какой стране не было ни одной «чистой», типичной идеальной общественно-экономической формации.

В истории действует тот же закон, который был установлен Марксом между стоимостью и ценой товара: цена товара, вертясь вокруг стоимости, как своего стержня (и, следовательно, не отходя от него чрезмерно далеко), никогда не совпадает со стоимостью, разве лишь случайно. Следовательно, общее (закон) и особенности конкретного явления одинаково важны для понимания последнего. Знание закона — это лишь начало научного исследования. Диалектика — душа марксизма, но душа без тела не существует.

Несовпадение общего и особенного, автономия особенного не ограничиваются массовыми явлениями, а распространяются

и на единичное, на отдельного человека. Причины этого несовпадения в общем те же, что были указаны для частных массовых явлений, но проявления данных несовпадений имеют свои особенности. Так, скажем, динамика туристского движения зависит от рекламы, от интереса к древностям, цен на обслуживание, от погоды, расстояний, от характера местности и проч. Однако нетрудно заметить, что мотивы, определяющие мое решение участвовать или не участвовать в данном туристском походе, будут значительно более многочисленны: в него войдут мои денежные и семейные обстоятельства, сроки служебного отпуска, советы приятелей, уже участвовавших в таких походах, состояние моего здоровья, физические особенности, любовь или равнодушие к природе и т. д. Отдельный человек, индивид, в обстоятельствах своей жизни и ежедневных решениях зависит не только от общих законов истории и от законов общества и государства, в котором он живет, он и от своего учреждения и коллектива, от семьи, от круга друзей и т. д. Массовое же явление, чем более оно массово, тем более свободно от этих обстоятельств.

Итак, относительная самостоятельность (автономия) отдельного человека определяется тем обстоятельством, что общественная жизнь, в среде которой он живет, имеет свою внутреннюю, присущую каждому ее звену детерминацию, особым образом накладываемую на общие законы истории и на особенности того или иного общества. Это — не двойная, а многократная детерминация, ибо общественные явления со всеми своими детерминациями наложены друг на друга и также имеют свою автономию, т. е. наложены не полностью, а отчасти и просто мало зависят друг от друга.

Третий момент, связанный с дальнейшим развитием теории человека, — соотношение сторон системы «человек». Прежде всего это его атрибутивные (присущие всем людям как таковым) стороны, выраженные в понятиях природы человека и его сущности. Почти вся советская философская литература о человеке была посвящена данным понятиям. С понятием сущности дело обстояло легко, так как имеется классическое определение Марксом сущности человека как совокупности (ансамбля) всех общественных отношений. С понятием природы человека дело обстояло сложнее. Правда, было известно, что классики видели в человеке и живой организм и члена общества, что вполне соответствовало столь пренебрегаемому здравому смыслу. Иными словами, был предложен тезис о биосоциальной природе человека. Но здесь возникли разногласия по двум вопросам: во-первых, о самом смысле понятия биосоциальности человека и, во-вторых, о том, можно ли природу человека полагать в его биосоциальности.

Ряд десятилетий отрицания биологической природы человека сказались в подозрительном отношении некоторых исследова-

дователей к этой «половине» формулы биосоциальности, в боязни биологического. Некоторые авторы, стремясь избежать самого термина биологии, назвали природу человека «интегративной» или «синтетической».

Однако эта «интегративность» не означала ничего нового по сравнению с биосоциальностью. Я с удивлением прочел статью психолога А. Р. Лурия, который выступает против различения биологического и социального (правда, не в плане природы человека вообще, а лишь в плане психических процессов) на том основании, что в сознательной деятельности человека нет чисто биологических процессов. Последнее может быть и так, но А. Р. Лурия идет дальше, выступая вообще против «теории двух факторов» (социального и биологического), видя в этом «соскальзывание на позиции биологизаторства и, в конечном счете, на позиции упрощенного естественнонаучного материализма».¹ Можно было бы назвать имена и других весьма почтенных авторов, которые как огня боятся «двойственности» вопреки точке зрения В. И. Ленина, считавшего «раздвоение единого» существенной чертой марксистской диалектики.

Что касается второго пункта разногласий, то здесь создано странное и с теоретической точки зрения нетерпимое положение. Приняв термин «природа человека», большая часть советских философов, не мудрствуя лукаво, отождествила природу человека с его сущностью. Вместе с тем это явно разные понятия, ибо сущность человека социальна (так как представляет собой совокупность всех общественных отношений), а его природа биосоциальна. Данное противоречие обусловило два заблуждения: либо природа человека объявлялась социальной, либо его сущность — биосоциальной. Нами было предложено различать понятия природы человека и его сущности.² Природа человека относится к двум формам движения материи — биологической и социальной — и развивается по их законам. Человек есть единственное живое существо, живущее одновременно в двух «мирах» — природном и общественном, что делает его особым предметом рассмотрения философии и многих других наук. Философское изучение данного вопроса состоит в исследовании того своеобразия, которое приняли в жизнедеятельности человека, в своем слиянии в этой жизнедеятельности законы природы и общества, взятые сами по себе, в «отрыве» от отдельного человека. Если законы природы вполне допускают такой отрыв, то законы общества могут допускать его как прием абстракции, ибо общество состоит из людей, и природа последних налагает свою печать на все общественные явления и закономерности.

¹ Лурия А. Р. О месте психологии в ряду социальных и биологических наук // Вопросы философии. 1977. № 9. С. 69.

² Тугаринов В. П. Природа, цивилизация, человек. Л., 1978.

Можно ли сказать, что и в объективном плане законы жизнедеятельности человека и законы общественного развития — это одно и то же, что между ними нет различия? Едва ли. Конечно, и рабовладельческое, и феодальное, и капиталистическое общество создавали не мистические силы, а сами люди, однако большинство людей больше страдало от этих своих построений, чем наслаждалось их щедротами. И создание данных формаций, и уже созданные формации не зависели во многом от воли людей, так как обуславливались не их стремлениями, а развитием производительных сил, которые, как известно, не зависят от воли и сознания людей, хотя и создаются при их участии. Что же касается индивида, то независимо от него общественные и природные силы определяют всю его жизнь в любом обществе.

Таким образом индивид подвергается действию множества детерминаций и сам является некой равнодействующей последних. Мы, конечно, не исключаем, что индивид — не просто пассивное следствие и результат всех этих воздействий, но что он и сам стремится избежать или ослабить действия одних детерминантов, усилить другие и даже добавить от себя какие-то внутренние детерминаторы.

Если природа человека биосоциальна, то сущность его социальна и только социальна. Что существенно в человеке как таковом в отличие от животных? Ясно, что все существенное в данном отношении дается человеку обществом. Различие понятий «природа человека» и «сущность человека» соответствует языковому смыслу терминов и природы и сущности. Однако останавливаться на этих общих определениях, даже при их правильном понимании, — значит обрекать теорию на застой. Понятия природы человека и его сущности фиксируют то, что присуще человеку во все времена истории и во всяком общественном положении. Они характеризуют абстрактного человека, человека вообще. Общечеловеческие черты — это то, что принуждает признавать в вас человека независимо от своего отношения к нему. Данные черты присущи и таким людям, которым мы, по всей справедливости, отказали бы в чести называться людьми. Без общечеловеческих, характерных для всех людей черт, не может быть и частного, конкретного человека, ибо он, по определению, будет заведомо непохож на человека.

С другой стороны, человек вообще всегда выступает как отдельный человек, индивид и как человек определенного времени, народа, класса. Проблема индивида до сих пор не нашла должного места в нашей философской литературе, если же индивид и появляется в качестве второстепенного персонажа, то трактуется крайне поверхностно, сводится к индивидуальным особенностям и «неповторимости». Вместе с тем проблема индивида — исходный и центральный момент теории человека. Ведь все определения, под которыми фигурирует человек (при-

рода человека, его сущность, личность и т. д.) суть умственные отвлечения от живого индивида, каких-то его сторон и черт, самих по себе, отдельно от индивида не существующих. Индивид, таким образом, есть совокупность всех своих определений и единственно чувственная и подлинная их реальность.

Ни один индивид непохож не только на остальных живущих, но и ни на одного из своих предков и потомков. Однако этим индивид не отличается от любого предмета органического и неорганического мира; природа не создает совершенно одинаковых вещей. Вспомним Лейбница, который предлагал придворным неразрешимую задачу: найти в парке два одинаковых листа дерева. Одинаковые вещи (и то лишь приблизительно одинаковые) создает лишь машина. Отличается ли в этом отношении человек от всех остальных вещей в мире? Оказывается, отличается. Если мы изучили образ жизни и поведение пары животных или птиц, то мы можем предсказать такое же поведение и у любой другой пары таких же животных в тех же условиях. О человеке же этого сказать нельзя. При самых устойчивых нравах нет и не бывало двух одинаковых супружеских пар и одинаковой их совместной жизни. Два брата, выросших в одних и тех же условиях и воспитанных совершенно одинаково, часто весьма существенно отличаются друг от друга.

Таким образом, индивидуальность человека не ограничивается лишь внешними различиями между особями (видовое поведение в животном мире, как видим, не индивидуально, а стандартно), а выражается во всем его поведении. Насколько позволяет судить история, человек постепенно освобождается от животного стандарта, от стадности, все более развивает свою индивидуальность как особенность психологии и поведения в отличие от других индивидов.

Марксистское положение о раскрытии всех сущностных сил, т. е. способностей и задатков человека, при коммунизме является продолжением этой исторической закономерности. Осуществляемый до сих пор в основном стихийно, процесс освобождения человека от животной стадности, развитие его индивидуальности в эпоху социализма, коммунизма становится процессом, сознательно направляемым. Проблема воспитания в значительной мере связана именно с индивидуализацией поведения человека, с его отклонениями от стандарта, от видовых особенностей поведения. Но как эти видовые особенности, так и «отклонения» требуют критического отношения, ибо заключают в себе как положительное, так и отрицательное.

Возьмем, к примеру, такие феномены видового поведения, как половая любовь, честолюбие, стремление к лидерству, комфорту, обладанию вещами и проч. Вековечность этих страстей указывает на то, что они присущи человеку как биосоциальному существу и, взятые отвлеченно, не заключают в себе ни-

чего плохого. Более того, они являются мощными импульсами жизнедеятельности. Но сколько принесли эти страсти зла, страданий и бедствий человечеству! Поэтому каждая эпоха, каждый господствующий класс, насаждая свою культуру, налагал свои ограничения на эти страсти. Пролетарской идеологии угнетенного класса, с одной стороны, и класса-гегемона — с другой, присуще весьма сложное отношение к этим страстям, к их массовым проявлениям и индивидуальным извращениям. Их выход за рамки дозволенного данным обществом ограничивается, пресекается законом и моральным давлением. Таким образом, стандарт, одинаковость поведения в определенных рамках необходима для любого общества. Безудержная «индивидуализация» поведения разрушает общественную жизнь и требует обуздания. Мир теперь все более ясно видит, к чему привело господство буржуазного индивидуализма как принципа общественной жизни капиталистического мира.

Благополучие, довольство и счастье, согласно марксизму, должны быть уделом не большинства (к чему стремились идеологи индивидуализма), а всех людей, каждого индивида без исключения. Счастье человека — конечная цель построения коммунизма, поэтому проблема индивида не сводится лишь к борьбе за развитие индивидуальности, способностей, сущностных сил и проч. Проблема индивида — это одновременно выход за пределы заботы об индивиде, ибо высшие заботы о нем имеют всеобщий характер и могут быть достигнуты лишь на базе совершенствования общества. Проблема индивида глубже и шире, чем проблема индивидуальности.

С проблемой индивида мы выходим в область диалектического материализма, так как человеческий индивид — это наиболее сложное выражение ряда общих свойств материи, и прежде всего закона отдельности (относительной обособленности, отграниченности, оформленности) всех вещей и явлений действительности. Индивид есть та материальная форма, в которой воплотился человек со всем своим биологическим и социально-историческим содержанием. Индивид — это та материальная форма, в которой воплотился человек. Итак, индивид помимо своего свойства индивидуальности выступает и в таких своих важных функциях (и соответственно определениях), как материально-естественная основа и носитель общественных отношений, как основная форма, в которой природа присутствует в обществе, как последняя форма, в которой существует общественная дифференциация, и т. д. С индивидом связана жизнь и смерть, а значит, и вся драма личной судьбы человека.

Наряду с проблемой индивида ждет своего дальнейшего развития и проблема личности, которая, будучи составной частью марксистской теории человека, одновременно имеет собственную достаточно сложную и тонкую проблематику. Понятие личности, в отличие от рассмотренных выше категорий,

есть понятие в основном идеологическое и ценностное. Оно выдвигается чаще всего в связи с правами и обязанностями человека, его свободами, мыслимыми идеальными формами и т. п. Прозаическая и презентистская трактовки личности, т. е. рассмотрение последней в ее современном состоянии, со всеми недостатками, не может нас удовлетворить. Личность — возвышенный момент в понятии о человеке, поэтому и «набор» понятий, связанных с понятием личность, имеет преимущественно аксиологический и перспективный характер.

В понятии личности фигурируют большей частью ценностные определения, а именно те или иные качества, даваемые в положительном плане. Эти определения меняются в зависимости от того, какие именно добродетели особенно ценятся в данном обществе (или нравятся данному исследователю проблемы личности). В зависимости от этого само понятие личности приобретает различные степени, чего нет в понятиях онтологического, теоретического, общенаучного плана: человек, так же, как и индивид существует или не существует. Личности же бывают различных степеней совершенства, соответствия своему понятию. Все люди суть личности, но личностный момент выражен в них по-разному, и в различной степени: по степени разумности ее мыслей и действий, по степени оригинальности, самостоятельности решений, по величине и значению того вклада, который она сделала в развитие общества и культуры, по ее общественной роли и т. д. Все люди — личности, но большинство из них проживает жизнь, которая мало чем отличается от жизней остальных, окружающих ее; личность человека как бы «спрятана» в массе.

Критерием развития личности является не то, насколько она повторяет существующий стереотип, а то, насколько она из него выделяется. Иногда личность проявляется именно тем, что противится существующему стереотипу, массовому образу жизни и мышления. Однако критерием развития личности нельзя считать лишь нонконформизм. Личность может выражаться также и в том, насколько она осуществила уже поставленную, конформную и ставшую общей задачу. Поэтому значительной личностью может быть не только революционер или реформатор, но и герой труда, и автор произведения, отразившего характерные и важные черты эпохи. Личность и масса — не противоположности, а одновременно разные понятия и различные явления в человечестве. Массовое — это фундаментальное, непрестанно текущее, как движение ледника, необходимое и неопровержимое; личное — это движение, разнообразие, творчество. То и другое — свойства природы, свойства ее движения.

Таково вкратце соотношение понятий «человек», «индивид», «личность».

(...) Рассматривая красоту как ценность, приходится, очевидно, подходить к ней, согласно общему определению ценностей, с точки зрения практической пользы. Не снижаем ли мы тем самым природу красоты, не делаем ли мы ее чем-то прозаическим? Если бы это было так, что было бы очень плохо, так как более всего, по нашему мнению, надо избегать низменного прозаизма в подходе к ценностям. Но это опасение мы считаем неправильным по следующим трем основаниям: а) «пользу» можно понимать по-разному: в прозаическом, денежно-хозяйственном смысле и в более широком, включающем и возвышение души человека, подъем человека на более высокий уровень; б) исключение красоты из состава ценностей на основании указанного опасения, т. е. понимание красоты как чего-то бесполезного по ее природе, как раз умаляет ее общественное и личное значение; в) красота многообразна: она имеет формы и возвышенные, высокие и обыденные, прозаические, например красота вещей, одежды и т. п. (...)

В чем же прежде всего специфика «пользы», т. е. практического значения красоты в жизни?

Общественное и личное значение других духовных ценностей (истины, нравственности) видно непосредственно. Ценность добра, например, выражается в непосредственной пользе доброго поступка. Практическое же значение красоты непосредственно выражается лишь в том удовольствии, которое она доставляет. Но к этому удовольствию нельзя сводить «пользу» прекрасного. Его значение гораздо глубже и выражается в тех благотворных изменениях, которые оно производит во внутреннем мире личности в целом. (...)

У нас справедливо уделяют большое внимание тесной связи между этикой и эстетикой. Эта связь и взаимодействие очень важны. Они исключают, прежде всего, пренебрежительный подход к эстетике как к чему-то второстепенному, как к некоей «роскоши», или, выражаясь словами Л. Н. Толстого,

* Тугаринов В. П. Красота как ценность//Философские науки. 1963. № 4.

«барскому баловству». Чувствовать прекрасное в искусстве и понимать его — дело великое. Эта способность утончает все восприятия личности, доставляет огромную и ни с чем не сравнимую радость и наслаждение. Чувство прекрасного, как источник наслаждения и элемент счастья, должно рассматриваться и как самоцель, как ценность самодовлеющая, вне зависимости от всего остального. Однако значение прекрасного не только наслажденческое, гедонистическое, но и воспитательное, эвдемонистическое. Эстетическое воспитание — это не только средство усиления радости жизни, но и средство подъема всех сторон жизни личности.

Эстетическое же наслаждение есть тот специфический рычаг, посредством которого эстетика достигает развития и обогащения внутренней жизни человека. (...) Эстетическое удовольствие — непосредственная цель восприятия красоты и средство для развития и обогащения внутреннего мира человека, а это развитие есть цель конечная и опосредованная непосредственным наслаждением. Через это наслаждение — к более глубоким задачам — таков путь эстетического воспитания. Если произведение искусства не доставляет человеку эстетической радости, то оно не может его и воспитывать. Все это — невыносимые тривиальности, но что делать, когда сохранились еще педанты, которые в слове «наслаждение» видят и аполитичность, и созерцательность, и барский эстетизм, и легкомыслие, и т. п.!

Восприятие красоты имеет три главных значения: познавательное, воспитательное и «наслажденческое». При всей важности двух первых сторон последняя есть, однако, специфическая и определяющая сторона эстетического. Ведь в самом деле истина добывается не ради наслаждения; добро совершается также не ради наслаждения (хотя этот момент имеет место и в первом, и во втором). Красоту же люди ищут ради наслаждения, радости.

Красота, или прекрасное, есть главная эстетическая ценность и соответственно главное понятие эстетики как науки. В связи с этим возникает вопрос о соотношении красоты и искусства. Нам кажется, что искусство по своей природе не может ограничиваться только отражением прекрасного. Ведь искусство воспроизводит жизнь, в которой много и некрасивого, а также такого, что по своему существу не связано с эстетической оценкой, нейтрально к ней.

Нам скажут: но то, что в жизни безобразно, в искусстве становится прекрасным. Эта мысль далеко не нова. Так, революционный поэт Федор Сологуб писал: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из нее сладостную легенду, потому что я — поэт». (...) Хорошее произведение искусства возбуждает в человеке эстетическое чувство не только тем, что

является похожим на действительность, но и тем, что оно есть не действительность, а ее воспроизведение, есть мастерство. (...) В искусстве человек любит не только объективно красивым, но и способностью человека передать, воспроизвести живое, действительное. Ведь содержание искусства складывается из двух моментов: содержания действительности и ее отображения. Безобразная мысль может быть красиво выражена, и в этом случае она особенно вредна, так как воздействует эстетически. В первой, объективной стороне содержания искусства может быть красивое, некрасивое или эстетически безразличное; во второй, субъективной стороне есть лишь различные степени приближения к объективной истине, т. е. различные степени правдивости и выразительности отображаемого. Воспринимая произведение искусства, человек любит не только первым (объективно красивым), но и вторым, т. е. мастерством. (...)

Итак, красота есть лишь один из объектов искусства, а ее воспроизведение — лишь одна из функций и задач искусства. При этом под красотой мы понимаем свойство некоторых явлений внешнего мира и внутреннего мира человека, а также предметов искусства давать нам особый вид чувственно-духовной радости, или наслаждения (эстетического наслаждения).

Из этого общего определения следует, что красота есть единство объективного («свойство некоторых явлений») и субъективного («особый вид наслаждений»). Красота возникает (подчеркиваем: возникает) лишь тогда и там, где и когда объективные свойства вещей соединяются с воспринимающим их эстетическим «аппаратом» человека. Красота не чисто объективна и не чисто субъективна, а есть единство природы и человека. (...)

Красота имеется лишь там, где есть налицо некоторые объективные свойства действительности, возбуждающие у нас эстетическое чувство. Отрицать объективные источники эстетического чувства значило бы рвать с материализмом, ибо в нашем сознании нет ничего, что не вызывалось бы (прямо или опосредованно) свойствами внешнего мира.

В чем же состоит природа тех свойств, которые вызывают у человека эстетическое наслаждение, иначе говоря, каковы же объективные критерии красоты? Некоторые ответы на эти вопросы (в сущности один вопрос) у старых и современных авторов удачны в том смысле, что они схватывают критерии некоторых частных форм и выражений красоты. Так, чувство красоты тела человека, некоторых животных и некоторых машин связано с подсознательным чувством объективной целесообразности их устройства. Стройная человеческая фигура, например, говорит нам о высокой способности ее к труду, борьбе, любви и деторождению, о ее жизнеспособ-

способности. Реактивный самолет, ракета, судно на подводных крыльях красивы, так как они своим внешним видом свидетельствуют о способности преодолевать пространство. Этот вид красоты, как и другие ее виды, вызывает предположение о том, что «подпочва» эстетического восприятия в какой-то мере подсознательна. Однако указанные корни красоты объясняют этот ее вид лишь отчасти. Здесь, видимо, есть и иные, как явные, так и скрытые, параметры, в том числе и такой, как половой! Ведь женскую красоту острее воспринимает все-таки мужчина. Недаром любовная эстетика — самая древняя и классическая форма эстетического восприятия.

К указанному виду красоты (назовем ее красотой целесообразности) можно отнести и прекрасные поступки, героические действия и т. п., вызывающие у нас не только моральный, но и эстетический отзвук в силу своей высокой социальной значимости. К нему же относятся «красота труда», «техническая эстетика», эстетика быта и пр. Как видим, красота целесообразности — очень влиятельный и широко распространенный вид красоты. Однако он не исчерпывает всех выражений красоты. (...)

Видимо, в окружающей нас действительности есть много различных видов и оснований красоты. В искусстве на них наслаиваются еще другие, специфические для воспроизведения (отражения) виды или основания красоты: красота типического, точности, выразительности, композиции, мастерства вообще. Но как же подойти к общему пониманию критерия красоты? Перед эстетической наукой, как и перед всякой наукой, стоит вопрос: почему? Почему это красиво? По нашему мнению, к ответу на этот вопрос надо идти от частного к общему. (...)

Остановимся теперь на субъективной стороне красоты, т. е. на эстетическом восприятии, переживании. Прежде всего это восприятие имеет чувственно-духовный характер. Духовное начало преобладает в нем и выражает его природу. Именно этим так называемые высшие чувства (социально-психологические, познавательные, этические и эстетические) отличаются от низших (удовольствия от еды, отдыха и т. п.).

Но чем же эстетическое чувство отличается от других высших чувств? Этот вопрос также еще не разработан эстетической наукой. Ясно, что оно отличается от других высших чувств не тем, что доставляет людям радость. Чувства коллективизма, братства, патриотизма, гуманизма и прочие также доставляют радость. Ведь говорят: «радость творчества» (наряду с «муками творчества»), «радость познания», «сладость добра». Значит, дело в характере, качестве этой радости. (...)

Но как можно с эстетической радостью сочетать чувства, прямо противоположные? Вспомним, с каким глубоким воо-

душевлением и волнением пели мы во время Великой Отечественной войны (...) (и теперь поем) великолепную песню композитора Александрова: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!..». Ведь чувства, вызываемые ею, были далеко не веселыми. Но эта песня снимала все личное, мелкое, сливала каждого со своим народом, вызывала чувство невозможности, невыносимости иноземного и фашистского господства и, следовательно, неизбежности победы. Вот в этом взлете души человека, в этом ее очищении, в сознании общей беды, народного страдания, слияния с народом и состоит эстетическая радость, даваемая этой песней. (...)

Таким образом, прекрасное есть, в своем существе, переживание жизни как таковой. Этим мы не просто повторяем глубокое положение Н. Г. Чернышевского: «прекрасное есть жизнь», но и показываем специфические особенности эстетического в отличие от других духовных ценностей. Человек испытывает радость не только от сознания ценности и важности своей деятельности (радость творчества и радость моральная), но и «просто» наслаждается видом жизни (красота объективная) и воспроизведением жизни (красота искусства). Говоря «жизнь», мы имеем в виду действительность вообще, а не только живую природу и человека. (...)

Мы не можем, далее, согласиться с широко распространенным среди наших эстетиков тезисом, что действительность имеет эстетическое значение лишь постольку, поскольку в ней отражается, выражается, «просвечивает» человек. (...)

Так обстоит дело с субъективной стороной прекрасного, с эстетическим переживанием.

Итак, красоты нет как при отсутствии объективного ее источника — эстетических свойств действительности, выступающих в роли индукторов (возбудителей эстетического восприятия), так и при отсутствии перцепиента (сознания, воспринимающего красоту). (...)

1. Проблемы коммунистической морали и социалистическое воспитание людей//Фронт науки и техники. 1936. № 9.
2. Абсолютная и относительная истина//Под знаменем марксизма. 1941. № 2.
3. Ленин о законе и закономерности//Учен. зап. Калнининск. гос. пед. ин-та. Т. X. 1946. Вып. 2.
4. Законы и правила мышления как отражение закономерностей объективного мира//Учен. зап. Калнининск. гос. пед. ин-та. Т. X. 1946. Вып. 2.
5. Беглые замечания по поводу большого вопроса//Советская педагогика. 1947. № 6.
6. Новая книга по диалектическому материализму//Вопросы философии. 1948. № 2/4.
7. Диалектический материализм о законе и закономерности. Калинин, 1951.
8. О законах объективного мира и законах науки//Вопросы философии. 1952. № 4.
9. Марксистская диалектика как теория познания и логика. Л., 1952.
10. Диалектический материализм о законе и закономерности//Вестн. Ленингр. ун-та. Серия обществ. наук. 1952. № 3.
11. Сознание и ощущение. Л., 1952.
12. О взаимоотношении объективных законов общественного развития//Вестн. Ленингр. ун-та. Серия обществ. наук. 1954. № 9.
13. Законы объективного мира, их познание и использование. Л., 1955.
14. О сознании и об общественном сознании//Вестн. Ленингр. ун-та. Серия обществ. наук. 1955. № 9.
15. О природе сознания. Л., 1956.
16. Соотношение категорий диалектического материализма//Вопросы философии. 1956. № 3.
17. Законы природы и общества. М., 1956.
18. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956.
19. О категориях предмета, свойства и отношения//Вестн. Ленингр. ун-та. Серия экономики, философии и права. 1956. Вып. 3. № 17.
20. О противоречиях и движущих силах (в соавторстве с В. П. Рожиным)//Вопросы философии. 1957. № 3.

21. О структуре и функциях марксистской философии//Вестн. Ленингр. ун-та. Серия экономики, философии и права. 1957. Вып. 3. № 17.
22. Об общественное бытие. Л., 1958.
23. Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958.
24. О категориях «общественное бытие» и «общественное сознание»//Вопросы философии. 1958. № 1.
25. О соотношении категорий исторического материализма//Философские науки. 1959. № 1.
26. К вопросу о категории общественного бытия//Вестн. Ленингр. ун-та. Серия экономики, философии и права. 1959. Вып. 1. № 5.
27. О диалектике перерастания социализма в коммунизм//Философские науки. 1959. № 2.
28. О ценностях жизни и культуры. Л., 1960.
29. Общество и личность//Коммунист. 1960. № 18.
30. О смысле жизни. Л., 1961.
31. Еще раз о передаче мыслей//Знание — сила. 1961. № 7.
32. Дискуссионные вопросы понятия материи//Некоторые вопросы диалектического материализма/Отв ред. В. П. Тугаринов. Л., 1962.
33. Коммунизм и личность//Вопросы философии. 1962. № 6.
34. Разработка философских проблем научного коммунизма в Программе КПСС//Философские науки. 1962. № 1.
35. О компонентах (категориях) закона единства и борьбы противоположностей в нашем обществе//Особенности действия законов диалектики в период перехода к коммунизму в СССР/Отв. ред. В. П. Тугаринов. Л., 1963.
36. Красота как ценность//Философские науки. 1963. № 4.
37. О моральных и эстетических ценностях//Сб. научной конференции кафедр общ. наук вузов Северо-Запада РСФСР. Секция философии/Отв. ред. А. Г. Здравомыслов. Л., 1963. Январь.
38. Материя и сознание; Что такое категории? Соотношение категорий и законов диалектического материализма; Общественное бытие и общественное сознание. Материальные и идеологические отношения//Марксистско-ленинская философия/Отв. ред. В. П. Рожин, В. П. Тугаринов, Б. А. Чагин. М., 1964.
39. О некоторых новых проблемах//Вестн. Ленингр. ун-та. Серия экономики, философии и права. 1964. Вып. 2. № 11.
40. Проблема ценностей в марксистской философии. Материалы к современным проблемам материалистической диалектики. М., 1965.
41. Основные вопросы марксистской теории ценностей. В программе симпозиума по ценностям. Тбилиси, 1965.
42. Личность и общество. М., 1965.
43. Некоторые гносеологические вопросы искусства//Философские науки. 1966. № 2.
44. Категории диалектики как объективные связи действительности //Категории диалектики как отражение закономерностей перехода к коммунизму/Отв. ред. В. П. Тугаринов. Л., 1966.
45. Марксистская философия и проблема ценностей//Проблема ценностей в философии/ Отв. ред. А. Г. Харчев. М.; Л. 1966.
46. Коммунизм и личность. Л., 1966.
47. Еще о машинном мышлении//Вестн. Ленингр. ун-та. Серия экономики, философии и права. 1966. Вып. 3. № 17.
48. Духовные ценности человека//Советская педагогика. 1966. № 1.
49. Ценности личные и общественные//Советская педагогика. 1967. № 4.
50. О методах общественных наук//Вопросы методологические общественных наук/Отв. ред. В. П. Рожин. Л., 1967. Вып. 1.
51. Соотношение социального и биологического в человеке (в соавторстве с Б. Д. Парыгиным)//Философские науки. 1967. № 6.

52. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.
53. Диалектика социального и биологического в человеке//Личность при социализме/Отв. ред. Ф. В. Константинов. М., 1968.
54. Социальная психология и перспективные проблемы сознания//Вопросы социальной психологии. Л., 1968. Январь.
55. Реальное и мнимое в проблеме ценностей//Философские науки. 1968. № 4. С. 185—187.—Рец. на кн: Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценностей и марксистско-ленинская философия. М., 1967.
56. Теория сознания в свете ленинских идей//Философские науки. 1970, № 4.
57. Философия сознания: современные вопросы. М., 1971.
58. Марксистская теория личности на настоящем этапе//Философские науки. 1971. № 4.
59. О предмете и структуре марксистской философии//Философские науки. 1972. № 5.
60. Природа, цивилизация, человек//Философские науки. 1974. № 6.
61. Объективные основы предвидения: Физиология и психология предвидения//Методологические проблемы социального прогнозирования/Отв. ред. А. П. Казаков. Л., 1975.
62. Предвидение и современность (в соавторстве с Т. М. Румянцева). Л., 1976.
63. Природа, цивилизация, человек//Научно-техническая революция, человек, его природная и социальная среда/Отв. ред. В. Г. Марашов, В. Д. Комаров. Л., 1977.
64. Природа, цивилизация, человек. Л., 1978.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Раздел первый	
ЗАКОНЫ И КАТЕГОРИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ	
I. Законы объективного мира, их познание и использование	11
Глава 1. Закон как объективная взаимосвязь явлений	—
в) Соотношение закономерности и закона	—
г) Признаки и понятие закона	18
II. О компонентах (категориях) закона единства и борьбы противоположностей в социалистическом обществе	57
III. Соотношение категорий диалектического материализма	71
Глава 1. Общие вопросы соотношения категорий	—
1) Соотношение категорий с законами и другими положениями марксистской философии	72
2) О взаимоотношении категорий	75
3) О субординации категорий	80
4) О системе категорий	85
Глава 2. Предмет, свойство, отношение	86
1) Предмет	91
2) Свойство	93
3) Отношение	97
Глава 3. Субстанциальные категории	100
Глава 4. Атрибутивные категории	112
Глава 5. Релятивные категории	124
IV. Соотношение категорий исторического материализма	158
Введение. Категории и их место в науке исторического материализма	—
Глава 1. Соотношение категорий диалектического и исторического материализма	161
Глава 2. Соотношение общенсторических и специфических законов и категорий общественной жизни	173
Глава 3. Проблемы структуры, субординации и системы категорий исторического материализма	186
Глава 4. Общественное бытие и общественное сознание	198
Глава 5. Материальные и идеологические отношения	212
Глава 6. Базис и надстройка	227
	343

Раздел второй

ТЕОРИЯ СОЗНАНИЯ, ЦЕННОСТЕЙ И ЛИЧНОСТИ

I. Теория сознания в свете ленинских идей	245
II. Теория ценностей в марксизме	256
Предисловие	—
Глава 1. Ценностные категории и их место в жизнедеятельности людей	259
Понятие ценностей и рядоположные понятия	—
Потребности, интересы и цели	264
Познание, оценка и практика	269
Многообразие и виды ценностей	275
Глава 2. Роль и место теории ценностей в марксистской философии	285
Постановка вопроса	—
Глава 3. Социальная и теоретическая база марксистско-ленинской теории ценностей	288
Перспективы дальнейшего развития марксистской теории ценностей	—
III. Некоторые гносеологические вопросы искусства	292
1. Вопрос о предмете искусства	—
2. О соотношении объективного и субъективного в искусстве	294
IV. Марксистская теория личности на современном этапе	300
V. Природа, цивилизация, человек	315
VI. О современном состоянии проблемы человека	326
VII. Красота как ценность	335
Список основных работ В. П. Тугаринова	340

Научное издание

Тугаринов Василий Петрович

ИЗБРАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ТРУДЫ

Редактор *Н. Л. Никитина*

Художественный редактор *О. В. Угнич*

Обложка художника *А. Ф. Рай*

Технический редактор *Г. М. Матвеев*

Корректоры *Н. В. Ермолаева, Г. А. Янковская*

ИБ № 2839

Сдано в набор 06.07.87. Подписано в печать 04.07.88. Формат 60×90^{1/16}.
 Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,5.
 Усл. кр.-отг. 21,75. Уч.-изд. л. 23,26. Тираж 2350 экз. Заказ 134. Цена 4 р. 60 к.
 Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова. 199034, Ленинград, Университетская
 наб., 7/9.

Сортавальская книжная типография Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 186750, Сортавала, ул. Карельская, 42.
